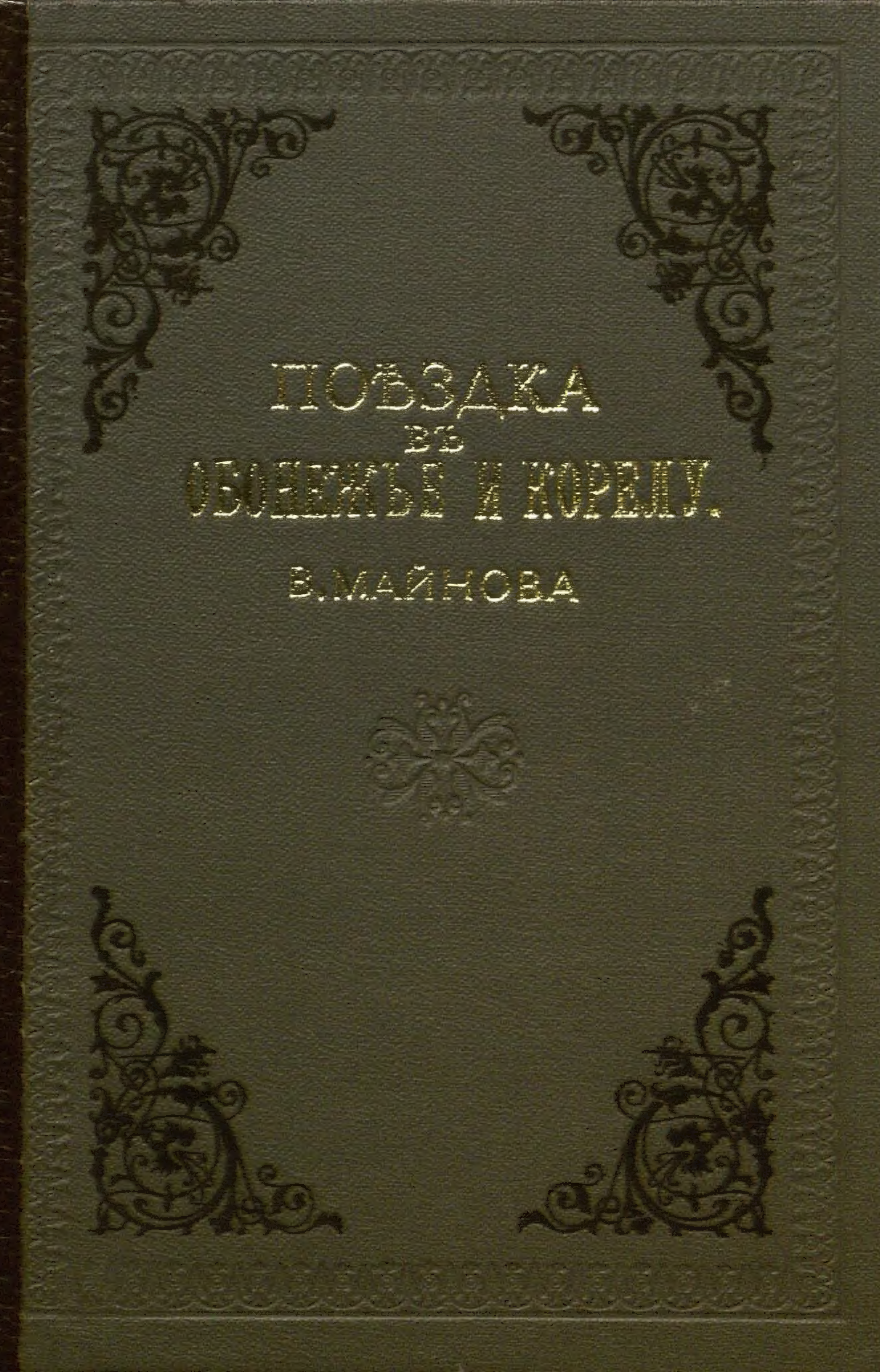

Поѣздка
въ
Обонежье и Корелу.
В. Майнова

NLRK
00296426

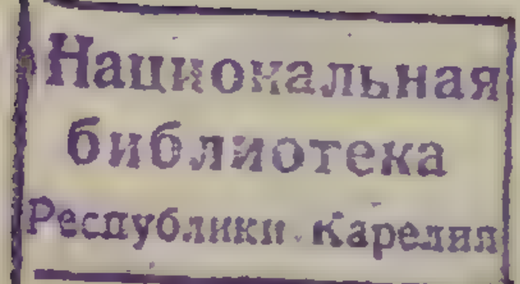
ПОѢЗДКА

ВЪ

ОБОНЕЖЬЕ И КОРЕЛУ.

В. Майнова.

ВТОРОЕ ИЗДАНІЕ РЕДАКЦІИ ЖУРНАЛА „ЗНАНІЕ" ЗНАЧИТ[illegible]
ДОПОЛНЕННОЕ А[illegible]



С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Тип. В. Демакова. Новый пер., № 7.

1877.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

4

ПОѢЗДКА ВЪ ОБОНЕЖЬЕ И КОРЕЛУ.

Да не возмущается духъ того, кто прочтетъ заглавіе этого очерка—все это вовсе не такъ далеко отъ Петербурга, какъ можетъ показаться съ перваго взгляда, а если взять еще въ соображеніе то обстоятельство, что «ѣзда на своихъ въ Мордасы» уже отживаетъ свой вѣкъ на Руси и тамъ, гдѣ тащились помѣщичьи рыдваны со скарбомъ и 12 дочерьми, тамъ существуютъ уже вагоны и пароходы,—то та невѣдомая страна, которую удалась мнѣ посѣтить, и вовсе приблизится всего на 2 — 3 дня пути отъ Петербурга. Страна—то, положимъ, дѣйствительно невѣдомая и притомъ на столько, что даже, когда обзовутъ ее офиціальнымъ ея именемъ, такъ и то воображенію представится лишь тундра, да какіе то заводы, которые очень цѣнилъ такой плохой оцѣнщикъ, каковъ былъ Петръ. Обонежье, Корела—все это ничто иное, какъ сѣверный и сѣверо-восточный край Олонецкой губерніи. «Безпредѣльные лѣса и болота оной», «негостепріимная сѣверная природа сего края»,—вспоминаются всякому слова Ободовскихъ и иныхъ, которые хотятъ описывать мѣстность, сидя въ своемъ кабинетѣ; а тутъ еще лоботрясная литература пускаетъ въ ходъ шу-

точки, въ родѣ желѣзной дороги черезъ болотину, имѣющую везти оттуда одну палтусину, а туда лишь «вьюношей съ весьма любопытными провожатыми». Всѣ глумятся или пишутъ фразы и бредни, никто ничего не знаетъ, а потому и понятно, что собравъ, въ одно цѣлое все, что я видѣлъ и слышалъ на мѣстѣ въ этомъ самимъ Богомъ покинутомъ краѣ, я главною цѣлью имѣлъ хотя отчасти познакомить желающихъ съ невѣдомыми странами, находящимися въ 2—3 суткахъ пути отъ Петербурга, съ тѣмъ, какъ живутъ тамъ люди и какъ они могли бы жить, если бы Петры родились на Руси почаще, да, вмѣсто русской инертности славилась русская энергія, предпріимчивость и разумность. Незнаніе этого края до того сильно, что даже и этотъ бѣглый очеркъ можетъ принести нѣкоторую пользу. Даже и названіе то наше извѣстно лишь въ администраціи, народъ же игнорируетъ это ни на чемъ подходящемъ не основанное прозвище и называетъ край посвоему. Фактъ этотъ можно прослѣдить вездѣ по Россіи — это мѣропріятія и жизнь, которыя сойтись могутъ лишь при полномъ обусловленіи первыхъ послѣднею. Спросите крестьянина восточной части Бирюченскаго уѣзда: какого онъ уѣзда? «изъ Шереметивщіны», отвѣтитъ онъ, а о Бирюченскомъ уѣздѣ онъ развѣ только слыхивалъ, но представить себѣ этой фикціи не можетъ; всѣ эти: Порѣчья, Полѣсья, Залѣси — все это продукты жизни народной, дѣйствительности, а Охтенскіе участки, юговосточные углы Могилевской губерніи—это административныя фикціи, которыхъ народъ не знаетъ, которыя навязаны ему изъ кабинетовъ нашихъ администраторовъ. Также точно и весь сѣверный и сѣверовосточный уголъ Повѣнецкаго уѣзда Олонецкой губерніи слыветъ въ народѣ за Корелу и Обонежье, на что конечно народъ имѣетъ основанія вѣскія, тогда какъ назы-

вать этотъ край по его административному центру по крайней мѣрѣ странно, такъ какъ пресловутый центръ этотъ насчитываетъ 40—50 домовъ, 2 церкви, да душъ 600 жителей.

Говорятъ, одно весьма высокопоставленное лицо на предложеніе побывать въ Петрозаводскѣ ужаснулось при одной мысли о поѣздкѣ въ эту болотную трущобу, куда даже, по его мнѣнію, и пробраться то невозможно и крайне удивилось, когда ему разъяснили, что можно сѣсть на пароходъ у Литейнаго моста и чрезъ двое сутокъ быть у Петрозаводской пристани. Подобное мнѣніе о путешествіи въ Олонецкую губернію довольно распространено и поистинѣ мало кто знаетъ, что путешествіе это не только удобно, но и можетъ доставить много наслажденія. Если бы перенести Неву, Ладогу, Свирь и Онего куда-нибудь заграницу, то конечно берега украсились бы дачами, замками, деревнями и селеніями и сотни пароходовъ сновали бы взадъ и впередъ переполненные публикою, отправляющейся въ lust-voyage. Но у насъ вѣдь Россія, а публика наша—русская публика и отсюда лѣнь, отсутствіе охоты къ передвиженію, сонливость, апатія, недостаточность желанія къ воспріятію новыхъ впечатлѣній, косность, отмѣченныя еще старикомъ Кошихинымъ. Русскій человѣкъ — врагъ путешествій, онъ можетъ лишь ѣздить изъ Мордасъ куда бы то ни было и обратно и притомъ всенепремѣнно съ чады и домочадцы, съ кузовками, пирогами, подушками. А между тѣмъ сколько поистинѣ дивныхъ мѣстъ, сколько интереснаго, непочатаго, дикаго и величественнаго находится подъ бокомъ хоть бы у Петербуржца; но прадѣдовскія поѣздки въ Токсово и отнюдь не далѣе Сарковъ — вотъ все, чѣмъ Петербуржецъ разнообразитъ свою гнилую жизнь среди вовсе не прекрас-

ной болотины. Для тѣхъ, кто не ужасается при словѣ путешествіе и ищетъ новыхъ впечатлѣній, мы могли бы рекомендовать двѣ поѣздки, которыя и удобны, и не дороги и прекрасны: пароходомъ до Петрозаводска, а оттуда въ тарантасѣ по прекрасному природному шоссе на Кивачъ и Поръ-Порогъ—это одна, а другая изъ Петрозаводска пароходомъ же въ Повѣнецъ, все время причаливая къ красивѣйшему сѣверному берегу Онеги въ Кижѣ, Сѣнной Губѣ, Усть-Яндомѣ, Палеостровѣ и Шунгѣ, а изъ Повѣнца въ экипажѣ на Масельгу Корельскую и на берега Сегозера въ столицу Кореліи Паданы. И дешево, и сердито, и поучительно, а ужъ поучительно до крайности, такъ какъ тутъ кстати можно увидать, что можетъ сдѣлать изъ болотины и дикой гранитной скалы человѣкъ энергичный и трудолюбивый, начиная съ Великаго Петра и кончая тѣмъ Фадькой, который теперь разработываетъ свои несчастныя пожни; а кстати, среди умиленія и восхищенія природою, любитель можетъ попробовать Корельскаго хлѣба изъ сосновой коры съ невѣйкою, хлѣба малахитоваго цвѣта, которымъ питаются рабочіе у разныхъ благодѣтельныхъ эксплуатаротовъ почвенныхъ и иныхъ богатствъ, которые являются Шивами для Олонецкихъ лѣсовъ и благодѣтелями въ родѣ тифа и чумы для народа, и наконецъ попробовать того рѣпнаго кваску, который безвредно пить можетъ только такое суконное бердо, вмѣсто горла, и переваривать такой жерновъ, вмѣсто желудка, какими заботливая природа надѣлила русскаго мужика.

II.

Разсчитывая заѣхать въ Шлиссельбургъ на могилу скопческаго-же предтечи Александра Ивановича Шилова, я отправился изъ Петербурга на маленькомъ пароходѣ, устройство

котораго, грязь и мочившій насъ всю дорогу дождь весьма много отнимали прелести у «красавицы Невы». Въ каютѣ разговоры о цѣнахъ на дрова, а также и о томъ, какъ слѣдуетъ учить дураковъ въ средѣ лѣсопромышленниковъ, частое посѣщеніе буфета мужчинами и сонливость дамъ, которыя у насъ на Руси вѣчно ухитряются проспать или вѣрнѣе проковыряться носомъ въ колѣни чуть не всю дорогу, все это заставляло невольно покидать каюту и предпочесть дождь. Нева—дѣйствительно красавица; берега живописны, въ особенности, начиная съ Рыбацкой; по правому берегу проходитъ бечевникъ, на рѣкѣ значительное количество барокъ, пароходовъ, плотовъ; пассажиры-лѣсопромышленники считаютъ долгомъ всенепремѣнно справиться у мимо идущихъ на плотахъ и баркахъ сплавщиковъ, чья барка? и услыхавъ фамилію, тотчасъ же въ поученіе остальнымъ профанамъ-пассажирамъ, прибавляютъ: «съ Свири значится», или «съ Сяси» и т. п. Вотъ замѣчательные по мѣстоположенію Островки, вотъ Невскіе пороги, которыхъ дамы пугаются и потому спѣшать уйти отъ грѣха въ каюту.

Большая часть судовъ (унжаки, тихвинки, сомины, соймы) буксируются пароходами, хотя нѣкоторая часть ихъ предпочитаетъ идти лошадьми; разъ только привелось увидать настоящихъ бурлаковъ (мологжанъ), которые на свой несокрушимой спинѣ тащатъ съ Мологи хозяйскія сомины. Замѣтно однако, что бурлачество на Невѣ отживаетъ свой вѣкъ и скоро мологская мужицкая спина не безъ пользы будетъ замѣнена болѣе быстрымъ и сильнымъ двигателемъ. На волоковыхъ лошаденкахъ сидятъ бабы или дѣвки, рѣдко мальчуганы; отцы, мужья и братья на суднѣ изворачиваются среди луды (подводные небольшіе камни). Далѣе за Шлиссельбургомъ никогда не встрѣчается мужчина на волоковой лошади—это чисто уже бабье дѣло; на Свири и на

7

при-онежскихъ рѣкахъ бабы преимущественно рыбачатъ и перевозничаютъ; на Вознесенской пристани у парохода нѣтъ ни одной лодки съ гребцомъ—все гребчихи, крѣпкія, здоровыя, ручные мускулы которыхъ поспорятъ съ мускулами нашихъ невскихъ перевозчиковъ. Отъ Шлиссельбурга по каналамъ, по Волхову и по Сяси существуетъ даже насмѣшливое названіе «сарафанная почта»; почта эта состоитъ изъ небольшой крытой лодки (телятникъ), прикрѣпленной веревками къ тощей лошаденкѣ, а на послѣдней бокомъ, опираясь ногами на оглоблю, сидитъ возница—баба. Плата бурлаку и бурлачихѣ неказиста, но и ея бы было довольно, если бы бурлакъ не представлялъ краснаго звѣря для всѣхъ прибрежныхъ жителей, а бурлачиха не имѣла бы мужа, который не умѣетъ различать ея денегъ отъ своихъ собственныхъ. Бурлаку цѣна отъ 4 р. 20 к. до 5 рублей и даже до 6 р. (водовой—тотъ кто ведетъ барку, нѣчто въ родѣ десятскаго надъ остальными бурлаками; онъ знаетъ путину какъ свои пять пальцевъ, а своего брата бурлака знаетъ еще лучше; онъ ренегатъ, а потому и хуже для бурлака, нежели самъ хозяинъ). Коштованье у бурлаковъ или, что все равно, судовщиковъ, по большей части общее, артельное; разсчетъ бываетъ по доставкѣ на мѣсто, съ допущеніемъ заборовъ и даже переборовъ, которые въ особенности выгодны хозяину, и вотъ почему: есть переборъ—значитъ и на будущій годъ закабалена спина бурлацкая; русская натура такова, что рѣдко лишь отлыниваетъ отъ уплаты долга работой. Баба, дѣвка получаютъ отъ 2 р. 20 к. до 3 р. въ недѣлю, но на бѣду съ ними вмѣстѣ путину по большей части совершаютъ ихъ тятеньки, муженьки и братцы, а такъ какъ, какъ я уже сказалъ, сіи послѣдніе разности имуществъ не признаютъ, то и выходитъ на повѣрку, что дамы работаютъ въ пустую, а кавалеры крайне

безцеремонно разсыпаютъ дамскую трудовую копѣйку по безчисленному множеству кабаковъ, которые, какъ тенета разставлены охочими до бурлацкой выручки людьми бурлаку на погибель, а себѣ на пользу. Интереснѣе всего то обстоятельство, что количество кабаковъ прямо пропорціонально количеству затрудненій при плаваніи рѣкою; такъ напр. на Невѣ ихъ меньше—и кабаковъ меньше, на Свири ихъ больше — и кабаковъ видимо-невидимо. Сначала меня изумилъ этотъ фактъ, но какой то словоохотливый купчикъ разъяснилъ мнѣ, въ чемъ тутъ дѣло и затѣмъ, при каждомъ порогѣ я первымъ дѣломъ искалъ глазами кабака, который и находилъ не въ далекѣ, тутъ же у берега. Дѣло объясняется весьма просто: подошло судно къ порогу—надо остановиться, чтобы или приготовиться къ спуску самимъ или приговорить мѣстнаго лоцмана (это случается рѣдко, большею частью на суднѣ лоцмануетъ водовой, который не хуже мѣстныхъ жителей знаетъ всякую луду)—отсюда задержка, гулевое время, а слѣдовательно и позывъ на выпивку; судно счастливо спустилось черезъ порогъ, опасность миновала—ну какъ же тутъ удержаться отъ легонькой выпивки, когда «въ горлѣ то уже свербитъ съ давишней, которая одна то заскучала». Такимъ то образомъ спускаетъ бурлакъ или судовщикъ хозяйское судно, пообтираетъ свою спину и раскидываетъ свой заработокъ по берегамъ сплавной рѣки, по тѣмъ мѣстамъ, гдѣ скаредный мѣщанскій умишко, обладающій однако полнымъ знаніемъ его бурлацкой натуры, разставилъ сѣти на гроши его. Нерѣдко по кабакамъ бурлаки пользуются кредитомъ — это то и есть самая главная пагуба бурлацкая. Поразсчелся въ конецъ судовщикъ съ хозяиномъ и понесъ, положимъ, домой чутокъ деньженокъ, которыя достались ему за вычетомъ заборовъ, да прогуловъ,—а тутъ-тамъ уплатить надо; въ дру-

8

гомъ мѣстѣ опять должокъ есть; уплатилъ долгъ и радъ бы уйти отъ добраго цѣловальника, да тотъ что то ужъ не въ мѣру разщедрился—отъ себя косушку ставитъ; выпили—ну какъ тутъ не отвѣтить такою же! отвѣтилъ; забрусило въ головѣ—и къ уплаченному долговому четвертаку приплачивается уже чистоганомъ полтинникъ, а то и больше; а тутъ глядишь и еще горе: жена на бечевѣ избаловалась, тоже иногда выпивать стала, дѣвка, что по осень надо бы за мужъ отдавать, загуляла не то съ бурлакомъ же, не то съ прикащикомъ... Бечевникъ и путина сдѣлали свое дѣло: судовщикъ безъ денегъ, дома голодно, семья запропала! Спѣшу впрочемъ оговориться: иногда и бурлакъ, и жена его, и мальчикъ и дѣвка приходятъ домой неприкосновенными по части нравственности и съ выручкой, да только такихъ что то не часто видишь—видно ужъ тѣ остаются навсегда сидѣть дома, такъ какъ имъ удалось выполнить то, что почти невозможно, а именно и невинность соблюсти и пріобрѣсть капиталы. По большей же части судовщикъ и на будущій годъ идетъ въ кабалу къ хозяину изъ за лѣтошняго перебора, да зимней уплаты за него податей, и шляется онъ такимъ образомъ аккуратно нѣсколько путинъ сряду, пока не хватитъ его въ Питерѣ холера или тифъ, или же не сорвется онъ на Калашниковой пристави съ переходныхъ мостковъ и смертію своею не доставитъ обличителямъ случай обличить судохозяевъ въ скупости на постройку болѣе широкихъ сходней.

III.

Въ 15-ти верстахъ отъ Шлиссельбурга находятся Пески, которые снабжаютъ Петербургъ пескомъ; у берега чуть не постоянно въ продолженіе цѣлаго лѣта грузится отъ 30—40

барокъ (песчанки); работа кипитъ, слышна ругань, безъ которой русскій человѣкъ ничего не дѣлаетъ, да и сдѣлать не можетъ. На правомъ берегу на сѣренькомъ фонѣ неба выдѣляются знаменитыя «Красныя Сосны»—просто на просто оголенныя 4 сосны съ плохенькимъ памятничкомъ подъ ними. Какъ ни жалко на видъ это мѣсто, однако оно играетъ не малую роль въ исторіи нашей родины и запущенность Красныхъ Сосенъ доказываетъ только, насколько неблагодарно потомство къ тому, кто выдвинулъ впередъ Россію; здѣсь Петръ Великій провелъ послѣднюю ночь передъ тѣмъ, какъ онъ совершилъ завоеваніе Ніеншанца, небольшаго землянаго городка съ посадомъ въ 400 домовъ при впаденіи въ Неву рѣчки Охты. Здѣсь проведена была, такъ сказать, послѣдняя ночь старою Россіей и слѣдующій день долженъ былъ разсѣять мракъ, царившій надъ землею русскою. Если Петру не удалось окончательно изгнать мракобѣсіе — это не его вина. Поистинѣ удивительна неспособность русскаго человѣка къ чичеронствованію. Будь Красныя Сосны гдѣ-нибудь за-границею — сейчасъ явилась бы тутъ же гостиница «Belle Vue», какой-нибудь ветеранъ показывалъ бы памятникъ, окрестные жители стали бы продавать... ну хотя бы шишки съ этихъ сосенъ на память туристамъ, — а тутъ никто даже и не вѣдаетъ, про что напоминаетъ этотъ жалкенькій памятникъ. Вѣдь хотѣли же срыть домъ, въ которомъ пребывалъ Кутузовъ, вѣдь обращенъ же чутьли не единственный памятникъ Петровыхъ дѣяній на Воронежѣ «чаусъ» (цейхгаусъ) въ мойку для шерсти купца капиталиста!

«Говорятъ Петръ I на этомъ самомъ мѣстѣ ихнюю крѣпость взяли», пояснялъ мнѣ какой то лѣсопромышленникъ и на вопросъ мой: чью именно? отвѣчалъ безъ запинки: «татарскую». А одинъ такъ еще безцеремоннѣе сочинялъ

окружавшимъ его крестьянамъ, что тутъ Петръ Великій свою собаку любимую заставилъ поповъ похоронить,—«вотъ что чучело то въ Армитажѣ поставлена». Конечно можно самодовольно ублажать себя тѣмъ, что въ русскомъ человѣкѣ замѣчается полное отсутствіе чичеронскаго попрошайничества, что онъ не стрѣляетъ передъ путникомъ и не проситъ на чай за то, что далъ ему возможность слышать раскаты выстрѣла, повторенные горнымъ эхо, но полное отсутствіе знанія достопримѣчательностей края рѣшительно возмущаетъ. Во Владимірѣ мнѣ не могли указать «Золотыя ворота», въ Новгородѣ никто не знаетъ, гдѣ находится домъ Мареы Посадницы, въ Софійскомъ соборѣ мнѣ весьма добродушно показывали на одинъ небольшой колоколъ и увѣряли, что это и есть вѣчевой; наконецъ въ Валуйкахъ, когда я пришелъ въ домъ, гдѣ останавливался Петръ, нынѣшняя его обитательница чуть не выгнала меня отгуда и все повторяла: «какой тамъ Петръ Великій! тутъ и отецъ мой жилъ, и дѣдъ—все одни Покровскіе, а Петровъ тутъ не было никогда и шляться нечего».

IV.

Подъѣзжая къ Шлиссельбургу, передъ самымъ носомъ парохода открывается небольшая гора, на лѣвомъ берегу рѣки. На горѣ стоитъ церковь и какой то каменный домъ—это и есть почитаемая всѣми скопцами могила Шилова, пособника и вѣрнаго приспѣшника основателя секты Кондратія Селиванова—Оспода Исуса Христа Оскопителя. Нанявъ лодку, я тотчасъ же снесъ вещи въ какое то подобіе гостиницы и отправился назадъ на Преображенскую гору. Мѣсто для погребенія Шилова выбрано, по-истинѣ, крайне

удачно: внизу Нева омываетъ подошву горы; отъ Невы идетъ крутой подъемъ, затѣмъ на горѣ лѣсокъ и тутъ расположена церковь Преображенія съ кладбищемъ и богадѣльней. И церковь и богадѣльня выстроены однимъ значительнымъ шлиссельбургскимъ купцомъ. Долго бродилъ я среди могилъ, спрашивалъ прохожихъ и наконецъ совершенно случайно наткнулся на искомое. Шагахъ въ 300 или 400 отъ церкви, по направленію къ городу, на самой маковкѣ песчаной Преображенской горы бросается всякому въ глаза когда-то бывшій роскошнымъ памятникъ. Сдѣланъ онъ изъ гранита; на четырехъ широкихъ гранитныхъ ступеняхъ помѣщается гранитный же саркофагъ; кругомъ развалившаяся деревянная рѣшетка, развалившіяся ступени; земля подъ развалившимися ступенями провалилась, видно отверстіе, идущее въ глубь могилы — это то и есть пресловутая дыра, куда, по словамъ всѣхъ Ливановыхъ, Мельниковыхъ и К°, скопцы опускаютъ свои бублики, которыми потомъ и пріобщаются, какъ освященными. На боковой сторонѣ саркофага высѣчена надпись, гласящая такъ: «Во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Аминь! подъ симъ памятникомъ погребено тѣло раба Божія Александра Ивановича Шилова», и ниже: «Предаде духъ свой въ руцѣ Божіи въ 1799 году, Января 6 дня, по полуночи въ 2 часа, житія его было 87 лѣтъ, уроженецъ Тульской губерніи, села Маслова». Судьба этого человѣка крайне интересна. Долго сидѣлъ онъ въ Шлиссельбургской крѣпости и не дождался царской милости, истекавшей изъ дѣйствительно гуманнаго и христіанскаго отношенія Императора Александра I къ расколу или изъ другихъ причинъ, еще не достаточно опредѣленныхъ; 18-го марта 1801 года вышелъ указъ объ освобожденіи шлиссельбургскихъ скопцовъ-заключенниковъ, а въ въ 1799 году, въ ночь съ 5 на 6 января, Шиловъ умеръ.

Какимъ то образомъ случилось такъ, что комендантъ затруднился, гдѣ похоронить умершаго арестанта и послалъ спросить объ этомъ въ Петербургъ. Шиловъ, преслѣдовавшійся при жизни, и по смерти потерпѣлъ то, чему не подвергается ни одинъ заключенникъ; цѣлыхъ 12 дней тѣло его оставалось безъ погребенія, пока не получено было наконецъ изъ Петербурга разрѣшеніе, выраженное въ предписаніи на имя генералъ-прокурора Беклешова отъ 18-го января, похоронить Шилова внѣ крѣпости. Есть преданіе, что комендантъ усомнился потому, что и самъ былъ не далекъ отъ перехода въ ученики Шилова, такъ какъ послѣдній съумѣлъ подѣйствовать на него отчасти прозорливостью, а больше всего необыкновеннымъ смиреніемъ, добродушіемъ и религіозностью. Тихо, скромно происходили похороны и тѣло предали землѣ у подошвы Преображенской горы, гдѣ и теперь еще можно видѣть углубленіе, которое осталось отъ бывшей здѣсь могилы. Прошло три года—времена перемѣнились. Императоръ Александръ, проникнутый христіанскою терпимостью, не на словахъ, а на дѣлѣ, сталъ выказывать свое человѣчное отношеніе къ дѣлу вѣры и свободы убѣжденій; скопцы вздохнули свободнѣе и стали хлопотать между прочимъ «о перенесеніи» тѣла Шилова куда-нибудь въ болѣе удобное мѣсто. Прежнюю могилу его у подошвы Преображенской горы въ половодье заливало водой и имъ удалось выхлопотать у правительства разрѣшеніе перенести гробъ Шилова на вершину горы. Перенесеніе происходило уже съ помпой; тѣло при вскрытіи гроба оказалось не испортившимся и по увѣренію скопцовъ: «батюшка лежалъ, словно только-что положенъ, только ноготокъ на ногѣ почернѣлъ». Но снова невзгода посѣтила скопцовъ и теперь памятникъ Шилова, сооруженный всего въ 1829 году, уже разваливается и пришелъ въ совершенный упадокъ.

Поразговорился я съ однимъ встрѣчнымъ прохожимъ, который оказался старожиломъ; поразсказалъ онъ мнѣ о «чудесной могилкѣ» и о «Божьемъ человѣкѣ» много интереснаго и къ довершенію всего оказался истымъ православнымъ. «Вотъ», говорю, «дырочка то эта зачѣмъ же?» — «А это», отвѣчаетъ, «народъ продѣлалъ; много разъ зарывали и закладали дирочку отъ начальства, да все раскапываютъ». — «Кто же?» — «Да народъ-отъ здѣшній!» — «Зачѣмъ?» спрашиваю. — «Опущаютъ туда хлѣбъ и иную пищу какую-отъ болѣзней помогаетъ; угодилъ Осподу Богу этотъ блаженный!» — Вотъ вамъ отношеніе русскаго человѣка къ дѣлу: апатія ли это только или дѣйствительное добродушіе? — пусть разбираетъ, кто хочетъ. Слова этого старика напомнили мнѣ казусъ, который мнѣ привелось видѣть въ Тамбовской губерніи: по одной изъ большихъ дорогъ губерніи часто проходятъ обозы съ извощиками изъ татаръ; разъ какъ то я былъ очень удивленъ, увидавши, какъ хозяинъ постоялаго двора сталъ на вечерней зарѣ совершать по всей формѣ омовеніе. «Это что?» спрашиваю. — «И чистота, и лѣпота», отвѣчаетъ, «да и для души, говорятъ, пользительно». Ну, а это что же такое? тупоуміе, обезьянство или же неопредѣленное исканіе чего то, въ чемъ не даютъ себѣ отчета? Скорѣе послѣднее, но ужъ никакъ не первое. А то, такъ одна старушка въ Тамбовской же губерніи выискалась, которая прошла въ Іерусалимъ сухимъ путемъ и пресеріозно увѣряла, что такое путешествіе гораздо дешевле стоитъ, и притомъ несравненно удобнѣе. «Да какъ же ты, мать, шла?» — «А черезъ Капказъ, по турецкой земли вплоть до Бирутьева; монахъ одинъ ихній со мною встрѣлси, очинно святой человѣкъ, такъ даже весь пляшетъ, когда Богу-то молиться учнетъ (дервишъ); всеё дорогу со мною ишелъ, матушка называлъ — онъ же мнѣ на

прощаньи передъ Бирутьевымъ и образочекъ Егорія Побѣдоносца подарилъ—вонъ у иконъ-то постановленъ». — «А турки то?» говорю. — «Да что же турки? они народъ добрый: и кормили, и поили, и пары давали». Гляжу — пресловутый образочекъ Георгія Побѣдоносца, какъ называла дервишевъ подарокъ старуха, — а это персидскаго издѣлія жетончикъ съ изображеніемъ боя Рустема съ дракономъ. Впрочемъ, что же! съѣздила же вѣдь одна калужская баба на телѣгѣ въ Баръ поклониться по обѣту Николѣ и осталась крайне довольна и Италіей и пріемомъ итальянцевъ.

V.

На обратномъ пути къ пароходной пристани я разговорился съ лодочникомъ, какъ оказалось рыбакомъ: жалобы, жалобы и жалобы. Рыбки стало не въ примѣръ меньше; только сиги попадаются, а стерлядки такъ рѣдко, что и на поди! Палья тоже нынче въ глубь ушла, въ озеро, а по Невѣ рѣдко попадается; лососю, что Христовой заутренѣ радуешься. Цѣны на рыбу стоять высокія, да улову мало. Кто прежде на три невода бралъ, нынче и съ однимъ маятся. Кабы рыбка не ушла, жить бы по цѣнамъ можно, стерлядь отъ 75 к. и до 1 р. доходить за фунтъ при 10-ти фунтовомъ вѣсѣ рыбины; сижки до 1 р. на мѣстѣ продаются фунтовъ 4—5; на лосоську спросъ великъ, да руки коротки. Хуже жить стало; пароходовъ развелось много—отбили работу у прибрежныхъ жителей, жившихъ бурлачествомъ, всю рыбу угнали изъ этихъ мѣстъ. — «Ну, а сачите рыбу?» спрашиваю, и мнѣ съ усмѣшечкой отвѣчаютъ: какъ не сачить, сачимъ». Сами понимаютъ къ чему клонитъ мой вопросъ, сами надъ собой же посмѣиваются, а отъ

сачецья не отстають—такъ дескать, дѣды жили и внукамъ наказали. «Отчего», говорю, «другимъ чѣмъ не займетесь?—молчатъ, будто не слышатъ о чемъ я ихъ спрашиваю. Хвастается Русь матушка своими рѣками и озерами, многоводными и испоконъ вѣка питается сама и кормится вокругъ рыбы, рыбины и рыбешки; рѣдко впрочемъ удается русскому человѣку поѣсть первыхъ двухъ сортовъ—онъ охотнѣе сбываетъ ихъ за деньги на барскую потребу, какъ дѣлаетъ со всѣми плодами земными и водными, которые будто бы не по его брюху слажены; нашъ степнячекъ сѣетъ пшеницы вдосталь на всю безхлѣбную Русь, да и на иныхъ народовъ, а самъ все таки ѣстъ хлѣбъ чернѣе голенища; бычка, курочку, яичко—все сбываетъ либо самъ мужикъ, либо его супруга шебаямъ, кулакамъ, булыниямъ, походнямъ и инымъ людямъ, зарящимся на его гомонокъ, а самъ ѣстъ такую дрянь, какую переваривать можетъ только его жерновообразный желудокъ. Такъ и здѣсь: хоть и «меньше рыбки стало», а все еще ее видимо-невидимо, но народъ, сидящій на Невѣ и на Озерѣ, что наловитъ получше, то продастъ, а самъ беретъ себѣ мелочь, какая въ невода попадется, не чиститъ ее и ѣстъ потому, что никто за нее и копѣйки не дастъ. Однако рыбешка не глупа и въ неводъ не полѣзетъ, да если и случится съ нею такая проруха, то не бѣда—выскользнетъ, увернется; вотъ и ухитрилось голодное брюхо надумать и на рыбешку такую сѣтку, чтобы ей выскользнуть нельзя было; на эту то потребу и построилъ онъ сачекъ, состоящій изъ мелкихъ ячеекъ — пагубу рыбешки и всякой молодой рыбы; что ни спустятъ сачекъ въ воду—полонъ рыбешки наберется — ѣшь не хочу! тутъ и сижекъ, и стерлядка, и судачекъ, и лососька, да все молодикъ—будущая аршинная рыба. Запрещали, увѣщали, заушали, но сачкомъ все таки ловятъ и будутъ ловить до той

12

поры, пока нечего будетъ ловить, пока горькимъ опытомъ не дойдутъ до того, что придется подумать объ искусственномъ распложеніи рыбы.

VI.

Самъ по себѣ Шлиссельбургъ свой вѣкъ отжилъ и ровно никакого значенія не имѣетъ, развѣ лишь какъ резервъ для Петропавловской крѣпости. Какъ транзитный пунктъ онъ также особеннаго значенія не имѣетъ и притомъ потому именно, что находится всего въ 62 верстахъ отъ Петербурга. Тѣмъ не менѣе городъ или, вѣрнѣе, самая набережная оживлена; толкутся, ругаются; пароходчики условливаются съ судохозяевами, а потому набережная есть царство могарычей, а слѣдовательно и, обязательно выстроенныхъ для означенной цѣли, кабаковъ и трактирчиковъ, сильно смахивающихъ на простыя «заведенія». Жизнь выработала здѣсь особую профессію, особый разрядъ людей — сводчиковъ. День деньской бродитъ сводчикъ по набережной, заѣзжаетъ часто и на самое устье, чтобы справиться, кто хозяинъ идущей барки и между разговорами разузнать, не понадобится ли буксиръ. По большей части сводчики — бывшіе засѣдатели и то чиновничество, что встрѣчалось, бывало, лишь въ уѣздныхъ городахъ; всѣ судохозяева имъ знакомы; хозяинъ для нихъ—Илья Ивановичъ, Федоръ Петровичъ; для хозяина они—Фаддѣичъ, Мосѣичъ, а то такъ и запросто «чортъ корявый, строка» и т. п. Съ бурлаками-судорабочими сводчики друзья—пріятели, пьютъ, гуляютъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и «подъяфериваютъ дѣльце». За все, про все — косушка, гривенникъ, а подъ добрую руку, да въ счастливый часъ и двугривенный и съ судохозяина и съ пароходчика. Интере-

сенъ тотъ фактъ, что нашъ россійскій «производитель» никогда, ничего и никому не продастъ изъ первыхъ рукъ, безъ помощи третьяго лица, сводчика; вѣчно боится онъ проторговаться и потому вѣчно попадается въ лапы голоднаго, изворотливаго и съ нищеты мошенничествующаго барышника. Намъ случилось разъ въ Воронежской губерніи, въ огромномъ торговомъ селѣ Уразовѣ наблюдать за пшеничною торговлею; ѣдетъ мужикъ въ село съ 2—3 мѣшками пшеницы, а на пригоркѣ уже ждутъ этого желаннаго гостя человѣкъ 5—6 барышниковъ, которыхъ погоня за грошовою наживою выгнала на встрѣчу производителю за 4 версты отъ Уразова; начинаются увѣщанія или, какъ говорятъ, «улещанія», зазыванія, ублаганія, иногда тычки, пинки, на которые «производитель» нашъ такъ не обидчивъ, иногда въ загривокъ и въ шапку накладутъ «производителю» и въ концѣ концевъ завоюетъ «производителя» наиболѣе ловкій барышникъ и гдѣ волокомъ, а гдѣ по грѣшности и подзатыльникомъ загонитъ его къ своему «давальцу» на дворъ; у всякаго купца-ссыпщика есть 2—3 подручныхъ барышника, которые и кормятся вокругъ своихъ давальцевъ. Глядь — копѣйкою, а то и двумя получилъ «производитель» меньше базарной цѣны, такъ какъ этотъ его недочетъ пошелъ за труды барышнику. «Да вы бы, говорю, прямо къ купцу во дворъ ѣхали»... «Та вінъ не пріймае!» И дѣйствительно купецъ отъ нихъ товара не приметъ, а если и приметъ, то затѣснитъ, обмѣряетъ, надуетъ—поневолѣ изъ подъ барышника торговать покажется болѣе выгоднымъ. А то еще есть и такіе, что на мой вопросъ, отчего они не продаютъ сами хлѣба, отвѣчали: «не смiймо—бо вінъ купецъ богатій, а ми чоловікі». И въ Уразовѣ, и въ Шлиссельбургѣ—та же исторія; всюду русскій человѣкъ считаетъ себя только «человѣкомъ», жмется, не рѣшается, «не смѣетъ» и потому

вѣчно находится въ загребущихъ лапахъ тѣхъ, кто не гнушается отъ его крохъ поживиться.

VII.

На большомъ пароходѣ вышли мы въ Ладогу; озеро, какъ нарочно, было весьма милостиво и потому качало не такъ, какъ оно имѣетъ обыкновеніе. Ладога — озеро такое, куда цивилизація проникла; промѣры сдѣланы, построены коегдѣ маяки (хоть и немного, но все лучше, чѣмъ ни одного), такъ что по немъ ходить можно безъ опаски; правда, озеро это иногда и сшучиваетъ такія шутки, что сводитъ напримѣръ пловучіе маяки чуть не съ версту отъ того мѣста, гдѣ отъ начальства имъ стоять положено, какъ и случилось съ однимъ пловучимъ маякомъ, но дѣло все-таки обошлось сравнительно довольно благополучно, если не считать, что пароходъ, шедшій въ это время къ Сермаксу, взобрался на мѣсто маяка и сѣлъ на луду. Изрѣдка встрѣчаются парусныя суда, большая же часть ихъ или не отваживается отходить далеко отъ берега, или же предпочитаетъ идти каналомъ. Благодаря промѣрной экспедиціи и берега озера опредѣляются; опредѣлены между прочимъ нѣсколько новыхъ астрономическихъ пунктовъ, сдѣланы глазомѣрныя съемки въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, а кое-гдѣ такъ даже и неглазомѣрная. И тутъ случались казусы, которые дѣлаютъ изъ карты Шуберта какую то «пробу пера» и ничего больше; такъ напр. граница Финляндіи отодвинулась на основаніи съемки почти на 3 версты западнѣе; при дальнѣйшемъ путешествіи ошибки Шуберта сдѣлались ясны и мнѣ, да притомъ и не такія, а побольше. Въ народѣ на сѣверѣ знаютъ о существованіи картъ, знаютъ и про ошибки въ нихъ встрѣ-

чающіяся, толкуютъ и вотъ что: «да нельзя и не ошибиться! нешто они сами вездѣ побывали? поразспросятъ, поразспросятъ — ну иной дуромъ и скажетъ, а они на бумагѣ вырисуютъ». Въ иныхъ мѣстахъ намъ просто кажется, что мѣстности наносились съ Большаго Чертежа, до такой степени новыя карты и чертежъ сходны въ своихъ ошибкахъ.

VIII.

Къ вечеру пароходъ пристаетъ къ Сермаксу, который конечно сдѣлается со временемъ городомъ, такъ какъ онъ расположенъ на устьѣ Свири и притомъ при концѣ каналовъ Петра и Александра II; все что ни идетъ къ Петербургу снизу, должно побывать въ Сермаксѣ — сама природа указываетъ въ этомъ мѣстѣ быть городу. Еще Петръ Великій замѣтилъ это мѣсто и немало пробылъ въ немъ, задумывая вѣроятно обходную канализацію Ладоги. Изъ письма его къ Головину можно видѣть, что сдѣлалъ въ этихъ мѣстахъ Петръ и какъ онъ вообще путешествовалъ по Россіи. «Въ ѣздѣ нашей ни единаго порога не видали, только два перебора на Сиговцѣ, и кромѣ того мѣста вездѣ ночью идти можно, и мы шли: не изволь лоцмановъ слушать; кромѣ тѣхъ двухъ мѣстъ, изволь идти ночью». Такимъ образомъ мы видимъ, что войско и свита оставались назади, а Петръ шелъ передовымъ, готовилъ путь заднимъ; онъ ѣхалъ по Свири въ лодкѣ, наблюдалъ, измѣрялъ и, какъ говоритъ преданіе, не смыкалъ очей и ночью. Въ Сермаксѣ неутомимый Петръ долженъ былъ пробыть цѣлыхъ 10 дней, а для такой натуры, какова была его, потерять 10 дней — много. «Сильно разгнѣвался Осударь, разсказываетъ народъ—на Ладогу, что она его не пущаетъ дальше погода-

ми, не стерпѣлъ, вышелъ на берегъ и высѣкъ Ладогу плетью— и стала Ладога смиряться и повѣтеръ подулъ,—съ нимъ видно и озеро то спорить не осмѣливалось. Ну и то сказать: къ дѣлу шелъ—за дѣло и сѣкъ». Пожалуй присяжные цѣнители историческихъ дѣятелей, ставящіе баллы изъ поведенія героямъ и геніальнымъ личностямъ человѣчества и мѣряющіе великихъ людей своимъ скудоумнымъ аршиномъ, скажутъ, что здѣсь выказалась необузданность Петра, что здѣсь измѣнилъ ему его разумъ. Но не съ нашею убогою трафареткою браться судить объ этомъ истинномъ великанѣ. Даже и этотъ съ виду неразумный поступокъ могъ быть совершенъ Петромъ съ заранѣе задуманною цѣлью. Не легко достался ему этотъ походъ; ясно, что войско его изнемогало отъ постоянныхъ трудовъ, быть можетъ среди болѣе смѣлыхъ слышался даже ропотъ и надо было возстановить утерянное обаяніе. Петръ могъ видѣть, что буря должна скоро утихнуть и просто воспользовался случаемъ, чтобы убѣдить свое неразвитое войско въ своей сверхъестественной силѣ—мнѣ даже и стихіи повинуются. Наконецъ развѣ не понятно изступленіе и даже противуразумность, когда послѣ столькихъ лишеній и трудовъ, предпринятыхъ Петромъ только лишь съ тою цѣлію, чтобы совершить нападеніе невзначай, у самой почти цѣли, какая то шальная буря вдругъ разбиваетъ его великіе планы и заставляетъ его трудолюбца стоять безъ дѣла и ждать, чтобы до шведовъ дошла молва о его походѣ. Надо поставить себя только въ положеніе Петра и тогда даже это сѣченіе Ладожскаго озера не покажется страннымъ.

IX.

Утромъ часовъ въ 5 пароходъ пристаетъ къ Лодейному-Полю, новому памятнику Великаго Петра. Во время замѣчательнаго путешествія своего изъ Архангельска до устья Свири, Петръ восхитился изобиліемъ и ростомъ первобытныхъ лѣсовъ, растущихъ въ этихъ мѣстахъ и близъ деревеньи Мокришвицы, гдѣ теперь стоитъ городъ Лодейное-Поле. а въ 1702 году заложилъ корабельную верфь, назначивъ начальникомъ ея поручика Меньшикова. Здѣсь выстроены были походный храмъ и дворецъ на время пребыванія Петра на верфи, а въ 1703 году строились уже корабли. Петръ понялъ всю важность быстроты работы, часто понукалъ въ письмахъ своихъ Меньшикова; натура его не выносила откладки дѣла въ долгій ящикъ, онъ самъ первый показывалъ примѣръ энергіи и трудолюбія; огромныя деревья свезены были на ближнее поле, засѣянное рожью; изъ Каргопола, Бѣлозерска и Пошехонья явились рабочіе; Петръ самъ пріѣхалъ въ Лодейное-Поле, заложилъ собственноручно 6 фрегатовъ и 9 шнявъ, и въ сентябрѣ 1703 года возвратился въ Петербургъ на первомъ построенномъ на Лодейнопольской верфи фрегатѣ «Штандартъ», который и былъ первымъ русскимъ кораблемъ, вышедшимъ подъ императорскимъ флагомъ чрезъ Ладогу и Неву въ Балтійское море. Истинно. стоитъ лишь проѣхать до Петрозаводска, чтобы изумиться великому уму, силѣ воли, несокрушимой энергіи и огромному запасу практичности Петра—Петръ и теперь, какъ дѣловой человѣкъ, былъ бы такимъ же анахронизмомъ, каковымъ онъ являлся въ свое время. Въ настоящее время городокъ Лодейное-Поле состоитъ лишь изъ нѣсколькихъ домиковъ и вся былая жизнь его перешла въ

конечные пункты Свири — Вознесенье и Сермаксъ; Лодейное-Поле теперь ни болѣе ни менѣе, какъ промежуточная станція для судовъ и пароходовъ, направляющихся въ Петербургъ. Близъ собора на горѣ виднѣется какой то обелискъ, который бросается въ глаза всякому подъѣзжающему со стороны рѣки къ городу. Обелискъ этотъ сооруженъ частнымъ лицомъ, которое отдало этимъ дань удивленія предъ геніемъ Петра; на обелискѣ сбоку вставленъ медальонъ съ барельефнымъ изображеніемъ его, на верху придѣланъ неизбѣжный двуглавый орелъ, а внизу надпись, которая гласитъ слѣдующее: «На томъ мѣстѣ, гдѣ нѣкогда былъ дворецъ императора Петра Перваго», и далѣе: «Да знаменуетъ слѣды Великаго сей скромный простымъ усердіемъ воздвигаемый памятникъ». Въ Лодейномъ-Полѣ нагрузили на пароходъ нѣсколько кусковъ великолѣпнѣйшаго гипса, который начинаютъ въ настоящее время разработывать близъ Олонца; гипсъ этотъ превосходной доброты и крошится между пальцами безъ всякаго усилія. Находка хороша, но кто знаетъ, не заглохнетъ ли и эта сторона народной промышленности и это средство къ прокормленію бѣднаго населенія, какъ заглохли въ этомъ краю Повѣнецкіе мѣдные рудники и Тивдійскія мраморныя ломки, достоинству которыхъ по-истинѣ можно изумиться. Второй только разъ всего принимаетъ пароходъ этотъ грузъ, а потому никто и не могъ сообщить намъ нѣсколько болѣе подробныхъ свѣдѣній о самомъ мѣстонахожденіи гипса, а также и для какой потребы понадобился гипсъ въ Петрозаводскѣ; развѣ для заводовъ?

X.

Съ Лодейнаго-Поля ѣздятъ въ знаменитый Александро-Свирскій монастырь. Святой этотъ пользуется необыкно-

веннымъ почтеніемъ со стороны населенія всего Обонежья, что и объясняется при ознакомленіи съ его жизнеописаніемъ, изъ котораго можно видѣть, что онъ всегда являлся защитникомъ народа предъ властью и тѣми немногими помѣщиками, которые были въ его время въ этихъ мѣстахъ. Александръ Свирскій и всѣ остальные пустынножители Обонежья заслуживаютъ всеконечно и главнымъ образомъ почтенія, какъ первые колонизаторы и проводники культуры въ дикую среду былыхъ обитателей береговъ Онего и близьлежащихъ мѣстностей. Начиная съ XI вѣка, когда новгородцы покорили финскія племена, обитавшія въ сѣверномъ поморьѣ, въ Обонежскихъ предѣлахъ начали появляться «страдомыя» деревни. Новгородскіе посадники, архіепископы и всѣ знатные и богатые люди пріобрѣтали здѣсь земли, лѣса, рѣки, озера; заводили рыбные и звѣриные промыслы и посылали сюда «удалыхъ добрыхъ молодцовъ» для управленія своими угодьями и промыслами: такъ, Муромльскимъ островомъ издавна владѣло, напр., колѣно Ивана Захарьева; Ошевенскія земли, по Чурьюгѣ рѣкѣ, издавна принадлежали боярынѣ Анастасіи, женѣ Ивановской, и были тутъ у нея не только пустые наволоки, но и деревенька Лисицинская. Но такихъ поселеній до половины XV вѣка было очень немного, да и тѣ состояли изъ одного или двухъ дворовъ и разбросаны были одно отъ другаго на весьма далекое разстояніе. Кругомъ починковъ была сплошная лѣсная глушь; даже угодья и урочища, которыя существовали въ этихъ мѣстахъ, назывались не иначе, какъ: «лѣшія рѣки, лѣшія озера, полѣшіе лѣса» и т. п. Ясно, что чѣмъ пустыннѣе была Обонежская сторона, тѣмъ сильнѣе привлекала она къ себѣ взоры и сердца людей, которые недовольны были средневѣковымъ разладомъ общественной жизни въ городахъ и селахъ, и внѣ ихъ искали нравственнаго совершенства

и мира душѣ своей, а для этого послѣдняго представлялось наилучшимъ — разъ навсегда покончить съ міромъ и идти въ Обонежье. Хотя удалые новгородцы и покорили себѣ Обонежскія земли, но на нихъ долго жили еще финскія племена: Лопари (въ Повѣнецкомъ уѣздѣ до сихъ поръ существуютъ Лопское озеро, Лопъ-наволокъ и селеніе Ловское, все это въ Даниловской волости), Чудь и иные «карельскіе дѣти». Кириллъ Челмогорскій въ предѣлахъ Каргопольскихъ встрѣтился съ Чудью бѣлоглазою, еще не просвѣщенною крещеніемъ; еще въ XIV вѣкѣ Лопари и Чудь, обитавшіе по берегамъ Онеги, оставались въ язычествѣ; въ 1227 году Святославъ новгородскій распространялъ уже христіанство въ сѣверныхъ окраинахъ обширной земли новгородской; промышленники новгородскіе, предпринимая сюда экспедиціи для торговыхъ и промышленныхъ цѣлей, вывозили съ собою и священниковъ, какъ для насаждаемыхъ ими въ Обонежьѣ колоній, такъ и для проповѣди язычникамъ Но ни князья новгородскіе, дѣйствовавшіе не безъ участія внѣшней силы и принудительныхъ мѣръ, ни промышленники, наблюдавшіе здѣсь главнымъ образомъ свои коммерческіе разсчеты, не могли сдѣлать многаго для христіанскаго просвѣщенія края. Съ большимъ усердіемъ, съ большею любовью къ дѣлу, да и съ большимъ вслѣдствіе этого успѣхомъ потрудились въ этомъ великомъ дѣлѣ Обонежскіе пустынники. Простотою отношеній, любовью, трудолюбіемъ и желаніемъ добра они обращали невольно на себя вниманіе лопскихъ, чудскихъ и иныхъ «дѣтей карельскихъ». У нихъ не было иного оружія, кромѣ слова любви и утѣшенія, и иной силы, кромѣ нравственной. Сначала, конечно, не обходится безъ болѣе или менѣе печальныхъ недоразумѣній и столкновеній съ непрошенными гостями; дикари ожесточаются противъ новыхъ пришельцевъ и проповѣдниковъ

новыхъ, неслыханныхъ доселѣ истинъ; жгутъ ихъ хижины, грабятъ «животы», грозятъ смертію, убиваютъ даже; но страшное терпѣніе и невозмутимая кротость проникнутыхъ истиннымъ желаніемъ добра пустынниковъ мало по малу удивляютъ враговъ; дикари удивлены, ошеломлены; они съ любопытствомъ начинаютъ всматриваться въ ихъ жизнь, безконечная любовь поражаетъ ихъ и, наконецъ, замѣтивъ въ пустынникахъ полное отсутствіе противъ себя всякихъ враждебныхъ помысловъ, начинаютъ входить съ ними въ болѣе близкія сношенія, обращаться къ нимъ за совѣтами и помощію въ своихъ нуждахъ и дѣлахъ житейскихъ; они находятъ въ нихъ, вмѣсто враговъ, своихъ благотворителей, которые съ самоотверженіемъ служатъ ихъ выгодамъ и пользѣ; дѣло сдѣлано,—дикари полюбили человѣка, а за нимъ полюбятъ и то, чему онъ ихъ научитъ. Пустынникъ на мѣстѣ своего поселенія обыкновенно ставилъ крестъ, иногда и часовню, и малую «хижу». По мѣрѣ того, какъ становилось извѣстно его жилище, къ нему собиралась братія, устраивался монастырь, расчищались пашни и культурный передовой пикетъ получалъ начало. Около нихъ устраивались новые починки, поселенія, деревни, такъ что монастыри всегда становились центрами наиболѣе населенныхъ мѣстностей края; такимъ образомъ всѣ селенія, которыя съ теченіемъ времени царскими граматами подчинены были суду настоятелей Муромланскаго, Палеостровскаго, Кенскаго и другихъ монастырей, первоначальнымъ своимъ основаніемъ обязаны были пустынникамъ. По преданію, напр., братство Лазаря Муромлянскаго состояло изъ 800 человѣкъ и изъ него со временемъ составились цѣлые приходы. Завистливое око Москвы не могло спокойно глядѣть на возрастающую монастырскую колонизацію Обонежья и уже въ XVI столѣтіи ограничивало заботы Обонеж-

скихъ пустынниковъ о колонизаціи края; такъ напр., еще въ 1557 году царь Иванъ Васильевичъ Грозный писалъ въ Спасскій монастырь на Важену озеро: «ты бы, игуменъ Никифоръ, въ той пустынѣ жительствовали и строили по монашескому чину и тотъ черный пашенный лѣсъ разчищали и пашню къ монастырю своему пахали сами своими руками, а не наймомъ и безъ подмоги, а деревень бы есте и починковъ на томъ лѣсу не ставили и крестьянъ бы есте на тотъ лѣсъ не призывали». Ясно впрочемъ, что всѣ подобные указы хорошо было Ивану писать изъ Москвы, на самомъ же дѣлѣ мѣста населялись, шли и крестьяне на вольные, «Св. Троицы» починки, и указы существовали только для того, чтобы дьяки на Москвѣ безъ дѣла не сиживали; жизнь брала свое и царскій указъ не могъ уничтожить того, къ чему тянуло народъ. Устрояя, если можно такъ выразиться, церковныя колоніи, Обонежскіе піонеры-отшельники являлись вмѣстѣ съ тѣмъ нетолько организаторами, но и основателями первоначальной культуры и гражданскаго развитія края. Такимъ образомъ извѣстны акведуки Зосима и Саваттія, кирпичное производство игумена Филиппа. Чудь бѣлоглазая, обитавшая въ Обонежьѣ была въ несказанной дикости. Она жила также, какъ и Лопари, въ подземныхъ норахъ и пещерахъ, боготворила все, чего боялась или не понимала и что ей нравилось, и питалась сырымъ мясомъ звѣрей, птицъ и рыбъ. До сихъ поръ еще народное преданіе помнитъ мѣста, гдѣ жили эти дикари, и въ настоящую пору указываютъ, говорятъ, въ Каргопольскомъ уѣздѣ слѣды ихъ норъ и пещеръ.

Привлекши къ себѣ дикарей, пустынники знакомили ихъ съ элементарными культурными знаніями и пріучали ихъ направлять производительность природы на улучшеніе своего матеріальнаго быта; такъ Кириллъ Челмогорскій пріу-

чаетъ лопарей употреблять для вскапыванія земли кочерыгу. Тамъ, гдѣ прежде не знали простѣйшихъ орудій для наливанія и выливанія воды, такъ какъ находили, что ладонь представляетъ инструментъ наиболѣе удобный для сей потребы, да и къ тому же и не признавали никакой нужды въ наливаніи и переливаніи того, что вездѣ было въ избыткѣ, тамъ Соловецкіе старцы увидѣли искуственные проводники воды, предъ которыми Соловецкій лѣтописецъ, не далеко ушедшій отъ этой самой Чуди-бѣлоглазой и пришедшій быть можетъ изъ такой трущобы, откуда въ три дня ни въ какое мѣсто не пріѣдешь, приходитъ въ неописанный восторгъ и съ подобострастіемъ описываетъ «како умудри Господь избранныхъ своихъ. Чрезъ грубу нѣкую великую поднимется вода вверхъ, перейдетъ цѣлое зданіе, да и въ погребъ сама льется, да и по всѣмъ бочкамъ сама разойдется». Ну куда же было Лопи лѣшей умудриться на такую выдумку? «До Филиппа игумена», продолжаетъ лѣтописецъ, «рожь на сушило носили многіе, а игуменъ нарядилъ телѣгу: сама насыплется и привезется сама и высыплется рожь въ сушило. Прежде рожь посѣвали многіе, а игуменъ доспѣлъ сѣвальню съ десятью рѣшетами, сѣетъ одинъ человѣкъ; при немъ же доспѣли рѣшето, само насыпаетъ и сѣетъ отруби и муку и высѣвки разводитъ розно. Прежде многія братья носили рожь на гумно сѣять, а игуменъ нарядилъ вѣтеръ, мѣхами въ мельницахъ рожь вѣетъ». Тамъ, гдѣ не знали никакого употребленія глины, кромѣ выкапыванія пещеръ и ямъ, гдѣ не прихотливый на логово Лопинъ устраивалъ свой chez-soi, тамъ устроены были кирпичные заводы съ лучшими для того времени способами обработки: прежде игумена Филиппа на babakѣ глину на кирпичъ копали людьми, а нынѣ «воломъ орютъ однимъ», «что многіе люди копали, и на кирпичъ ту глину мяли

людьми же, а нынѣ мнутъ коньми». Тамъ, гдѣ не умѣли тупу безобразную сколько нибудь сносно укрыть, тамъ дикари видѣли каменныя палаты. Но не только кочерыгу ввели пустынники въ этотъ Богомъ покинутый край; они ухищрялись всячески, чтобы, за неимѣніемъ возможности питаться отъ земледѣлія, найти какой нибудь источникъ дохода. «По рѣкѣ, по Онегѣ внизъ есть мѣсто, зовомое Піяла; и явися тамо источникъ воды сланы въ рѣцѣ, иже нашею рѣчью зовется росолъ; въ тоже время пріиде сюда отъ лукъ морскихъ нѣкій старецъ Тарасій, иже бѣ искусенъ таковому дѣлу; они же поселяне-піяльцы начаша его увѣщевати и нарекоша ему жребіи тоя воды. Старецъ же ятся дѣлу; низведе имъ воду изъ рѣки близь брегу и кладязь устрои и воду отъ росолу отлучи и даетъ тая воды сланыя; своего жребья старецъ Тарасій на Соловки въ монастырь на цренъ, а въ Олександрову пустынь въ Ошевневъ монастырь на полцрена. Игуменъ же Максимъ слышавъ и ѣхавъ тамо, и прикупи тоя воды сланыя на другую полцрена, купи же и земли мѣсто подъ дворъ и брега жребіи на пристанище и подъ дрова. Есть же и до нынѣ», прибавляетъ лѣтописецъ — «тамо той промыселъ.» Ясно, что разъ христіанскіе проповѣдники не являлись съ огнемъ и мечемъ проповѣдывать религію всепрощенія и любви, а съ явнымъ намѣреніемъ улучшить самый бытъ всего того сброда, который и названія то не имѣлъ путнаго, а являлся то Чудью-бѣлоглазою, то Лопью лѣшею, а то такъ и просто «дѣтьми Корельскими» — дикари не могли встрѣчать ихъ такъ, какъ встрѣчаютъ иные дикари проповѣдниковъ католицизма, протестантства и т. п. Не было непріязни, а слѣдовательно всегда надо было ожидать того, что цивилизаторъ сойдется съ дикаремъ, тѣмъ болѣе, что всѣ эти цивилизаторскія улучшенія, такъ удивительныя для Лопина

лѣтнаго и даже лѣтописца изъ какого нибудь Сольвычегодска, вовсе не шли въ разрѣзъ съ строемъ прежней жизни дикаря, какъ идетъ въ разрѣзъ европейская нынѣшняя цивилизація съ бытомъ Маориса, не могущаго никакъ понять почему нельзя для дорогаго гостя изготовить обѣдъ изъ любимой жены или не съѣсть богатаго умомъ миссіонера, дабы понабраться его ума разума. Въ этой небольшой разницѣ между цивилизаторами и цивилизуемыми и кроется причина того страннаго факта, что при встрѣчѣ съ русскимъ элементомъ инородецъ ассимилируется часто, но только рѣдко вымираетъ.

Наконецъ, нельзя не сознаться, что обители обонежскихъ отшельниковъ были единственными проводниками граматности въ роды финскихъ народцевъ. Такими то піонерами цивилизаціи и были: Кириллъ при подошвѣ горы Челмо, Корнилій на Палеостровѣ, Лазарь на островѣ Муромлѣ, Александръ Ошевенскій на рѣкѣ Чурьюгѣ, Пахомій на Кенѣ, Александръ Свирскій, любимецъ народный, вѣчный стоятель за бѣднаго человѣка, Никифоръ и Геннадій на озерѣ Важенѣ, Адріанъ на берегу Ладоги, Афанасій на Сяндемозерѣ, Іона на Яшезерѣ и Макарій на озерѣ Высокомъ.

XI.

Если Нева уже названа красавицею, то Свирь всеконечно больше ея заслуживаетъ этотъ эпитетъ. Свирь почти вдвое уже Невы, хотя и не вездѣ, но зато, гдѣ у Невы лишь намеки, тамъ у Свири дѣйствительность. Нева красуется рощами — Свирь почти сплошь обрамлена прелестнѣйшимъ лѣсомъ; берега Невы картинно возвышаются надъ уровнемъ воды — на Свири обрывистые берега переходятъ уже въ

скалы; вода промыла эти скалы и обнажила напластованія; цвѣта пластовъ то и дѣло мѣняются, одна картина уступаетъ мѣсто другой, еще болѣе красивой; на Невѣ сотни кабаковъ, этихъ признаковъ бечевника,—на Свири ихъ тысячи; Нева обладаетъ лишь намекомъ на пороги—на Свири пороги представляютъ уже дѣйствительную опасность; пароходъ то и дѣло свиститъ, останавливается и принимаетъ мѣстныхъ лоцмановъ съ бляхами на груди; капитанъ не сходитъ съ мостика, а лоцмана такъ и впериваютъ глаза впередъ; быстро, подъ ловкими поворотами руля, несется красивый и большой пароходъ чрезъ журчащую луду; вотъ такъ и кажется, что сейчасъ ударится о камень, но ловкій маневръ лоцмана—и пароходъ повернулъ въ бокъ. Масса судовъ встрѣчается съ нами то на бечевѣ съ сарафанницами за погонщиковъ тощихъ волоковыхъ лошаденокъ, то на буксирѣ у малютокъ пароходовъ. Вотъ пароходъ остановился какъ разъ передъ порогомъ— надо дать пройти по опасному мѣсту каравану изъ 25—30 унжаковъ, нагруженныхъ низовою пшеницей; на палубахъ унжаковъ сидятъ не у дѣла парни, наигрывая на всероссійской гармоникѣ плясовую, а дѣвки и молодухи пляшутъ нижегородскую пародію на французскую кадриль. Ни удали, ни дѣйствительной веселости; не то они это передъ пароходомъ вздумали пощеголять своимъ умѣньемъ, не то и въ самомъ дѣлѣ обезьянство взяло верхъ и изгнало русскій танецъ.

Далѣе по рѣкѣ, движется что-то неуклюжее, странное, некрасивое — это сомина съ Соловецкими богомольцами. На небольшой баркѣ, въ родѣ тѣхъ, которыя зачастую можно видѣть приходящими вечеромъ со взморья и другихъ тоней къ Петербургскимъ садкамъ, столпились на палубѣ 60—70 людей обоего пола; ни на комъ лица нѣтъ, да оно и понятно, потому что всѣ эти добровольные страдальцы вытер-

пѣли въ пути то, что снести можетъ не всякая натура: и голодно, и холодно, и болѣзни — все это сдѣлало изъ нихъ какихъ то живыхъ мертвецовъ. Путь ихъ лежитъ изъ Петербурга на Шлиссельбургъ, Сермаксъ, Вознесенье, Петрозаводскъ, Повѣнецъ и далѣе, черезъ Сороку преимущественно (рѣдко на Суму и еще рѣже на Нюхоцкую слободу), по Онежской губѣ на Соловки: стоитъ только увидать ихъ, возвращающихся по Свири, чтобы представить себѣ, что они должны вытерпѣть, ѣдучи по каналамъ. Медленно двигается мимо насъ эта барка и, трудно повѣрить! — страшное зловоніе обдаетъ насъ! Грязь царствуетъ на Соловецкой сойминѣ, развратъ производится открыто, недостаточность питательной пищи, недостатокъ и тѣснота помѣщенія съ своей стороны помогаютъ дѣлу — и тифъ, холера, цынга и сифилисъ царятъ между богомольцами. Изъ 70—80 человѣкъ, отправляющихся на Соловки, достигаютъ Петербурга 50—60, а остальные, вмѣсто Соловковъ, попадаютъ, если не въ Елисейскія поля, то навѣрное на кладбища, находящіяся по дорогѣ. Странно! отчего бы, въ виду огромнаго количества богомольцевъ, ежегодно отправляющихся на Соловки, не устроить этого путешествія какъ-либо поудобнѣе, напр., хоть бы отправлять особые богомольческіе пароходы до Повѣнца, въ родѣ тѣхъ, которые извѣстны въ Америкѣ подъ названіемъ эмигрантскихъ? Что же гонитъ большинство богомольцевъ, тащащихся на сойминѣ въ Соловки? — Обычай, неохота къ труду, номадность, которая осталась еще въ характерѣ жителей кое-какихъ закоулковъ нашей родины; ѣдетъ туда баба, которой надоѣла ея много-трудная жизнь въ семьѣ, купчиха, лоснящаяся отъ жира, но неимѣющая средствъ для одиночной поѣздки, отлынивающіе отъ дѣла парни, которые, напр. въ Воронежской губерніи, подъ названіемъ «походчиковъ», шляются всю весну и часть осени

«по праздникамъ и иконамъ», да дѣвки и молодицы, которымъ слишкомъ часто начинаютъ сниться гласы трубные, фиміамы и т. п., или, вѣрнѣе, тѣ, которымъ «маменька не велитъ».

XII.

Вся Свирь закуплена лѣсопромышленниками; въ особенности имена Гр. и Бен. царятъ всюду; Гр. и Бен. — боги свирскіе, и народъ поставленъ рѣшительно въ сомнѣніе, кому выгоднѣе молиться: имъ двоимъ или Александру Свирскому. Патронъ свирскихъ жителей и въ особенности судоходовъ — Александръ Свирскій, уважаемый во всемъ Обонежьѣ (Заонежье почитаетъ своихъ святыхъ, Палеостровскихъ и Каргопольскихъ). Преданія о немъ досихъ поръ живутъ въ народѣ, и въ особенности лежитъ къ нему сердце народа, потому что, какъ было уже выше замѣчено, онъ всегда былъ заступникомъ его предъ немногими, но полновластными тогда помѣщиками. Интересно весьма то обстоятельство, что мѣстнымъ здѣшнимъ святымъ никакихъ службъ долгое время не существовало, даже не имѣлось вовсе и житій нѣкоторыхъ изъ нихъ; и такъ напр., одинъ монастырь получилъ службу его основателю и святому отъ безпоповщинскихъ раскольниковъ поморскаго согласія, которые въ ту пору не были гонимы и потому находились въ пріязненныхъ отношеніяхъ къ обитателямъ монастыря. Монастырь Александра Свирскаго расположенъ всего въ 6 верстахъ отъ берега Свири въ прекрасномъ мѣстѣ; онъ состоитъ собственно изъ двухъ монастырей, которые построены у озера Святаго; преподобный никогда не хотѣлъ принять на себя санъ игумена и только силой почти заставили его согласиться на это непріятное для него званіе — «самъ старо-

стой не былъ, такъ и всѣхъ старостъ не любилъ», говоритъ народъ. Въ настоящее время монастырь этотъ можетъ считаться первымъ по богатству во всей Олонецкой епархіи, которая впрочемъ далеко не можетъ похвастаться богатствомъ. Говорятъ, что уже рѣшено устроить при монастырѣ школу иконописи, которая, по увѣренію монаховъ и ихъ управителей, должна принести огромную пользу краю. Насколько вѣрно это убѣжденіе монашествующей братіи предоставляю судить читателю, которому однако напомню, что значительная часть Олонецкой губерніи населена раскольниками, которые не примутъ произведеній Александро-свирскаго искусства, и что въ краѣ вообще школъ крайне мало.

XIII.

Вечеромъ пароходъ пристаетъ къ Вознесенской пристани, началу такъ-называемой Маріинской системы, родинѣ сибирки, тифа и камню преткновенія всякихъ санитарныхъ коммиссій. Сотня лодокъ окружаетъ пристань, штукъ 20 рослыхъ дѣвушекъ и женщинъ вскакиваютъ на пароходный сходень и рѣшительно осаждаютъ пассажировъ предложеньями услугъ по части перевозки на другую сторону рѣки. Дѣло въ томъ, что, неизвѣстно по какой причинѣ, пароходъ останавливается не въ Вознесеньи, а на противоположномъ берегу, гдѣ черезъ 10—15 шаговъ отъ Свири начинается такая трясина, что не рискнешь даже ѣхать по ней на знаменитыхъ смычкахъ, экипажѣ, который измышленъ олончанами для пере движеній по болотинамъ. Увидавъ эту трясину, я понялъ гдѣ кроется между прочимъ причина тѣхъ лихихъ болѣстей, которыми даритъ «Марьинка» тѣхъ, кому судьба указала по ней двигаться: и людей, и тяговыхъ клячъ. Всѣ лучшія

зданія, всѣ административныя помѣщенія, всѣ трактиры, всѣ кабаки, отправленіе трешкотовъ — все это помѣщается на другой сторонѣ, а пароходу до этого какъ-будто и дѣла нѣтъ; подойдетъ онъ къ своей болотинѣ и претерпѣливо дожидается, впродолженіе 9 часовъ, прихода изъ Петрозаводска своего товарища. Интереснѣе всего то, что въ Вознесеньи пароходы Сѣвернаго общества принимаютъ значительное количество грузовъ, какъ для Петрозаводска (преимущественно хлѣбъ, тысячъ до 2-хъ пудовъ въ рейсъ), такъ и для Петербурга и всѣ эти грузы приходится изъ устья канала перевозить на пристанный берегъ, гдѣ заблагоразсудилось приставать пароходамъ, въ лодкахъ, что составляетъ значительный расходъ для товароотправителей, дѣлая необходимыми двѣ перегрузки въ одномъ Вознесеньи. Сначала не много опасаешься дамскихъ услугъ, но когда увидишь, что за крѣпко сколоченные индивидуумы хватаютъ васъ и тащутъ въ свою лодку, то робость проходитъ и остается лишь... торговаться. О путешественникъ! не взирай на бойкость вознесенскихъ Хароновъ въ сарафанахъ съ восторгомъ и умиленіемъ идиллика, а прежде всего старайся сторговаться въ цѣнѣ, а также и не умиляйся очень при фразѣ: «что пожалуете!» Мы были предупреждены по части неудобствъ вѣры въ эту фразу, которая царитъ во всей Олонецкой губерніи и за умиленіе предъ которою платятся путешественники изъ категоріи благодушныхъ и поэтовъ. Переѣздъ обходится двугривенный, но были легковѣрные, которые должны были заплатить цѣлыхъ 2 рубля. Пройдя мимо 20—30 кабаковъ, предъ которыми галдѣло, ругалось и безтолковничало человѣкъ до 100 бурлаковъ и рабочихъ съ баровъ, стоящихъ у пристани и идущихъ къ Петербургу, мы отправились поглядѣть на ту страшную заразу, которая отняла у Россіи и у науки вообще такого

талантливаго труженика, каковъ былъ покойный А. Ѳ. Гильфердингъ, и какъ разъ попали на процедуру упаковки человѣкъ сорока на маленькій и гаденькій трешкотъ, носящій, Богъ вѣсть въ силу какихъ высшихъ соображеній, громкое прозвище «Ури».

Въ сторонѣ отправленія трешкота издалека еще слышалось какое-то странное пѣніе и, видно, на ловца и звѣрь бѣжитъ: у пристани стояли 5 калѣкъ и пѣли знаменитый стихъ о Голубиной книгѣ; варіантъ былъ хотя и не изъ особенно замѣчательныхъ, но представлялъ все-таки нѣкоторый интересъ въ смыслѣ наблюденія надъ постепенною порчею или амальгамированіемъ стиховъ, былинъ и т. п. Такъ напр. «часты дождички» происходятъ отъ слезъ ангельскіихъ — «по грѣхамъ то ангели плачутъ человѣческимъ»; «тучки небёсныя» — отъ «морщинъ на лицѣ Божіемъ, что великую Осподь думу думаётъ, о грѣхахъ думаётъ человѣческыхъ»; Давыду Евсеичу (а кто пѣлъ и Асѣичу) приписаны уже слова по отношенію къ Волотоману Волотомановичу: «широка рука христіанская, высока рука царская у бѣлаго царя Волотомана Волотомановича». Между птицами первенствующая роль приписана «Алконосту», котораго изображеніе можно найти вмѣстѣ съ «Сириномъ» въ нѣкоторыхъ раскольничьихъ рукописяхъ, напр., въ цвѣтникахъ, златоустникахъ и др., или же въ видѣ отдѣльнаго изображенія съ надписью на стѣнахъ келій; въ разсказѣ о снѣ Волотомана Волотомановича правда и кривда являются «двумя зайцами, двумя братьями», которые не спорятъ только, а въ «кулачки бьются» и побѣжденная только правда уносится «подъ облакы», а кривда идетъ по землѣ. Собираніе былинъ, стиховъ и иныхъ произведеній не входило въ предположенную нами программу поѣздки, а потому мы и записывали лишь между дѣломъ и больше занимались лич-

ностью самихъ пѣвцовъ, чѣмъ тѣмъ, что они пѣли и сказывали; тѣмъ не менѣе слѣдуетъ замѣтить, что въ мѣстахъ, нами посѣщенныхъ, по части народной поэзіи незаписаннаго осталось очень мало, чтобы не сказать, что не осталась ровно ничего: Рыбниковъ, Кирѣевскій и Гильфердингъ напечатали все, что знаютъ мѣстные сказители. Собственно въ калікахъ чрезвычайно замѣтно ремесленничанье; они часто прерываютъ пѣніе, чтобы счесть брошенныя имъ въ чашку деньги, говорятъ среди пѣнія другъ съ другомъ, покрикиваютъ на поводырей, постукиваютъ послѣднихъ преисправно въ затылокъ и вообще относятся къ дѣлу съ точки зрѣнія преимущественно хлѣбной; сказитель наоборотъ: тотъ видимо признаетъ важность передачи слушателямъ старины, онъ будто священнодѣйствуетъ и даже не преминетъ перекреститься передъ началомъ сказа. Въ Вознесеньѣ калѣки ходятъ кучками въ 3, 5 и болѣе человѣкъ и либо каждый имѣютъ своего поводыря, либо берутъ поводыря «слогомъ», сообща. За поводырство мальчуга получаетъ рвань, вмѣсто одежды, и пищу; винцо же принадлежитъ лишь калікамъ, что не мѣшаетъ однако поводырямъ при посредствѣ утайки денегъ спиваться окончательно съ круга въ 15—16 лѣтъ. Рѣдко платятъ калѣки жалованье поводырямъ (отъ 50 к. до 1 р. въ мѣсяцъ). Поводырь пріучается къ слопянью, къ лѣни и ничего-недѣланью, къ воровству, обману — и въ концѣ концевъ становится отвратительнымъ нарывомъ той среды, изъ которой онъ вышелъ. Слѣпцы-калѣки въ день заработываютъ иногда до 2 р. и болѣе на пятокъ, а такъ какъ кормятся они по большей части на даровщину, то это представляетъ весьма сносный заработокъ, которому вполнѣ можетъ завидовать любой судорабочій.

XIV.

Маріинская система обязана своимъ существованіемъ также Петру Великому, съ именемъ котораго сочетается все благое въ этихъ мѣстахъ. Всегда смотря на Россію, какъ на посредницу между Европой и Азіей, Петръ чуть ли еще не въ первый пріѣздъ на Онегу задумалъ соединить Каспійское море съ Балтійскимъ, Астрахань—со своимъ «парадисомъ». Ясно, что для Олонецкаго края эта дѣйствительно геніальная для того времени и при тѣхъ именно условіяхъ мысль имѣла весьма важное экономическое значеніе. Главный соединительный пунктъ Волжскихъ водъ съ водами озеръ Онежскаго и Ладожскаго прозорливый глазъ Петра нашелъ въ нынѣшнемъ Вытегорскомъ уѣздѣ. Въ тѣ времена мѣстность города Вытегры была довольно заселена и имѣла торговое значеніе; при ручьѣ Вянгѣ, на рѣкѣ Вытегрѣ, была Вянгинская пристань, а другая пристань, Бадогская, была на р. Ковжѣ. Между этими двумя пристанями хлѣбъ и иные продукты перевозились съ Ковжи на Вытегру сухимъ путемъ. Такимъ образомъ водораздѣлъ Волжскаго и Онежско-Ладожскаго бассейновъ находится между Бадогами и Вянгинскою пристанью. Завершивъ войну со Шведами на югѣ полтавскою побѣдою, Петръ послалъ въ 1710 году знаменитаго инженера того времени Перри, приглашеннаго изъ Англіи во время пребыванія Царя въ Лондонѣ, произвести необходимыя изысканія въ трехъ разныхъ направленіяхъ. Перри, видно наученный работать самимъ Петромъ, скоро окончилъ работу и въ томъ же году представилъ свои изысканія Царю. Самъ Петръ въ 1711 г. посѣтилъ мѣстность, осмотрѣнную Перри, и, переходя по лѣсамъ и болотамъ, для провѣрки изысканій Перри, спалъ въ шалашѣ, сплетен-

номъ изъ древесныхъ вѣтвей. Дѣло передано было на разсмотрѣніе Сената, который утвердилъ въ 1712 г. изслѣдованія и планъ Перри и назначилъ 10,000 р. на производство работъ. Ни вѣсть почему, но въ томъ же году Перри выѣхалъ въ Англію, мысль о прокопкѣ канала была оставлена и только 75 лѣтъ спустя, въ царствованіе уже Павла I случайно попался на глаза проектъ Петра о судоходствѣ; стали прикидывать, во что обойдутся работы, и Петровскую смѣту вытянули ровно въ 40 разъ; ясно, что задумались надъ затратою такой суммы, но покойная Императрица Марія Ѳедоровна нашла возможность позаимствовать на такое дѣло изъ суммъ Воспитательнаго Дома 400,000 р. и въ 1810 году вся система была открыта для судоходства подъ именемъ Маріинской. Народъ въ шутку называетъ ее «шпитальной», такъ какъ вся исторія, только что нами приведенная, хорошо ему извѣстна. Построенная на деньги Воспитательнаго Дома, который по Пятковскому занимается дѣтоуничтоженіемъ, система вѣрна принципамъ своего прародителя и занимается какъ уничтоженіемъ дѣтей, случайно или по волѣ родительской на нее попадающихъ, такъ и неуклоннымъ уничтоженіемъ этихъ самыхъ родителей и имѣющихъ сдѣлаться таковыми.

Народъ отлично помнитъ, что дѣлалъ въ этихъ мѣстахъ Петръ, какъ онъ жилъ и какъ онъ относился къ крестьянину. Еще графъ Сиверсъ, строитель системы, засталъ въ живыхъ живой памятникъ временъ Петровыхъ. Это былъ крестьянинъ Пахомъ, имѣвшій тогда 115 лѣтъ отъ-роду и жившій близъ деревни Рубежа, неподалеку отъ соединенія нынѣшняго канала съ рѣкою Вытегрою. Пахомъ показалъ Сиверсу и его спутникамъ то мѣсто, на которомъ при его памяти стоялъ шалашъ, гдѣ «Осударь» (такъ Обонежскіе крестьяне называютъ Петра, не упоминая никогда его имени,

что иногда ставитъ въ тупикъ новичка; потомъ привыкаешь и уясняешь себѣ, почему народъ считаетъ излишнимъ прибавлять къ этому званію имя Петръ), послѣ десяти-дневныхъ трудовъ своихъ, отдыхалъ. Сѣдой, какъ лунь, Пахомъ передалъ имъ свои воспоминанія о Петрѣ, Перри и Кормчинѣ, который сопровождалъ англичанина и помогалъ ему въ его изысканіяхъ. Разсказы Пахома о Петрѣ, какъ и всѣ воспоминанія о немъ тамошняго народа, исполнены были полнаго благоговѣнія. При каждомъ произношеніи имени Царя, старикъ поднималъ глаза къ небу, прижималъ руку къ сердцу, присоединялъ всегда къ титулу «Осударя» эпитетъ «батюшка», или «надежа». «А батюшка-Осударь, говорилъ Пахомъ, былъ роста высокаго, всѣхъ людей выше цѣлою головою; часто встряхивалъ онъ своими черными кудерьками, а пуще, когда случался въ раздумьи. Не гнушался онъ нашаго житья-бытья, кушивалъ нашу хлѣбъ-соль и пожаловалъ отцу моему серебряный полтинникъ. Такихъ полтинниковъ, а также и чарочекъ роздарено было Петромъ въ Обонежьи множество, такъ что, путешествуя въ этомъ краю, то и дѣло приходится слышать: «Такъ у дѣда (прадѣда) и остался Осударь кушать и пожаловалъ въ ту пору ему эту самую чарочку». Мы сами видѣли двѣ такія чарочки и между прочимъ по поводу одной изъ нихъ слышали разсказъ, который прекрасно характеризуетъ Петра, какъ человѣка, и отношенія его къ народу. «Былъ этотъ случай въ Вожмосальмѣ; у бѣднаго, пребѣднаго мужика народилась дочь; надо малютку крестить, а къ горюну никто въ кумы нейдетъ. Проходилъ Осударь въ это время чрезъ Вожмосальму и узналъ, что такая бѣда съ мужикомъ. Пришелъ онъ къ бѣдному мужику и говоритъ, что будетъ у него кумомъ. Только прослышали про такую волю Петрову на погостѣ, какъ стали къ бѣдняку бабы самыя богатыя тол-

ваться, да называться въ кумы. «Не хочу я съ ними кумиться», говоритъ Петръ, «а розыщи ты мнѣ самую лядащую бабенку, что у васъ по погосту христа-ради ходитъ». Нашелъ бѣднякъ такую бабу лядащую и покрестилъ Осударь съ ней бѣднякова младенца. Какъ покончили крестины, такъ и говоритъ Осударь: «а не худо бы куманекъ и винца теперь выпить!» а у бѣдняка денегъ то ни полушки, а зелена вина ни косушки. «Видно дѣлать нечего», сказалъ Царь,—«моя анисовая нынче дѣла дѣлать будетъ». Вынулъ Осударь свою походную баклажку, да чарочку золотую (серебряная вызолоченная), налилъ ее своей анисовой водкой, всѣхъ переподчивалъ, самъ выпилъ, одарилъ бѣдняка деньгами, а чарочку кумѣ подарилъ на память». Простыя отношенія Петра къ народу не остались забытыми и народъ съ благоговѣніемъ произноситъ его имя.

Перри, по разсказамъ Пахома, «былъ тученъ и не могъ самъ ходить по болотамъ; его носили на жердяхъ, переплетенныхъ «витвинами», а за нимъ нашивали мѣдное блюдце со сквозными рожками, которое онъ ставилъ на распорки, и, прищурясь, однимъ глазомъ сматривалъ по волоскамъ, натянутымъ въ сквозныхъ рожкахъ; а по тѣмъ волоскамъ велѣлъ ставить отъ мѣста до мѣста шесты и по шестамъ рубить просѣку». Такъ объяснялъ столѣтній старикъ астролябію, по которой Перри ставилъ румбы, пролагая линію будущаго канала. «За нѣмчиною случалося зачастую мнѣ носить длинное сквозильце, въ которое тотъ сматривалъ, когда выходилъ изъ лѣсу на высокое или открытое мѣсто, и оттуда видѣлъ Богъ вѣсть какъ далеко!» Подъ сквозильцемъ Пахомъ разумѣлъ зрительную трубу. «Кормчинъ, говорилъ старикъ, былъ сухощавъ и часто курилъ табакъ; я принашивалъ ему изъ своей избы уголь раскуривать трубку. Также, какъ и нѣмчина, онъ, ходя по просѣкамъ,

сматривалъ въ рожки мѣднаго блюдца и въ сквозильце». По указанію Пахома, на томъ мѣстѣ, гдѣ стоялъ шалашъ Петра, воздвигнутъ былъ памятникъ. На маріинской системѣ рѣшительно всякій шагъ связывается съ воспоминаніемъ о Петрѣ; на «бесѣдной горѣ» тоже показываютъ мѣсто, гдѣ отдыхалъ Петръ во время перваго своего посѣщенія Вянгинской пристани. Интересно, что народъ всѣхъ Вытегоровъ, а за ними и всѣхъ жителей присистемья прозвалъ «камзольниками—камзолъ Осударевъ украли». Преданіе говоритъ, что нѣкоему Гришкѣ пришло на умъ выпросить у Петра его камзолъ «себѣ и тѣмъ, кто умнѣе и добрѣе, на шапки; а шапки мы не только дѣтямъ, но и правнукамъ запасемъ на память о твоей, Осударь, милости». Случай этотъ въ передачѣ исказился и пошла по Руси приговорка: «Вытегоры-воры камзолъ Петра I украли».

XV.

Въ 1871 году счастіе кажется въ послѣдній разъ побаловало присистемныхъ жителей хорошимъ заработкомъ, который теперь съ каждымъ годомъ дѣлается все меньше и меньше, благодаря тому, что значительная часть груза, слѣдовавшаго прежде Маріинскою системою, пошла по рыбинско-бологовской желѣзной дорогѣ; вслѣдствіе этого упали фрахтовыя цѣны на суда и проходить ихъ стало меньше, а слѣдовательно и значительное число бурлаковавшихъ прежде жителей осталось безъ заработка. Да и хваленый 71-й годъ. только въ началѣ навигаціи былъ хорошъ для бурлаковъ, а въ концѣ концовъ всетаки хорошаго вышло мало. Съ начала весны судоходство, вслѣдствіе необыкновеннаго разлитія отъ дождей водъ, потребовало найма рабочихъ для

25

тяги судна втрое болѣе обыкновеннаго, бурлаковъ же изъ другихъ губерній, которые такъ ненавистны мѣстнымъ жителямъ ради постоянной сбавки пришельцами цѣнъ противъ туземцевъ, тогда еще не было и цѣны за путину значительно поднялись. Но спали воды, цѣны упали въ виду того, что ненавистные Мологжане и другіе искатели куска скверваго бурлацкаго хлѣба уже наводнили всѣ мѣста наемныя, рабочихъ накопилась гибель, а затѣмъ явилась холера, необыкновенная охотница до бурлаковъ и другихъ рабочихъ. Впрочемъ спасибо холерѣ: она разогнала пришельцевъ, а туземцы и рады бы удрать, да нельзя, не приказано, да кстати поднялись и цѣны; правда, много изъ нихъ перемерло, но за то остальные заработывали хорошія деньги. Въ нынѣшнемъ году стало бурлакамъ и коноводамъ еще плоше; спина человѣческая наконецъ и тамъ начала признаваться за плохую тягу и въ шлюзованной части Маріинской системы, въ Вытегорскомъ уѣздѣ, была введена товариществомъ инженера Усова конная тяга, которая такимъ образомъ замѣнила въ значительной степени рабочую человѣческую силу къ немалой скорби обладателей оной. Лошади для тяги нанимаются изъ того же Мологскаго уѣзда, такъ какъ мѣстные жители (вѣроятно недостаточно голодные) требовали, сравнительно съ Мологжанами, болѣе высокую плату.

Не въ лучшемъ положеніи лоцмана и гребцы, которые вплотную усѣлись по Свири и жили проводомъ судовъ. Буксирное пароходство, на которое слышатся жалобы уже на Невѣ, и здѣсь пользуется у мѣстныхъ жителей эпитетами «проклятаго» и т. п. Въ 1871 году напр., буксирные пароходы, не прибѣгая къ помощи гребцовъ, провели по Свири въ теченіе навигаціи до 1000 судовъ, черезъ что гребцы потеряли обычнаго своего дохода до 5000 р. с.,

а лоцмана лишились выдававшихся имъ «на рукавицы» съ гребнаго судна по 2 р. или со всей тысячи—2000 р. с. Въ 1872 году количество проведенныхъ буксирными пароходами судовъ еще болѣе увеличилось, такъ что составляло почти половину общаго количества прошедшихъ по Свири. Съ своей стороны эпидеміи и болѣзни довершаютъ горе присистемныхъ жителей и многихъ вырываютъ изъ ихъ среды въ ту страну, гдѣ нѣсть болѣзнь, ни печаль, гдѣ не нужно никакихъ заработковъ, текутъ рѣки медвяныя въ берегахъ кисельныхъ—бери ложку, садись и хлебай вволю; остается лишь пожалѣть, что отъ этихъ прелестей не пользуются остающіеся въ живыхъ, а, напротивъ того, оставаясь безъ главной рабочей силы, семьи бѣднѣютъ, нищаютъ и голодаютъ. Въ 1871 году холера, занесенная въ Вытегорскій уѣздъ извнѣ Олонецкой губерніи, встрѣтила на Маріинской системѣ условія, крайне благопріятныя для своего развитія, заключающіяся въ рѣшительно лишь на Руси возможномъ плачевномъ состояніи путинныхъ, которые во время тяги судовъ употребляютъ грубую и малопитательную пищу, по нѣскольку дней не имѣютъ отдыха подъ теплымъ кровомъ, обременены весьма тяжелымъ трудомъ, подвержены всевозможнымъ крайностямъ температуры и къ тому-же не снабжены сколько-нибудь сносною одеждою и обувью. При такихъ лишеніяхъ и трудахъ они крайне воспріимчивы ко всякаго рода болѣзнямъ, а между тѣмъ медицинская часть на системѣ, для огромной массы больныхъ представляющая одну только Маріинскую больницу, слишкомъ скудна и въ обыкновенное время, а тѣмъ болѣе при появленіи въ большихъ размѣрахъ эпидемій. Почти нищее, Олонецкое земство однако рѣшилось хоть сколько нибудь помочь делу и затратило на прекращеніе холеры цѣлыхъ 2300 р. Умерло холерныхъ 56% всего количества

заболѣвшихъ и холера прошла благодаря... заморозкамъ. Но гораздо страшнѣе для рабочихъ на системѣ другая болѣзнь—слѣдствіе нечистоплотности, разврата, а иногда и невольнаго зараженія. Только въ 1871 году обратили вниманіе на страшное количество заболѣваній сифилисомъ и, спохватившись, устроили на средства земства на время навигаціи временную больницу для сифилитиковъ въ Вознесеньи. Благодаря этой мѣрѣ, смертныхъ случаевъ на 548 заболѣваній было только 4, но за то въ 1872 году заболѣло еще больше (610) и администрація вынуждена была предпринять съ своей стороны кое-какія мѣры для пресѣченія зла. Такимъ образомъ сдѣланы слѣдующія распоряженія: 1) составлено наставленіе волостнымъ начальствамъ, полицейскимъ сотскимъ и десятскимъ, съ цѣлью разъясненія жителямъ важности означенной болѣзни, ея заразительности, гибельныхъ отъ нея послѣдствій и необходимости безотлагательнаго и правильнаго леченія ея; 2) назначено производить медицинское освидѣтельствованіе судорабочихъ у Аннинскаго моста, въ Вытегорскомъ уѣздѣ, и на Вознесенской пристани, предваривъ притомъ, что зараженныхъ сифилисомъ будутъ пользовать въ земскихъ больницахъ безплатно. Первая мѣра сама по себѣ рѣшительно ни къ чему не ведетъ, по той простой причинѣ, что никто этихъ разъясненій не читаетъ. Намъ тутъ же пришлось слышать, какъ сотскіе и десятскіе на вопросъ самаго важнаго административнаго лица въ губерніи, что они должны дѣлать въ случаѣ эпидеміи или надежа, отвѣчали: «что приказать изволите, ваше превосходительство!» А между тѣмъ и на этотъ счетъ существуетъ цѣлая литература, которая разсылается по волостямъ со вмѣненіемъ въ долѣ всѣмъ деревенскимъ властямъ ознакомиться съ нею. Вторая мѣра—тоже ни къ чему не ведетъ, по той простой причинѣ, что, когда

человѣкъ долженъ работать изъ-за куска насущнаго хлѣба себѣ и семьѣ своей, то не проникнется онъ пониманіемъ губительности какой нибудь болѣзни, которая однако съ ногъ его не валитъ, и не пойдетъ лежать даже даромъ въ земскую больницу, которая, замѣтимъ въ скобкахъ, содержится на его же счетъ.

Вознесенье славится, между прочимъ, отличною постройкою судовъ, какъ морскихъ, такъ и. рѣчныхъ; строются они больше изъ казеннаго лѣса, въ числѣ 14—16 штукъ. Морскія суда только тѣмъ и отличаются отъ рѣчныхъ, что имѣютъ киль весьма выдавшійся и декъ; рѣчныя суда устраиваются или съ однимъ килемъ или даже и безъ него. Суда одного наименованія строются не всегда въ одинаковомъ размѣрѣ; это зависитъ отъ произвола строителя. Мореходныя суда, здѣсь строющіяся, поднимаютъ грузу: гальотъ до 15,000 п., свирская палубная лодка отъ 12 до 14,000 п., озерная палубная шкоя—до 10,000 п., лайбовая сойма, палубная до 4000 п.; рѣчныя суда поднимаютъ грузу меньше: свирская и пашская лодка—до 12,000 п., полулодка—до 8,000 п., тихвинка—до 4,000 п., и соминка или ластовая сойма—до 2,000 п. Постройка этихъ судовъ производится по большей части артелями «въ круглую», съ подряда за все судно; цѣны крайне не опредѣленны, такъ что гальотъ, смотря по оснасткѣ и по быстротѣ хода, оплачивается, напримѣръ, отъ 8 и до 16 тысячъ рублей, а соминка отъ 800 и до 2 тыс. рублей.

XVI.

Лишь только встанетъ солнце, какъ пароходъ снимается съ якоря и входитъ въ Онего (начиная отъ Сермакса

къ Петрозаводску пароходы отапливаются дровами, тогда какъ, идя Невою и Ладогою жгутъ уголь; дрова покупаются съ подряда на годъ, съ вывозкою въ Сермаксъ, Лодейное Поле, Мятусовъ ручей и Вознесенье по 2, $2^1/_2$ и 3 р. за сажень трехполѣнныхъ). Если Ладога красива своей безбрежностью, то Онего щеголяетъ своими берегами; пароходъ все время идетъ въ виду западнаго берега озера, чрезвычайно гористаго и покрытаго сплошнымъ лѣсомъ, среди котораго чрезвычайно живописно расположены деревни и села съ бѣлыми церквами. Пароходъ нигдѣ по пути Онегой до самаго Петрозаводска не останавливается, хотя и проходитъ недалеко отъ Шокши, гдѣ добывается знаменитый Шокшинскій порфиръ, кусокъ котораго былъ посланъ въ подарокъ Франціи съ тѣмъ, чтобы изъ него высѣченъ былъ саркофагъ Наполеона I. На Брусничномъ островѣ виднѣется вышка и на ней что-то болтается — это фонарь, который ночью горитъ и служитъ почти единственнымъ маякомъ на Онегѣ. Еще въ 1871 году поднятъ былъ вопросъ о необходимости назначенія гидрографической экспедиціи для изслѣдованія Онежскаго озера, съ цѣлію устраненія опасностей плаванія, развитія на немъ судоходства, торговли и промысловъ; но судьба видимо всегда и всюду гонитъ нашъ сѣверъ и никто, кромѣ нѣсколькихъ знающихъ дѣло людей, не признаетъ неоходимости помочь его нуждамъ. До сихъ поръ намъ гораздо лучше извѣстны Тянь-Шань и центральная Азія, чѣмъ нашъ русскій сѣверъ; мы ищемъ рудъ чуть-ли не въ Китайскомъ Туркестанѣ и въ тоже время съ пренебреженіемъ относимся къ тому, что лежитъ у насъ чуть не подъ бокомъ и само, такъ сказать, просится быть взятымъ. Послѣ долгихъ мытарствъ проектъ гидрографической экспедиціи на Онего былъ наконецъ отвергнутъ или, что тоже, предложено было Олонецкому

емству давать на экспедицію ежегодно по 5,000 руб. сер. Олонецкое земство, которое не знаетъ, какъ прокормить губернію. будетъ вдругъ давать 5,000 р: ежегодно на промѣрочную экспедицію! Все это лишь доказываетъ, что въ дѣлѣ этомъ хотѣли политичнымъ образомъ отказать и что такое огромное внутреннее море, каково Онего, до сихъ поръ еще считается чѣмъ то вродѣ лужи, которая никому не пригодна. А между тѣмъ Олонецкая губернія, раскинутая на пространствѣ 2,700 кв. миль, не имѣетъ вовсе путей сообщенія; благодаря игнорированію такой лужицы, какова Онего. Удобные сухопутные пути существуютъ лишь для соединенія между собою городовъ, да и то не всѣхъ, расположенныхъ на болѣе или менѣе отдаленныхъ окраинахъ Онежскаго озера, которое, представляя площадь въ 230 кв. миль, или около 1,000 верстъ береговаго протяженія, считается, по величинѣ, вторымъ послѣ Ладоги въ Европѣ и занимаетъ кромѣ того средину губерніи. По почтовому тракту напр., разстояніе между Каргополемъ и Повѣнцомъ вокругъ озера составляетъ около 800 верстъ, а между Каргополемъ и Петрозаводскомъ свыше 600 верстъ. По своему положенію въ самомъ центрѣ губерніи, а также и за отсутствіемъ сколько нибудь удобныхъ торговыхъ дорогъ. Онежское озеро имѣетъ весьма важное значеніе для внутренняго сообщенія поселеній, расположенныхъ по его прибрежьямъ, и для внѣшняго торговопромышленнаго движенія грузовъ къ Петербургу. Онего омываетъ берега пяти уѣздовъ, съ 180,000 душъ населенія, обитающаго при его заливахъ и на островахъ. Два города, а именно Петрозаводскъ и Повѣнецъ, находятся на самыхъ берегахъ Онежскаго озера; другіе два, Вытегра и Пудожъ, не въ далекомъ отъ него разстояніи, при впаденіи двухъ довольно большихъ рѣкъ съ удобными дельтами. Судоходство на озерѣ значительно;

плавающія на немъ мореходныя суда, не говоря уже объ огромномъ количествѣ небольшихъ промысловыхъ соймъ, дѣлаютъ въ навигацію 570 рейсовъ съ грузомъ цѣнностью на $^1/_2$ м. рублей. Такъ напр., въ 1870 г. на пристаняхъ Онежскаго озера было въ приходѣ 283 мореходныхъ судовъ и 143 соймы, а въ отходѣ 282 судна и 143 соймы; бревенъ сплавлено 91,060 концовъ и 172 плота; при этомъ дровъ сплавлено 17,080 куб. саженъ, а досокъ 436,464 фута; при этомъ дѣлѣ кормилось рабочихъ 1,756 человѣкъ.

Кромѣ лѣса, главная масса котораго, въ бревнахъ и доскахъ, идетъ въ р. Свирь, судовые грузы заключаются въ хлѣбныхъ и другихъ товарахъ, доставляемыхъ изъ Вытегры въ Вознесенье, въ Петрозаводскъ, Повѣнецъ, Пудожъ и значительныя прибрежныя селенія. На пудожскомъ и петрозаводско-повѣнецкомъ прибрежьяхъ находится уже до пяти лѣсопильныхъ заводовъ, а лѣса гибель, — ясно, что число этихъ заводовъ возрастетъ до большаго количества, когда явится возможность безопасно слѣдовать по Онегѣ. Богатство лѣса по берегамъ Онего до того велико, что горбыли и браковыя доски сжигаются, такъ какъ ихъ некуда дѣвать; по берегамъ же расположены превосходныя ломки гранита, порфира и мраморовъ. По всему озеру производится обширное рыболовство, такъ что напр., въ мѣстности между Климецкимъ островомъ и южною частью Повѣнецкаго уѣзда, около группы Песочныхъ острововъ, бываетъ въ одно время въ дѣйствіи до 500 неводовъ и кереводовъ. Предметы всѣхъ этихъ промысловъ сплавляются по озеру къ Петербургу; озеромъ же доставляется въ столицу рыба и весь пушной товаръ, привозимые съ Поморья, а также идутъ и толпы богомольцевъ, направляющихся въ Соловецкій монастырь.

При такомъ-то важномъ торговопромышленномъ значеніи, Онежское озеро въ морскомъ отношеніи, находится въ самомъ первобытномъ состояніи. Оно не промѣрено и не описано; на географическихъ картахъ очерчивается совершенно неправильно съ фиктивными заливами и мысами и въ тоже время съ огромными пропусками (напр. пропущены три Ивановскихъ острова и цѣлая група острововъ Песочныхъ); для предостереженія отъ подводныхъ камней и мелей плавающимъ по немъ торговымъ и промысловымъ судамъ не сдѣлано рѣшительно ничего. Правда, между Вытегрою и Вознесеньемъ имѣются какія-то двѣ башни съ едва мигающими огнями, освѣщающими сажени на 2 по радіусу, но назвать ихъ маяками было бы рѣшительною дерзостью; что касается до Брусничнаго маяка, то онъ поставленъ недавно, да и то фонарь на шестѣ въ странахъ цивилизованныхъ не принято называть маякомъ. Понятно, что такіе первобытные маячные огни не могутъ быть полезны, когда наступаютъ на Онегѣ темныя, мглистыя осеннія ночи. Отсутствіе промѣровъ Онежскаго озера, отличающагося разнообразнымъ до крайности строеніемъ дна и предоставляющаго то глубокую падь, бучило, то подводныя скалы и отмели съ громадными валунами, неимѣніе меркаторскихъ картъ и морскихъ предохранительныхъ знаковъ препятствуютъ безопасному, а слѣдовательно и вообще правильному судоходству. Опасности эти увеличиваются еще частыми бурями, особенно осенью, и туманами, при которыхъ суда должны укрываться въ немногочисленныя природныя бухты, или же, за отдаленіемъ этихъ тихихъ пристанищъ, пускаться въ озеро на произволъ бури. Не говоря уже о значительномъ числѣ погибнувшихъ торговыхъ и промышленныхъ судовъ, случаются несчастія и съ пароходами, такъ напр., потерпѣлъ крушеніе частный пароходъ на пути отъ Петрозавод-

ска къ Вознесенью, попавъ на подводный камень; въ другой разъ товаро-пассажирскій пароходъ «Александръ Свирскій» двое сутокъ блуждалъ по озеру близъ западнаго его берега и только случайно былъ загнанъ въ удобное и безопасное мѣсто, гдѣ и выстоялся; наконецъ, въ нынѣшнемъ году пароходъ «Петрозаводскъ» сталъ на луду по счастью близъ берега у Яндомозерскаго погоста на сѣверномъ берегу озера. Только плававшіе по морямъ могутъ вполнѣ понять, насколько такое плохое состояніе водъ Онежскаго озера въ гидрографическомъ отношеніи можетъ замедлять и даже парализовать всякую попытку въ развитіи судоходства, а слѣдовательно и торговлю, принужденную пользоваться этими неизвѣданными водами; только благодаря извѣстному русскому «авось, небось да какъ нибудь», еще сколько нибудь существуетъ здѣсь судоходство; размышляющій же, осторожный человѣкъ едвали бы рискнулъ пройти съ грузомъ по этой «aqua incognita». И дѣйствительно только недавно учредилось Петрозаводское пароходство; всего года два, какъ пароходы рискнули пройти до Повѣнца, но въ Пудожъ и Вытегру ихъ не заманишь никакими калачами, такъ какъ идти почти на вѣрную гибель по крайней мѣрѣ не разсчетливо. Съ другой стороны, нѣтъ никакого сомнѣнія, что съ изданіемъ меркаторскихъ картъ и установленіемъ морскихъ предостерегательныхъ знаковъ, судоходство на озерѣ Онего будетъ постоянно развиваться, такъ какъ, съ устраненіемъ опасностей плаванія къ сѣверо-восточнымъ и восточнымъ берегамъ, на нихъ возникнутъ новые виды промышленности, изъ которыхъ главнѣйшіе— добыча металлическихъ рудъ и техническая разработка лѣсныхъ продуктовъ, ожидающія для своего развитія только удобныхъ и безопасныхъ путей сплава съ мѣста сбыта. Развитіе судоходнаго движенія, съ своей стороны, не за-

медлитъ несомнѣнно привлечь капиталы и предпріимчивость на устройство морскихъ судовъ и на распространеніе научной морской практики между мѣстнымъ населеніемъ, которое дастъ прекрасныхъ, природныхъ, такъ сказать моряковъ для нашего будущаго коммерческаго флота. Сомнѣваются въ возможности при всеобщей военной повинности добыть матросовъ и въ тоже время не хотятъ ровно ничего сдѣлать для того, чтобы страна могла дать всегда извѣстный контингентъ бодрыхъ мореходовъ—практиковъ! Еще большее значеніе получитъ Онежское озеро, когда, наконецъ, хоть одинъ изъ проектовъ соединенія Поморья съ Онежскимъ озеромъ перейдетъ въ область дѣйствительности и отъ Бѣлаго моря къ Повѣнцу пройдетъ или каналъ, или желѣзноконная дорога. Наконецъ нельзя не замѣтить, что затраты казны на изслѣдованіе Онежскаго озера въ гидрографическомъ отношеніи отнюдь не будутъ не производительны и вознаградятся въ народной, а слѣдовательно и въ государственной экономіи первыми же грузами, спасенными отъ погибели.

XVII.

Издалека еще начинаютъ выясняться на горизонтѣ очертанія живописныхъ Ивановскихъ острововъ, а затѣмъ изъ-за лѣса показывается и куполъ вновь строющагося Петрозаводскаго собора и колокольня собора Петропавловскаго, выстроеннаго Петромъ Великимъ, который счелъ болѣе полезнымъ утилизировать ее и устроилъ на ней для себя небольшую обсерваторію. Наконецъ пароходъ входитъ въ узину между лѣвымъ берегомъ Онеги и Ивановскими островами (7—8) верстъ и подъѣзжаетъ къ пристани, гдѣ его ожидаетъ чуть ли не весь Петрозаводскъ, которому нечего дѣ-

лать и который или приноситъ посильный доходъ воспитательному дому, или же является поглазѣть на пріѣзжающихъ. Подходя къ пристани, пароходъ разцвѣчивается флагами и вымпелами, а капитанъ почему-то считаетъ долгомъ облечься въ новенькій пиджакъ; полагать надо, что все это творится ради Петрозаводскаго бомонда и фланеровъ, для ѣдущихъ же все это считается излишнимъ: полюби насъ дескать сѣренькими. Полицейскій офицеръ останавливаетъ васъ еще на пароходѣ вопросомъ: «кто вы?»—вы сначала немного ошалѣваете, такъ какъ такой вопросъ со стороны блюстителей порядка звучитъ чѣмъ то въ родѣ: «ага! попался, голубчикъ!» но тѣмъ не менѣе вы отвѣчаете и удовлетворяетесь наконецъ вполнѣ, когда вамъ объясняютъ, что это дѣлается для вашего же личнаго спокойствія и удобства, чтобы полиція могла потомъ помочь вамъ чѣмъ можетъ, вамъ новопріѣзжему и слѣдовательно незнакомому съ мѣстностью. Затѣмъ извощики вырываютъ у васъ багажъ, просятъ: «что пожалуете!» Вы говорите, что знаете, что это значитъ, они улыбаются, назначаютъ цѣну весьма умѣренную. и чуть не маршъ-маршемъ везутъ васъ по Соборной улицѣ, въ гору, въ гостинницу Палермо (это у насъ-то, на Сѣверѣ! — вотъ ужъ по-истинѣ, «много есть вещей, другъ Горацій, для насъ непонятныхъ!»), которая выдается ими за лучшую, и дѣйствительна была бы хороша и не для Петрозаводска, она не осрамила бы и Петербурга; все тамъ миніатюрно, но крайне чисто, порядочно и мило; цѣны весьма умѣренныя, пружинные тюфяки съ полнымъ отсутствіемъ докучливаго населенія, умывальныя машинки, вентиляторы, органъ, бильярдъ, кегли, небольшой садикъ, превосходнѣйшій видъ на Петрозаводскую (Соломинскую) губу, Ивановскіе острова и Соломинскій погостъ, съ церковью, построенною на одномъ огромномъ валунѣ,

выдавшемся изъ озера, газеты, — все это вмѣстѣ весьма радуетъ пріѣзжаго человѣка, который ожидаетъ найти обыкновенный губернскій клоповникъ и попадаетъ сравнительно въ рай, въ особенности по части этого звѣря.

XVIII.

Въ тотъ же день мы осмотрѣли Петрозаводскъ, который, впрочемъ, осмотрѣть весьма не трудно, такъ какъ, собственно говоря, онъ состоитъ изъ одной улицы и изъ нѣкотораго подобія безобразной пропасти, которая какъ бы вымощена шлаками и въ которой прячется отъ взоровъ любопытныхъ знаменитый Александровскій пушечный и снарядный заводъ. Первый Петровскій заводъ построенъ былъ на устьѣ рѣчки Лососинки въ 1703 году. Это горнозаводское заведеніе было поводомъ къ образованію здѣсь слободы, подъ именемъ Петровской, которая при Петрѣ еще начала развиваться и имѣла уже въ его времена до 30 домовъ, разбросанныхъ по холмамъ. Отъ Петровскаго завода, разрушеннаго впослѣдствіи, остались весьма немногіе слѣды. Вмѣсто него построенъ былъ нынѣшній Александровскій заводъ на правомъ берегу Лососинки, почти въ центрѣ нынѣшняго города въ 1774 году, и перестроенъ, въ 1794 году. Петровская слобода возведена на степень города въ 1777 году; въ 1784 Петрозаводскъ сдѣланъ губернскимъ городомъ Олонецкагоо намѣстничества и въ 1801 году губернскимъ городомъ Олонецкой губерніи. Отъ Петра остался здѣсь совершенно перестроенный соборъ, который захотѣли передѣлать въ болѣе красивомъ, будто бы, видѣ потомки и лишили этотъ памятникъ генія именно того отпечатка, который до такой степени характеризовалъ Петра. Соборъ былъ деревянный и состоялъ изъ 5 этажей, которые возвышались постоянно

31

уменьшаясь въ размѣрахъ; верхній этажъ служилъ походной обсерваторіей Петра; по фасаду шла лѣстница, которая вела на 5 этажъ и давала возможность не лазить на верхъ по внутренней лѣстницѣ, конечно не безупречной по чистотѣ и качеству воздуха. И лѣстница, и обсерваторія и 4 галлереи на церкви — все это снесено и нынѣшній Петрозаводскій соборъ рѣшительно ничѣмъ не напоминаетъ Петрова духа. Въ соборѣ есть нѣсколько иконъ изъ походной церкви Петра и, между прочими, одна превосходная старинная икона, Соловецкаго письма начала 17 вѣка, что и показываетъ находящаяся на ней надпись, которую удалось намъ разобрать. Есть еще садъ, который насажденъ Петромъ лично и который скоро кажется кончитъ свое существованіе, при полномъ отсутствіи желанія поддерживать его въ порядкѣ.

XIX.

Прошло со времени основанія на Лососинкѣ завода 170 лѣтъ и дѣло рукъ Петровыхъ идетъ только еле-еле, чтобы не сказать большаго. Извѣстно, какъ казенное управленіе можетъ прибыльное дѣло сдѣлать убыточнымъ, и Александровскій заводъ служитъ превосходнымъ подтвержденіемъ этой способности. Пушки и снаряды обходятся необычайно дорого, гораздо дороже заказныхъ иностранныхъ (сравнительно конечно), новаго дѣла никто не считаетъ нужнымъ начинать, старыя подѣлки, въ родѣ незатѣйливыхъ перилъ, утюговъ и лопатъ кое-какъ работаются на заводахъ, но все это обходится такъ дорого, что является недоступнымъ для частныхъ закащиковъ. Горное управленіе составляетъ вполнѣ государство въ государствѣ въ Петрозаводскѣ и необыкновенно тщательно закрываетъ свои двери предъ несное

ными любопытствующими посѣтителями. Такъ напр., по первому же абцугу насъ чуть не прогнали изъ владѣній синяго кантика. Увѣренные въ просвѣщенности горнаго начальства, какъ и всякаго начальства вообще, мы было направились къ запретнымъ вратамъ Александровскаго завода, но были остановлены страшными криками вѣрнаго цербера «куда! куда!»; мы были поражены, но поспѣшили разъяснить, что мы дерзнули думать, что возможно осмотрѣть заводъ. «Еще позволитъ ли начальство!» былъ отвѣтъ цербера, который тутъ же и разъяснилъ намъ недоумѣвающимъ, какой огромный рядъ мытарствъ надо пройти для того, чтобы получить право войти въ заказанныя смертнымъ ворота. Только нѣсколько времени спустя, рискнули мы наконецъ отправиться по этимъ мытарствамъ и осмотрѣть заводъ и такъ-называемую лавку, гдѣ навалены кучи лопатъ, утюговъ и гирь.

Благодаря готовности остальнаго мѣстнаго начальства способствовать всякому человѣку, изъявившему желаніе заняться изученіемъ края, намъ доставлена была полная воможность видѣть все, что только достойно вниманія въ Петрозаводскѣ. Первымъ дѣломъ мы отправились въ музей, который только-что былъ отрытъ по инипіативѣ олонецкаго начальника губерніи. Пока музей помѣщается въ обширной круглой залѣ такъ называемаго дворца или губернаторскаго дома. Изъ предметовъ, находящихся въ музеѣ, обращаютъ на себя вниманіе: полная коллекція (31 разновидность) мраморовъ, ломаемыхъ въ предѣлахъ Олонецкой губерніи, небольшая коллекція минераловъ и земель, собраніе древнихъ монетъ, отысканныхъ въ предѣлахъ губерніи, утварь, снасти, части одежды, орудія и оружіе жителей Прионежскаго края и наконецъ превосходно исполненные слѣпки мѣстности на Марціальныхъ водахъ и замѣчательной Киж-

32

ской церкви съ 28 главами. Изъ монетъ особенный интересъ представляютъ: монета Всеволода Ярославича и значительное собраніе монетъ сибирскихъ. Насколько намъ извѣстно,—это первое доброе исчадіе губернскихъ статистическихъ комитетовъ, которые въ большинствѣ случаевъ либо вовсе не собираются и ничего не дѣлаютъ, либо собираются и ничего не дѣлаютъ, либо собираются для того, чтобы попить чайку съ его превосходительствомъ и поболтать по части городскихъ сплетень. Примѣръ Петрозаводскаго комитета по истинѣ хорошъ, но врядъ-ли послѣдуютъ ему остальные комитеты, такъ какъ ничегонедѣланіе слишкомъ присуще у насъ тѣмъ мѣстамъ и должностямъ, съ которыми не соединено никакого приличнаго содержанія. Отчего бы въ самомъ дѣлѣ не устроить по губернскимъ городамъ при статическихъ комитетахъ музеевъ, подобныхъ Петрозаводскому, которые наглядно показывали бы всю бытовую сторону мѣстнаго народонаселенія. Отчего не устроить при этихъ музеяхъ небольшія библіотеки, хотя бы даже только изъ книгъ, обязательно поступающихъ во всѣ комитеты? Но для этого нужна добрая воля и энергія, соединенная съ знаніемъ, а всего этого у насъ еще слишкомъ мало.

XX.

Желая собрать кое-какія новыя свѣдѣнія по расколу, мы обратились въ мѣстныя духовныя библіотеки, но занятія въ семинарской библіотекѣ особенныхъ результатовъ не дали, по той причинѣ, что туда изъ раскольничьихъ рукописей поступало лишь самое незначительное количество, да и кромѣ того не изъ интересныхъ, да и потому еще, что прежніе изслѣдователи поисчерпали уже достаточно этотъ источникъ. Иное дѣло — библіотека раскольничьихъ рукописей при ар-

хіерейскомъ домѣ. Послѣ всевозможныхъ отклоненій, намъ отворены были двери этого хранилища, но съ недовѣріемъ, опаской. Требовались удостовѣренія въ личности, подписки, росписки и, въ особенности, когда мы изъявили желаніе увезти нѣсколько наиболѣе интересныхъ рукописей съ собою. Сначала мы выслушали прямой отказъ и, только благодаря разнымъ вспомогательнымъ мѣрамъ со стороны нѣкоторыхъ лицъ, мы получили наконецъ возможность заняться поподробнѣе надосугѣ тѣмъ интереснымъ апокрифическимъ матеріаломъ, который удалось намъ разыскать въ архіерейской библіотекѣ. Печальное зрѣлище представляетъ эта библіотека; книги тамъ лежатъ безъ всякой кому-либо пользы и гніютъ, благодаря сырости комнаты; отобрали у людей все, что было для нихъ такъ дорого, что стоило такихъ огромныхъ человѣческихъ трудовъ, и заперли все это въ какой-то смрадный и сырой подвалъ; интереснѣе всего, что тамъ же въ углу валяется нѣсколько иконъ святыхъ, признаваемыхъ православною церковью стараго письма, но и имъ, какъ произведеніямъ, вѣроятно, раскольничьихъ нечистыхъ рукъ, суждено гнить въ сырости. Неужели нельзя отдать всѣ книги, хотя бы въ тотъ же музей, для того, чтобы добрые люди пользовались ими на пользу общую! Но видно далеко еще то время, когда такого рода варварское обращеніе съ книгами перестанетъ быть возможнымъ на Руси. Что занятія въ библіотекѣ и въ особенности увозъ съ собою книгъ сопряжены съ такими формальностями и затрудненіями, этому отчасти виноваты, впрочемъ, сами господа эксперты отъ наукъ; насъ невольно передернуло, когда на нашу просьбу допустить насъ въ библіотеку насъ просили «не воровать книгъ» и разсѣяли наше недоумѣніе разсказомъ о томъ, какъ еще недавно одинъ ученый мужъ, занимавшійся въ той же библіотекѣ,

увезъ потихоньку нѣсколько крайне интересныхъ рукописей. Какъ же требовать уваженія къ знанію отъ приставниковъ, когда сами люди науки не различаютъ чужой собственности отъ своей. Тѣмъ не менѣе намъ удалось пересмотрѣть всю библіотеку и найти въ ней много интереснаго по части апокрифической литературы, которая и была предметомъ нашихъ исканій.

XXI.

Быть въ Петрозаводскѣ и не истратить кое-какую сумму на покупку коллекціи мраморовъ и нѣсколькихъ пепельницъ или спичечницъ — почти то же, что быть въ кунсткамерѣ и не примѣтить слона. Прежде, во времена постройки или вѣрнѣе отдѣлки Исаакіевскаго собора, на мраморы былъ спросъ, а потому на Тивдинскихъ (Тивдія — погостъ, извѣстный почему то на картахъ подъ испорченымъ прозвищемъ Тивуниа) ломкахъ и образовалась цѣлая масса рабочихъ, которые жили обтеской мрамора; но прошло ихъ блаженное время, Исаакіевскій соборъ выстроился, и люди, отвыкшіе отъ всѣхъ иныхъ средствъ къ снисканію пропитанія, лишились рѣшительно всякой возможности къ прокормленію себя и семействъ своихъ и, по большей части, пьютъ въ запивущую. Казнѣ мраморныя и другія цвѣтнокаменныя ломки не приносятъ ровно ничего, и лежатъ эти богатства и ждутъ прихода новаго Петра, который бы употребилъ ихъ въ дѣло. Только и есть еще пожива несчастнымъ рабочимъ, когда какіе-нибудь вѣтры занесутъ въ Петрозаводскъ сторонняго человѣка, отъ мѣстныхъ же папуанцевъ и дѣятелей не увидять они ни алтына. Способы обработки самые первичные; деревянныя пилы до сихъ поръ еще не замѣнены стальными; отдѣлка грубая, моделей ни-

какихъ, все дѣлается чуть не по трафареткѣ, сработанной при прародителяхъ, а потому и проѣзжій рѣдко увлекается и покупаетъ почти только изъ одной жалости къ голодному люду, оторванному отъ другихъ заработковъ и оставленному затѣмъ на произволъ судьбы.

Разъ какъ то прослышали про богатство олонецкихъ ломокъ французы и явились съ предложеніемъ разработывать мѣстный мраморъ, съ обязательствомъ уплачивать въ казну съ каждаго добытаго пуда по 1 к. с. Кто то изъ безчисленныхъ олонецкихъ нянекъ (а ихъ тамъ 5) согласился, написали контрактъ, назначили недурненькую неустойку, и французы приступили къ работамъ. Наналомали они нѣсколько сотъ пудовъ, какъ вдругъ другое вѣдомство, у котораго не испросили разрѣшенія на отдачу ломокъ въ аренду, объявило, что контрактъ заключать первое вѣдомство не могло, такъ какъ мраморъ ломается не на частныхъ земляхъ, а на государственныхъ. Дѣлать нечего — контрактъ былъ нарушенъ и заплатили французамъ условленную неустойку. Французы не оставили однако дѣла и поѣхали хлопотать о немъ; такъ или иначе, но только удалось имъ уговорить расходившееся вѣдомство и заключить съ нимъ новый контрактъ съ новой оговоркою насчетъ неустойки. Снова закипѣла работа на ломкахъ, снова ожили мѣстные рабочіе и вѣкъ думали заработывать у французовъ пропитаніе, какъ вдругъ взбѣленилось третье вѣдомство и стало требовать прекращенія разработки, основываясь на томъ, что мраморы и цвѣтные камни залегаютъ въ нѣдрахъ земли, а оно съ ними то и няньчится; почему, говоритъ, у меня разрѣшенія не испрашивали? Опять нарушили контрактъ, опять заплатили французамъ неустойку, но французы хлопатать уже не стали — видно побоялись остальныхъ двухъ нянекъ и не хотѣли возиться съ такимъ

34

странным народомъ, каковы были тогдашнія олонецкія няньки. Впрочемъ, очень жаль, что легкомысленные французы не похлопотали у няньки, завѣдующей нѣдрами земли, потому что убытка, собственно говоря, имъ не было никакого, такъ какъ они получили двѣ неустойки, а опасаться вторженія въ дѣло остальныхъ двухъ нянекъ было съ ихъ стороны крайне легкомысленно, такъ какъ одно изъ нихъ завѣдуетъ духовнымъ міромъ олонецкихъ гражданъ, а другое водами, и обѣимъ до мраморовъ никакого дѣла нѣтъ. Конечно, могли впутаться и онѣ, такъ какъ французы хотѣли устроить пароходство для сплава мраморовъ по олонецкимъ водамъ и кромѣ того могли бы заклятымъ папизмомъ своимъ оказывать дурное вліяніе на олонецкихъ папуанцевъ, но такого тупоумія трудно было ожидать. Какъ бы то ни было, но вслѣдствіе исторіи съ французской компаніей олонецкіе мраморы и цвѣтные камни и до сихъ поръ лежатъ себѣ спокойно и ждутъ предпріимчивыхъ, энергическихъ дѣятелей, которые захотѣли бы снова связаться съ няньками и нажить хорошія деньги, а также дать хорошій заработокъ мѣстнымъ рабочимъ.

XXII.

Всѣхъ сортовъ Олонецкаго мрамора извѣстно до сихъ поръ 31, и такъ какъ врядъ-ли кто изъ частныхъ лицъ имѣетъ понятіе о разнообразіи этого рода богатства Олонецкой губерніи, то мы и считаемъ неизлишнимъ дать здѣсь хотя нѣкоторыя краткія указанія по этой части. Въ большой Тивдійской горѣ залегаютъ 7 сортовъ мрамора. Съ восточной стороны, въ первой брешн залегаетъ свѣтлокрасный мраморъ стѣною до 12 саженъ въ вышину надъ поверхностью воды. Тутъ же ломаются мраморы: жильный, темно-

красный и чернобровый. Всѣ эти ломки отстоятъ отъ бывшаго Тивдійскаго завода всего на какихъ нибудь 50 саженъ; всѣ сорта парииисты и крѣпки, и штуки ихъ могутъ быть добываемы величиною до 6 арш., исключая черноброваго, куски котораго еще не попадались свыше 6 вершковъ. Изъ свѣтлокраснаго и жильнаго мрамора дѣлались прежде подоконники для зимняго дворца, колонны и внутреннія украшенія въ Исаакіевскомъ соборѣ, а изъ черноброваго — мелкія издѣлія, такъ какъ по незначительной толщѣ слоя значительныхъ разработокъ не было производимо. Во второй бреши той же Тивдійской горы, въ 200 саженяхъ отъ бывшаго завода, залегаетъ стѣною бѣлогорскій свѣтлокрасный мраморъ, куски котораго попадаются величиною до 6 арш.; онъ отличается отъ Тивдійскаго большегорскаго лишь тѣмъ, что онъ мягче и болѣе легко поддается обработкѣ; въ блаженныя для заводовъ времена изъ него дѣлали подоконники для зимняго дворца. Съ сѣверной стороны горы находится залежь въ видѣ небольшаго кряжа такъ называемаго свѣтлокраснаго отрывистоленточнаго мрамора; отъ Тивдіи до мѣста ломки около 1 версты разстоянія; куски попадаются до 6 арш. Въ 300 саженяхъ отъ завода разработывался еще шпатовый съ бѣлокрасными пятнами мраморъ, который залегаетъ стѣною; такъ какъ не удавалось находить кусковъ болѣе 6 верш., то онъ и употреблялся лишь для выдѣлки небольшихъ чашъ и пьедесталовъ. Наконецъ въ этой же мѣстности залегаетъ стѣною въ 5 саженъ красногорскій красный мраморъ, который отличается своею мягкостью и употреблялся въ кускахъ до 1½ арш. величиною для выдѣлки разныхъ мелкихъ вещей. Затѣмъ извѣстны еще: гажъ-наволокскій синеватый мраморъ, залегающій стѣною кусками до 1½ арш.; кривозерскій свѣтлокрасный мраморъ съ темнокрасными жилками — небольшимъ кряжемъ на берегу Кривозера, кусками

35

до $1^1/_2$ арш.; рабоченаволокскій свѣтлокрасный ординарный мраморъ — небольшимъ кряжемъ тамъ же, кусками до $1^1/_2$ арш. для прессъ-папье, пепельницъ и иныхъ мелочей. Соломенскій темнозеленоватый камень (соломинская брекчіа) — на берегу Соломинскаго пролива изъ озера Логмозера въ Онежскую губу, въ 6 верст. отъ Петрозаводска, залегаетъ скалою, кусками до 5 аршинъ; Пергубскій свѣтлокрасный мраморъ — близь селенія Пергуба, Повѣнецкаго уѣзда, залегаетъ въ небольшой горѣ, кусками до 2 арш.; лижмозерскій пестрый мраморъ — на берегу озера Лижмозера, залегаетъ въ горѣ, высотою до 6 саж., кусками до 2 арш.; карьеостровскій, бѣлосѣроватый, или мясной мраморъ — на острсвѣ озера Сандала, залегметъ въ горѣ кусками до 2 арш.; шокшинскій красный порфиръ или красный кварцевый песчаникъ кусками до 9 арш.; шокшинскій краснобурый слоистый камень — оба залегаютъ на юз. берегу Онежскаго озера, между станціями Шолтозерскою и Шокшинскою; первый въ горѣ, а второй въ ямѣ кусками въ $2^1/_2$ арш. длины и до 3 верш. толщины; брусниискій бѣловатый и блѣднозеленоватый камень — на юз: берегу Онежскаго озера, въ Брусномъ, лежитъ слоями въ ямѣ и добывается квадратными плитами въ 2 арш.; нигозерскій аспидъ — на берегу озера Нигозера, залегаетъ слоями въ ямахъ, встрѣчается въ плитахъ въ $2^1/_2$ арш. длины и 1 арш. ширины, хрупокъ и крайне высокаго достоинства; викшъ-ламбинскій темнозеленый камень — на берегу озера Сандала, залегаетъ горою, добывается кусками до 6 арш. длины; керчь-наволокскій красный сургучевый камень — на берегу озера Кривозера, залегаетъ въ землѣ кусками до 7 верш. длины; палосельгскій сургучнаго цвѣта камень — близъ деревни Палосельги, залегаетъ въ кряжѣ кусками въ 1 арш. длины; матюковскій зеленый камень — на берегу озера Сандала, залегаетъ въ кряжѣ кусками до

3 арш. длины; мунозерскій темномалиновый съ бѣлыми крапинами мраморъ — между озерами Пялозеромъ и Мунозеромъ, залегаетъ въ горѣ кусками до $1^{1}/_{2}$ арш. длины; пялозерскій темносургучный мраморъ — близъ озера Сундозера залегаетъ въ землѣ кряжемъ кусками до 12 верш. длины; красногорскій пестрый мраморъ — въ окрестностяхъ Тивдіи, залегаетъ въ небольшой горѣ кусками до 1 арш. длины; пялозерскій оранжевый мраморъ — близъ озера Сундозера, залегаетъ въ кряжѣ кусками до 1 арш. длины; горбовскій, темнобурый съ бѣлыми пятнами мраморъ — въ Бѣлой Тивдійской горѣ, залегаетъ въ небольшомъ кряжѣ кусками до 1 арш. длины; царевичскій блѣднозеленый съ черными крапинами мраморъ — близъ озера Укшозера и дачи Бутенева «Царевичи», залегаетъ въ небольшой горѣ кусками до 1 арш. длины; янгозерскій камень зеленаго цвѣта съ черными крапинами — близъ села Янгозера, залегаетъ въ горѣ кусками до 1 арш. длины и наконецъ янгозерскій камень съ красными и черными крапинами — близъ того же села, залегаетъ въ горѣ кусками до $1^{1}/_{2}$ арш. длины. Всѣ сорта разрабатывались на мелкія подѣлки; только пялозерскій и мунозерскій употреблялись на подѣлки кабинета Его Величества, изъ викшъ-ламбинскаго и мятюковскаго дѣлались надгробные памятники и наконецъ изъ шокшинскаго краснобураго, бруснинскаго и янгозерскаго аспида выдѣлывались столбы, карнизы, подоконники, полы, лещадки и ступени. Все это громадное богатство ждетъ капитала, труда и энергіи и конечно вознаградитъ десятирицею человѣка, который захочетъ приложить все это въ здѣшнихъ мѣстахъ.

36

XXIII.

Мечты свои отправиться сѣвернымъ берегомъ Онего вплоть до Повѣнца на лодкѣ чрезъ Кижу, Толвуй, Палеостровъ и Шунгу пришлось намъ отложить, потому что заонежане на этотъ разъ отложили въ сторону свою поговорку: «что пожалуете» и, въ конецъ избалованные покойнымъ Гильфердингомъ, который платилъ имъ огромныя деньги за доставленіе сказителей, за дичь, а также и за греблю на его лодкѣ, заонежане, говоримъ мы, запросили съ насъ 150 рублей за эту путину и не хотѣли и слушать моихъ предложеній, и потому я долженъ былъ измѣнить свой маршрутъ, такъ какъ у меня осталось бы довольно времени для посѣщенія Корелы. Порѣшивъ отправиться въ Повѣнецъ «горою», мы запаслись всякими разрѣшеніями, открытыми листами и письменными свидѣтельствами о личности и двинулись въ путь. Великолѣпнѣйшіе, грозные, дикіе виды по сторонамъ, новизна впечатлѣній — все это дѣлало путь пріятнымъ; ко всему этому слѣдуетъ замѣтить, что дорога отъ Петрозаводска до Повѣнца чутьли не лучшая изъ всѣхъ дорогъ объѣзженныхъ мною по Руси; по ея природному шоссе телѣжка катится какъ по столу, прионежскіе лошадки дѣйствуютъ изо всѣхъ силъ, а ямщики рады неожиданному проѣзжающему «за оные», т. е. прогоны, и въ силу всего этого, дѣлая по 18 верстъ въ часъ, мы несемся какъ угорѣлые и только и приходится покрикивать: «батюшка тише! пожалуста тише!» Проѣхали Шую или Шуйскій погостъ, гдѣ часа 2 толкуемъ за самоваромъ и за стаканчикомъ пуншика со стариками и слышимъ жалобы, жалобы и жалобы. «Вѣры меньше стало, молодежь табакъ курить стала», отовсюду гнетутъ старую вѣру, а мы что же? Мы ничего. Съ Шуи сплошь уже начинаются поселенія поморскаго толка; по спи-

скамъ большинство, чуть ли не всѣ жители, считаются православными и показываются лишь небывающими у исповѣди и св. причастія „по болѣзни или по нерадѣнію“, но на самомъ дѣлѣ едва выѣдешь изъ Петрозаводска, какъ являются восьмиконечные кресты (даже на православныхъ церквахъ въ видѣ уступки водружены кресты восьмиконечные), старинныя иконы, разныя картинки въ родѣ Сиренъ-птицы, козмографовъ и, главное, всенепремѣнно «древо благочестиое, т. е. родословное дерево князя Мышецкаго Боголѣпа, по преданію основателя Поморскаго толка; тутъ уже непремѣнно подъ тябломъ найдется дымило (кадило съ деревянной ручкой), которымъ всѣ безпоповцы кадятъ своимъ иконамъ утромъ и вечеромъ, а надъ окнами и дверями прибита бумажная ленточка съ превосходно выведенною на ней красно черными буквами надписью: «Христосъ съ нами уставися вчера и днесь тѣмъ же и во вѣки». Спросите у старика: «кто онъ?» и получите всенепремѣнный отвѣтъ: «православный, православный!» Но поговорите съ нимъ по душѣ, выпейте съ нимъ штукъ 6 стакановъ чаю, не вынимайте папиросы, дайте понять, что вы это дѣлаете изъ уваженія къ обычаямъ хозяевъ, похулите прижимку 54 года, разрушеніе Данилова, Лексы и другихъ монастырей, разубѣдите хозяина въ томъ, что вы чиновникъ, явитесь предъ нимъ просто человѣкомъ, сочувствующимъ притомъ не угнетающимъ, а угнетеннымъ, — старикъ мѣняетъ тонъ, тащитъ рукопись, икону изъ завѣтныхъ уголковъ, старается васъ угостить, толкуетъ, горячится, разсуждаетъ и въ концѣ концовъ стереотипная фраза: «мы нешто расколъ? расколомъ именовались тѣ, что отвергали божественность Христа и иные еретики». Часъ — другой разговора, къ вамъ уже лезетъ и баба, и парнишка, читаютъ вамъ кое-что, баба учитъ васъ писать и пишетъ притомъ такъ, что невольно задумываешься

о необходимости поучиться у нея нашим палеографам, парнишка разсказывает вам содержаніе картин, развѣшанных по стѣнам, притащит цѣнную рукопись, покажет, похвастает бойкостью чтенія, вы дѣлаетесь желанным гостем: «об вас понимают», кормят на убой и отпускают, чуть не со слезами. Дом, в котором вы были, большой, чистый, уютный, все хорошо, хозяйственно и невольно начинает гвоздить мозги дума, почему это русскому человѣку достаточно перейти в какой-нибудь раскольничій толк, чтобы сдѣлаться из сопатаго — чистым, из неряхи — опрятным хозяином, из лѣнтяя — трудолюбивым, из голытьбы — достаточным. Один бывшій миссіонер в раскольничьих поселеніях говорил так: «хорошо бы было, еслибы всѣ православные в раскол перешли», намекая конечно на бытовую сторону раскола, и приходится вполнѣ согласиться с ним, так как в расколѣ есть хоть какая нибудь копошащаяся идейка, а в русском крестьянствѣ — никакой. Прежде, правда, жутко бы было ѣхать в самый центр безпоповщинскаго населенія, но и то происходило не от того, чтобы мѣстное населеніе было опасно вообще. Во времена гоненій тут безпоповцев доводили до изступленія, хуже того—до самосожиганія и над ними же потом глумились и увѣряли, что самосожиганіе входит в догматы безпоповщинскаго толка. Конечно мысль о наступленіи царства антихристова, также с своей стороны способствовала ощущенію безнадежности положенія; под вліяніем разных настращиваній со стороны слишком уже ревнивых проповѣдников, мысль эта с особенною силою и жизненностью восприяла значеніе в сознаніи русскаго старовѣрства и развивалась в нем прогрессивно правительственным мѣрам, его давившим. Петли, кнуты, срубы, дыбы и хомуты были главнѣйшею причиною того,

что эта несчастная мысль переходила въ неминучее сознаніе безъисходности своего положенія, потрясавшее все существо старовѣровъ и наводила на нихъ страхъ и ужасъ предъ перспективою дальнѣйшаго продолженія жизни ихъ въ этомъ мірѣ, гдѣ нѣтъ ни истины, ни Бога, ни спасенія отъ духовнаго порабощенія антихристу и отъ тѣлесныхъ мученій. Впереди больному, напряженному ихъ воображенію, представлялись разныя муки отъ чиновниковъ такъ часто ими уже испытанныя, но тѣмъ не менѣе все таки ужасныя и еще болѣе ужасныя муки отъ антихриста, при одной мысли о которыхъ волосъ становится дыбомъ; и тѣ и другія муки могли поколебать ихъ твердость, они могли наконецъ отказаться отъ вѣры отцевъ и слѣдовательно лишиться послѣдней отрады въ жизни будущей, гдѣ нѣсть болѣзнь, ни печаль, ни воздыханіе. Что же дѣлать? Не дожидаться смерти отъ ревнителей и отъ антихриста и возсоединяться съ творцемъ такъ сказать, искуственнымъ путемъ, при посредствѣ самосожиганія. И жегся здѣсь народъ сотнями, тысячами! жегся съ пѣніемъ псалмовъ въ бѣлыхъ, праздничныхъ одеждахъ, «со свѣчами воску яраго сами яко свѣщи сожигалися!» «Дыма и смрада исполнися земля русская», говоритъ Даниловскій лѣтописецъ «отъ тѣлесъ человѣческихъ». «Се не весямъ и монастырямъ токмо адамантъ бѣ отъ страдальцевъ, но и дебри взликоваху о праведницѣхъ послужившихъ Господу». Такихъ необычайныхъ фактовъ въ Олонецкой губерніи было такъ много, что то и дѣло путнику указываютъ «священныя мѣста»; особенно въ послѣдней четверти XVII и въ первой половинѣ XVIII вѣка «дебри взликоваху» по землѣ Онежской. Въ «Исторію Выговской пустыни», написанную Филипповымъ, занесены только болѣе значительныя по числу сгорѣвшихъ ликованія дебрей, о другихъ же сохраняется память только или въ народномъ преданіи и над-

могильныхъ холмахъ, или въ раскольничьихъ помянникахъ и житіяхъ, или же кое въ какихъ офиціальныхъ документахъ. Мы не станемъ повторять здѣсь тѣ свѣдѣнія, которыя приводитъ Филипповъ, и укажемъ лишь тѣ случаи самосожиганія, о которыхъ онъ не говоритъ; такъ напр. мѣстныя преданія говорятъ о самосожиганіяхъ, бывшихъ въ нынѣшнемъ Повѣнецкомъ уѣздѣ: въ Гимольскомъ приходѣ — въ деревнѣ Пузамагубѣ, въ Ребольскомъ приходѣ (здѣсь силотъ Корельское населеніе) — въ деревнѣ Григорьевъ-наволокъ и въ Выгозерскомъ приходѣ — въ деревнѣ Линдозерѣ. Горѣли въ деревняхъ, въ крестьянскихъ хоромахъ. Къ сожалѣнію нѣтъ ни какихъ свѣдѣній ни объ именахъ горѣвшихъ, ни о времени ихъ самосожженія, но по обвѣтшалымъ памятникамъ (крестамъ и срубамъ), указывающимъ мѣста пожарищъ, слѣдуетъ полагать, что самосожигательства эти случились давно, никакъ не позже начала XVIII вѣка. Въ раскольничьихъ помянникахъ записаны, между прочимъ слѣдующіе случаи самосожженія: «Василія и иже съ нимъ 50, на Тудозери (Вытегорскаго уѣзда); Исака, Ксеніи, Ѳеодоры, Ксеніи дѣвицы, вкрай Выгозера (Повѣнец. уѣздъ); Іоанна и иже съ нимъ; Никифора и иже съ нимъ; Аверкія и иже съ нимъ, въ Янгорахъ (Пудож. уѣздъ); Евдокіи, Зиновіи, Агаѳіи и прочихъ подъ Каргополемъ; инока Ѳиларета, Алексія, Леонтія и прочихъ 40, за Кенозеромъ (Пудож. уѣздъ); Іоанна и иже съ нимъ, вnѣтухвѣ (?); Ѳеодора, Василія и прочихъ, на Кучепалдѣ (близь Ошевенскаго монастыря)». И какъ просты эти «и прочихъ» и «иже съ нимъ»; ни дать ни взять помянники Іоанна Грознаго, гдѣ кающійся царь записывалъ замученныхъ имъ безъ именъ и прибавлялъ: «ихъ имена ты вѣси, Господи!» А сколько въ этихъ простыхъ словахъ горя людскаго, слезъ, сколько силъ погублено, да какихъ силъ! Въ Выгорѣцкомъ «лѣтосчисленіи на-

стоящаго вѣка» и въ повѣсти «о старцѣ Филиппѣ», основателѣ Филипповскаго толка, записано нѣсколько самосожигательствъ его учениковъ; такъ напр. въ 1747 году Терентій, а въ 1750 — Матѳей «огнемъ скончашася, каждо со своимъ стадомъ (горькая иронія!) на Умбѣ рѣцѣ (близъ Выговскихъ скитовъ); въ 1755 году «огнемъ скончася старецъ Серапіонъ, въ Верховьи на Лайты (близъ Ладожскаго погоста въ Повѣн. уѣздѣ). Въ 1716 году въ Олонецкой воеводской канцеляріи состоялась «память» по челобитью Олонецкаго посадскаго человѣка Никифора Гулешова, который просилъ канцелярію объ отводѣ ему пустопорожняго участка въ деревнѣ Тереховѣ, на устьѣ рѣки Туксы и прописалъ этотъ тогдашній ловкій человѣкъ въ своей челобитной слѣдующее: «тоежде деревни житель, что написанъ въ переписныхъ книгахъ 186 и 187 года Яковъ Ивановъ, впрошлыхъ годѣхъ имѣлъ за собою церковный расколъ и въ томъ своемъ намѣреніи вхоромахъ своихъ самъ себя сжогъ, и отъ него жены и дѣтей не осталось, а деревенскій его участокъ съ угодьи давно въ запустѣніи...» «По справкѣ на Олонце въ приказной избѣ, Яковъ Ивановъ, по прозванію Соломянной, имѣлъ за собою церковный расколъ, и въ прошлыхъ годѣхъ, собрался онъ съ такими же раскольниками снемалыми людьми и съ женою и съ дѣтьми и съ пасынкомъ и съ сосѣди, какъ по нихъ для поимки посланы были изъ приказной избы служилые люди, запершися во дворе своемъ и не дождавъ поимки, тотъ дворъ зажгли и сами себя всѣ безостатку сожгли». И это одинъ лишь случай на выборъ! а сколько было и такихъ, гдѣ не нашлось ловкаго предпринимателя въ родѣ Гулешова, а слѣдовательно и не зачѣмъ было поднимать переписки! сколько народа гуртомъ и съ домочадцами, и даже съ «сосѣдями» въ виду этихъ самыхъ распространителей религіи любви — «служилыхъ

людей» сожигали «сами себя безъ остатку» и притомъ къ видимому прискорбію начальниковъ «не дождавъ поимки»? Не то теперь! оскудѣла вѣра! говорятъ старовѣры, а я скажу: «разумнѣе стали и обратители и обращаемые».

Съ шуйскаго погоста идетъ дорога на Кивачъ и Поръ-порогъ и отличается отъ повѣнецкой еще большимъ удобствомъ для движенія. Новое мчанье безъ передыху лошадямъ, съ горы на гору, новое мельканіе дивныхъ видовъ— и широкая рѣка открывается передъ нами—это Суна, кормилица значительнаго населенія. Вся рѣка запружена бревнами, которыя сплавляются по ней съ верховьевъ и приносятъ огромные барыши лѣсопромышленникамъ и чувствительный убытокъ мѣстнымъ жителямъ. Кромѣ уже того, что лѣсопромышленникъ эксплоатируетъ рабочихъ, кромѣ того, что кабала, въ которой онъ держитъ въ своихъ рукахъ окрестное населеніе, какъ кабала капитала надъ трудомъ, а не рожденія надъ неродовитостью, гораздо безъисходнѣе кабалы крѣпостнаго права; кромѣ этого лѣсопромышленники гнетутъ даже и тѣхъ, кого горе не загнало въ ихъ руки и кто имѣетъ достаточно смѣлости, чтобы искать хлѣба помимо нихъ. Дѣло въ томъ, что Суна, весьма богатая рыбой, въ верховьяхъ своихъ богата и лѣсомъ, а потому съ давнихъ временъ привлекла взоры торговцевъ лѣсомъ. Несмотря на нѣкоторыя неудобства сплава бревенъ чрезъ Поръ-порогъ и Кивачъ, лѣсъ все-таки вырубается здѣсь въ огромномъ количествѣ и сплавляется по Сунѣ до Онего, гдѣ его берутъ на буксиръ пароходы. Во время гонки лѣса, которая совпадаетъ и съ временемъ наиболѣе выгоднаго улова рыбы, вся Суна бываетъ сплошь запружена лѣсомъ. Такое скопленіе бревенъ, постоянный гомонъ и галдѣнье рабочихъ, наконецъ неминуемое засариваніе воды корой, обломками и отрывками бревенъ—все это не можетъ

конечно не распугать и не разогнать рыбу, которая и удаляется на это время въ озеро, т. е. дѣлаетъ уловъ болѣе труднымъ. Лѣсопромышленность здѣсь прямо идетъ въ ущербъ присунскимъ жителямъ, которые жалуются, но жалобъ въ собственномъ смыслѣ этого слова никуда не приносятъ, по той простой причинѣ, что пришлось бы жаловаться казнѣ, которая сама продаетъ участки и сама тѣмъ самымъ, хотя и невольно, лишаетъ добычи присунское населеніе. Тутъ администрація еще не виновна, но вотъ въ чемъ вина ея: всѣ присунскіе пожни и покосы находятся за рѣкой, а потому и приходится сунянамъ раза 4 въ день переѣзжать рѣку, — вотъ тутъ-то лѣсопромышленники и придумали доходную статью. Рѣка запружена, проѣзда нѣтъ, хотя по закону лѣсопромышленники и обязаны оставлять проѣздъ для мѣстныхъ жителей. Ѣдетъ, положимъ, въ лодкѣ крестьянинъ. — «Куда?» «На пожни», «Подавай 10 коп.!» Ѣдетъ баба съ телкою. «Куда?» «Въ лѣсъ». «Подавай 10 коп.!» Эти-то поборы и доводятъ присунцевъ рѣшительно до отчаянія. Иногда такъ гонки просто на просто дѣлаютъ поборъ подушный, копѣекъ по 5 съ души, и тогда пропускаютъ крестьянъ на ихъ же собственную землю уже даромъ, безпошлинно. Безобразіе это совершается уже нѣсколько лѣтъ сряду, но до сей поры оно не дошло еще до свѣдѣнія начальства, благодаря необычайному терпѣнію и выносливости по отношенію ко всякаго рода поборамъ нашего крестьянина вообще. И вездѣ то вездѣ тоже самое! Отчего другимъ бы барышъ — русскому человѣку смерть приходитъ, да за его же горе безъисходное съ него деньги берутъ. Прошла чугунка въ такихъ мѣстахъ, гдѣ прежде пшеницу не какою нибудь опредѣленною металлическою мѣрою для вѣрности, а просто веретьями мѣряли «покель коклюшки застегнутся»—и что же! стонъ пошелъ по мѣстно-

сти: возить нечего, всю работу отбила шалая! видно последнія времена! хошь помирай! Да еще ухитрились такъ устроить, что съ нихъ же на «шалую» поборы брать стали; потребовалась гарантія, съ ними поговорили, ихъ попоили и пошло по собранію: «согласны, да согласны!» А то на той же чугункѣ одинъ сторожъ верстовой выискался такъ со своего шлагбаума нажился; у него подъ шлагбаумомъ ближняя дорога въ городъ шла, ну онъ и порѣшилъ, что здѣсь человѣку съ мозгами распорядиться можно недурно; ѣдетъ мужикъ—шлагбаумъ спущенъ. «Ананьичъ! вздынь!»—«Не велѣно!» — «Какъ такъ?» — «Да вотъ все также! убытокъ отъ вашего брата начальству; объ вашемъ братѣ заботятся, а вы только грузы отбиваете!» — «Да какъ же быть то?» толкуетъ мужикъ.—«Вотъ тебѣ на! читай!»—«Да я, малъ, не разберу!» — «Ну приказано съ васъ доплатныя деньги брать на шлахбомахъ, что бы хоша этимъ убытки вернуть.» — «Да почемъ же?» — «По трюшницѣ съ пуда; да ты много ли везешь-то?» — «Да никакъ пудовъ десять будетъ.»—«Ну вотъ и подавай 10 коп.»—Теперь этотъ сторожъ кабакъ открылъ и своимъ же прежнимъ плательщикамъ смѣется: «вы-де ослы! повѣрили!» Всякъ, кому любо, можетъ пользоваться незнаніемъ своихъ правъ русскаго человѣка, а много еще у насъ народа, которому это куда какъ любо!

XXIV.

Рыболовство, которое составляетъ одно изъ главныхъ средствъ къ пропитанію здѣшняго населенія, играетъ такую важную роль въ дѣлѣ сытости или голода заонежскаго крестьянина, что приходится поговорить о немъ поподробнѣе, такъ какъ, къ тому же, мѣстныя условія выработали

и мѣстные способы и пріемы лова, приготовленія и продажи рыбы. Въ Заонежьѣ, Обонежьѣ, а также и въ корельскихъ волостяхъ Повѣнецкаго уѣзда рыбы ловится огромное количество, которое идетъ или въ продажу, или на собственный прокормъ въ свѣжемъ, соленомъ, копченомъ, вяленомъ и сушеномъ видѣ. Громадное количество потребляемой рыбы не остается безъ вліянія на народное здравіе и солитеръ рѣшительно царитъ отъ Онего вплоть до Бѣлаго моря. Жареная и вареная рыба составляетъ постоянный столъ здѣшняго крестьянина, который идетъ дальше, запекаетъ рыбу въ пироги-рыбники, употребляетъ ее (сиги), въ сушеномъ видѣ вмѣсто хлѣба на заѣдку и въ видѣ ложки загребальной въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ хлѣбъ перестаетъ быть ржанымъ и скорѣе можетъ назваться сосновымъ. Рыбу отъ чешуи не очищаютъ и даже наслаждаются этимъ способомъ приготовленія, и смѣются и, потѣшаются чистосердечно надъ «господскою дуростью», которая требуетъ очистки чешуи. Рыба ловится разная, смотря потому, гдѣ производится ловъ; такъ напр., въ лѣсныхъ озерахъ попадаются окунь, карась, язь, подъязикъ, щука, плотица и иная мелкая рыба, которая «простора не любитъ, а хоть плюнь на земь—и тутъ заведется». Эта рыба «напастница», когда напасть припнбетъ, т. е. хлѣбъ дорогъ, другаго улова нѣтъ и звѣроловство невыгодно, да этой рыбки напасешься, такъ и прожить можно. Напастница рыба тѣмъ и хороша, что ей всегда уловъ есть. Зато и ловятъ же ее безпощадно; ее то и сачкуютъ, т. е. вылавливаютъ до молодика; крестьянинъ и мелочью-молодикомъ не гнушается, только развѣ бабы выругаютъ ее же, напастницу, что слишкомъ она уже мала и чистить ее трудно. Ясно, что съ году на годъ и напастницы становится меньше, потому что молодикъ не успѣваетъ дорости и плодиться, собираемый без-

божнымъ сачкомъ. Въ другихъ водахъ ловится налимъ, харіусъ, лосось, таймень (форель), торпа, палья, сигъ, судакъ, лещь, подлещь, ершъ, ряпушка, корюшка. Едва переналишься за Масельгу, какъ въ Бѣломорскомъ бассейнѣ встрѣтишь уже въ тонѣ семгу, туржу (salmo leucomenis) и нельму. На Выгозерѣ и въ Сегозерѣ ловятъ въ весьма незначительномъ количествѣ снѣтковъ, но приготовлять ихъ никакъ не умѣютъ иначе, какъ сушатъ въ печахъ, мелятъ на ручныхъ жерновахъ и засыпаютъ въ уху; иногда замѣсятъ на снѣтковой мучицѣ рыбникъ. По разсказамъ, ловится въ Заонежьѣ и Корелѣ и лохъ, который почему-то считается особымъ видомъ форелевыхъ, но народъ отлично знаетъ, что лохъ отнюдь не разновидность, а просто трансцедентъ лосося и пальи, который образуется или вслѣдствіе долгаго пребыванія морской особи въ рѣчныхъ водахъ, или же, наоборотъ, рѣчноводной особи въ морѣ; отъ этихъ переходовъ и вслѣдствіе выметанія икры особь лошаетъ, т. е. чешуя грубѣетъ и покрывается красными пятнами, на нижней челюсти выростаетъ довольно толстый и длинный крюкъ, туловище значительно худѣетъ, а мясо дѣлается какимъ-то бѣлесоватымъ и теряетъ долю вкуса. Говорятъ, что туржа тоже не можетъ считаться разновидностью и есть ничто иное, какъ лохъ семги, перешедшей изъ морской въ рѣчную воду и нѣсколько измѣнившей свой внѣшній видъ; дѣйствительно, всѣ особенности олошанія можно видѣть у туржы. Рѣшительно во всѣхъ водахъ водится огромное количество черепушки и колючки, но эти рыбы считаются «нечистою ядью», а потому и разгуливаютъ себѣ на свободѣ, не боясь гибельнаго для ихъ подруги ряпушки сачка. Колючку (колюшка) не ядятъ вслѣдствіе того, что, «когда Ной выстроилъ ковчегъ и спасся на немъ отъ потопа, то колючкѣ пришла пора гнѣздо вить; увидала она — въ ба-

рочной-то лѣсинѣ была знать дырка, да и заткнута паклей; уткнулась она въ эту дирку, да и ну крутиться; крутилась, крутилась, да и докрутилась, что вода въ ковчегъ брызнула. Увидалъ ето дѣло ёжъ и заткнулъ собою дирку. Съ той поры проклята Богомъ колюшка и отцами показана въ нечистую ядь, а ежу почетъ и никто его убить не можетъ—грѣхъ». Почему и черепушка попала въ немилость?—неизвѣстно.

Во время метанія икры рыба не любитъ глубины и ищетъ мелкихъ и каменистыхъ мѣстъ, гдѣ она чувствуетъ себя гораздо лучше и гдѣ она трется о подводныя растенія, чтобы выдѣлить икру. Посыпную рыбу ловить нарочно грѣхъ, а посыпная та, которая уже стала метать (сыпать) икру; если посыпная рыба попадается случайно, вмѣстѣ съ другою не посыпною, у которой еще періодъ посыпи не сталъ, то ее ѣсть можно. Икра впрочемъ очень цѣнится и считается лакомымъ блюдомъ, и потому теоретическія проповѣди о разумномъ пользованіи рыбой остаются, да и всегда останутся гласомъ вопіющаго въ пустынѣ, какъ битье тетеревей по току, птенцовъ изъ подъ матки и звѣрять сосунковъ.

Едва наступаетъ весна, какъ въ исходѣ апрѣля начинаетъ метать икру язь и лосось, самыя раннія по случкѣ рыбы; періодъ икромета у нихъ продолжается отъ 5 и до 14 дней, смотря по погодѣ, а также, какъ старики примѣчаютъ, и по морозамъ зимнимъ—чѣмъ сильнѣе были зимою морозы, тѣмъ сильнѣе рыба мечетъ икру и тѣмъ періодъ икромета кратче. Въ одно время съ яземъ и лососью мечетъ корюшка и судакъ, для которыхъ однако это трудное время не такъ тягостно по меньшей продолжительности, такъ какъ икрометъ у нихъ продолжается лишь всего отъ 3 до 7 дней. Начало мая проходитъ безъ икромета, развѣ только

Y2

пная судачиха не успѣетъ выметаться и захватитъ немного этого мѣсяца; но случаи эти рѣдки, да и бываютъ то лишь въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ рыба не скоро находитъ мелкихъ мѣстъ и гдѣ глубина вездѣ большая. Въ первой половинѣ мая замечетъ щука, которая нудится до недѣли времени; во второй половинѣ настаетъ пора окуню, ершу и плотвѣ, которые мечутъ всего дня три; наконецъ, въ началѣ іюня подумаетъ о продолженіи своего потомства лещь и подлещь, икрометъ котораго продолжается также съ недѣлю. Затѣмъ наступаетъ новый перерывъ въ икрометѣ — самый горячій ловъ рыбы выметавшейся и олошавшей; съ половины сентября снова замечетъ семга и туржа дней на 10, а въ концѣ сентября, да такъ, что и октября захватитъ (впродолженіе около 15 дней) икрометъ наступитъ для сига, пальи и ряпушки. Ряпушка скорѣе окончитъ, да и вообще стариками замѣчено, что малорослый родъ, видъ, а также и болѣе малорослая особь скорѣе опрастывается, нежели особь великорослая. Конецъ октября, весь ноябрь, декабрь и затѣмъ зима предназначены для лова, и только налимъ одинъ запоздалъ и исполняетъ икрометъ въ январѣ, дней въ пятнадцать и даже болѣе. Въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ водится снѣтокъ, тамъ ему лова нѣтъ за икрометомъ съ половины сентября мѣсяца впродолженіе трехъ недѣль. Карасю—тому законъ, какъ кролику и песцу, не писанъ, и мечетъ онъ икру аккуратно каждый мѣсяцъ дня по три, по четыре, такъ что, что ни тоня, то посыпная карасиха.

Ловля рыбы производится въ Обонежьѣ и Корелѣ шестнадцатью способами съ большимъ или меньшимъ успѣхомъ. По удобству лова и количеству добываемой рыбы, а слѣдовательно и по величинѣ снаряда, измѣняется и стоимость его подѣлки. Снаряды бываютъ частные, семейные, сложные (слога—работа сообща, усиліями нѣсколькихъ семей-

ствъ), и наконецъ общественные; послѣднее случается весьма рѣдко, и намъ случилось видѣть такой неводъ только одинъ разъ—онъ принадлежалъ цѣлой деревнѣ, расположенной на берегу Выгозера.

Обыкновенный рѣчной неводъ вяжется обыкновенно изъ льняной или пеньковой пряжи, при чемъ ссучиваются по 2 и по 3 нитки вмѣстѣ для большей крѣпости. Кнея устраивается конусообразная, длиною отъ 3 до 6 саженъ, а шириною отъ 4 до 8 саженъ. Въ этомъ неводѣ, какъ и во всѣхъ иныхъ снарядахъ, разница въ длинѣ и ширинѣ кнеи и иныхъ частей зависитъ вполнѣ отъ того воднаго пространства, гдѣ назначается ловить снарядомъ; глубокая рѣка — широка кнея, широки крылья; съ другой стороны, если рѣка или озеро широки, то ясно, что на нихъ съ большею выгодою могутъ употребляться болѣе длинная кнея, а также и болѣе длинныя крылья. На кнеѣ обыкновеннаго рѣчнаго невода ячеи вяжутся въ вершокъ величиною, а количество ихъ на кнеѣ разнообразится отъ 576 и до 1152, опять таки смотря по глубинѣ и ширинѣ воднаго пространства. Кнея расходится на два крыла, которыя тянутся сажень на 40, а то и на 65 въ длину съ каждой стороны; захватъ (ширина) у нихъ поменьше дѣлается, нежели у кнеи, а то крылья цѣплялись бы за коряги, камни и другую негодь; довольно сплесть крылья сажени въ 2½, а для большихъ—6 саж. Чѣмъ ближе къ кнеѣ, тѣмъ ячеи мельче, а слѣдовательно на извѣстной площади ихъ придется при кнеѣ больше числомъ, нежели дальше по крыльямъ; у кнеи мѣра ячеямъ вершокъ, а дальше по крылу не бѣда и 1½ вершка, такъ какъ все равно рыба большая не проткнется, а мелочь глупа и какъ въ кнею ткнулась, такъ и будетъ все въ одно мѣсто тыкаться, а по сторонамъ выхода не ищетъ; «мелочь пуглива, а напугается и одурѣетъ». Смотря по об-

щей величинѣ невода, а слѣдовательно и смотря по средствамъ хозяина снаряда, число ячей измѣняется; у кнеи бываетъ на крылѣ на первомъ десяткѣ саженей 135 и 324 ячеи, а подальше, напр. на послѣднемъ десяткѣ такъ и всего 90—216. Крылья примотаны къ палкамъ—окрыльникамъ, а нижняя и верхняя часть ихъ насажены на 2 тетивы, которыя, смотря по достатку, дѣлаются то изъ пеньки въ 1/4 вершка толщиною, то изъ мочалы, и тогда достигаютъ 1/2 вершка, а то такъ и запросто изъ крученой бересты въ 1/2 вершка толщиною. Если такую берестяную веревку или канатъ часто размачивать, такъ временемъ службы она поспоритъ и съ мочалой, и съ пенькой. Къ нижней тетивѣ прикрѣпляется грузъ «для осѣдлости, чтобы шла тетива по подводью, не всплывала бы наружу;» тутъ тоже безъ ума не навѣшаешь, а не то тетива-то пойдетъ драть коряги, да луды захватывать; грузъ состоитъ изъ камней, которые гдѣ въ тряпицу завернуты, а гдѣ женинныхъ, да своихъ обносковъ недохватъ—тамъ и береста сослужитъ эту службу, да еще и лучше—она поустоистѣй. Неровно камешки навѣшаешь—тоже бѣда, и тутъ нужна сноровка: у кнеи камни на четырехъ четвертяхъ понавѣшаны и по фунту вѣсомъ приходятся, а дальше по крыльямъ и на аршинъ отступя—не бѣда. На малый неводъ придется штукъ 150, а побольше неводъ, такъ и грузилъ наберется до 200 штукъ. Чтобы верхняя тетива не тонула, а шла по поводью, напротивъ грузилъ навязаны берестяные, а то и осиновые поплавки, а надъ кнеею навязаны 2 связанныя вмѣстѣ осиновыя дощечки — это «ловда», которая сразу укажетъ, гдѣ кнея пала. На концѣ крыльевъ къ палкамъ подвязываются «клячи»—веревки сажень въ 10, а то и въ 20 длиннику, а отъ нихъ саженъ на 60, а то и на 90 тянутся ужища, за которые начинаютъ тянуть неводъ. Такимъ

образомъ рѣчной неводъ, смотря по достаткамъ, можетъ захватить пространство отъ 225 до 360 саженъ въ округѣ, а стоитъ онъ домодѣльной работой, да у добраго хозяина отъ 30 до 75 рублей; этотъ неводъ — снарядъ самый употребительный и потому встрѣчается чаще всего; онъ и удобенъ, да и стоитъ не дорого, особенно коли пряжа не покупная, а самопосѣвная. Ловятъ этимъ снарядомъ и лѣтомъ, и зимою, когда придетъ надобность. Лѣтомъ соберутся рыбаки, человѣка 4 (а гдѣ и съ 5 дай Богъ управиться), оставятъ двоихъ на берегу и зададутъ имъ одну клячу съ ужищемъ; неводъ уберутъ въ лодку и дѣлаютъ завозъ, постепенно выпуская снарядъ, ѣдучи поперегъ рѣки до средины ея; поворотятъ въ сторону и снова выбрасываютъ (травятъ) пока хватитъ сѣтей; пришелъ конецъ сѣти — остановка и новый поворотъ къ берегу, ѣдутъ къ своимъ, а сами клячу выпускаютъ, а тамъ и ужище; подъѣдутъ къ берегу, сойдутся и потянутъ за ужища. На все требуется до $^{1}/_{2}$ часа, а иные замѣшкаются, да попадутся еще неловкіе рыбаки, да мѣсто выдастся безталанное, такъ и на $^{3}/_{4}$ часа дѣло затянется. Ловятъ этимъ способомъ больше лососей и сиговъ; первые похитрѣе, да ихъ и поменьше, и попадется ихъ въ тоню штуки 2, 3, ну а сигъ, тотъ уловливъ, иной разъ и сотня выловится; вѣсомъ уловъ бываетъ разный, смотря по счастью: то фунтовъ 15 выберутъ, а то въ часъ добрый, такъ и пудовъ до 5 доходитъ одна тоня. Зимою не завезешь невода — надо было изловчиться иначе. Выберутъ рыбаки мѣстечко поудачнѣе, чтобы ледъ лежалъ не глыбисто, а по ровнѣе и прорубятъ во льду проруби въ квадратную саженъ въ объемѣ — это затинъ и и выволока; отъ затина до выволоки разстояніе по волѣ ловцовъ. Между затиномъ и выволокой на всемъ пространствѣ съ двухъ сторонъ прорубаются аршинныя прорубки.

44

саженяхъ въ 4, а то и 5 другъ отъ друга. Опустятъ въ затинъ одно ужище на тонкомъ шестѣ и пропускаютъ шестокъ сквозь прорубочки до самой выволоки; тоже самое продѣлываютъ и съ другимъ ужищемъ, доведутъ его до выволоки, да и тянутъ, выволакиваютъ весь неводъ чрезъ выволоку. На эту подѣлку народа требуется отъ 10 до 14 человѣкъ, да и то дай Богъ часа въ 3 управиться. Идетъ больше налимъ, штукъ отъ 5 до 50 въ тоню, а другой рыбы вынутъ отъ 3 до 5 пудовъ. Налимъ—рыба рѣдкая, водится далеко не вездѣ а потому и выемка бываетъ больше той рыбѣ; тѣмъ не менѣе зимою ловъ ровнѣе, а потому и прибыльнѣе; нѣтъ слишкомъ большаго простора счастью и несчастью, задачѣ и незадачѣ.

На большихъ озерахъ и на Онего въ особенности рѣчной неводъ не годится, а потому прибрежные жители и надумали особый снарядъ, который извѣстенъ подъ названіемъ онежскаго невода. Вяжется онъ также, какъ и рѣчной; кнею пришлось сдѣлать въ 3—4 сажени длинилку, 4½ с. въ діаметрѣ, а въ окружности отъ 12—16 с. Ячей на кнеѣ ¼ вершковыхъ понадѣлано 900—1200—все это для того, чтобы побольше рыбки досталось завидущимъ рыболовамъ; тутъ и корюшка не проскочитъ, не только языкъ или окунь; крылья у онежскаго невода гораздо больше и захватываютъ отъ 50 — 120 с. каждое; на первыхъ 10 крыльныхъ саженяхъ ¼ вершковыхъ ячей 270 — 385, на слѣдующихъ 15 саженяхъ ячеи уже ½ вершковыя и числомъ ихъ отъ 135—190; дальше по крыльямъ ячеи доходятъ и до вершка, да и числомъ потому ихъ меньше, всего штукъ 60—70. Грузила привѣшиваются въ началѣ у кнеи на ½ арш. другъ отъ друга, вѣсомъ въ ½ ф., а дальше и на аршинъ. Грузилъ отъ 90—120. Ужище у онежскаго невода гораздо длиннѣе, нежели у рѣчнаго, саженъ на 150,

да иначе и нельзя, такъ какъ на такой шири съ небольшимъ снарядомъ и соваться нечего. Ловятъ имъ больше лѣтомъ; на берегу оставляютъ человѣка 4, а остальные ѣдутъ въ лодкѣ, закидываютъ неводъ, возвращаются съ остальнымъ ужищемъ, сходятся и начинаютъ вытаскивать по большей части воротомъ, такъ какъ такой неводъ человѣческой силѣ не подъ руку. Воротъ состоитъ изъ двухъ столбовъ, врытыхъ въ землю; на столбахъ — перекладина съ дыркой, а подъ дыркою на землю кладутъ камень, въ которомъ выдолблено какъ разъ подъ дыркой перекладины углубленіе; въ углубленіе и въ дырку вставляютъ столбикъ съ крестообразно придѣланными рукоятками для болѣе удобнаго верченія. Когда покажется уже сѣть, то у ворота остаются 2 — 3 человѣка, а остальные идутъ въ просѣть, т. е. въ мѣсто захваченное на берегу клячами и сѣтью, и подбираютъ сѣть. Зимою этимъ неводомъ конечно ловить нельзя, а потому на Онегѣ зимою и можно зачастую увидать невода рѣчные. При снарядѣ непремѣнно должно находиться человѣкъ 6 — 12 работниковъ, а меньшее число не управится. Ловятъ имъ сига, лосось, таймень, леща, подлеща, окуня и палью; уловъ бываетъ разный, смотря по задачѣ и по умѣнью ловцевъ, а именно отъ 1 до 5 пудовъ. Есть еще неводъ озерный, который отличается отъ онежскаго размѣрами, а также и стоимостью своею. Ловятъ этимъ неводомъ на Выгозерѣ, Сегозерѣ. Кнея у него длиною отъ 2—3 саженъ, въ діаметрѣ 5 с., а въ окружности 8—12 с. Ячеи небольшія въ $^1/_4$ вершка и число ихъ измѣняется отъ 300—1050. Крылья длиною не велики, всего саженъ 30—50, а вышиною отъ 1 до $3^1/_2$ саженъ. Лѣтомъ выѣзжаютъ съ озернымъ неводомъ въ двухъ лодкахъ, выбрасываютъ крылья и, когда сѣти окончатся, подъѣзжаютъ къ берегу, причемъ выбрасываютъ клячи и ужища, затѣмъ

на берегу уже сходятся и тянутъ неводъ лодочнымъ воротомъ. Воротъ этотъ устраивается на бортахъ, къ которымъ прикрѣпляются 2 столбика въ $^{3}/_{4}$ арш. вышины; на столбики кладется валикъ въ 4 вершка, съ крестообразными ручками. Крутятъ этотъ валикъ, пока не покажутся сѣти. Озернымъ неводомъ ловятъ еще и иначе: выбросивши весь неводъ, съѣзжаются гдѣ нибудь на озерѣ и укрѣпясь на якоряхъ, на кокорахъ или же просто на кольяхъ, вытягиваютъ снасть. Для лова требуется не менѣе 4 человѣкъ, которые разсаживаются на двѣ лодки, такъ какъ такимъ образомъ удобнѣе завести неводъ по озеру, куда угодно. Зачастую бываетъ на ловцовъ проруха — это въ тѣхъ случаяхъ, когда 2 семьи по раздорамъ не хотятъ соединиться въ слогу для лова, а порознь обладаютъ каждая лишь 2 членами. Ясно, что при недостаткѣ рукъ и ловъ бываетъ плохой. Озернымъ неводомъ ловятъ сиговъ, щукъ, ершей, судаковъ, лещей и проч. Въ одну тоню попадается отъ 10 ф. до 3 п., а обходится вся снасть отъ 25 до 50 р. с. Для зимняго лова неводъ этотъ дѣлается гораздо большихъ размѣровъ и вся длина его достигаетъ 200 и 240 саженъ.

Кереводь или кереводъ плетется въ 2 пеньковыя нитки, а кнея у него имѣетъ форму усѣченнаго конуса, при чемъ въ нижней части сѣченіе образуетъ два угла, которые завязываются на водѣ веревочками. Въ верхней части кнеи помѣщается отверстіе, по краямъ котораго натягиваются тетивы въ $^{1}/_{4}$ в. толщиною; зачастую тетивы эти дѣлаются изъ бересты. Къ верхней части отверстія кнеи прилаживается по срединѣ ловда, а къ нижней — грузъ, вѣсомъ отъ 15—20 ф. Поплавки помѣщаются на верхней тетивѣ въ разстояніи $^{1}/_{2}$ арш. другъ отъ друга, а грузила — на нижней, и притомъ въ такомъ же разстояніи, въ $^{1}/_{2}$ ф. вѣсомъ. Кнея длиною 4—5 саженъ, а въ діаметрѣ 5—6 са-

женъ. Ячей на кнеѣ полувершковыхъ понадѣлано отъ 770—1600. Къ кнеѣ прилаживаются 2 крыла не равной величины: одно крыло имѣетъ отъ 70—100 саж., а другое — всего 2 — 3 саж. при вышинѣ отъ $1^1/_2$ до 3 саженъ. На первыхъ десяти саженяхъ полувершковыхъ ячей дѣлаютъ 145—290, на слѣдующихъ пятнадцати саженяхъ отъ 70—140 вершковыхъ ячей, а далѣе отъ 35—70 ячей всего на всего. Къ клячѣ меньшаго крыла прилаживается «кубасъ», состоящій изъ куска дерева въ $^3/_4$ арш. длины и $^1/_2$ арш. ширины, прикрѣпленнаго къ клячѣ при посредствѣ 4 саженной веревки; въ кубасъ втыкается кляпикъ въ аршинъ длиною и въ вершокъ толщиною; въ кляпикѣ дыра; а въ послѣднюю продѣта веревочка. Назначеніе кубаса состоитъ въ томъ, чтобы указывать, гдѣ находится начало меньшаго крыла, такъ какъ знать его необходимо для лова этимъ способомъ. Ловъ производится обыкновенно тремя ловцами, которые, собравши на лодку весь керегодь, выѣзжаютъ на глубину отъ $1^1/_2$ до 4 саж. и выснащиваютъ сначала меньшее крыло кубаса, затѣмъ уже швыряютъ камень, что находится у кнеи и ее самое и отплываютъ на нѣкоторое разстояніе отъ кубаса, причемъ лодку заставляютъ описать полукругъ; двое сидятъ на веслахъ, а третій быстро долженъ стараться выбросить большое крыло и именно такъ, чтобы выбросъ равнялся пространству выгреба. Когда вся сѣть повыброшена, то ловецъ хватается за веревку у тетивы (которая побольшей части бываетъ отъ 25 до 50 саж. длины), лодка подплываетъ къ кубасу, ловцы вынимаютъ кнею, расправляютъ, снова забрасываютъ ее, а кубасъ берутъ въ лодку; затѣмъ веревку отъ клячи меньшаго крыла прикрѣпляютъ къ оключинѣ лодки и начинаютъ шестить рыбу, т. е. пугать ее шестомъ съ тою цѣлію, чтобы она вся собралась у кнеи и попала бы въ послѣднюю; наконецъ начинаютъ

притягивать сѣть къ кормѣ, поворачиваютъ лодку бортомъ, вынимаютъ кнею и берутъ изъ узла рыбу. Этотъ болѣе сложный снарядъ и способъ лова употребляется чаще всего на озерахъ весною, лѣтомъ и осенью для сиговъ и преимущественно для красной рыбы; если ловко выброшена сѣть, да и все дѣло ведено съ умѣньемъ, то вѣсъ тони разнообразится до 20 пуд., но при малѣйшей неловкости ловцовъ, хотя бы напримѣръ при выемки кнеи и при неумѣньи ихъ расправить кнею вторично, когда надо уже снимать кубасъ, можно добыть керегодомъ одного фунтоваго сижка помоложе, да поглупѣе. Стоимость снаряда доходитъ отъ 35 до 60 руб. сер.

Для лова ершей на озерахъ съ пользою употребляются особая снасть, которая извѣстна въ Заонежьѣ подъ названіемъ мутника. Плетется онъ въ двѣ нитки и имѣетъ кнею конусообразную, длиною въ 3 и 4 саж., въ діаметрѣ отъ $2^1/_2$ до $2^3/_4$ саж. и въ 5—6 саж. въ окружности. На первыхъ отъ кнеи саженяхъ дѣлается обыкновенно отъ 400 до 450 $^1/_4$ вершковыхъ ячей, на слѣдующихъ ячеи уже въ $^1/_8$ верш. и затѣмъ, чѣмъ дальше, тѣмъ ячеи дѣлаются менѣе и менѣе, такъ что у конца ихъ насчитываютъ всего лишь 300 штукъ. Къ нижней тетивѣ привязываются, обыкновенно на четверть разстоянія другъ отъ друга, камни небольшихъ размѣровъ; къ верхней тетивѣ прикрѣпляется ловда, которая чаще всего дѣлается въ аршинъ длины, 3 верш. ширины и $^1/_4$ верш. толщины. Крылья дѣлаются обыкновенно длиною въ $3^1/_2$ саж., а вышиною въ сажень. Счетъ ячей на крыльяхъ совершенно иной, нежели на кнеѣ; въ верху крыла 200 полувершковыхъ ячей, а въ остальныхъ мѣстахъ счетъ измѣняется, такъ какъ ячеи вяжутся больше объемомъ. Тетивы бываютъ въ $^1/_4$ верш. толщиною и къ верхней тетивѣ прикрѣплены берестянныя поплавки

на $^1/_2$ арш. другъ отъ друга. Къ тетивамъ прикрѣпляются саженныя веревки, а къ нимъ привязываются $^1/_2$ вершковые канаты, на подѣлку которыхъ идутъ старыя сѣти, мочалы и береста; длиною канаты отъ 25—30 саж. и предназначаются для того, чтобы мутить воду и настращивать рыбу въ кнею. Къ канатамъ прикрѣпляются, на саженномъ разстояніи другъ отъ друга, камни въ 1 фунтъ вѣсомъ, а на самомъ концѣ канатовъ камни вѣсятъ до 5 фунтовъ. Наконецъ, къ канатамъ привязываются веревки, которыя имѣютъ, смотря по нуждѣ, то 25, то 30 саженъ. Ловятъ мутникомъ двое ловцовъ, которые отправляются въ озеро на лодкѣ, выбираютъ тинистое мѣсто съ омутомъ саженъ въ 3—5 и затѣмъ начинаютъ выбросъ снаряда; сначала выбрасываютъ камень, что виситъ на веревкѣ съ кубасомъ, а къ кубасу привязываютъ веревку отъ конца каната лѣваго крыла, затѣмъ, постепенно выбрасывая снасть, описываютъ лодкою кругъ, выкидываютъ веревку, канатъ, лѣвое крыло, кнею, правое крыво, канатъ, веревку и затѣмъ снова подъѣзжаютъ къ кубасу, вынимаютъ его, прикрѣпляютъ веревку къ оключинѣ лодки и вытягиваютъ всю снасть. Въ счастливую тоню попадаетъ въ мутникъ отъ 3 фун. до 2 пуд. ершей. Ловъ мутникомъ производится лѣтомъ, и снарядъ стоитъ всего отъ 6 до 12 руб.

Особый снарядъ — чапъ размѣрами своими совершенно подходитъ къ размѣрамъ озернаго невода, причемъ лишь длина крыльевъ его доходитъ до 30 саж., а веревки употребляются всего въ 20 саж. длиною. Чапъ вытягивается точно также, какъ и мутникъ; ловитъ имъ по большей части на самой срединѣ озера и притомъ всенепремѣнно въ глубокомъ мѣстѣ; главное назначеніе чапа—ловъ снѣтковъ, которые ловятся именно въ бучилахъ, т. е. въ наиболѣе глубокихъ мѣстахъ. Ловцевъ требуется всего четверо; ло-

вятъ чапомъ съ сентября мѣсяца и до заморозковъ; каждая тоня даетъ отъ 1 до 15 фун. снѣтка, причемъ снасть стоитъ довольно дорого, а именно отъ 25 до 35 руб. Чаповъ встрѣчается крайне мало; намъ удалось видѣть ихъ всего два, да и то одинъ оставленъ, такъ какъ снѣтокъ сталъ съ году на годъ ловиться плоше. Повидимому скоро настанетъ время, когда чаповъ вовсе не будетъ ни на Выгозерѣ, ни на Сегозерѣ.

Изъ дешевыхъ снастей весьма употребительна калега, или самоловка, которая плетется изъ одной нити. Калега имѣетъ отъ 15—20 саж. длины и отъ 1 до $1^1/_2$ саж. ширины; ячей на ней приходится отъ 30 до 40, которыя размѣрами дѣлаются больше или меньше, смотря потому, гдѣ расположена ячея: ближе къ срединѣ калеги — ячея $^1/_2$ вершковая, а къ краямъ — достигаетъ одного вершка. Калега насаживается на двѣ весьма тонкія ($^1/_{16}$ верш.) тетивы, изъ нихъ къ нижней прикрѣпляются на каждой сажени грузила въ $^1/_4$ фун. вѣсомъ. Для лова калегой выбираютъ лудянистое и травянистое мѣсто, гдѣ вбиваютъ колъ, къ которому привязываютъ одинъ конецъ калеги; съ другимъ концемъ идутъ нѣсколько въ сторону, держась все у луды или у травы, выпускаютъ калегу по мѣрѣ движенія лодки и наконецъ подъѣзжаютъ съ другимъ концомъ снова къ колу, къ которому и прикрѣпляютъ другой конецъ. Напорандапная такимъ образомъ калега оставляется ловцами до утра, когда они снова пріѣзжаютъ на мѣсто лова, вынимаютъ калегу и вытаскиваютъ рыбу. Въ эту дрянненькую ловушку попадается рыба, по примѣтѣ стариковъ, глупая, т. е. окунь и плотва; но зато и стоимость этой хитроумной штуки не велика — всего-на-всего 2 руб., а толку отъ нея много: напорандаешь съ вечера калегу — на утро съ ухою, да еще и насушить можно малость.

Иной, у кого не хватитъ достатку и на эту снасть, да у кого и народу въ избѣ мало, справляетъ «бродникъ», который плетется всего въ 2 нитки и бываетъ длиною отъ 3 до 8 саж., а шириною отъ $1-1^1/_2$ саженъ. Ячеи въ бродникѣ дѣлаются мелкія, чтобы захватывали всякую негодь, что уйдетъ изъ настоящей снасти; величиною ячеи въ $^1/_8$ верш., а число ихъ бываетъ отъ 120 до 180. Камни и поплавки насаживаются на бродникъ опять таки не зря, а на равномъ другъ отъ друга разстояніи, и число ихъ измѣняется отъ 6 — 16 штукъ. Концы бродника привязываются къ батожкамъ длиною отъ 4 — 5 аршинъ. Ловятъ бродникомъ обыкновенно 2 ловца и ставятъ его на мелкихъ мѣстахъ, гдѣ молье кишитъ кишмя. Въ добрый день, когда уловъ задается, то вылавливаютъ бродникомъ до 5 фун., а построить его стоитъ всего 2 — 5 руб. сер.

Пагуба онежской и прионежской рыбы, а также и будущихъ побережныхъ жителей,—сакъ состоящій изъ 4 сѣтей, прикрѣпленныхъ къ обручу въ 2—3 саж. въ окружности; налаживаются сѣти такимъ образомъ, чтобы они заканчивались остроконечнымъ мѣшкомъ. Снарядъ этотъ привязывается къ длинному шесту, который втыкается въ дно. Ловитъ сакомъ одинъ ловецъ, вылавливаетъ отъ 2 — 20 фун. рыбы, а стоитъ сакъ всего 1 руб. сер. Въ сакъ забирается корюшка, ершъ, окунь, а также и весь рыбный молодикъ, который могъ бы подрости и далъ бы хорошій барышъ тому, кто поймалъ бы его въ зрѣлости. Сакъ губитъ рыболовство и въ Онего, и въ пріонежскихъ рѣкахъ и озерахъ; крестьяне сознаютъ всю нераціональность лова сакомъ, но какъ легкая пожива слишкомъ приманчива, и то и дѣло виднѣются тычины въ водѣ, словно для того, чтобы почаще напоминать ѣдущему, что раціональность поль-

зованія еще долго не получитъ въ этихъ мѣстахъ правъ гражданства.

Не безвыгоденъ также и ловъ мерёжей, да не вездѣ и притомъ не во всякое время; плетутъ ее въ 2 нити на $^1/_2$ и болѣе сажени длиною и 1—2 саж. вышиною; ячей на ширинѣ мерёжи ($^1/_2$ и 1 верш) 25 и до 50 штукъ. Мерёжа насаживается на 7 деревянныхъ обручиковъ. Нижній конецъ мерёжи глухой, а отъ верхняго конца идутъ 2 горла, которыя прикрѣпляются къ обручамъ. Употребляется мерёжа весною для ловли щукъ, плотвы, окуней и лещей и подлещиковъ, а съ сентября мѣсяца выѣзжаютъ съ мерёжею въ налимные мѣста и ловятъ тамъ налимовъ до самой весны, до марта мѣсяца. Ловятъ обыкновенно около береговъ и по каменистымъ мѣстамъ (излудье), и при счастьи, вытаскиваютъ отъ 2 — 3 пудовъ рыбы при трудѣ одного ловца и стоимости снаряда въ 1—$1^1/_2$ руб. сер.

Есть и еще снарядъ, который стоитъ не дорого, а уловистъ бываетъ иногда не хуже дорогаго,—это мерда. Мерда состоитъ изъ сѣти длиною до 2 арш , а шириною въ 1 саж., которая сходится горломъ къ срединѣ; ловятъ мердою весною и зимою, и, при счастьи, добываютъ отъ 5 фунт. до 1 пуда. Мерда ставится обыкновенно въ прибрежники, которые устраиваются обыкновенно около берега и состоятъ изъ плетня, сплетеннаго изъ тонкаго лѣса и еловыхъ прутьевъ; плетень тянется близъ берега на 5 — 10 саж., постепенно приближаясь къ берегу и заканчиваясь мердой. За недохватомъ сѣтей плетутъ иногда мерду прутовую, въ которую попадается 1—10 фун. рыбы мелкой—молья. Намъ случилось разъ на Воцема-ламбѣ на р. Сегежѣ видѣть берестяную мерду, которая уловомъ нисколько не отличалась отъ прутовой.

Туржу, семгу, лоховъ и нельму ловятъ зачастую но-

вымъ снарядомъ, измышленнымъ спеціально на эту рыбу, который носитъ названіе поѣздка. Поѣздокъ дѣлается изъ самой тонкой сѣтки, длиною $2^1/_2$, а шириною 3 саж.; ячей въ поѣздкѣ по ширинѣ до 36 штукъ, вершка въ $1^1/_2$ отверстіемъ. Поѣздокъ насаживается на 2 тетивы; къ нижней тетивѣ привязываются 10 полуфунтовыхъ камней и затѣмъ обѣ тетивы насаживаются на 2 шеста, сажени въ 3 длиною. Для лова соединяются обыкновенно 4 ловца, которые на 2 лодкахъ и выѣзжаютъ на средину; между лодками идетъ поѣздокъ; лодки двигаются до тѣхъ поръ, пока не замѣтятъ, что поѣздокъ загрузился, т. е. что рыба есть въ поѣздкѣ; тогда лодки съѣзжаются, втыкаютъ шесты въ дно и вытягиваютъ поѣздокъ, причемъ добываютъ рыбы отъ 10 фун. до 3 пуд., при стоимости снаряда всего въ 2 руб. Попадается въ поѣздокъ и иная рыбка помальнѣе, но рѣдко.

Лѣтними ночами ѣздятъ также и лучить рыбу острогой; производится лученье общимъ порядкомъ и въ большомъ ходу въ лѣсныхъ озерахъ.

Уженье рыбы существуетъ на Онего. Для уженья пальи употребляютъ желѣзный съ зазубринами крюкъ, вершковъ въ 5 длины; концомъ своимъ крюкъ вставляется въ большую оловянную лопаточку въ 1 фун. вѣсомъ; въ дырку, продѣланную въ верхней части лопаточки, продѣвается веревка саженъ до 20 длиною. Ловить удою выѣзжаютъ зачастую верстъ за 15 и 20 отъ берега, въ глубокія мѣста, гдѣ ожидаютъ встрѣтить палью, которая береговой воды не любитъ и ищетъ приволья въ глубокихъ мѣстахъ. Отъѣхавши отъ мѣста лова, насаживаютъ на крюкъ наживу и производятъ ловъ. На небольшихъ озерахъ ловятъ удою, состоящею изъ небольшаго желѣзнаго крюка, насаженнаго на саженную нитку съ батожкомъ; попадаются: плотва,

окунь и харіусъ. Уженье продолжается съ іюня по сентябрь.

Изловчился прионежанинъ и на щуку, и придумалъ на ея пагубу особый снарядъ-дорожку. Лѣтомъ 2 человѣка выѣзжаютъ на ловъ и, забрасываютъ въ воду желѣзный крюкъ съ кускомъ краснаго сукна, вмѣсто наживы; щука воображая, что это сырое мясо, бросается на кусокъ сукна и попадается на крюкъ; при задачѣ добываютъ на двоихъ отъ 10—20 фун. щукъ, которыя однако продаются не въ особенно значительномъ количествѣ.

Наконецъ, на Онего же и на большихъ озерахъ употребляется еще одинъ снарядъ, ловъ которымъ отличается кропотливостью,—это продольники. Продольники состоятъ изъ тонкой бечевы отъ 40—200 саж. длиною. На саженномъ разстояніи другъ отъ друга къ бечевѣ прикрѣпляются крючья, на которые насаживается нажива. Продольники грузятся именно на столько, чтобы можно было ихъ поставить въ полводы, а чтобы крючья лежали на днѣ. Къ обоимъ концамъ продольниковъ привязываются колья. На другія сутки послѣ постановки снаряда ловцы пріѣзжаютъ поглядѣть на уловъ и снимаютъ съ крючьевъ, когда фунта 3, а когда и 2 пуда пальи, налима, судака и торпы.

Для лова и сообщенія жители прионежскіе употребляютъ обыкновенно двухъ и четырехъ весельныя лодки. Смотря по величинѣ лодокъ и по количеству груза, для котораго онѣ предназначаются, дѣлаются онѣ 2, 3 и 4 набойныя; доски и лѣсъ для нихъ употребляется сосновый. Длина лодокъ разнообразится отъ 3—5 саж. и при вышинѣ до 12 вершковъ. Рѣдко только встрѣтишь въ этихъ мѣстахъ у лодки руль; по большей части онъ замѣняется прямымъ весломъ-плесомъ или гребломъ, которымъ жители управляются гораздо удачнѣе, нежели рулемъ; даже при такихъ переѣз-

дахъ, каковъ напр. изъ Чолмужи до Кузаранды (50 верстъ), употребляется гребло вмѣсто руля. Грузится мѣстная лодка, смотря по размѣрамъ своимъ, отъ 20 — 60 пудами, а садятся въ нее отъ 8 — 25 человѣкъ.

Способы заготовленія рыбной добычи въ прокъ тѣ же, каковые существуютъ и въ другихъ рыбныхъ мѣстностяхъ, и также, какъ и вездѣ на Руси, пріемы, употребляемые при этой заготовкѣ, стоятъ все еще на той степени совершенства, на какой они стояли у Ихтіофаговъ Геродота. Незатѣйливое брюхо русскаго человѣка и тутъ является въ видѣ подспорья неумѣлости и неладности первыхъ производителей и рыба соленая, вяленая и сушеная потребляется въ огромныхъ количествахъ и мѣстными жителями, и развозится по тѣмъ мѣстамъ Россіи, гдѣ ею не наѣдаются, а лишь лакомятся и бываютъ весьма довольны, когда она «съ запашкомъ» или «ржавая». Рыбу, назначаемую въ солку, разрѣзаютъ продольно по хребту, потрошатъ и затѣмъ скорѣе вполаскиваютъ, нежели моютъ— «и то возни за ней много». Окончивши эту предварительную подготовку, всыпаютъ внутрь распластанной рыбы соли, но въ весьма незначительномъ количествѣ, такъ какъ этотъ «сахаръ народа» слишкомъ дорогъ на сѣверѣ, чтобы пользоваться имъ безъ умѣренности. Много писано на этотъ счетъ, но видно писаніе ни къ чему путному не приводитъ, и лишній рубль казеннаго дохода гораздо важнѣе, нежели благосостояніе цѣлаго края. Насъ сначала крайне удивило то обстоятельство, что въ бытность нашу въ Корельскихъ волостяхъ, намъ случалось иногда ѣсть рыбу соленую за годъ передъ симъ, и она все таки отличалась прекраснымъ вкусомъ. Что за причина этого факта? домекались мы. Неужели же опять таки русская неумѣлость? Обратились къ старожиламъ—и узнали наконецъ истину. Дѣло въ томъ, что Корельскія волости ближе русскихъ волостей лежатъ къ Финляндіи, а

тамъ соль стоитъ бездѣлицу; добрый конь, который не выдаетъ хозяина, укладистая телѣга или сани, да безпромашная винтовка, которая вездѣ существуетъ лишь въ народныхъ сказкахъ, а здѣсь проявилась во очію, только благодаря дороговизнѣ пороха,—и цѣлые обозы съ солью переѣзжаютъ изъ Финляндіи въ Корелу; нашему и тутъ не повезло — далеко слишкомъ поселился. Проповѣдали про это корельское счастье тѣ, кому вѣдать надлежитъ, и расположили по Финляндской границѣ таможенную стражу, но въ силу извѣстнаго правила, что надзоръ усиливаетъ только контрабанду, соль все-таки перевозится, хотя и стоитъ нѣсколько дороже, благодаря тому, что, кромѣ стоимости ея на мѣстѣ и перевозки, явился новый коефиціентъ образованія ея цѣнности — это жизнь человѣческая, коефиціентъ, поднявшій стоимость пуда соли приблизительно на цѣлый гривенникъ. Обыкновенно на пудъ рыбы полагается 3—4 ф. соли и, слѣдуетъ отдать полную справедливость, прескверной. Просоленная рыба складывается затѣмъ въ кадки рядами и пересыпается снова солью, но въ весьма незначительномъ количествѣ, «для ради спокоя», «все кабудто не должна бы духъ дать», толкуютъ солельщики. Для просолки употребляются особаго рода кадки, которыя отличаются тѣмъ, что дно ихъ меньше верхняго отверстія. Кадки эти дѣлаются обыкновенно сосновыя или еловыя; при этомъ послѣднія считаются не такими спорными, каковы первыя. Размѣры ихъ обыкновенно приблизительно одинаковы; при вышинѣ отъ 3 до 5 четвертей онѣ имѣютъ дно въ 9—10 вершковъ въ діаметрѣ, а верхнее отверстіе ихъ доходитъ и до 11 вершковъ, какъ намъ объясняли, для того, чтобы верхній большій слой «посильнѣе напиралъ» на нижній слой. Въ такую кадку входитъ обыкновенно отъ 7 до 9 пудовъ рыбы. Въ солку идетъ только лѣтній уловъ, такъ какъ

зимній уловъ и безъ просолки можетъ сохраняться долгое время, благодаря холоду, но, кромѣ того, среди рыбаковъ весьма сильно распространено убѣжденіе, что зимняя рыба къ солкѣ не пригодна; какъ мы ни старались разузнать почему же именно установилось мнѣніе о непригодности зимняго улова къ солкѣ,—добиться ничего путнаго не могли, кромѣ стереотипныхъ фразъ, въ родѣ: «старики сказываютъ — вѣрно», «видно такъ, коли старики еще заказали солить ее». Вѣрнѣе всего, что простая, логическая причина позабыта, явилась снова необходимость опричинить фактъ—и вотъ цѣлая исторія о якобы непригодности зимней рыбы къ солкѣ. Въ солку поступаетъ сигъ, щука, окунь, лещь, подлещь, язь, подъязикъ, плотва, судакъ и ряпушка. Про палью и лоха толкуютъ, что «она и такъ солоная», намекая на ея розоватое мясо. Цвѣтъ мяса вообще красной рыбы, замѣтимъ здѣсь мимоходомъ, объясняется народомъ въ одномъ преданіи, которое не лишено поэзіи. «Когда пришло времячко Христу идти на пропятіе, онъ и вздумалъ отпраздновать со святапосталами пасху—разговѣться похристіанскому; стали святапостолы искать нищи и нашли только хлѣбъ, рыбу, мясо да на запитки вино церковное виссантъ. Хлѣбъ былъ, какъ и быть ему должно бы, плотный, рыба была палья, да не нонишная, а бѣлая, только по жилкамъ у нея кровь-руда переливалась, мясо также, какъ и быть бы подобало, было бѣлое и вино бѣлое, какъ и теперь еще продаютъ. Повечерялъ Христосъ со святапостолами и захотѣлъ наградить и явство, и питье свое за то, что они его святую утробу насытили. «Рцы ми Іоанне, говоритъ, чесо хощеши, да дамъ симъ явствамъ и питію сему?»—«Дай имъ Господи, отвѣщеваетъ, дабы ихъ людіе не потребляли».—«Чесо ради отыму я оныя отъ человѣка, изрекъ Христосъ, не добро еси мыслиши, Іоанне!» и про-

51

молчалъ нѣсколько. «Да пріобщатся они крови моей неповинной!» сказалъ, помедливъ, Іисусъ и поникъ главою. Съ той поры и палья, и мясо, и вино порудѣли, словно кровію упиталися, а хлѣбъ то столь плотенъ былъ, что зарудѣлъ сверху, съ корочки, а нутро то у него, какъ и допрежъ было, бѣлое. Увидалъ сіе Христосъ и взялъ его въ ручки—анъ и размякъ, и пористѣй сталъ, а корка то все не пущаетъ кровь Христову; взялъ Господь тогда хлѣбъ и утеръ лице свое, аки губкою и напитался хлѣбъ пòтомъ его. Оттого пòтомъ хлѣбъ и добывается нынѣ, а допрежь того росло древо такое, что, замѣсто плода, висѣлъ съ него хлѣбъ, и питалися онымъ хлѣбомъ люди до той поры; а корку проклялъ Христосъ — оттого и выбрасываютъ ее собакамъ и скотинѣ». Требовалось объяснить красный цвѣтъ рыбы, мяса и вина и пористость хлѣба и вотъ какой-то досужій человѣкъ измыслилъ цѣлый разсказъ и пустилъ его въ народъ, который съ радостью хватается за всякое религіозное опричиненіе. Какъ бы то ни было, но красную рыбу въ солку не «мечутъ». Вообще, мѣстная соленая рыба хороша только свѣжепросольная; впродолженіе 3—6 мѣсяцевъ она съѣдобна и для болѣе тонкаго желудка, но за то черезъ полгода вкусъ ея становится отвратительнымъ и она окончательно прогоркаетъ.

Сушка рыбы производится еще проще. Предназначенную къ сушкѣ рыбу моютъ, почистятъ только ту, которая покрупнѣе, а про мелкую увѣряютъ, будто «все нутро у нея высохнетъ», придавая при этомъ послѣднему слову значеніе — уничтожится, пропадетъ. Когда наберется изготовленной такимъ образомъ рыбы пуда полтора, то ее укладываютъ въ вольный духъ въ печи на песокъ, закрываютъ заслонъ и даютъ просушиться часовъ 12 времени. Зимній уловъ опять-таки и въ сушку не поступаетъ. Сушатъ по

большей части мелочь, и только въ весьма отдаленныхъ отъ городовъ мѣстахъ (напр. на Сегежѣ и къ Ондозеру) сушатъ сиговъ. Сигъ непремѣнно пластуется предъ мытьемъ и замѣняетъ въ этихъ мѣстностяхъ зачастую хлѣбъ; сигъ такъ и называется за́ѣдкой; имъ заѣдаютъ уху, имъ подправляютъ на ложку куски рыбы—однимъ словомъ, онъ вполнѣ играетъ ту роль и исполняетъ ту службу, которая въ иныхъ мѣстахъ предназначена ломтю хлѣба. Сушеная рыба, именно вслѣдствіе того, что на сушку употребляется мелочь преимущественно, носитъ названіе *малья* или *молья*; она сохраняется въ сухомъ мѣстѣ около года и вкусомъ не уступаетъ свѣжей, если только она была предварительно выпотрошена, такъ какъ непотрошенная рыба непремѣнно имѣетъ горьковатый, крайне-непріятный вкусъ.

Для вяленья берутъ корюшку, обмываютъ ее въ одной только водѣ и, не посоливши, раскладываютъ на крышахъ избъ. Если погода задается ведреная, то вяленье продолжается отъ 3—5 дней. Ту рыбу, которая побольше, при вяленьи разрѣзаютъ по хребту, вынимаютъ внутренности, посыпаютъ ее слегка солью, развѣшиваютъ на протянутыхъ на припекѣ веревкахъ, а дня черезъ 3 снимаютъ. Если случится время непогодливое, то олончанинъ ухитряется произвести процессъ вяленья подъ крышей, но на это требуется дней 10, а иногда и цѣлыхъ 2 недѣли. Вяленая рыба можетъ смѣло быть сохранена впродолженіе одного года, причемъ первое время она даже не теряетъ вовсе вкуса.

До копченія рыбы еще не додумались ни въ Прионежьѣ, ни въ Корелѣ, хотя дѣло это весьма возможно и доставило бы хорошую выручку мѣстнымъ жителямъ. Только въ Даниловѣ коптятъ сиговъ, но дѣлаютъ это лишь для себя, а отнюдь не на продажу. Жиръ вытапливается только изъ

налимовъ и изрѣдка изъ судака, но дѣлается это лишь на домашнюю потребу—подъ овсяные блины, до которыхъ припомежане большіе охотники.

Опредѣлить количество добываемой ежегодно рыбы рѣшительно также трудно, какъ опредѣлить количество ея, плавающее въ данное время въ данной рѣкѣ; несмотря на то, что были исправники, которые доносили въ статистическіе комитеты, что въ ихъ уѣздѣ живетъ «26,392 головы обоего пола птицы куриной породы», тѣмъ не менѣе здѣсь даже и эти великіе статистики стали бы въ тупикъ. Существуютъ кое-какія указанія въ офиціальныхъ данныхъ, но всѣ они нетолько приблизительны, а и запросто никуда не годны; такъ напр., увѣряютъ, что будто сиговъ поступаетъ ежегодно въ продажу до 2000 пудовъ. Гораздо интереснѣе, чѣмъ количество общаго улова,—количество выручаемыхъ отъ рыбнаго промысла денегъ, а для приблизительнаго опредѣленія выгодъ рыболовства данныя всегда можно собрать, принявъ съ одной стороны во вниманіе стоимость орудій и факта добыванія, а съ другой — цѣну, предлагаемую ему за добычу на рынкѣ. Вотъ тѣ свѣдѣнія, которыя намъ удалось собрать:

Рыба свѣжая.

	Стоитъ въ ловѣ.	Въ продажѣ.
Мелочь . .	20—50 к.	40—1 р. 25 к.
Налимъ . .	40—60 »	80—1 » 20 »
Щука . .	30—75 »	1 р.—1 » 25 »
Палья .	1 р. 10 к.—1 р. 50 к.	1 к. 50 к. —2 р.

Рыба соленая.

	Стоитъ въ ловѣ.	Въ продажѣ.
Мелочь . .	25—30 к.	50—60 к.
Щука . .	40—50 »	60—1 р. 20 к.
Палья .	1 р. 25 к.—1 р. 60 к.	1 р. 60 к.—2 р. 30 »

Рыба вяленая.

	Стоитъ въ ловѣ.	Въ продажѣ.
Мелочь	1 р.—1 р. 20 к.	1 р. 20 к.—1 р. 50 к.
Щука	1 р. 10 к.—1 р. 30 к.	1 » 30 »—1 » 60 к.

Рыба сушеная.

	Стоитъ въ ловѣ.	Въ продажѣ.
Мелочь	1 р.—1 р. 50 к.	1 р. 50 к.—2 р.

Свѣжая.

	Стоитъ въ ловѣ.	Въ продажѣ.
Сигъ . .	1 р.—2 р.	2 р.—3 р.
Лосось .	3 р.	5 »—6 »
Лещь .	60 к.—1 р.	80 к.—1 р. 20 к.
Судакъ .	1 р.—1 р. 50 к.	1 р. 40 к.—2 р.

Соленая.

	Стоитъ въ ловѣ.	Въ продажѣ.
Сигъ .	1 р. 20 к.—1 р. 80 к.	1 р. 80 к.—3 р.
Лещь .	— 80 »—1 » 20 »	1 »—1 р. 50 к.
Судакъ .	1 р. 10 »—1 » 75 »	1 » 50 к.—2 р.

Вяленая.

	Стоитъ въ ловѣ.	Въ продажѣ.
Лещь .	1 р.—1 р. 50 к.	1 р. 25 к.—1 р. 75 к.
Судакъ .	1 р. 20 к.—1 р. 75 к.	1 » 50 »—2 »

Сушеная.

	Стоитъ въ ловѣ.	Въ продажѣ.
Сигъ .	1 р. 50 к.—2 р. 50 к.	2 р. 50 к.—3 р.

Чтобы показать здѣсь, как велики иногда бываютъ тони въ прионежскомъ краѣ, достаточно будетъ упомянуть, что намъ случилось видѣть одну тоню въ 35 пудовъ леща. Счастливый ловецъ былъ поставленъ въ весьма трудное положеніе. Куда дѣваться съ такой прорвой рыбы? пудовъ 10 распродалъ, а остальное вывялилъ и доѣлся съ семьей дотого, что далъ наконецъ зарокъ никогда леща не ѣсть,— ужъ очень опротивѣлъ. Мы сами купили у этого счастливаго несчастливца вяленыхъ лещей чуть не даромъ (1 р. 75 к.). Поморская сельдь, которая очень любима въ Прионежьѣ, стоитъ отъ 2 р. 50 к. до 3 р. за пудъ; бѣломорская палтусина, которая представляетъ собою для здѣшнихъ жителей блюдо уже изысканное, лакомое, цѣнится въ 3 — 4 р. за пудъ. Изъ сравненія стоимости улова и приготовленія рыбы къ продажѣ съ рыночною цѣною видно, что здѣшній крестьянинъ могъ бы отлично вести свои дѣлишки, и рыба вполнѣ могла бы замѣнить недостатокъ удобной земли и тому подобныя неудобства сѣвернаго края; но въ томъ то и дѣло, что русскій человѣкъ всегда и вездѣ ухитрится подъискать способъ попасться кому-нибудь въ лапы, въ кабалу, и, вмѣсто продажи въ руки главныхъ торговцевъ, установить кулачество и собственную свою эксплуатацію. Какъ и вездѣ, какъ и всегда, какъ и во всемъ,—кулакъ, мѣстный міроѣдъ, жалкенькій торгашишка изъ мелкотравчатыхъ мѣщанъ и въ этомъ случаѣ сѣлъ на шею крестьянину и заставилъ послѣдняго на себя работать. Осенью скупщики ѣздятъ по деревнямъ и скупаютъ на себя или на главныхъ торговцевъ крестьянскій уловъ; затѣмъ по первопутку или вообще по зимнему пути рыба идетъ или въ Шунгу, или въ Петербургъ. Изъ Заонежья рыба двигается и лѣтомъ, частью въ Повѣнецъ, а частью въ Петрозаводскъ, но дальнія мѣста, напр. по Выгу, по Сегежѣ, по Сегозеру и по

Выгозеру, по дальности доставлять свѣжую рыбу не могутъ никуда и по неволѣ должны еще быть благодарны, что скупщику вздумается пробраться къ нимъ въ ихъ трущобу. Случалось намъ видѣть и такія картины, что большая рыба бросается на пользованіе грачамъ и воронамъ и на гніеніе, за неимѣніемъ возможности сбыть ее кому бы то ни было. Конечно посолка и вяленіе могли бы приносить хорошія выгоды здѣшнему населенію, но соль дорога, а потому это дѣло и не можетъ дойти до желанной степени развитія. Вездѣ и всюду положены еще цѣпи на развитіе народнаго благосостоянія и, Богъ вѣсть, когда еще настанетъ время трезваго и разумнаго взгляда на вещи въ тѣхъ кружкахъ, отъ которыхъ все зависитъ, но которые не вѣдаютъ, что творятъ.

XXVI.

Отъ Сунскаго погоста почтовая дорога идетъ чрезъ наволокъ, т. е. горою, но всѣ, кому случается проѣзжать здѣсь, предпочитаютъ нанять въ Сунѣ лодку и доѣхать до Кондопоги озеромъ или, вѣрнѣе, Сунской губою. Дикая прелесть береговъ вполнѣ искупаетъ тѣ полчаса, которыми путествіе на лодкѣ разнится отъ съумасшедшей ѣзды съ горки на горку. Мы впрочемъ нѣсколько удлиннили путь, такъ какъ заѣхали на Нигозеро, находящееся верстахъ въ 6-ти отъ Сунской губы. Дѣло въ томъ, что по разсказамъ мѣстныхъ жителей на Нигозерѣ есть слѣды какой-то свайной постройки, которые съ незапамятныхъ временъ въ видѣ свай торчатъ изъ подъ воды. Разсказы эти заинтересовали насъ, и мы рѣшились пробраться черезъ Нигозеро въ Сандалозеро. Правда, при самомъ въѣздѣ въ озеро на юговосточномъ концѣ его нашли мы какія-то торчащія изъ воды

54

сваи; пробовали рубить ихъ—топоръ не беретъ, но утверждать, что это слѣды свайной постройки озернаго человѣка, было бы слишкомъ смѣло, такъ какъ при самыхъ тщательныхъ раскопкахъ на берегу, къ которому подходятъ сваи, мы ровно ничего не нашли. Вѣрнѣе всего, что сваи эти или поддерживали во времена оны какой-то мостъ, или просто остались отъ рыбнаго садка, которыхъ въ этой мѣстности встрѣчается очень много по устьямъ рѣкъ, въ малыхъ озерахъ или ламбахъ съ проточною водою и наконецъ по губамъ, въ которыя впадаютъ рыбныя рѣки. Какъ бы то ни было, мы однако вовсе непринадлежимъ къ той школѣ, которая почему то воображаетъ, что у насъ на Руси не можетъ быть озерныхъ построекъ. Всякое большое озеро должно было быть населено въ доисторическія времена и весь вопросъ сводится лишь ко времени возникновенія такихъ построекъ; способъ постройки былъ извѣстенъ всѣмъ народамъ міра, но дѣло въ томъ, что иные народы не находили для такого рода сельбищъ достаточно пригодныхъ мѣстъ, а также и въ томъ, когда именно извѣстный народъ дошелъ до пониманія удобствъ представляемыхъ озерными жилищами. Но если до сихъ поръ не найдено еще никакихъ остатковъ озерныхъ построекъ, то Олонецкая губернія въ палеоэтнологическомъ отношеніи тѣмъ не менѣе представляетъ все-таки далеко не малый интересъ; повсюду попадаются у крестьянъ громовыя стрѣлки и собрать ихъ можно въ весьма большомъ количествѣ. Послѣднія работы и изысканія, предпринятыя г. Поляковымъ показали, что, если изслѣдованія будутъ предприняты, придерживаясь строго научной системы, плодотворность ихъ несомнѣнна. Такъ напр. въ томъ уже сравнительно небольшомъ районѣ, который былъ изслѣдованъ почтеннымъ нашимъ молодымъ ученымъ, насчитывается цѣлый рядъ такъ называемыхъ

«станцій». Въ той мѣстности, которая лежитъ напр. между устьями рр. Ошты и Мегры, найдено было нѣсколько последовательныхъ валовъ, оставшихся отъ отступленія озера; первый валъ лежитъ въ верстѣ отъ современнаго берега озера; онъ представляется вмѣстѣ съ тѣмъ и самымъ старшимъ изъ всѣхъ паралельныхъ и ближайшихъ къ озеру валовъ, съ другой стороны — онъ старше и большей части трясинъ и торфяниковъ, лежащихъ между нимъ и ледниковыми образованіями на протяженіи 3—4 верстъ; въ этомъ то валу и найдены были г. Поляковымъ обломки кремней и горшковъ, относящіеся несомнѣнно къ каменному періоду; наклонность обитателей этого періода къ рыболовству обличается и дальнѣйшими находками почтеннаго изслѣдователя и весьма вѣроятно, что они искали себѣ пропитанія, а слѣдовательно и основывали свои сельбища при озерахъ, лежавшихъ тамъ, гдѣ теперь разстилаются непролазныя трясины, какъ бы намекая на будущую участь большинства озеръ нашего сѣвера. На Лужандозерѣ замѣченъ г. Поляковымъ тотъ же фактъ и сравненіе побудило его высказать ту мысль, что приозерные доисторическіе обитатели нашей страны великихъ озеръ избирали для поселеній своихъ берега преимущественно не глубокихъ озеръ. Самое интересное изъ мѣстонахожденій орудій принадлежащихъ каменному вѣку, найдено было г. Поляковымъ на Тудозерѣ, гдѣ имъ найденъ былъ не только валъ, но и цѣлый островокъ, который соединялся съ берегомъ посредствомъ того же вала. Мѣстность эта была обитаема людьми въ эпоху отложенія сѣраго ила, достигающаго до $1\frac{1}{2}$ вершк. толщины. На валу, во входящемъ въ составъ его илѣ, г. Поляковъ нашелъ множество обломковъ горшковъ и кремневыхъ орудій; всѣ находки здѣсь сдѣланныя удостовѣряютъ, что цивилизація каменнаго вѣка долго процвѣтала въ этомъ

мѣстѣ. Кромѣ того замѣчено, что жители пользовались и островомъ, какъ мѣстопребываніемъ: раскопка въ нѣкоторыхъ мѣстахъ показала, что въ красномъ пескѣ его, покрытомъ тонкимъ пластомъ ила до $1^1/_2$ вершка толщины, разбросаны перегорѣвшіе камни и посуда. Одинъ крестьянинъ изъ деревни Бабовщины разсказывалъ, что на окраинѣ залива, въ которомъ помѣщается валъ и островъ, онъ во время неводьбы замѣчалъ большіе обломки горшковъ и нашелъ цѣлое круглое дно горшка; онъ говорилъ также, что въ сухіе и маловодные года замѣчается, что чѣмъ дальше отъ берега, тѣмъ больше встрѣчается кремневыхъ орудій. Г. Поляковъ сознается, что это послѣднее обстоятельство остается для него необъяснимымъ, но это лишь потому, что онъ слѣдуетъ общераспространенному ученію или вѣрнѣе фантазіи объ отсутствіи озерныхъ поселеній у насъ въ Россіи и притомъ именно въ озерной сѣверовосточной ея части. При Кумбасъ-озерѣ г. Поляковъ сдѣлалъ тоже весьма важныя открытія по палеоэтнологіи. Вообще въ пескахъ и въ растительномъ слоѣ при этомъ озерѣ скрыто все главное и необходимое въ хозяйствѣ человѣка каменнаго вѣка; а именно: топоры, стрѣлы, ножи, рубанки, плиты для шлифованія орудій, обломки кремней, указывающіе на мѣстную фабрикацію орудій, обломки горшковъ и даже остатки жилища; г. Поляковъ нашелъ полъ изъ валуновъ, служившій несомнѣнно фунтаментомъ для хижины первобытнаго обитателя, такой именно полъ, какіе были позднѣе, уже въ историческія времена, въ употребленіи у нашихъ сѣверныхъ инородческихъ племенъ, и какіе до послѣдняго времени мы находимъ у эскимосовъ Гренландіи и Сѣверной Америки. Полъ этотъ былъ выложенъ изъ валуновъ различной величины и формы: были валуны закругленные водою, были остроугольные и острореберные; былъ одинъ валунъ до $^3/_4$ арш. въ

длину и въ нѣсколько пудовъ вѣсомъ, находились и меньшіе, длиною до четверти; они лежали другъ на другѣ въ нѣсколько рядовъ, не были связаны никакимъ цементомъ и держались вмѣстѣ, благодаря аккуратной пригонкѣ, какъ это вообще встрѣчается въ сооруженіяхъ каменнаго вѣка. Имѣя довольно ровную поверхность, этотъ каменный полъ является округленнымъ до $1^1/_2$ метра въ діам.; около однаго изъ краевъ его былъ найденъ камень съ обточенною верхнею стороною; онъ былъ вставленъ въ промежутокъ между камнями пола и служилъ по всѣмъ вѣроятіямъ точиломъ, на которомъ готовились топоры или другія сточенныя орудія; промежутки между камнями были заполнены частью пескомъ, частью же горшечными и кремневыми обломками и угольями; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ попадались остатки сосновой коры и береста; видно, что жители не только дѣлали здѣсь свои орудія, но разводили огонь и варили пищу; кора сосны и береза служила, вѣроятно, покровомъ для хижины, размѣры которой легко могли быть и больше нежели величина каменнаго пола. Изъ геогностическаго изслѣдованія видно, что въ то время, когда первобытные обитатели хижины были живы, рѣка Кумбаса подходила ближе къ хижинѣ; ихъ сооруженіе стояло непосредственно на берегу ея, такъ какъ и теперь современные пески лежатъ около самаго берега. Большая часть найденныхъ г. Поляковымъ орудій совершенно почти сходна со скандинавскими, сходство это простирается до мелочей во внѣшней отдѣлкѣ и является въ особенности выдающимся при сравненіи орудій, добытыхъ г. Поляковымъ, съ тѣми, которыя изображены у Нильсона, Гильдебранта и иныхъ. Вся разница лишь въ матеріалѣ; большинство скандинавскихъ топоровъ состоитъ изъ твердыхъ породъ, преимущественно кварцевыхъ, изъ кремня, тогда какъ олонецкіе топоры дѣлались главнымъ образомъ изъ глинистаго сланца.

56

Не менѣе чистыхъ топоровъ заслуживаютъ вниманія и такъ называемые молоты и сѣкиры, съ отверстіями для продѣванія руки по срединѣ; распространеніе этихъ орудій проходитъ чрезъ Прибалтійскій край, какъ доказываютъ находки Гревинка, и Скандинавію, на западъ, въ Данію и пр.,—и связуютъ, такъ сказать, каменный вѣкъ нашего сѣвера съ западноевропейскимъ. Стрѣлы, грузила и пращевые камни — все это найдено было г. Поляковымъ въ большомъ количествѣ. Касательно доисторической орнаментаціи добытъ также весьма богатый матеріалъ; такъ напр. обитатели Олонецкой губ. гравировали на своихъ орудіяхъ головы лосей, медвѣдей, какъ это доказывается находками Бутенева, а также украшали себя разнаго рода привѣсками, которыхъ встрѣчается очень много и притомъ самыхъ разнообразныхъ формъ, встрѣчающихся однако въ такомъ же большомъ количествѣ въ Прибалтійскомъ краѣ, Финляндіи, Даніи и Скандинавіи. Глиняная посуда была здѣсь такою же необходимостью, такою же принадлежностью всякаго жилья, какъ и въ озерныхъ жилищахъ Швейцаріи, въ Даніи и въ Скандинавіи; какъ у жителей этихъ странъ, такъ и у Олончанъ каменнаго вѣка посуда была сдѣлана изъ глины, съ большимъ содержаніемъ песку; какъ въ Швейцаріи, горшки встрѣчались только въ видѣ обломковъ, по которымъ, конечно, лишь приблизительно можно судить о ихъ формѣ въ цѣломъ видѣ. Большинство обломковъ принадлежитъ къ окраинным и боковымъ частямъ горшковъ; горшки видимо украшались разнообразными узорами, состоящими изъ рядовъ бороздокъ, съ правильными на ихъ глубинѣ угловатыми вдавленіями; бороздки эти располагались то наклонными и параллельными другъ другу рядами, то зигзагами между окраинною линіей и бороздкой, ей параллельною, то два ряда бороздокъ сходились подъ угломъ

другъ къ другу, то лежали параллельно окраинамъ или же наконецъ раздѣлялись ямочками, составляющими второй элементъ въ разнообразныхъ комбинаціяхъ доисторической орнаментаціи. Ямки въ рѣдкихъ случаяхъ не глубоки; по большей части онѣ проникаютъ черезъ всю толщу стѣнки и на внутренней сторонѣ получаются соотвѣтственные ямкамъ ряды выпуклостей; на мѣстахъ этихъ ямочекъ стѣнки горшка являются весьма тонкими и легко проламываются. Расположеніе ямокъ всегда клонится къ срединѣ и еще чаще къ низу горшковъ; слѣдуетъ вообще полагать, что присутствіе ихъ на посудѣ обязано своимъ происхожденіемъ не только стремленію къ изящному, но, быть можетъ, и тому соображенію, что въ подобныхъ горшкахъ вода могла быстрѣе нагрѣваться и кипѣть. Что касается до опредѣленія народности жителей Олонецкаго края во время каменнаго періода, то положительное разрѣшеніе этого вопроса еще не мыслимо по недостатку данныхъ; тѣмъ не менѣе слѣдуетъ полагать, что здѣсь жилъ еще въ докурганный періодъ (въ курганахъ Олонецкой губерніи находимы были уже металлы) тотъ же народъ, который затѣмъ двинулся двумя потоками на сѣверъ въ Скандинавію и на югозападъ черезъ Прибалтійскій край и Поморье въ Данію; Финны ли то или ихъ предшественники въ Европѣ? рѣшитъ лишь тотъ послѣдующій изслѣдователь, которому удастся найти нѣсколько череповъ доисторическаго Олончанина. Если жители каменнаго вѣка въ Олонецкой губерніи были не Финны, то племя это могло быть стерто съ лица земли или поглощено курганнымъ или финскимъ народами. Вѣрнѣе всего впрочемъ то, что обитатели Олонецкой губерніи въ каменный періодъ принадлежали къ народамъ перваго миграціоннаго движенія Урало—Артайцевъ на западъ и родственны скорѣе Лопарямъ, нежели Саваkотамъ, Вепсамъ и т. п. Тутъ же пе-

57

вдалекѣ отъ Нигозера возвышаются холмы, которые представляютъ собою отроги Масельги; мы отправились осмотрѣть ихъ, такъ какъ въ этомъ мѣстѣ значится по офиціальнымъ свѣдѣніямъ ломка аспида. Аспидъ дѣйствительно есть, и притомъ превосходной слоистости; но ломки, при всемъ нашемъ желаніи, найти не могли. Нигозерскій аспидъ ждетъ еще предпріимчиваго человѣка, которому вздумается приняться за его разработку. Здѣшній аспидъ отлично пишетъ и намъ не разъ случалось видѣть ребятъ, которые употребляли его для этой цѣли. Мѣстные жители, правда, ломаютъ его и употребляютъ на разныя подѣлки; мы видѣли грузила аспидныя, ступени, точила и даже ручной жерновъ. Доставка аспида нигозерскаго съ мѣста ломки на берегъ Кондопожской губы чрезвычайно удобна, такъ какъ Нигозеро соединяется съ водами Онежскаго озера протокомъ, который стоитъ лишь прочистить нѣсколько, и тогда Нигозеро и Сандалозеро, а слѣдовательно и Тивдійскія мраморныя ломки, будутъ имѣть прямое водное сообщеніе съ Онегою, а слѣдовательно и съ Петербургомъ. Сама по себѣ Кондопога ничѣмъ особенно не замѣчательна, кромѣ развѣ церкви, которая по народному преданію выстроена была на задушбину Грознаго царя. «И по сіе время въ ночь на Ивана идетъ въ церкви задушбинная служба, слышенъ звонъ колокольный, хотя мѣстный священникъ и не служитъ въ это время. Никто не помянетъ Грознаго царя, по всѣмъ церквамъ ему говорятъ анаѳему-проклятъ, а вѣдь онъ великій строитель былъ церковный, такъ у насъ онъ себѣ задушбину и строитъ.» Откуда явилось такое преданіе— неизвѣстно; но церковь дѣйствительно весьма древняя, съ крыльцами и переходами. Въ синодикѣ одного изъ крестьянъ дѣйствительно я нашелъ на первой страницѣ: Раба твоего Іоанна, царя и великаго князя всея Руси помяни Господи

во царствіи Твоемъ». Такъ ничего и не разъяснили намъ въ этомъ странномъ фактѣ поминовенія Грознаго, тѣмъ болѣе, что священникъ мѣстный былъ въ отсутствіи.

XXVII.

Съ Кондопоги дорога круто поворачиваетъ на сѣверъ для обхода Сѣнной губы, которая далеко вдалась въ материкъ. Отсюда начинается корельское населеніе вплоть до Кяппесельги включительно, хотя и обрусѣвшее до забвенія своего роднаго языка. Типъ кореляка сохранился еще и въ Мянсельгѣ и Кяппесельгѣ, хотя и переходитъ весьма замѣтно къ общему кряжистому сѣверновеликозерскому русскому типу. Въ Кяппесельгѣ удалось намъ разговориться съ однимъ весьма интереснымъ странникомъ, отправлявшимся въ Петрозаводскъ изъ прикемскихъ странъ. Изъ его разсказовъ мы убѣдились, что Даниловскій погромъ 1854 года не принесъ никакой пользы, такъ какъ расколъ ушелъ въ самаго себя, съежился и держится теперь крайне осторожной тактики. Скиты существуютъ, но ни одному ретивому пастырю, ни одному алчущему наградъ чиновнику особыхъ порученій не придетъ въ голову искать ихъ, а тѣмъ болѣе разгромлять, такъ какъ къ нимъ едва-едва можно добраться. Тотъ же Даниловскій погромъ совершенно во вредъ православію подѣйствовалъ на гонимыхъ безпоповцевъ; значительное число ихъ, не видя никакой терпимости и подвергаясь лишь однимъ угнетеніямъ, ушло въ болѣе безъисходныя и суровыя секты, какъ-то: въ христовщину и въ странничество или въ Спасово согласіе. Тотъ, кто прежде былъ безпоповцемъ, и теперь имъ же остался, но скрывается, надѣваетъ на себя ненавистную ему маску православія и, считаясь по спискамъ православнымъ, отъ всей

души ненавидитъ духовенство и насильно навязанную ему религію. Можно смѣло сказать, что по всему пути отъ Петрозаводска до Повѣнца и далѣе на востокъ и на сѣверъ нѣтъ православныхъ, тогда какъ по спискамъ они значатся. Понравился попъ крестьянамъ, и вотъ они рѣшаютъ чѣмъ нибудь отблагодарить хорошаго человѣка; въ одинъ прекрасный день является къ нему гурьба людей и объявляетъ, что они хотятъ «возсоединиться съ Святою Церковью»; попъ радъ, хотя и знаетъ прекрасно, что это только личина, отписываетъ по начальству и получаетъ или просто благодарность, или скуфейку, или иную какую-либо награду; новыя дѣти церкви записываются въ исповѣдные списки, и пошелъ попъ отмѣчать противъ ихъ именъ: «неб. по нерадѣнію». Гнусность за гнусностью разсказываютъ намъ о Даниловскомъ погромѣ, и приходится нашему брату краснѣть предъ этими «погибшими для Христа» людьми за насъ, «православныхъ христіанъ». Въ своемъ мѣстѣ мы разскажемъ кое-что изъ этихъ гадостныхъ, отвратительныхъ фактовъ глумленія сильнаго надъ слабымъ и безпомощнымъ.

XXVIII.

Послѣ 5-ти часовой ѣзды по отвратительной песчаной дорогѣ, когда ямщикъ рѣшительно обобьетъ всю свою погонялку объ спину не мудрой измученной лошаденки, путникъ прибываетъ въ Лижму, селеніе, гдѣ приходится версты двѣ ѣхать между огромныхъ горъ досокъ. Въ сторонѣ отъ дороги видны нѣсколько холмовъ значительной вышины престраннаго бланжеваго цвѣта; вы подъѣзжаете ближе и замѣчаете, что холмы эти образовались изъ древесныхъ опилокъ, которые гніютъ здѣсь не у дѣла. Во всей Лижмѣ земля покрыта на четверть опилками, которые порождаютъ

миріады крайне назойливыхъ насѣкомыхъ. Лпжемскій заводъ, какъ и остальные заводы на берегу Онежскаго озера, дѣйствуетъ водою. На немъ постоянно работаетъ отъ 20—50 рабочихъ, которые получаютъ заработной платы отъ 40 коп. до 80 к. за день. Между прочимъ не можемъ не припомнить объ одномъ поразившемъ насъ обстоятельствѣ, которое показываетъ, какъ богатъ здѣшній край еще лѣсомъ и какъ варварски относятся заводчики къ лѣсу. Будучи на одномъ заводѣ, мы испугались не на шутку, когда увидали огромный столбъ дыма, поднимавшійся среди досчатыхъ «этажей». Крайне заинтересовавшись этимъ обстоятельствомъ, мы отправились по досчатой настилкѣ къ тому мѣсту, откуда валилъ дымъ, и увидали огромнѣйшую яму, въ которой валенъ былъ бракъ изъ досокъ и горѣлъ огромнымъ пламенемъ. «Что это?» удивились мы. «А это бракъ, горбыли сжигаются!» преспокойно отвѣчалъ намъ сопровождавшій насъ прикащикъ. «Зачѣмъ же это?» «Да куда же ихъ дѣвать? и то ужъ вонъ какъ все загородили». «Да вѣдь посмотрите! горитъ настилка, которая ведетъ на заводъ! вонъ и опилки загорѣлись!» думали мы напугать прикащика.—«Эка невидаль настилка! Сгоритъ, такъ и новую выстроить не долго; а опилки то пусть ихъ горятъ, можетъ съ ними и блохи сгорятъ! намъ же полегчаетъ». Гдѣ же тутъ вводить раціональное лѣсное хозяйство? Гдѣ же тутъ бережно пользоваться лѣсомъ, когда тысячи тесинъ сжигаются, потому что ихъ дѣвать некуда? когда огромная досчатая постройка не ставится ни во что — выстроимъ, дескать, новую?

XXIX.

Олонецкая губернія, и къ тому же въ особенности сѣверная часть ея, представляетъ собою какъ бы продолже-

ніе финляндской природы. Масельгскій хребетъ, который проходитъ чуть не по всему Повѣнецкому уѣзду, даетъ небольшой отрожекъ, который, подъ именемъ Сунскихъ горъ, проходитъ по сѣверной части Петрозаводскаго уѣзда и, постепенно склоняясь къ котловинѣ Онежскаго озера, образуетъ въ сѣверномъ концѣ послѣдняго рядъ мысовъ, косъ, заливовъ, губъ и бухтъ. Отъ этихъ главныхъ кряжей по сторонамъ всюду тянутся малые холмы, извѣстные подъ именемъ сельгъ. Сельги всегда тянутся приблизительно отъ сѣверозапада на юговостокъ, и вся мѣстность Повѣнецкаго уѣзда представляетъ собою какъ бы только-что вспаханную почву, гдѣ навалъ представляютъ собою сельги, а нарѣзъ—тѣ болотца, которыя всегда находятся между двумя параллельно другъ другу тянущимися сельгами. Едва только сельга встрѣтитъ на пути своемъ рѣку, какъ выступитъ въ русло съ берега высокимъ наволокомъ и затруднитъ теченіе рѣки камнями и лудою; рѣдко рѣка уступитъ и потечетъ по направленію самой сельги, чаще всего рѣка роетъ сельгу, дѣлаются пороги, которые и виновны въ томъ, что огромныя рѣки сѣвера не пригодны для судоходства и не приносятъ той пользы краю, которую по размѣрамъ своимъ могли бы приносить. Русскій человѣкъ, придя въ эти мѣста, всегда обходилъ тщательно сельги и старался устроить свое жилье гдѣ нибудь на наволокѣ, вдающемся въ рѣку или въ озеро, или прямо таки при какомъ нибудь озерѣ, при какой нибудь губѣ или рѣкѣ. Отсюда мы и видимъ, что всѣ русскія поселенія носятъ въ названіяхъ своихъ эту черту русскаго характера; мы то и дѣло встрѣчаемъ: Габъ-наволокъ, Лобъ-наволокъ, Пергуба Сѣнная губа, Лижма губа, Острѣчье, Выгъ-рѣка, Святозеро, Выгозеро, Котошозеро, Машозеро и безчисленное количество такихъ наименованій мѣстности, и можемъ быть вполнѣ увѣрены, что

всѣ поселенія съ такими названіями совершенно русскія. Наоборотъ, финнъ не любилъ воды, видно потому, что по водѣ къ нему чаще всего могъ подобраться врагъ его, русскій поселенецъ; финнъ вѣчно заберется съ своимъ поселкомъ на горушку и именуетъ свои поселенія Мянсельгою, Масельгою, Кяппесельгою; а то, такъ вздумаетъ убраться на возвышенный островъ посреди озера и тогда называетъ свой поселокъ Воцемасари, Кюлосари и т. п. прозвищами. Правда, встрѣчаются финскія поселенія и на озерахъ, у береговъ ихъ, но, видно, давно уже изгнаны отсюда финны и только одно названіе осталось въ воспоминаніе того, что когда то жили здѣсь финны. Вожмосальма уже при Петрѣ была сплошь заселена русскими. Многіе любители обрѣтать то, чего на самомъ дѣлѣ нѣтъ, ужасно обрадовались, что въ названіяхъ нѣкоторыхъ мѣстностей Повѣнецкаго уѣзда они нашли намекъ на проживаніе здѣсь остатковъ бывшихъ хозяевъ здѣшнихъ мѣстъ—лопарей, но въ томъ то и дѣло, что всѣ эти названія крайне сомнительнаго происхожденія и врядъ-ли намекаютъ на прежнихъ обитателей. Дѣло въ томъ, что народъ въ Повѣнецкомъ уѣздѣ отлично выговариваетъ, и потому каждому невольно бросается въ глаза та буква, которую онъ употребляетъ въ названіяхъ: Лобскій песокъ, Лобъ-наволокъ, деревня Лобская, озеро Лобское и т. п. Дѣло въ томъ, что до сихъ поръ еще говорятъ въ Повѣнецкомъ уѣздѣ про болото, которое начинаетъ поростать порослью, мелкимъ ельничкомъ и березничкомъ, что болото «залобилось». Залобился и песокъ на берегу Повѣнецкой губы Онежскаго озера, а отсюда быть можетъ и назвали мѣстность Лобскимъ пескомъ. Не станемъ увѣрять, что оно именно такъ и есть, но скажемъ лишь, что народъ о лопаряхъ давно здѣсь и думать забылъ, а названія всѣхъ вышеприведенныхъ мѣстностей отнюдь не исходятъ изъ

многомудрой главы землемѣра или помѣщика, какъ это случается въ центральной и южной Россіи, а прямо выходятъ изъ народа, который рѣшительно ничего не помнитъ о лопаряхъ, обитавшихъ когда то по берегамъ Онежскаго озера. Охота прозывать свое сельбище по имени рѣчки или озера или пріурочивать названіе мѣстности къ какой нибудь особенности въ ея конфигураціи, или къ какому нибудь случившемуся здѣсь, иногда самому простому факту не въ новину русскому человѣку; всегда и вездѣ поступалъ онъ такъ и въ иныхъ мѣстахъ сохранились даже прекуріозныя преданія о происхожденіи того или другаго прозванія мѣстности; такъ и здѣсь русскій человѣкъ или по памяти передаетъ изъ рода въ родъ или же приписываетъ дѣйствительно существовавшему лицу свои собственныя измышленія; слѣдуетъ замѣтить, что Заонежье описывалъ въ 1628 году писецъ Никита Панинъ, да «для помощи ему приданъ подъячій Семенъ Копыловъ»; народъ помнитъ Панина и увѣряетъ, что онъ никогда не затруднялся давать мѣстности прозваніе—очень находчивъ былъ. То и дѣло слышишь изъ устъ народа разсказы о томъ, какъ Панинъ «деревнямъ имена давалъ» и иногда въ разсказѣ слышится уже позднѣйшая сатира на жителей, остроумно пріуроченная къ имени Панина. Противъ Козыревскаго селенія есть островъ, длиною въ 2 версты и шириною въ 150 сажень; испоконъ вѣку владѣли этимъ островомъ крестьяне Мальковы, владѣли безспорно на займищномъ правѣ: пришли, сдѣлали палъ и на огнищѣ стали сѣяться и кормиться. Въ старину старые люди толкуютъ много было здѣсь гадовъ всякаго рода, словно ихъ несли надъ этимъ мѣстомъ въ кузовѣ, да не нарокомъ вывалили; но вотъ является въ этихъ мѣстахъ писецъ Панинъ, охотникъ не малый до земляники, увидалъ на острову землянику, вышелъ на берегъ и сталъ было

брать ее; потянулся онъ къ одной ягодинѣ,—глядь, а къ его рукѣ змiюга тянется. «Вонъ, проклятый, съ этого острова!» закричалъ Панинъ и съ тѣхъ поръ не стало здѣсь ни одного гада. Панинъ ѣздилъ здѣсь, видимо осматривалъ, вникалъ, разспрашивалъ и вотъ фантазія народная придала ему волшебную какую то силу. Ѣздилъ, говорятъ старые Обонежскіе люди, писецъ Панинъ отъ самаго царя давалъ имена и прозвища на села, деревни, рѣки, озера и наволоки. «На Кижскомъ подголовкѣ былъ онъ во время лѣта. Пріѣхалъ въ одну губу и увидалъ человѣка, мужчину, съ женою сѣно кучатъ: «быть этой волости, сказалъ онъ, Сѣнная губа». Поѣхалъ онъ къ Спасу Бѣлому; подъѣзжаетъ къ деревушкѣ и только было хотѣлъ скликать народъ въ суёмъ, какъ видитъ—человѣкъ въ кузницѣ куетъ косы: «а не надо, ребята, говоритъ онъ, безпокоить народу, собирать въ одинъ домъ; пущай названье деревни—Кузнецы». Переѣхалъ дальше, полверсты мѣста—другая деревушка, дворовъ семь; какъ назвать?» Вышелъ на берегъ царевъ писецъ, видитъ—ребята балуютъ—берестяна коробка въ воду пихнута: «пусть же, сказалъ онъ, эта деревушка по названію-Корба». Отъѣхалъ полверсты впередъ, увидалъ опять домы и куёкъ (гагара) въ губы куётъ (ныряетъ): «эка васъ здѣсь понапихано, ну да пусть называются домы—Куйгуба». Впередъ опять деревня; идетъ человѣкъ берегомъ; середкою—путемъ идетъ человѣкъ, замѣтилъ Панинъ; пущай же деревня эта Середка». Впередъ съ изнова тронулся; смотритъ—идетъ женщина берегомъ: «Какъ тебя звать голубушка?»—«Таней».—«Ну пущай и деревня зовется—Потановщиной. Пихнулся далѣ, полверсты мѣста, до Святова Наволока; остановился тутъ писецъ Панинъ. «Што же называютъ Святымъ этотъ наволокъ, ребята?» спросилъ онъ. Во времена стародавнія шелъ святой въ этотъ наво-

локъ,—отвѣчаютъ ему эти люди,—а на другой сторонѣ, за сто саженъ отъ Спасителя жилъ человѣкъ темный; вдругъ святой переходитъ на берегъ и этотъ темный человѣкъ явился на другомъ берегу. «Смоль! речетъ ему святой, перевези меня!»—«Ну, святой, я тебя перевезу: твой санъ выше меня,—отвѣтилъ этотъ темный человѣкъ. И съ той поры наволокъ—Святъ-наволокъ, а другой—Смолевъ-наволокъ». Не всегда однако дѣло обходилось безъ собранія суёма, но и въ этомъ случаѣ Панинъ всегда давалъ названія сельбищамъ, основываясь на своихъ соображеніяхъ. Мы не станемъ перечислять здѣсь всѣ подобныя преданія о Панинѣ, но сообщимъ еще нѣсколько изъ нихъ, такъ они чрезвычайно комичны и въ иныхъ мѣстахъ Россіи намъ никогда не приводилось встрѣчаться съ такимъ сильнымъ желаніемъ опричинить всякое прозвище. «Впередъ черезъ версту деревушка; видитъ Панинъ у крестьянина рыба на стѣнѣ сохнетъ—язи: «пущай же, говоритъ, деревушка эта—Язнево. Впередъ верста, стоитъ деревня 17 дворовъ. Приказалъ Панинъ собрать суёмъ. Собрались крестьяне; смотритъ Панинъ на сходъ крестьянскій, и вотъ идетъ одинъ молодецъ, убравши хорошо, въ шапкѣ съ козыремъ: «пущай эта деревня—Козыревцы». Впередъ три четверти версты, смотрятъ идетъ человѣкъ необыкновенный, плечами широкъ, а задомъ узокъ: «пущай, говоритъ Панинъ, названье этой деревнѣ—Клиновы». Впередъ тронувши немного, попадается на берегу колоколка: «пущай же это—Мальково. Далѣ двинулись сто саженъ, деревня десять дворовъ, новоразселенная; въ это время сгрубѣла погода, и думалъ Панинъ, какъ назвать эту деревню; вдругъ раскинуло на небѣ, солнышкомъ накрыло и Панинъ сказалъ: «пущай же это Жаренково. Впередъ пихнулись четверть версты—около наволокъ; пріѣзжаютъ къ берегу и видятъ ходятъ малые телята въ

старьѣ: «пущай будетъ эго мѣсто—Телятниково. «За полторы версты встрѣчаются двухъ человѣкъ: оба толки, убравши хорошо, головы кверху: «пущай эта деревня зовется—Сычи». Далѣ поѣхалъ Панинъ до Толвуи. Въ проѣздѣ будучи путемъ-дорогою, онъ назвалъ первую деревню отъ Сычей—Сиговомъ, а тамъ Березки, да Вигово, да Тарасы, да Жеребцовская. А далѣ 10 верстъ къ западу, къ Миколаю угоднику—волость, гдѣ живутъ ловцы; приходитъ Панинъ въ эту деревню и видитъ—у одного крестьянина много рыбы нажарено. Панинъ, видимо, не стѣснялся по увѣренію народа тѣмъ, что не находилъ русскаго названья и часто бралъ подходящее Корельское, но это то обстоятельство и указываетъ, что позднѣйшее желаніе опричинить всякое названіе мѣстности, заставляло пріурочивать сочиненіе этихъ названій къ имени Панина, который по корельски не зналъ. Такъ и въ этомъ случаѣ Панинъ сказалъ, увидавши жареную рыбу: «не для чего, ребята, сгонять народъ; пущай же эта волость—Вегорукса. Впередъ 6 верстъ, грунтъ земли низкій, въ срединѣ деревни ламба (лужа) и потому онъ назвалъ деревню Ламбой. Поѣхалъ потомъ Панинъ къ Палеострову, къ Варвары... Въ проѣздъ онъ увидалъ на берегу кузовъ (видимо народъ забылъ корельское слово: куза — береза) и самую деревню назвалъ — Кузарандой. До Толвуи ѣхалъ берегомъ; подъѣзжая, видитъ—толкутся люди на улицѣ: «пущай же это будетъ Толвуя. Въ Толвуѣ писецъ Панинъ пожилъ нѣсколько времени и возвратился домой въ Новгородъ». Г. Барсовъ собралъ цѣлую массу такихъ разсказовъ о Панинѣ, мы же позаимствовали здѣсь лишь часть его богатаго матеріала.

XXX.

Великолѣпнѣйшее природное шоссе, съумасшедшая, чуть не по 20 верстъ въ часъ, ѣзда ямщиковъ, теряющихъ всякое сознаніе о томъ, что лошади могутъ утомиться и даже пасть отъ усталости, при видѣ магической надписи на открытомъ листѣ, что благоволятъ, дескать, выдавать вамъ лошадей за «оные»; превосходные виды, смѣняющіеся постоянно по сторонамъ; этотъ нескончаемый лѣсъ, который тянется чуть-ли не до берега Бѣлаго моря; эти скалы, которыя наворочены здѣсь будто титаномъ какимъ; эти горныя рѣчки, озера чуть не на каждомъ шагу; дивная панорама Онеги, которая по временамъ открывается глазамъ вашимъ, словно море какое безбрежное; бодрый видъ народа, который съумѣлъ ужиться на этихъ непривольныхъ по части хлѣбной мѣстахъ и который то и дѣло отвоевываетъ у мачихи-почвы то болотце, то покатую сельгу; возможность со всякимъ, даже съ самымъ бѣднымъ крестьяниномъ, у котораго кажется голодъ долженъ бы былъ отбить разсудокъ, поговорить толково—все это, конечно, вмѣстѣ взятое, должно бы было сдѣлать изъ дороги отъ Петрозаводска въ Повѣнецъ какое то увеселительное путешествіе, если бы обаяніе не уменьшалось тѣмъ, что по въѣздѣ въ богохранимый Повѣнецъ, вы рѣшительно не знаете куда дѣваться отъ жгучей боли въ рукахъ, лицѣ и затылкѣ. Чуть не съ первой уже станціи путникъ ощущаетъ, что онъ вступилъ рѣшительно въ царство комаровъ, мошкары и тому подобной негоди, которая облѣпляетъ новичка и доводитъ рѣшительно до остервененія. Едва въѣхалъ экипажъ въ лѣсъ, какъ начинается знакомство съ однимъ чисто мѣстнымъ насѣкомымъ — знакомство крайне непріятное,

такъ какъ барма, муха довольно значительныхъ размѣровъ часто больше обыкновенной песьей мухи, неразборчива по части пищи и потому съ одинаковымъ наслажденіемъ протыкаетъ своимъ жаломъ и конскую морду, и заскорузлую шею ямщика, и аристократически-тонкокожую физіономію какого-нибудь превосходительнаго ревизующаго лица. Сначала мы крѣпимся, потому лишь впрочемъ, что крѣпились ѣхавшіе съ нами ямщики, да и потому еще, что никакъ не могли придумать чѣмъ бы укрыться отъ бармъ, комаровъ и мошкары; но когда къ вечеру летающая компанія до такой степени увеличилась въ численности, что рѣшительно ни глазъ, ни рта нельзя было раскрыть, чтобы не попало туда какое нибудь шальное насѣкомое, а главное, когда шея, физіономія и руки наши распухли и горѣли, какъ отъ горчичниковъ, то мы рѣшились пожертвовать и видами, и прелестью вечера, и завернулись съ головою въ пальто. Наконецъ, пріѣхавши на одну изъ станцій, мы увидѣли, что ямщикъ, собираясь уже садиться на козлы, тащитъ изъ кармана какую-то штуку, сдѣлунную изъ холста; стали мы приглядываться и въ концѣ концовъ узнали, что здѣшній крестьянинъ съумѣлъ отлично отбояриться отъ назойливыхъ и мучительныхъ насѣкомыхъ. Ямщикъ надѣлъ на себя кукѐль, который, какъ оказалось, употребляется въ этихъ мѣстахъ постоянно. Кукѐль—это холщевой башлыкъ, сшитый особеннымъ образомъ. Всѣ полевыя работы производятся въ кукѐляхъ, и слѣдуетъ признаться, что выдумка недурна, и солнце не палитъ, да и комаръ не укуситъ. И снова невольно натолкнешься на мысль, отчего бы это недодуматься было до кукѐля нашему степному крестьянину, отчего бы не защитить ему свою физіономію и затылокъ отъ жгучихъ лучей солнечныхъ? Отъ кукѐлей идешь дальше, начинаешь сравнивать и то, и другое, и куда какъ не ка-

зистъ покажется намъ степнячокъ въ сравненіи съ олончаниномъ. Кажется, земля даетъ много; стоитъ лишь ковырнуть ее дрянною ковырялкою, чтобы она дала хлѣба на зиму вволю, благораствореніе воздуховъ хоть и не-ахти свѣтъ какое, а все почище сѣверныхъ мѣстностей, а между тѣмъ типъ измельчалъ, издряннился, погорбился; красиваго лица не сыщешь и за деньги, на работу плохи, несетъ 4 полѣна и отдувается, копнётъ раза три лопатой и остановится, спросишь—не пойметъ, поговоришь—и жалко, и обидно станетъ. Отчего же сѣверякъ и работаетъ, такъ что заглядишься на его работу, куда нибудь на сельгу заберется — и радъ, что раздобылъ полосьмушки десятины подъ распашку, три года долженъ употребить на предварительную подготовку будущей нивы, сжечь лѣсъ, стащить въ сторону каменья, да унавозить такъ, что подъ навозомъ и земли не видать; въ разговорѣ боекъ, отвѣчаетъ умно, съ достоинствомъ; по большей части грамотенъ, предпріимчивъ? Отчего бы это въ самомъ дѣлѣ? Пробовали было спрашивать у ямщиковъ и тѣхъ, у кого останавливались, да говорятъ такое несуразное, что еще хуже въ тупикъ становишься. Одинъ, такъ съострилъ даже. Я говорю: «почему это все происходитъ, что и богаче вы здѣсь, а должны бы быть бѣднѣе?» «Однимъ, говоритъ, бѣдны мы—помѣщиками, да тѣмъ-то мы и богаты». Вотъ и толкуй тутъ! А помѣщиковъ-то—это правда—тамъ на сѣверѣ мы что-то не встрѣчаемъ.

XXXI.

Въ Пергубѣ, предпослѣдней станціи по пути къ Повѣнцу, тоже ломка была; мѣстный крестьянинъ по своему невѣжеству думалъ, что и въ самомъ дѣлѣ онъ подлѣ своей

Бѣлой Горы сытъ будетъ, раздразнили его работишкой, да и бросили ломать мраморъ, потому «разсчета нѣтъ». И опять невольно лѣзетъ въ голову неотвязная мысль и буравитъ мозги, а отвѣтъ-то хоть и найдешь скоро, да отвѣтъ новый вопросъ представляетъ и такъ дальше, дальше, пока не дойдешь до причины всѣхъ причинъ или до неразрѣшимаго. «Всякое есть у насъ угодье, а талану нѣтъ», вспоминается намъ рѣчь одного крестьянина, у котораго мы спросили, почему до сихъ поръ еще не покинули они никуда негодное трехполье? Экой горемычный народъ, русскій, ни у него разсчета, ни у него талану нѣтъ! Иностранецъ изъ всякой падали и негоди себѣ деньги дѣлаетъ, а у насъ все разсчета нѣтъ. Именно только русскій человѣкъ могъ придумать выраженіе вродѣ: нѣтъ задачи, нѣтъ талану. Тѣмъ больнѣе глядѣть на такое мѣсто, гдѣ и угодье есть, и таланъ есть, да нѣтъ воротилы-капитала, къ которому бы могла прилѣпиться народная дѣятельность. Невольно наталкиваешься на тотъ вопросъ, что вѣдь добрые люди и капиталы составляютъ, не имѣя ни алтына въ карманѣ, при посредствѣ промышленныхъ артелей. Вотъ тутъ-то и становится еще горше и больнѣе; сѣверякъ, при всей своей разсудительности, до артели еще не додумался! Стоитъ огромная Бѣлая гора, состоящая изъ бѣлаго мрамора съ розовыми полосками, всѣми покинутая, въ сторонѣ отъ тракта, будто красавица гордая, что прошли люди мимо и ея не замѣтили.

XXXII.

Но вотъ и Лумбоша, послѣдняя станція къ Повѣнцу, конецъ, такъ называемаго Заонежья. Обыкновенно жители одного берега Онежскаго озера называютъ тѣхъ, кто жи-

64

ветъ на противоположномъ берегу, заонежанами, но слово это имѣетъ еще и частное значеніе, которое извѣстно и на Онего, и у Бѣлаго моря, и, въ особенности, когда поморъ говоритъ про заонежанина, то онъ всенепремѣнно подразумѣваетъ подъ этимъ прозвищемъ жителя извѣстной лишь мѣстности прионежья, а отнюдь не противобережнаго жителя. Въ тѣсномъ смыслѣ, заонежанинъ тотъ, кто живетъ въ волостяхъ кижской и толвуйской петрозаводскаго уѣзда и шунгской повѣнецкаго уѣзда. Такъ какъ имъ собственно принадлежитъ честь колонизаціи дальнѣйшаго сѣверовостока, который подлежитъ здѣсь описанію, то поэтому мы и считаемъ умѣстнымъ здѣсь именно остановиться на описаніи ихъ общаго типа и тѣхъ характеристическихъ чертъ, которыя отличаютъ ихъ отъ другихъ обитателей онежскаго побережья. Къ Заонежью причисляются всѣ погосты, которые расположены на огромномъ мысѣ, вдавшемся въ Онежское озеро съ сѣвера то на 40, то на цѣлыхъ 70 верстъ, перерѣзанномъ почти во всю длину свою заливами, губами и длинными озерами, соединенными съ Онегой узкими проливами или потоками; Сѣнная губа, Кижи, Яндомозеро, Великая губа и Космозеро кижской волости, Толвуй, Фоймогуба, Вырозеро, Кузаранда и Типиницы толвуйской волости, да и вся былая шунгская чудь, которой теперь рѣшительно и слѣдовъ не осталось, сами себя зовутъ Заонежьемъ, да и олончанамъ и поморамъ извѣстны подъ этимъ именемъ. Насколько намъ удалось выслѣдить, жители этихъ мѣстностей, а также и тѣхъ колоній, которыя основаны здѣшними выходцами, отличаются вообще среднимъ, но отнюдь не маленькимъ ростомъ; сложены правильно и пропорціонально. Лицо красиво, по крайней мѣрѣ въ большинствѣ случаевъ, глаза чаще всего сѣрые, волосы русые, съ виду они кряжевисты и неповоротливы, но

въ дѣлѣ подъемисты и тверды; насколько можно замѣтить, труденъ первый приступъ къ труду, но разъ трудъ уже начатъ, то заонежанинъ воротитъ за двоихъ и не остановится, пока руки не откажутся дѣйствовать; это отсутствіе инниціативы къ труду, отсутствіе энергіи, предпріимчивости всеконечно слѣдуетъ себѣ объяснять условіями чисто-климатическими, такъ какъ народъ самъ по себѣ отнюдь не лѣнивъ и напротивъ того на дѣлѣ задористъ. Заонежанинъ терпѣть не можетъ работы, требующей сидячей жизни; онъ охотно работаетъ на полѣ и на озерѣ, но засадить его за сидячую работу почти невозможно; изъ заонежанина выйдетъ превосходный работникъ въ дѣлѣ, требующемъ подвижности, но сапожниковъ и портныхъ въ Заонежьѣ изъ мѣстныхъ жителей не встрѣтишь ни за что; какъ только наступаетъ поздняя осень, такъ въ Заоженье и въ другія мѣстности, населенныя заонежанами, начинаютъ являться швецы по части платья и сапоговъ изъ Каргополовъ, а иногда даже и изъ далекихъ вологодскихъ странъ. Эта неохота заняться работой, пригвождающей къ одному мѣсту, есть еще слѣдъ той любви къ передвиженіямъ, которая отличала ихъ праотцевъ новгородцевъ; эта-то любовь къ передвиженіямъ и совершила на Руси дѣло колонизаціи и безъ нея богъ вѣсть, когда бы еще совершилось вселеніе русскаго элемента въ земли чуди, ями и другой бѣлоглазой негоди, которая выказала явную неспособность свою къ культурной жизни, должна была поэтому сгибнуть и сгибла, благодаря новгородской подвижности и охотѣ къ новымъ мѣстамъ, которая, какъ мы сказали, и теперь еще замѣтна въ потомкахъ бывшихъ Новгородцевъ, жителяхъ сѣверовосточной части Олонецкой губерніи; и теперь еще происходятъ все новые и новые захваты территоріи на сѣверѣ и теперь еще идетъ дѣло колонизаціи, и только администра-

65

тивныя мѣры сдерживаютъ колонизаторовъ отъ побужденія хлынуть на сѣверъ и олюдить то, что теперь безлюдно, обогатить то, что теперь голо и бѣдно. Чѣмъ изъ петербургскихъ барскихъ кабинетовъ рѣшать судьбы нашего сѣвера, скорбѣть о немъ и говорить жалкія слова, гораздо дѣйствительнѣе бы было дать право свободнаго перехода и займища тѣмъ, кто охочъ на занятіе новыхъ мѣстъ, и не стѣснять ихъ паспортною системой, которая, собственно говоря, и немыслима даже на сѣверѣ при тамошнихъ разстояніяхъ. Мы толкуемъ о томъ, что норвежцы завладѣли поморьемъ и тамошними промыслами, а ту силу, которая одна развѣ въ состояніи помѣриться съ норвежцами практичностью и дѣльностью, держимъ на помочахъ и не даемъ ей ходу. Если и существуютъ отходные промыслы, то направляются они неособенно далеко и притомъ на сѣверъ и на востокъ, а въ Петербургъ направляются еще въ весьма незначительной степени. Кромѣ того, что онъ не охотникъ до сидячаго заработка, отсутствіе обонежанина въ Петербургѣ объясняется еще и тѣмъ, что онъ въ большинствѣ случаевъ не православный, а потому и старается на грѣхъ не лѣзть, на глаза не показываться. Тѣмъ не менѣе въ Петербургѣ извѣстны три артели, состоящія изъ чистыхъ заонежанъ; кормятся онѣ мастерствами: столярнымъ, плотничнымъ и конфектнымъ. Была прежде еще одна артель баньщиковъ, но она какъ-то распалась и остальные члены ея примкнули къ небольшой кучкѣ архангелогородовъ, которые и до сихъ поръ омываютъ тѣла почтеннѣйшей публики въ одной изъ нашихъ петербургскихъ прославленныхъ бань. Житье-бытье заонежанъ и обонежанъ не-ахти свѣтъ какое райское и блаженное, такъ какъ климатъ всетаки остается не безъ вліянія на здоровье жителей, а болотина довершаетъ дѣло, и всякаго рода болѣзни таки потрепли

ваютъ обонежанъ. Корелякъ. тотъ распорядился умнѣе, забрался на сельгу—и горюшка ему мало, а русскій человѣкъ вездѣ одинаковъ: мретъ на югѣ, мретъ на сѣверѣ, потому что вѣчно примкнется, либо къ логу съ потеклинкой, либо къ озеру, а слѣдовательно и къ источнику тумановъ и вредныхъ росъ. Времена года здѣсь распредѣлены между болѣзнями крайне аккуратно; горячка забрала себѣ зиму, а лихорадка свирѣпствуетъ весною, почему и извѣстна здѣсь подъ именемъ «веснухи», которая треплетъ народъ безъ жалости, да и безнаказанно, такъ какъ санитарная часть здѣсь въ такомъ видѣ, въ какомъ она находится развѣ только еще въ Туруханскомъ краѣ. Народъ дотого пріобыкъ къ своей веснухѣ, что спеціально занялся ею и понадавалъ ей такихъ типическихъ произвищъ, что становится вполнѣ яснымъ, что всякое прозвище прочувствовано и родилось у человѣка, котораго особенно полюбила веснуха; впрочемъ лихорадка—наша народная болѣзнь, и потому исторія о 12 сестрахъ «дѣвахъ трясавицахъ простоволосыхъ, лукавыхъ, окаянныхъ, видѣніемъ престрашныхъ» распространена повсюду на Руси, и русскій человѣкъ, въ отместку этимъ пріятнымъ дѣвицамъ за ихъ къ нему особое расположеніе, произвелъ ихъ по прямой линіи отъ Ирода; въ Обонежьѣ трясавицъ извѣстно тоже 12 сестеръ: знобиха, ломиха, тугота (febris gastrica), коркота (жаба), черная (пятнистый тифъ), огненная (тифъ простудный), томиха (мигрень), сухота, искрѣпа (упадокъ силъ), синяя (гастрическій тифъ), зеленая (?) и смертнозримая (апоплексія). Необыкновенно распространены также сыпныя болѣзни, вродѣ разныхъ видовъ сыпей, золотухи и оспы, которую частью отказываются прививать на-отрѣзъ, а частью и рады бы привить, но одинъ несчастный фельдшеръ на 1000 верстъ не угоняется. Наибольшее количество жертвъ болѣзни эти выхва-

66

тываютъ изъ дѣтей; въ особенности часто приходится встрѣчать у дѣтей головную сыпь — «своробу», которая появляется зачастую у 5 недѣльныхъ младенцевъ и продолжается до 2 лѣтъ и даже болѣе. Причина и своробы, и всякой иной дѣтской сыпи ясна: дѣти моются крайне рѣдко, пища по большей части рыбная, постель почти всегда сырая, пеленки никогда не стираются при значительной дороговизнѣ холстины, да кромѣ того благодушныя маменьки и бабушки безъ всякаго зазрѣнія совѣсти пичкаютъ недѣльнаго ребенка кашей, которая по ихъ словамъ «окрѣпшаетъ человѣка». Свороба дотого распространена по Обонежью, что считается неминуемой, и единственная противъ нея мѣра— это пареньe зараженнаго мѣста вѣниками въ жаркоатопленной банѣ. Чуть-ли не всѣ дѣти заражены и золотухой, которая принимаетъ у нихъ всевозможныя формы и лечатся опять-таки тою же банею. Противъ оспы употребляется тоже лекарство, но въ усиленной лишь дозѣ: больного 2—3 раза водятъ въ баню, натопленную до того, что пребывающіе въ ней незараженные завязываютъ себѣ платкомъ глаза, а на руки надѣваютъ рукавицы. Были случаи выздоровленія, но намъ самимъ разъ случилось видѣть карбункулъ съ гангреной, излеченный деревяннымъ масломъ.

XXIII.

Заонежанинъ и говоритъ—то не такъ, какъ говоритъ вообще сѣверякъ, многое сохранилъ онъ изъ древне-новгородскаго нарѣчія, кое-что прихватилъ отъ всякихъ сосѣдниxъ «дѣтей корельскихъ», и потому его говоръ сейчасъ узнаешь, и отличишь заонежанина въ толпѣ русскихъ крестьянъ. Удареніе онъ дѣлаетъ такъ, что иное слово сразу и не поймешь, а ужъ прислушаешься, такъ замѣ-

тишь какой онъ фортель выкинулъ; не стесняется онъ и буквами и мѣняетъ ихъ по своему, то поступаясь малороссійскому говору, то цокаетъ, какъ любой рязанскій плотникъ; иной разъ такъ и цѣлый слогъ пропуститъ, какъ истый хохолъ, въ особенности въ глагольныхъ формахъ. Повелительное наклоненіе онъ образуетъ также по своему, прибавляя къ формѣ глагольной мѣстоименную: въ единственномъ числѣ «ко», а во множественномъ—«тко». Говоритъ обонежанинъ (и заонежанинъ), опять таки съ хохлацкимъ пошибомъ, словно трудно ему слово вымолвить, медленно, съ разстановочкой и притомъ такъ и распѣваетъ. Слышать, какъ говоритъ заонежанка, (у нихъ распѣвность сильнѣе всего замѣтна), значитъ слышать отличнѣйшій речитативъ, но конечно безъ той дрянной личины, которую надѣваетъ на него итальянская дѣланная (не народная) музыка; просто садись и записывай! такъ ловко она вытянетъ гласную, смягчитъ согласную, подниметъ, опуститъ голосъ тамъ, гдѣ нужно, что рѣчь такъ и льется у нея.

Для примѣра достаточно будетъ привести здѣсь хотя ту первую фразу, которая по своей новизнѣ поразила насъ и которую мы тотчасъ же записали. Одна бабенка звала другую купаться и, стоя отъ нея шагахъ въ десяти, подкликала ее: «Льюба, а Льюба! пóйдемъ куплятись, бо вóда тáка тѐплла, тáка тѐплла!» Фразу эту мы тотчасъ же записали такъ: «ac; hac; gefdc; gac; hedc; cahc». Такое обиліе звуковъ въ такой простой фразѣ и легкое удареніе на верхнемъ *соль* указываютъ, какъ на мелодичность рѣчи заонежской, такъ и на то, что заонежанка умѣетъ интонаціей обратить вниманіе слушателя на тотъ именно предметъ или же на то именно обстоятельство, которое поразило ее. Не мѣсто тутъ вдаваться въ филологическія особенности обонежскаго говора и мы удовольствуемся лишь указаніями

главныхъ отличій тамошняго нарѣчія отъ общеупотребительнаго великорусскаго говора. Обонежанинъ до смерти любитъ перенести удареніе на первый слогъ, чѣмъ онъ походитъ на чеха; а ужь если предлогъ передъ словомъ стоитъ, такъ уже всенепремѣнно удареніе окажется именно на немъ: нѐ говорю, нѐ могу, при́несли, у́шелъ; бываетъ, что цѣлое слово онъ точно проглотитъ, несдѣлавши на немъ никакого ударенія. Интересенъ тотъ фактъ, что на эту охоту къ ударенію на первомъ слогѣ заонежанинъ не налагаетъ бразды иногда и въ пѣсняхъ, напримѣръ акцентируетъ, какъ и мы въ нашей обыкновенной рѣчи, но и тутъ иногда онъ не сладитъ видимо съ этой охотой и поетъ: на́ колъ, на́ рукѣ и т. п. Любитъ заонежанинъ мягкость звука, а потому и измѣняетъ *а* въ *я*, *у* въ *ю* и *ъ* въ *ь*, послѣ *ц*, т. е. говоритъ: молодиця, словно Черниговскій уроженецъ; цюдо, словно Рязанецъ и т. п. Заонежанинъ не скажетъ: хозяева, а непремѣнно: хозяевы, такъ какъ у него буква *а* служитъ признакомъ двойственнаго числа, которое онъ не утерялъ, подобно остальнымъ великороссамъ. *Ч* для него буква слишкомъ грубая и онъ то и дѣло цокаетъ: цитайтетко. Въ дательномъ падежѣ и предложномъ заонежанинъ не любитъ *ѣ* и замѣняетъ его или чрезъ *и*, или же чрезъ *ы* и потому говоритъ: я пойду къ молодицы, я былъ въ городи, въ избы.

Когда говоритъ и заонежанинъ, и обонежанинъ, то онъ жестикулируетъ, мѣняетъ выраженіе лица и вообще любитъ сопровождать свою рѣчь мимикой лица и членовъ. Оторванный отъ остальной Руси, обонежанинъ оказался въ необходимости разработать богатства языка иначе, нежели приходилось дѣлать это прочимъ великороссамъ; рѣже встрѣчаются здѣсь слова татарскаго корня, словъ ляхитскаго происхожденія почти вовсе нѣтъ, но за то много словъ фин-

скихъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и такихъ, которыя заимствованы изъ древне-славянскаго языка и въ другихъ мѣстахъ утерялись и замѣнились иностранными. Сапоги у него—ба́хилы, гребень для костры—бросальница, лапти—верзни, клеветникъ—ерестунъ, постоялецъ — жихарь (также и душа на раскольничьихъ лековскихъ картинкахъ, изображенная въ видѣ младенца, вылетающаго изъ устъ только что умершаго), кукушка—загожка, назойливый—звяга, комедіантъ—изнимальщикъ, брюхо беременной женщины — кизуля, не одобрять—кухнать, неудалый—моня, нѣсколько пожней — ободъ, выжженное мѣсто для посѣва—палъ и огнище, пеленка—рипакъ, ненастье—рянда, изловчить — спорандать, смѣяться—халяндать, щеголь—хазъ, лощило, фабольщикъ, замаскированный—хухлякъ, ничего — целибука (воровск.), дешево — шаль (офенск.), неповоротливый — шигайдунъ (офенск.).

XXXIV.

Всѣ рѣчки свои, озера, лѣса, лощины и болота населилъ обонежанинъ всевозможными чертями, которые по мѣсту жительства своего и кличку носятъ особую; даже несчастную ригу свою и неизбѣжную баню не оставилъ онъ безъ нечистой силы и въ первой поселилъ вѣчно будирующаго весь родъ человѣческій ригачника, а во вторую поселилъ напротивъ вѣчно веселаго баенника, который, какъ германскій кобольдъ, вѣчно школьничаетъ, заигрываетъ съ бабенками и дѣвками, строитъ разныя каверзы съ подпившимъ мужикомъ и вообще принадлежитъ къ чертямъ — славнымъ малымъ. Обиліе чертовщины надо было объяснить и вотъ никогда не задумывающійся надъ объясненіемъ чего либо непонятнаго русскій человѣкъ сплелъ цѣлую исторію о томъ,

что у Адама послѣ грѣха народилась цѣлая куча дѣтей, которыхъ ему показать постыдно было: вотъ онъ раскинулъ умомъ, да и придумалъ попрятать ихъ отъ Бога и ангеловъ: кого въ ригу, кого въ баню, кого въ озеро, кого въ болото и т. д. Однако Бога ему провести не удалось; Господь осерчалъ, да въ наказаніе такъ и оставилъ ихъ на вѣчныя времена тамъ, гдѣ ихъ отецъ ихъ спряталъ. Какъ дѣти Адама, они исполняютъ, не хуже насъ людей, завѣтъ Божій и размножаются такъ исправно, что любая жидовская чета можетъ позавидовать ихъ плодовитости. Всякая чертовщина любитъ табакъ и черта эта можетъ быть прямо отнесена къ проявленіямъ распространенной здѣсь секты—безпоповцевъ Поморскаго толка, которые, приписавъ чертямъ особую охоту къ этому зелью, видимо хотѣли удружить общностью вкусовъ намъ никоніанамъ. Черти не все сидятъ безъ дѣла и на ихъ долю работа иногда выпадаетъ; то надо уберечь скотинку облюбленную, то рѣченку новую пробуравить, то иная какая подѣлка найдется. Есть лошади, коровы, состоящія подъ особымъ покровительствомъ и вѣдомствомъ того или другого чертенка, а изъ дикихъ животныхъ гагара пользуется особымъ покровительствомъ водянаго: ее убить нельзя—водяной ее бережетъ; другими словами: гагара великолѣпно ныряетъ, глазаста, да и не съ повѣнецкой винтовкой бить гагаръ одною пулькой чуть не за 50 саженъ! Иногда черти всякаго рода устраиваютъ пиршества и если гдѣ прорветъ плотину, то это вѣрный признакъ, что какой нибудь юный чертенокъ спознался и слюбился съ юной чертихой и справляютъ свадьбу. Разъ, такъ вотъ какой случай былъ: шли два парня по озеру; слышатъ—изъ проруби гудётъ что то; подошли—анъ изъ проруби-то полный поѣздъ свадебный выѣзжаетъ, да мимо ихъ и ѣдетъ; везутъ добро какое-то; должно приданое, поду-

мали парни, да, не будь дурни, и загребли изъ перваго попавшагося воза полѣно, да сѣна клокъ, пришли домой — анъ въ рукахъ-то у нихъ парчи кусокъ и шелковый платокъ. Сперли гдѣ нибудь парнюги и вѣрнѣе всего, что у попа стянули поповнины обновы, но чортъ молчитъ, и свалили они вину на него горемычнаго. Кстати слѣдуетъ замѣтить, что у попа уволочь не грѣхъ; «ну ладно! не обманывай», говоритъ мѣстный житель, «не въ церквы!» А то, вотъ анекдотецъ, типичный до крайности: «Встрѣтились двое крестьянъ, не видавшись очень долго другъ съ другомъ. «Всѣмъ землякъ: по головѣ землякъ (раскольничья стрижка), по зипуну — землякъ! (опять таки покрой раскольничій). «Да ты чей?» — «Ваньки Торбана сынъ!» — «Такъ ты мнѣ побратень!» Поцѣловались. «Всѣ ли дома по добру-по-здорову?»—«Всѣ по-здорову—сынишка не здоровъ, безъ ногъ, безъ рукъ, матка отъ батьки убѣгла; брата Ваську рѣшили...» «За что?»—«За горло!»—«Тьфу дуракъ не прото! за дѣло за како?»—«Дѣло-то плево, да судъ то........! церковку обокралъ: ризу, да дымило, да съ христовой то матки кокошникъ снялъ! судьямъ четверикъ гороху сулили — и осьмины не берутъ!» Впрочемъ анекдотъ этотъ происхожденія весьма древняго и теперь никогда этотъ же самый Васька не взойдетъ даже и съ преступными цѣлями въ церковь, такъ какъ побоится оскверниться. Главная работа выпала на долю водяныхъ, которые дѣлаютъ новыя озера и рѣки; такого происхожденія Заднiй ручей у Кузаранды и одно изъ Лобскихъ озеръ, близъ Тихвина бора; но—это мы видѣли только два произведенія, а, собственно говоря, водяные то и дѣло работаютъ въ этихъ мѣстахъ: то ручей пробьетъ себѣ новое русло, то озеромъ раскинется прежняя болотина. Впрочемъ не слѣдуетъ смѣшивать все это нечистое населеніе озеръ, болотъ, риги, бань и т. п.

съ діаволами въ собственномъ смыслѣ этого слова; діаволы понадѣланы изъ камней, по достовѣрнымъ источникамъ, а именно по словамъ одной старицы, и въ камни же обращаются, когда ихъ обезпокоишь крестнымъ знаменіемъ.

XXXV.

Поселился Обонежанинъ маленькими деревнюгами, да иначе и быть не могло, такъ какъ селиться норовили тамъ, гдѣ находили почву, возможную къ обработкѣ; чуть сележная землька выискалась, того и смотри путникъ, что гдѣ нибудь въ сторонкѣ увидитъ зароды, а гдѣ зароды—тамъ и деревня. Обидѣла природа землькой, такъ не обидѣла она здѣшняго крестьянина инымъ богачествомъ, лѣсомъ, а потому и поселился онъ, словно нашъ южный помѣщичекъ изъ мелкотравчатыхъ, а то такъ и получше. Видно, что выстроился онъ здѣсь на долго, что онъ не уступитъ своей осѣдлости никому, а напротивъ того всякихъ корельскихъ дѣтей норовитъ отогнать подальше и занять ихъ сележную землю и покосы. Не боялся онъ здѣсь ни хановъ, ни иной татарской силы, а потому и выстроился хозяйственно, стойко и на многія лѣта. Первое, что невольно поразитъ новичка, который впервые заглянулъ на сѣверъ,—это необыкновенная чистота половъ, стѣнъ, утвари и т. п. Это не изба нашего южнаго и центральнаго крестьянина, гдѣ невозможно обночиться безъ того, чтобы прусаковъ не забралось въ уши, ноздри и ротъ, чтобы не быть съѣденнымъ блохами, клопами и иною прелестью, чтобы тутъ же ночующая свинья не приняла вашу физіономію за дынную корку и не попробовала, какова она на вкусъ; нѣтъ! это чистенькая, уютная изба, широко задуманная, ловко излаженная, удобная для ночлега, свѣтлая, теплая, безъ запаха прогорклаго дыма,

съ печью, изба могущая по чистотѣ и удобству поспорить съ любою гостинницей въ нашихъ уѣздныхъ городахъ. Кромѣ самаго жилья, у всякаго, даже у самаго небогатаго крестьянина, есть рига, баня и амбаръ. Жилую избу свою строитъ всякій обонежанинъ съ запасцемъ, чтобы хватило, видно, мѣста на всѣхъ малышей, которыхъ вздумается народить на свѣтъ Божій его дражайшей половинѣ, а также и на тотъ случай, что сынъ придетъ въ возрастъ, настанетъ ему пора «въ домъ взять» — такъ чтобы и на ихъ грѣхъ было мѣсто. Дробленіе семей и дѣлежки здѣсь просто немыслимы, такъ какъ только большими семьями здѣсь и жить-то можно; природа сама здѣсь старается, чтобы не допускать дробленіе дворовъ и хозяйствъ, и чуть ли не успѣшнѣе дѣйствуетъ, нежели всѣ мировые посредники и и крестьянскіе доброжелатели, вмѣстѣ взятые. Подъ жилымъ домомъ Заонежанинъ понимаетъ избу одноэтажную или двухъэтажную, сѣнную связь (сѣни) и сарай съ дворомъ и хлѣвами. Изба всегда строится квадратная, а стѣны ея, благо лѣсу вдосталь, проведетъ хозяинъ въ длину сажени на четыре было бы ему просторно и вольготно. Полъ тоже зря настилать не станутъ, а подимутъ его страха ради мокряти сажени на полтора отъ земли и займутъ все подполье либо лѣтниками или лѣтними горницами, либо скарбовымъ кутомъ, было бы куда прятать животишки; въ жильѣ самомъ вышина отъ пола до потолка бываетъ отъ двухъ до двухъ съ половиною саженъ, такъ что дышать семьѣ есть чѣмъ — не то что нашъ южный хлѣвъ, который устраиваетъ себѣ вѣчно сидящій въ проголодь степнякъ-мужичонко. Оконъ въ избѣ семь — было бы откуда человѣку на свѣтъ Божій глядѣть, а не тыкаться лицомъ въ дырку, что и свинья въ нее не проглянетъ; три окна на лицевой сторонѣ, три на боковой и одно на другой боковой. Это

послѣдеее окно, а равно и уголъ, образовавшійся отъ соединенія боковой стѣны съ лицевою, называются задними. Другой уголъ на лицевой стѣнѣ, образовавшійся изъ соединенія ея съ другою боковою стѣною, называется большимъ и считается почетнымъ мѣстомъ, такъ какъ здѣсь помѣщается вся святость (образа), да и свѣту здѣсь больше; третій уголъ, образовавшійся отъ соединенія стѣны, противоположной лицевой, съ боковою, на которой три окна, называется дверньмъ, равно и окно въ этомъ углу называется дверньмъ; въ дверномъ углѣ, у двернаго окна становится проситель и тотъ гость, что не съ деньгами, а за деньгами. Въ четвертомъ углу стоитъ печь, словно въ ней отроковъ опять жарить станутъ, да и то еще ангелу мѣста хватитъ, коли явится. Недалеко отъ печи, на стѣнѣ противоположной лицевой, прорубается дверь,—эта дверь ведетъ въ сѣнцы и у добраго хозяина либо оленницей, либо запросто войлокомъ коровьимъ оторочена, абы не дуло. Въ большомъ углу стоитъ «святость»—икона; у средняго лицеваго окна стоитъ столъ; у боковой же стѣны, между среднимъ и дверньмъ окнами, бочка съ чистою водою. Ко всѣмъ четыремъ стѣнамъ придѣланы лавки для сидѣнья, просторныя и часто съ краморами; надъ лавками, на аршинъ повыше оконъ, полагаются полки, называемыя «надлавочниками». У угла печи, который выступаетъ въ избу, ставится столбъ, называемый печнымъ столбомъ—здѣсь невѣстино мѣсто, когда она голоситъ заплачку къ печкѣ, къ родному очагу; въ столбѣ врубаются еще двѣ полки: одна прошла чрезъ всю избу и соединяется съ лицевою стѣною, а другая съ боковою, на которой три окна; полки эти называются воронцами. Печь по большей части каменная, а чтобы пригляднѣе было иноспорѣе, то ее изнутри и снаружи обмазываютъ глиною. Вывода для дыма въ этой печи

вѣтъ, а дымъ идетъ изъ печи въ горницу, въ потолкѣ которой прорубается квадратное окно, въ длину и ширину около $^3/_4$ аршина. Окно это, когда истопится печь, затворяется ставнемъ, который подпирается длинною палкою, извѣстною подъ именемъ «трубника», причемъ нижній конецъ палки опирается въ воронецъ, для того же, чтобы дымъ не расходился надъ потолкомъ по вышкѣ, Заонежанинъ умудрялся провести отъ самого окна черезъ кровлю трубу, сдѣланную изъ четырехъ досокъ, такой же ширины, какъ и окно. Эту трубу называютъ трубницею. Устье печи всегда обращено къ заднему углу; къ другой сторонѣ печи, которая обращена къ дверному углу придѣлывается пониже площади печи на четверть аршина, во всю длину ея, лавка въ аршинъ шириною, называемая приналкомъ—было бы гдѣ хорошему человѣку привалиться, да Сну со Дремой помолить. Въ полу, подъ приналкомъ, дѣлается прорубъ такой же величины, какъ и приналокъ; надъ прорубомъ устроятся рундукъ въ поларшина вышиною отъ пола; затворяется онъ ставнемъ, который носитъ названіе «подпольницы»; внизъ же подъ полъ устанавливаются ступени, ведущія въ нижнія краморы. Эта подпольница не разъ сослужила въ былыя времена добрую службу тамошнимъ безпоповцамъ, преслѣдуемымъ мѣстными ревнителями православія и искателями раскольничьихъ серебряныхъ рублей, и иногда окладовъ серебряныхъ и иныхъ. Сѣнная связь пристраивается къ той стѣнѣ избы, на которой приложена дверь. Она состоитъ собственно изъ сѣней и двухъ кладовыхъ, обращаемыхъ лѣтомъ въ лѣтнія горницы, а зимою въ краморы. Двѣ продольныя стѣны сѣней скрѣпляются съ избою въ углахъ ея собственными деревянными связями. Въ средину этихъ продольныхъ стѣнъ врубается поперечная стѣна, которая съ заднею стѣною сѣней и образуетъ обыкновенно третью кла-

71

довую. Кладовая эта всегда раздѣляется сплошною досчаною заборкою на двѣ половины, которыя носятъ названіе чулановъ; въ каждый чуланъ изъ сѣней ведетъ особая дверь. Въ одномъ изъ чулановъ, а именно въ томъ, который находится на той же сторонѣ, на которой въ избѣ находятся боковыя окна, складывается праздничное платье, бѣлье и вообще все, что есть у хозяина, и семьи его лучшаго, а въ другомъ складываются въ небольшомъ количествѣ съѣстные припасы: мука, вяленина и т. п. Въ первомъ чуланѣ прорубается два окна такой же величины, какъ и въ избѣ, одно на продольной стѣнѣ, а другое на задней или же два на продольной, если обокъ съ сѣнями есть еще вторая горница; чуланъ этотъ вслѣдствіе этого называется свѣтлымъ, а другой темнымъ, такъ какъ въ немъ только на задней стѣнѣ прорубается одно маленькое окошечко, въ поларшина длиною и въ четверть шириною. Нѣкоторые въ свѣтломъ чуланѣ устраиваютъ жилую чистую комнату или боковушу, безъ которой ни одинъ сколько нибудь состоятельный хозяинъ не проживетъ на бѣломъ свѣтѣ; боковуша—на послѣобѣденную засыпку, боковуша же въ жары-укромное мѣстечко, гдѣ ни комаръ, ни муха не жалитъ и гдѣ прохладка дастъ сонъ тихій и спокойный. Если изъ свѣтлаго чулана задумаютъ сдѣлать боковушу, то прежде всего сложатъ въ немъ кирпичную печку съ выводомъ, а стѣны при самой рубкѣ замшатъ, чтобы не сквозило; здѣсь уже нѣтъ ни полокъ, ни воронцовъ и лавки нерѣдко замѣняются самодѣльными стульями. Главную принадлежность этой комнаты составляютъ самоваръ и небольшой шкафикъ съ чайными чашками—это вообще столовая, гостинная и пріемная комната. Въ сѣняхъ на поларшина отъ избы, въ той изъ продольныхъ стѣнъ, которая образуетъ свѣтлый чуланъ, прорубается дверь для выхода на улицу, гдѣ вдоль стѣны при-

дѣлывается крытое крыльцо съ лѣстницею. На противоположной стѣнѣ тоже прорубается дверь въ сарай и во дворъ; для спуска въ послѣдній устраивается лѣстница, называемая обыкновенно «надворными ступенями». Въ сараѣ одна стѣна соединяется съ заднею стѣною чулановъ, а другая, противоположная этой, опирается концами въ средину избной стѣны, на которой заднее окно, и такимъ образомъ одна половина этой избной стѣны, равно какъ и вся продольная стѣна сѣнной связи, находятся въ сараѣ. Подъ тою половиною сарая, которая подлѣ избы и сѣнной связи, находится дворъ, а подъ другою ставятся «клѣвы», входъ въ которые устраивается со двора; тутъ скотинѣ и привольно и чисто, да на выкотку и телепье припасенъ «теплушникъ», чтобы уберечь молодыхъ съ маткою отъ стужи. Для въѣзда въ сарай съ улицы или «на сарай», какъ здѣсь привыкли выражаться, дѣлается бревенчатая кладка или «съѣздъ»; съѣздъ всегда стараются приладить съ той стороны сарая, которая прикасается къ избѣ. Во дворъ ведутъ двои тесовыя ворота,—однѣ подлѣ съѣзда, а другія на противоположной стѣнѣ. Въ сараѣ держатъ солому и сѣно; кромѣ того сюда убираются сани, дровни, сохи и всякій хозяйственный «причендалъ».

Иной обонежанинъ побогаче (да и много таки такихъ найдется) не удовольствуется и двумя этажами и дѣлаетъ еще одинъ «настрой»; тутъ, кромѣ сѣнецъ, есть непремѣнно одна или двѣ «кельи», гдѣ хозяинъ «спасается», т. е. молится и читаетъ священныя книги; тутъ иной разъ, грѣхомъ, соберутся и сосѣди «помолитствовать»; тутъ-то въ прежнія времена и была всегда пожива для любителей раскольничьихъ иконъ въ богатыхъ окладахъ. Всѣ стѣны кельи увѣшены иконами, но богатоокладныя рѣдки, частью потому, что вывезены и куда-то поразбрелись, а частью и потому,

что страсть православныхъ къ нимъ уже замѣчена раскольниками, которые и прячутъ ихъ теперь болѣе тщательно. Видно и по ригѣ обонежской, что лѣсомъ здѣсь хоть Онего пруди; рига состоитъ изъ собственно риги и такъ называемаго гумна; ригу норовятъ срубить квадратную, а полъ въ ней на аршинъ отъ земли поднимаютъ, чтобы не прѣлъ да чтобы можно было въ ней печь смастерить; печь выводятъ въ ней устьемъ пониже пола и употребляютъ на нее большіе отломки мѣстнаго камня; окна въ ригѣ прорубаются различныя: одно большое, чтобы снопы швырять въ него можно было, а другое — поменьше для дыму; снопы кладутся не прямо на полъ, а на жерди. Гумно всегда больше самой риги — было бы гдѣ молотить, да изворачиваться съ хлѣбомъ. Баня состоитъ обыкновенно изъ двухъ отдѣленій; сначала сѣни, которыя предназначаются для раздѣванія и и затѣмъ самая баня—русская услада. У самаго входа въ баню, въ одномъ изъ угловъ ея складывается каменная печь, называемая обыкновенно каменкою; глиной она нигдѣ не смазывается. Возлѣ самой каменки устраивается изъ досокъ полокъ для паренья вышиною аршина полтора и отъ пола; на стѣнѣ противоположной полку прорубается окно; а чтобы жаръ не выходилъ изъ бани, для этой цѣли Заонежанинъ ухитрился насыпать на потолокъ либо земли, либо песку. Вода для мытья нагрѣвается въ ушатахъ и ведрахъ каменями, которыя нажигаются во время топки каменки. Ясно, что такое устройство далеко не безопасно, такъ какъ зачастую и искры и пламя проходитъ въ промежутки между каменьями, но лѣсу много и слѣдовательно: горницу новую поставимъ. Каменки сами по себѣ инструментъ вовсе не совершенный и перекладываются почти ежемѣсячно, потому что они, не будучи смазаны глиной, постоянно разваливаются; да и сложены то онѣ изъ мелкихъ камней, кромѣ сторон-

никовъ, т. е. двухъ большихъ плитъ, которыя устанавливаются по сторонамъ. Своимъ умомъ дошелъ обонежанинъ до того, что поставилъ ригу съ гумномъ подальше отъ жилья и такъ, чтобы, печь топивши, не спалить своей избы. Крыши кроютъ тесомъ, а подъ тесомъ кладутъ «скалу» (береста), должно—отъ подтёка. Фундамента не полюбилъ обонежанинъ, хотя камня ему не занимать стать; глины много, песокъ тоже въ изобиліи, а потому зачастую и можно встрѣтить на деревнѣ бабу, которая дѣлаетъ кирпичи для домашняго обихода. «Гдѣ же,—говоримъ,—обжигаете ихъ?»—«Не обжигаемъ вовсе».—«Почему же?»—«Да отъ обжогу оны хуже». Вотъ и толкуй тутъ съ ними. Извести до сихъ поръ добывается еще мало, да она и не особенно нужна обонежанину, чуть ли не по той же причинѣ, что отъ нея «хуже», и онъ обходится пока просто глиною; однако близъ Кижей, на Оленьихъ островахъ, и близъ Кузаранды известь все-же таки добываютъ, и въ 1861 году добыто ея было до 20 т. пудовъ.

XXXVI.

До смерти любитъ заонежанинъ (а обонежанинъ порѣже, по меньшей состоятельности своей), пріодѣться и щегольнуть; баба все отдастъ за подвѣску, мужикъ готовъ не ѣсть, лишь бы сколотить деньгу на обнову; въ будни бабы ходятъ въ ситцевыхъ сарафанахъ, а въ праздники вовсе не рѣдкость увидать на нихъ не только шерстяныя матеріи (рипсъ), но и красный штофъ, и синее фабричное сукно, извѣстное подъ названіемъ французскаго. Иной разъ плохо придется заонежанину — хоть въ петлю лѣзь, и отдаетъ онъ всѣ свои и женины наряды подъ залогъ за пудъ муки; раздобудетъ деньжонокъ и тотчасъ же норовитъ выкупить

наряды, а о запасѣ муки и не думаетъ. Крайне характеристично то обстоятельство, что здѣсь выработалось народомъ цѣлыхъ три выраженія для щеголя и что народъ умѣетъ различать въ томъ же самомъ щегольствѣ три типа: хазъ — тотъ человѣкъ, что щеголяетъ вообще новизною и добротностью костюма; лощило—тотъ, который на добротность вниманія не обращаетъ, лишь бы все было съ иголочки, да подороже, и наконецъ фабольникъ — тотъ, кто щеголяетъ уже скверно, по бабьему, такъ что ленточку лишнюю вдѣнетъ, волосы примаслитъ, словно телокъ, что корова облизала, не прочь пожалуй и духовъ на гривенничекъ прикупить въ Петрозаводскѣ, чтобы отъ «себя запахъ пущать» на погибель сердецъ красивыхъ заонежанокъ. Особенности костюма не бросаются рѣзко въ глаза и выдается развѣ только «балахонъ», который спускается не много повыше колѣнъ у заонежанина; съ боковъ балахонъ подхваченъ, а сзади дѣлается обыкновенно «щипочекъ», ловко сдѣлать который не такъ легко, какъ кажется съ перваго раза, а потому и славятся на щипочки только 2 швеца во всемъ Заонежьи, да и тѣ «шалые», т. е. приходящіе, а не мѣстные жители. Полушубокъ всегда снабженъ стоячимъ воротникомъ пальца въ два вышиною. На рукахъ заонежанинъ носитъ «дѣльницы» или вареги, которыя могутъ быть двухъ сортовъ: «русскія»—изъ толстой шерсти и «панскія»—изъ «шленки». Сапоги всегда выбираютъ сшитые изъ бѣлой кожи, которая, по увѣреніямъ мѣстныхъ жителей, никогда не промокаетъ, а черную кожу хаютъ и никого не увидишь въ сапогахъ изъ чернаго товара до праздника, когда безъ него не обойдешься для того, чтобы «похазить». Не знаю, вѣрно ли убѣжденіе крестьянъ по поводу бѣлаго товара, но только мои обыкновенные, чернаго товара «непромокаемые» сапоги промокали такъ, что

иногда ихъ просто снимать приходилось за совершенною безполезностью. Женщины носятъ обыкновенно сорочку изъ «пачесины»; рукава у сорочки дѣлаются короткіе, до локтей и притомъ непремѣнно съ цвѣтными обшивками и складками. Сарафанъ у нихъ обыкновенный великорусскій, со складочками на таліи и руки продѣваются въ «лямочки»; фартукъ составляетъ чуть не непремѣнную принадлежность туалета. Пóверхъ сарафана носятъ «шугай» съ вырѣзною спинкой и съ коротенькою юбкою въ 1/2 арш. длины; назади шугая понадѣланы складки, какъ у нашихъ охтянокъ, и иная снаровистая насажаетъ ихъ у себя на спинѣ до 30 штукъ; воротникъ у шугая круглый, вершка въ 3 — не больше. Осенью носятъ женщины «кафтанушку», которая очень смахиваетъ на мужской балахонъ, а для зимы употребляютъ такой же полушубочекъ, крытый то штофомъ, то плисомъ. Волоса заплетаютъ въ двѣ косы, которыя кладутся вокругъ головы, въ видѣ вѣнка; на головѣ надѣтъ у бабъ ситцевый чепчикъ или повойникъ. Въ праздники, на чепчикъ надѣвается «колпачекъ» или «мода»,—просто шелковая косынка; на гуляньяхъ головной уборъ довершается жемчужною сѣткою, которая лежитъ на головѣ холмами; на такую сѣтку идетъ жемчуга отъ 3—20 и болѣе золотниковъ. У дѣвушекъ, обыкновенно, можно увидать «повязку» изъ ленты въ 2 пальца ширины (пóдволосникъ), а въ праздникъ этотъ подволосникъ замѣняется шелковою косынкою, которая складывается опять-таки такъ, чтобы походить на ленту, пальца въ три шириною, а концы прячутся подъ косу. Въ праздники, на гулянья, нерѣдко можно видѣть и дѣвушку въ сѣткѣ. Сѣтки эти передаются отъ матери дочери по наслѣдству и проданы быть не могутъ, какъ гордость той семьи, къ которой принадлежитъ обладательница сѣтки. Намъ случалось видѣть сѣтки въ 300 и 400 р. с.;

74

все дѣло здѣсь въ количествѣ жемчуга, нанизаннаго на сѣтку.

XXXVII.

Пріемы при обработкѣ земли, какъ въ Заонежьи, такъ и въ Обонежьи, почти тѣ же, которые существуютъ вообще въ малоплодородныхъ губерніяхъ, если не считать нѣкоторыхъ особенностей въ земледѣльческихъ орудіяхъ и не принимать во вниманіе того огромнаго труда, который употребляется здѣсь, такъ сказать, на предварительную подготовку почвы для посѣва. Прежде всего, когда облюбуетъ крестьянинъ удобное мѣсто, гдѣ-нибудь на покатой сельгѣ, начинаетъ онъ огораживать облюбованное мѣсто; наконецъ огорода готова — начинается подсѣчка молодика, который горѣть на корню не будетъ, а потому и долженъ быть непремѣнно подсѣченъ, сложенъ въ кучи, вылежаться, высохнуть, и тогда уже поджигай смѣло — сгоритъ. Большія деревья и подсѣкать нечего—сами сгорятъ, благо смолою на нихъ Богъ не поскупился. Когда огнище готово, то его зажигаютъ и преспокойно уходятъ домой—сгоритъ, дескать, и само, возжаться тутъ нечего. Горитъ огнище, горитъ изгородь, загорается и окружный лѣсъ — небось! до лѣсничаго далеко! не увидитъ! да и бѣда не велика: ну сгоритъ десятина, двѣ лѣсу, такъ и новый вырости можетъ. Глядишь—подулъ вѣтерочекъ, прошелъ дождичекъ и лѣсъ горѣть пересталъ въ самую пору — всего двѣ десятинки выгорѣло за напраслину! Начинается новая робота для крестьянина и при томъ работа куда не легкая! Собирается вся семья и таскаетъ съ пала камни, что наворочала природа не у мѣста, какъ разъ тамъ, гдѣ задумалъ крестьянинъ устроить свою пожню. Много натаскаютъ они

каменьевъ; словно заборъ изъ камня наворотятъ они вокругъ будущей пожни, да и то большихъ не осилятъ, мелюзгу оставятъ — «не трожь полежатъ! бороной захватимъ». Смастерилъ — спорандалъ крестьянинъ оралу, либо соху, да борону и пошелъ поѣзживать по палу, а соха-то позвякиваетъ объ камушки, а борона-то подпрыгиваетъ на камушкахъ; и разъ пропашетъ онъ пожню, и два, и три, а въ иномъ мѣстѣ и четыре раза вспахать не полѣнится по раскиданному навозу, безъ котораго сыра земля ни зерна не дастъ ему за труды его нечеловѣческіе, а тамъ и станетъ выжидать Ильина дня, чтобы пронялъ Илья сыру землю дождичкомъ, чтобы громомъ да молоньей очистилъ ее подъ хлѣбушко. Въ иныхъ мѣстахъ, подальше на сѣверъ, такъ и Ильина дня не дожидаются, а норовятъ подъ Илью обсѣяться, чтобы «Ильина милость» застала зерно уже въ землѣ, да его бы повытянула. О! да и трудно же запахивать негожую землицу Олонецкую. Иной день и 25 ф. ржи не запашешь — очень ужъ камень доѣдаетъ. И не одинъ мужикъ работаетъ до упаду на повѣнецкихъ пожняхъ; дама его раздѣляетъ съ нимъ всѣ труды его, а въ Заонежьѣ такъ и все почти за мужика дѣлаетъ. Хоть и много желѣза подъ рукой у олончанина, но или ему не вдомекъ, или не осилитъ онъ купить себѣ борону желѣзную, цѣпную, а боронитъ себѣ пожню тою бороною, что перешла къ нему отъ дѣдовъ и что придумана чуть-ли не праотцемъ Ноемъ. Олонецкая борона подѣлана изъ довольно толстыхъ «вѣтвяковъ», у которыхъ оставлены съ одной стороны сучья, что покрѣпче; сучья эти называются «боронницами»; а для того, чтобы связать вѣтвяки вмѣстѣ, употребляются «вицы», гдѣ веревочныя, а гдѣ, по убожеству, и берестовыя. Посѣвъ яри куда ранній! «овесъ сѣй въ грязь — будешь князь», толкуетъ олончанинъ, да

75

зачастую и платится за слѣпую вѣру свою въ высокую непогрѣшимость пословицъ; ляжетъ въ грязь овсяное зерно, а тутъ подвернется морозикъ, да и загнететъ жидкую грязь-то—зерну изъ земли долго не вылѣзть, такъ и заглохнетъ оно подъ корою обледенѣвшей земли. Опять тоже поздно посѣять скверно—не успѣетъ овесъ вызрѣть, какъ хлопнетъ его августовскій утренничекъ и придется олончанину такъ, что хоть волкомъ вой. Навозъ вывозить самое время въ концѣ іюня — блаже будетъ, не успѣетъ обветриться, весь сокъ соблюдетъ и хлѣбъ сильнѣе поднимать станетъ. Рѣдко, рѣдко увидишь въ здѣшнихъ мѣстахъ, чтобы крестьянинъ сѣялъ старью;—всю поѣстъ ее и богатый даже, ведь и народится ея въ добрый часъ не Богъ вѣсть сколько, развѣ до зимы только дотянешь со своею мукою, а тамъ и богатый и бѣдный покупай муку привозную, низовую. Числа 25 іюля, а то и позже, начинается жатва; хлѣба не коситъ никто изъ боязни, что отъ ударовъ косы зерно осыплется, а его и такъ мало; жнутъ серпами, а иногда и «горбушею», т. е. серпомъ съ длинною ручкою, придѣланною къ серпу наклонно, подъ угломъ въ $45^{0}/_{0}$; чаще всего однако горбуша употребляется для косьбы сѣна, такъ какъ по обилію каменья, кочекъ и кореньевъ здѣсь съ косой и не суйся; всю обламаешь безъ толку, и сѣна не накосишь. Вяжутъ хлѣбъ въ снопы или сѣнными, или берестяными свяслами, такъ какъ на эту потребу хлѣбныхъ стеблей жалѣютъ — на что имъ пропадать-то! 8 снопов уставятъ вокругъ одного, да еще однимъ прикроютъ—вотъ и «бабка», приблизительно (по количеству даваемаго зерна) $^{1}/_{15}$ часть нашей южнорусской копны; бабка яровая еще меньше—на нее идетъ всего 5 снопов. Наконецъ жатва покончена; начинаютъ крестьянскіе желудки облизываться по части новины; снопы подвозятъ къ «зародамъ», которыя состоятъ

изъ двухъ столбовъ съ частыми перекладинами, вѣшаютъ ихъ на перекладины, сушатъ, мелятъ на ручныхъ жерновахъ, и наступаетъ счастливая пора для олончанина, когда онъ ѣстъ не низовую прѣль, а «свой» свѣжій хлѣбъ.

XXXVIII.

Кончилось наконецъ назойливое преслѣдованіе комаровъ, оводовъ, мошкары и бармъ; всею гурьбою отцѣпились они отъ лошадей и насъ сѣдоковъ и полетѣли куда-то искать новыхъ легкомысленныхъ безкукельниковъ; вдали завидѣлась какая то плохенькая церквенка, покачнувшаяся сильно набокъ и ровесница по виду, по крайней мѣрѣ, если не Маѳусаилу, то навѣрное Зосимѣ и Савватію; вокругъ церквенки лѣпятся нѣсколько домиковъ, а Онего, красивое, огромное, словно нарочно подкатываетъ волны свои къ этому поселенію человѣческому, словно для того, чтобы подтрунить надъ русскимъ человѣкомъ: вотъ, дескать, какое я обширное, и давно уже поселился ты тутъ, и могъ бы пользоваться мною, кабы хватило у тебя настолько передняго ума, но ты слабъ имъ, а крѣпокъ лишь умомъ заднимъ, про который добрые люди не знаютъ даже, гдѣ онъ обрѣтается, и вотъ живешь ты тутъ не у дѣла, избенки твои всѣ поразвалились и долго еще будешь ты сидѣть здѣсь и ждать пока соблаговолятъ научить тебя уму разуму, пока не разбудятъ тебя отъ твоего вовсе не богатырскаго, а скорѣе идіотски пришибленнаго сна и направятъ силы твои на истинное дѣло. Вонъ въ сторонѣ у дороги ямины какія то понадѣланы; какой то оборванецъ копошится подлѣ ямииъ; это—отрасль мѣстной промышленности, которая значится въ офиціальныхъ отчетахъ подъ громкимъ названіемъ «заводъ кирпичедѣлательный». Вездѣ кругомъ пусто; вдали

на озерѣ виднѣется одно несчастное суденышко, стремящееся на всѣхъ парусахъ къ поселенію за досками, которыя должны обогатить мѣстнаго заводчика, но отнюдь не обработчика крестьянина; ни души не видать вокругъ— словно вымерли здѣсь люди. Что это за деревнюга несчастная? Но вотъ налѣво, завиднѣлся домикъ, да и презрядный, оштукатуренный, и привычный къ центральнымъ и южнымъ губерніямъ глазъ рѣшаетъ, что это должны быть по всѣмъ вѣроятіямъ или вѣчно пустыя «гамазеи», или становая квартира... На красивомъ домикѣ значится между прочимъ, что это складъ разнаго рода водокъ спирта, наливокъ» и т. п. прелестей. Видно и впрямь, что деревня—то норовъ! «Вотъ тебѣ и въ Повѣнецъ пріѣхали!» рѣшаетъ наконецъ наши сомнѣнія ямщикъ своимъ пѣвучимъ олонецкимъ говоромъ.

XXXIX.

«Повѣнецъ—и міру конецъ!» вспоминается намъ ходячая на сѣверѣ пословица, въ которой дѣйствительно смысла много, и познаешь смыслъ этотъ, когда придется забраться за этотъ конецъ Божьяго міра. Городъ расположенъ при впаденіи рѣчекъ Габрика и Повѣнчанки въ Повѣнецкую губу Онежскаго озера и состоитъ изъ такъ называемой набережной, на которой живутъ всѣ власти, сильные міра сего, какъ по капиталу, такъ и по ступенькѣ, занимаемой ими на административной лѣстницѣ; тутъ же стоитъ новый соборъ—ветхая, убогинькая церковь во имя апостоловъ Петра и Павла, построенная еще Петромъ Великимъ; выглядываетъ изъ за кучъ навоза, опилокъ и кирпичей деревянная длинная пароходная пристань—главное и любимѣйшее мѣсто прогулки для нѣкоторой части повѣнецкой публики

(остальные довольствуются засѣданіемъ въ трактирѣ съ вѣчно выбитыми стеклами, носящемъ названіе «Трехъ купающихся лебедей»). Передъ городомъ, саженяхъ во ста, видиѣется плоскій островокъ Воротный, который занятъ теперь лѣсною биржей и славится тѣмъ, что отъ него долженъ былъ повернуть обратно Петръ, когда хотѣлъ, несмотря на бурю, пуститься по озеру. Дѣло въ томъ, что едва только вы явитесь въ Повѣнецъ какъ вамъ не преминутъ разсказать, что Петръ хотѣлъ оставить Повѣнецъ какъ разъ въ день памяти апостоловъ Петра и Павла, 29 іюня; все было готово къ путешествію, какъ вдругъ поднялась буря страшная, да такая, что царя стали всѣ отговаривать отъ поѣздки. Не таковъ былъ Петръ, чтобы обращать вниманіе на бури и т. п. задержки, когда въ виду у него было какое-нибудь дѣло. Петръ сѣлъ и отправился въ озеро, но противный вѣтеръ рѣшительно не давалъ возможности идти судну; нечего дѣлать, вернулся Петръ назадъ въ Повѣнецъ и заявилъ во всеуслышаніе, что видно повѣнецкій Петръ сильнѣе московскаго Петра. Кажется всякій мальчуганъ знаетъ этотъ разсказъ въ Повѣнцѣ и съ необыкновенною гордостью сообщаетъ его всѣмъ и каждому. Тутъ же на набережной, на самомъ устьѣ Повѣнчанки, помѣщаются нѣсколько большихъ магазиновъ, которые лѣтомъ пустуютъ, а зимою напротивъ того переполняются поморскимъ товаромъ; и лѣтомъ то отъ магазиновъ несетъ такою дрянью, что хоть затыкай носъ и бѣги прочь, — что же дѣлается здѣсь зимою, когда магазины заваливаются вплоть до верху главнымъ поморскимъ товаромъ — трескою? Впрочемъ магазиновъ часто не хватаетъ, а потому поморы и нанимаютъ помѣщенія въ домахъ жителей, отчего всеконечно вонь въ городѣ неуменьшается, а лишь увеличивается. Напротивъ поморскихъ ам-

баровъ помѣщается земскій хлѣбный магазинъ, который дѣйствительно въ настоящее время можетъ считаться чуть-ли не самою многомудрою выдумкою мѣстнаго земства; дѣло въ томъ, что земство ежегодно покупаетъ на Низу (Низомъ впрочемъ для Повѣнца считается Рыбинскъ) нѣсколько тысячъ пудовъ муки, которую и продаетъ крестьянамъ по весьма не высокимъ цѣнамъ. Для другихъ земствъ дѣйствительно существуютъ разные вопросы, напр.: вопросъ о народномъ здравіи, народномъ просвѣщеніи, но вѣдь это все земства болѣе или менѣе сытыя, такъ какъ на голодный желудокъ не очень то займешься ни образованіемъ, ни чѣмъ инымъ не питательнымъ; тутъ, въ Повѣнцѣ, прямо таки народу ѣсть нечего, а потому земство и подумало прежде всего о томъ, какъ бы повыгоднѣе для народа накормить народъ; гдѣ тутъ докторовъ выписывать, когда все земство состоитъ изъ крестьянъ и безъ того плательщиковъ не въ мѣру обремененныхъ, когда ребольская волость отстоитъ отъ Повѣнца на цѣлыхъ 500 верстъ, когда люди иногда затрудняются послать за попомъ похоронить умершаго, такъ какъ до попа верстъ 90. Благодаря своевременной закупкѣ хлѣба въ Рыбинскѣ и довольно разумному веденію дѣла, мука въ повѣнецкихъ мѣстахъ уже не доходитъ до 2 р. 50 к. и 3 р. за пудъ и стоитъ обыкновенно отъ 1 р. 20 до 1 р. 50 к. Отъ набережной идутъ нѣсколько улицъ куда то въ кусты; всѣ онѣ усыпаны деревянными опилками, которыя обыкновенно лежатъ цѣлыми горами у всѣхъ лѣсопильныхъ заводовъ; блошисто, но за то грязи нѣтъ особенной и дешево. На одной изъ улицъ помѣщается прекрасная земская больница и аптека, содержимая опять таки земствомъ же, такъ какъ ни одинъ аптекарь не рискнулъ бы открыть свою лавочку тамъ, гдѣ и міру конецъ. Тутъ же поблизости лавочка отъ повѣнецкаго общества потребите-

лей, чуть-ли не единственное мѣсто, гдѣ можно достать кое-что съѣдомое или необходимое для жизни вообще. Лавочка обладаетъ огромными запасами консервовъ Данилевскаго, безъ которыхъ дѣйствительно Повѣнецъ немыслимъ. Мяса не достанешь, а слѣдовательно и приходится чуть-ли не всѣмъ въ городѣ питаться изъ коробочекъ Данилевскаго съ надписью «щи лѣнивыя» или «рагу изъ баранины». А ужъ если кому-нибудь вздумается тронуться изъ Повѣнца еще дальше, то всеконечно сей отважный «экспертъ отъ наукъ» безъ консервовъ не обойдется, такъ какъ питаться сигами (правда такими, какихъ петербуржцамъ ѣсть не приходится) и пальей и другими рыбинами наконецъ до того опротивѣетъ, что поневолѣ взалкаешь по намекамъ на мясо, которое наложилъ г. Данилевскій въ свои коробочки. Изъ всего этого становится яснымъ, почему лавочка общества потребителей рѣшительно завалена издѣліями Данилевскаго. Другая статья лавочнаго дохода—пиво. Въ одинъ прекрасный день гг. членамъ общества пароходства между Петербургомъ и Петрозаводскомъ показалось, что надо рискнуть двинуться пароходамъ до Повѣнца: все же, дескать, и тамъ, да и по дорогѣ не безъ грузовъ; капитанъ урожденнаго «Геркулеса», который однако чуть-ли не при сей вѣрной оказіи и былъ переименованъ въ «Повѣнецъ», благословился, да безъ лишнихъ долгихъ разговоровъ и дошелъ до Повѣнца. Не знаю какую пользу принесли обществу рейсы въ Повѣнецъ, но пользу громадную принесли эти рейсы повѣнецкому бомонду и пароходному буфетчику: весь Повѣнецъ высыпалъ конечно на набережную, пароходъ лихо вошелъ въ Повѣнчанку и отдалъ якорь у самаго берега. Съ той поры и сталъ бомондъ жить приходами парохода: «помните въ прошлый рейсъ»... или «это было, кажется, рейса три тому назадъ». Когда раздается звонъ колокола съ при-

шедшаго парохода, весь Повѣнецъ словно оживаетъ, все бѣжитъ на набережную, и притомъ, дамы, чтобы хоть на что нибудь поглядѣть, а мужчины, чтобы посѣтить каюту втораго класса. Начинается пивопитіе, да такое, что уму даже непостижимо становится, куда такая прорва пива умѣщается. Но не пить же пиво въ самомъ дѣлѣ только одинъ разъ въ недѣлю, а потому общество потребителей и поспѣшило озаботиться тѣмъ, чтобы въ лавочкѣ было и пиво въ достаточномъ количествѣ. Впрочемъ Повѣнецъ умудряется все-таки устроить такъ, что дня черезъ два по уходѣ парохода запасы пива исчерпываются и тутъ новая причина алкать и жаждать новаго прихода парохода. Безъ парохода Повѣнецъ немыслимъ, такъ какъ для него пароходъ есть источникъ благодати, новизны и пива. На набережной помѣщается земская управа, а при ней недавно лишь основанная Повѣнецкая ссудосберегательная касса. Касса, какъ гласитъ уставъ и какъ благовѣстили повѣнецкія кумушки въ шиньонахъ, въ вицмундирахъ и просто въ пиджакахъ, основана главнымъ образомъ съ тою цѣлью, чтобы доставить возможность кредита младшему брату, который и т. д. Конечно, младшій братъ вовсе и не подозрѣваетъ о господскихъ затѣяхъ, да къ тому же ему и трудновато верстъ за 200—300 ѣхать въ Повѣнецъ за десятью рублями, а еще того труднѣе идти, такъ какъ не вездѣ вѣдь проѣхать то можно; касса основана, кумушки рады—слѣдовательно, все обстояло бы благополучно, но на грѣхъ случился казусъ, который немного озадачилъ и кумушекъ, и тѣхъ, кому о кассахъ вѣдать надлежитъ. Пріѣхало въ Повѣнецъ «лицо»—ну какъ лицо не принять, не накормить, не успокоить, не ублажить? Вотъ одна чиновная кумушка и зазвала «лицо» откушати, бѣлой лебеди рушати. «Лицо» пообѣдало и выразило желаніе посмотрѣть на кассовую книгу; дѣлать не-

чего, принесли злополучную кассовую книгу и, о ужасъ! «лицо» прочло: «§ 1. Отпущено такой то кумушкѣ такого то именно числа (день угощенья «лица») шестьдесятъ рублей» и затѣмъ ни одной ссуды. Можно себѣ представить неловкое положеніе лица! Вотъ тѣ и попеченія о младшихъ братьяхъ!

Вдали отъ набережной, уже совсѣмъ на выѣздѣ изъ города, помѣщается богадѣльня, основанная нѣкіимъ чудакомъ, который почему то вздумалъ позаботиться о повѣнецкихъ гражданахъ и скрылъ свою фамилію; тутъ же «пріятно поражаютъ взоръ» полицейское управленіе, острогъ и казарма инвалидной команды, которая для какихъ то цѣлей помѣщена въ Повѣнцѣ въ количествѣ что то въ родѣ 41 человѣка, съ явнымъ и злобнымъ намѣреніемъ доказать всему міру, что сколько бы солдатъ не пилъ, онъ все-таки никогда съ круга спиться не можетъ, ибо сіе въ виды начальства не входитъ.

XL.

Чрезъ Повѣнецъ направляется поморскій транзитъ; чрезъ него проходитъ весь тотъ товаръ, который идетъ на Шунгскую ярмарку и въ Петербургъ, но сказать, что Повѣнецъ отъ того представляется весьма важнымъ торговымъ пунктомъ, было бы слишкомъ нелѣпо; Повѣнецъ — просто на просто послѣдняя станція поморскихъ обозовъ на Шунгу и одна изъ станцій на Петербургъ. Но издавна славился Повѣнецъ, какъ отличное ссылочное мѣсто; вотъ уже: хоть три дня скачи—ни въ какое мѣсто не пріѣдешь. Въ силу такого положенія Повѣнца онъ и переполнялся издавна ссыльными поляками, пойманными съ оружіемъ въ рукахъ и безъ онаго, еврейчиками, которыхъ, по ихъ словамъ, тя-

тенька за непослушаніе въ Повѣнецъ спровадилъ, но которые гравируютъ и каллиграфируютъ превосходно, и, наконецъ, представителями иныхъ національностей, которые отличились на родинѣ разными недозволенными художествами, какъ то: копированіемъ билетовъ государственнаго казначейства, паспортовъ и т. п. Одно время въ Повѣнцѣ однихъ ксендзовъ набралось 7 человѣкъ; ждали они ждали у моря погоды, да и стали въ одиночку съ ума сходить. Поляки живутъ совершенно отдѣльнымъ кружкомъ и съ художниками не якшаются; всѣ они, по ихъ словамъ, попали въ Повѣнецъ лишь по недоразумѣнію; но тѣмъ они хороши, что живутъ между собою дружно и въ бѣдѣ всегда помогаютъ другъ другу; удается кому нибудь изъ нихъ заполучить какія либо занятія съ жалованьемъ и этимъ послѣднимъ дѣлится счастливецъ съ тѣми изъ своихъ, кто нуждается. Не будь поляковъ и иныхъ ссыльныхъ въ Повѣнцѣ, не было бы тамъ многаго добраго; газетки сталъ Повѣнецъ выписывать, почитывать сталъ помаленьку; аптека земская находится въ прекрасномъ положеніи, опять-таки благодаря ссыльнымъ; въ земствѣ даже не безъ ихъ хорошаго вліянія, такъ какъ земству служить охотниковъ доморощенныхъ мало, а изъ иныхъ городовъ ни одного сумасшедшаго не отыщешь. Еврейчики—тѣ умомъ не дошли до уроковъ, службы и т. п. занятій, а потому и пришлось имъ изворачиваться иначе и подъискивать для себя подходящую статью по части питательной. Одинъ изъ нихъ ходилъ, ходилъ по Повѣнчанкѣ и все раковины разсматривалъ; чудно казалось крестьянамъ, чего онъ въ нихъ не видалъ. Розыскалъ наконецъ еврейчикъ, и розыскалъ штуку не плохую — жемчугъ. Правда, трудно добывать его, много раковинъ зря поломаешь, много жемчугу побросаютъ, потому что онъ съ одного бока тронувши, а то и вовсе сгнилъ, но тѣмъ не

менѣе жемчугъ найденъ и еврейчикъ нашелъ «гешефтъ», чему и онъ крайне доволенъ, да и публика тоже. По недостатку сбыта и по невозможности правильной добычи жемчуга, цѣны на него въ Повѣнцѣ неслыханно дешевы; такъ напр. жемчужина въ кедровый орѣхъ стоитъ отъ 2 р. 50 к. до 3 рублей. Какая то будущность ожидаетъ повѣнецкій жемчугъ? Пожалуй и вѣкъ ему гнить въ раковинахъ и не увидать свѣта Божія, такъ какъ никому еще въ голову не пришло заняться добычей правильно, устроить все дѣло на разумныхъ основаніяхъ и искать, не ломая зря тысячи раковинъ, а основываясь на тѣхъ признакахъ, которые давнымъ давно опредѣлены и которые даютъ полную возможность вскрывать лишь тѣ раковины, которыя навѣрно успѣли выработать жемчужину и бросать пустыя и подгнившія.

XLI.

Кажется, что, до открытія пароходныхъ рейсовъ въ Повѣнецъ, никому даже и въ голову не приходило отправляться туда, такъ какъ даже петрозаводская почтовая дорога устроена тоже весьма недавно. Рапортовали оттуда, что все обстоитъ благополучно и всѣ оставались довольны благополучіемъ повѣнецкихъ гражданъ. Да и правду сказать, кому какая нужда была ѣхать въ Повѣнецъ, куда людей за провинности и художества разныя въ видѣ наказанія отправляютъ? Только съ весьма недавней поры Повѣнецъ пошелъ въ гору; провели дорогу изъ Петрозаводска, нѣсколько экспертовъ отъ наукъ привезли оттуда массу матеріаловъ, остались крайне довольны гостепріимствомъ и хлѣбосольствомъ повѣнецкихъ гражданъ и начали трубить о семъ градѣ, аки о нѣкой научной сокровищницѣ. Мало

по малу ассоціація идей о Повѣнцѣ и о самосожигателяхъ стала разсѣеваться, стали наѣзжать побольше; кто искалъ пѣсенъ, кто золота, кто каменныхъ орудій, кто желѣза и мѣди, а кто и просто ѣздилъ для наслажденія сѣверной природой; стали мужички присматриваться къ этимъ наѣзжимъ людямъ—видятъ, копаются что-то въ землѣ—и порѣшилъ русскій человѣкъ, что это золотари наѣхали, руду золотую разъискиваютъ. За золотарями потянулись и власти, такъ какъ между прочимъ и пароходное сообщеніе открылось; стали и частенько таки сильные міра сего заглядывать въ Повѣнецъ и штуки по 4 пріѣзжаютъ теперь сразу на одномъ пароходѣ; власти все ѣздятъ невзыскательныя, добрыя и стараго закала, такъ что даже въ халатахъ и туфляхъ по пароходу разгуливаютъ; Повѣнецъ встрѣчаетъ властей, дѣлаетъ займы въ ссудо-сберегательной кассѣ, подчуетъ, кланяется и съ счастливымъ отбытіемъ властей снова безмятежно засыпаетъ въ ожиданіи новаго наплыва. Нашему брату, гуляющему человѣку, что ѣздитъ въ качествѣ «изслѣдователя мѣстныхъ условій», «изслѣдователя нѣдръ» и вообще «эксперта отъ наукъ», просто лафа и въ Повѣнцѣ, да и далѣе: начальство все просвѣщенное, такъ и старается облегчить и уладить какъ можно удобнѣе все для гостя; и квартиру дадутъ, и объ обѣдѣ даже подумаютъ, и укажутъ все, и дѣла нужныя дадутъ, и чичеронствуютъ, и о лошадяхъ распорядятся; право, рѣдко можно гдѣ встрѣтить такой радушный пріемъ, который ожидаетъ всякаго изслѣдователя, пріѣхавшаго въ богоспасаемый, а быть можетъ и Богомъ покинутый Повѣнецъ. Выѣхалъ нашъ братъ изъ Повѣнца—и рѣшительно конфузится отъ того пріема, который встрѣчаетъ со стороны крестьянъ; и ублажаютъ его, и кормятъ, и поятъ, и не знаютъ куда посадить дорогаго гостя; всѣ росказни про

отнюдь нерадушный, а сдержанно-политическій пріемъ у раскольниковъ до того нелѣпы, что заставляютъ предполагать въ тѣхъ, кто его описывалъ, или завѣдомое напусканіе на себя начальственнаго вида, или же прямо дерзкое и надмѣнное отношеніе ихъ къ раскольникамъ. Правда, вамъ не станутъ выбалтывать всякую сплетню, къ вамъ отнюдь не полезутъ со своими горестями, которыя давно вамъ самимъ извѣстны и противъ которыхъ вы безсильны, а слѣдовательно и злятъ эти горести васъ такъ, что всѣ ногти обгрызешь; вы не встрѣтите бабу-тараторку — ихъ нѣтъ въ этихъ мѣстахъ; всѣ сдержанны и сначала начинаютъ такъ-сказать проэкзаменовывать васъ: кто вы, да зачѣмъ къ нимъ пожаловали, да нѣтъ ли у васъ какого либо предписанія по части закрытія часовни, обыска, отобранія или вообще плещеванія и заушенія. Но достаточно вамъ прямо и откровенно объяснить тѣ цѣли, которыя привели васъ въ ихъ мѣсто, достаточно вамъ показать знаніе ихъ дѣла и ничтожную человѣчность, какъ разговоръ принимаетъ совершенно иной характеръ, скрытность пропадаетъ и «человѣкъ» начинаетъ говорить съ другимъ «человѣкомъ», тогда какъ сначала лишь лисица маневрировала хвостомъ, чтобы уберечься отъ лихаго человѣка. Постоянно случалось, что послѣ часоваго взаимноознакомленія намъ тащили рукописи, иконы: «да посмотри святыню то нашу», «нукось, почитай! умѣешь ли по старинному то». «Ужь я тебя спать то положу у себя въ келійкѣ», распоряжается всегда хозяинъ, видя, что я передъ нимъ избѣгаю курить, и слѣдовательно не опасаясь, что опоганю его завѣтную келійку, завѣшанную обыкновенно сплошь иконами и духовными картинками лексинскаго производства. Слово за слово разговоръ становится вполнѣ откровеннымъ, всѣ стараются разъяснить вамъ то, что васъ интересуетъ, спорятъ, удивляются,

когда вы возражаете имъ «отъ писанія» — глядишь, изба мало по малу наполняется народомъ, который уже безъ опаски вступаетъ въ разговоръ, и вы заговариваетесь чуть ли не до пѣтуховъ. Бабы, тѣ все-таки не могутъ никакъ понять, что вы пріѣхали въ ихъ мѣста и не обладаете никакою властію, и потому между дѣломъ замолвливаютъ словечко о своихъ нуждахъ, всплакнутъ изрѣдка, но мужики тотчасъ успокоютъ ихъ, а то такъ и уведутъ, чтобы не мѣшали «истовому» разговору. Да впрочемъ, на югѣ и въ центрѣ Россіи и не однѣ бабы никакъ въ толкъ не могутъ взять вашего полнаго безправія, и зачастую является къ вамъ мужикъ съ просьбой похлопотать о его дѣлѣ, порадѣть передъ мировымъ о его бородѣ, которую этотъ послѣдній въ пылу юридическаго экстаза вырвалъ, но къ дѣлу не припечаталъ. Никогда не забуду, какъ поставлена была въ тупикъ одна юная-преюная акушерка. Только что поселилась она на селѣ, какъ стали къ ней похаживать за «лечивомъ» мужики, да къ тому же отъ такихъ лихихъ болѣстей, что и на поди! Ничего, однако; дастъ акушерка лечиво и всѣ ею остаются довольны. Разъ является къ ней крестьянинъ и прямо безъ разговоровъ бухъ въ ноги! «Чего тебѣ?» — «Ослобони сынка отъ некрутчины!» — «Да я не могу.» — «Ну гдѣ не можешь? тоже вѣдь знаемъ!» И какъ ни разувѣряла его акушерка, что «некрутчина» до нея вовсе не касается — не могъ уразумѣть проситель, что «кушерка», присланная начальствомъ или, что тоже, земствомъ, не имѣетъ никакой власти.

XLII.

Обстоятельства принудили меня прожить въ Повѣнцѣ дольше, нежели я предполагалъ, а потому и пришлось мнѣ

знакомиться, какъ съ жизнью повѣнчанъ, такъ и съ нѣкоторыми подробностями горнаго дѣла, которыя удалось мнѣ узнать благодаря распросамъ. Какимъ образомъ весь Повѣнецъ давнымъ давно не вымеръ отъ скуки безъисходной— это для меня рѣшительно не понятно. Питье пива, игра въ стуколку по $^1/_{10}$ к. и въ преферансъ по четвертушкѣ— вотъ и все, чѣмъ разнообразится страшная зѣвота повѣнецкая; все зѣваетъ отъ тоски въ этомъ городѣ, такъ что рѣшительно диву дашься, какъ это почтенные граждане себѣ шалниръ не вызѣваютъ. Единственное наслажденіе состоитъ въ томъ, чтобы набрать опять таки побольше пива и отправиться на лодкѣ на Войнаволокъ, который отстоитъ отъ города версты на двѣ; здѣсь пьютъ чай, пиво, ѣдятъ и опять таки въ концѣ концовъ скучаютъ и зѣваютъ. Говорить о Петрозаводскѣ, точно также какъ и о Повѣнцѣ, значитъ говорить о томъ, что сдѣлалъ и что думалъ сдѣлать Великій Петръ и что изъ Петровыхъ дѣяній потомствомъ заброшено, оставлено, изгажено; чуть не на всѣ благія начинанія Петра потомство рѣшительно наплевало и, какъ выразился одинъ старикъ-раскольникъ, «омерзиша его доброе». Мѣстное преданіе говоритъ; что еще при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ наѣзжалъ въ Шуйскій погостъ (Петрозаводскаго уѣзда при Соломинской губѣ Онеги), къ которому былъ приписанъ нынѣшній Петрозаводскъ (а въ тѣ времена «мельница, что понизъ рѣки Лососинки»), царскій посланецъ «отъисканія ради мѣстъ рудныхъ». Изъ актовъ, сохранившихся въ бывшей Олонецкой воеводской канцеляріи, мы видимъ, что народъ вполнѣ безошибочно опредѣляетъ время возникновенія (офиціальнаго конечно) руднаго дѣла въ Обонежьѣ, такъ какъ царь Алексѣй Михайловичь писалъ въ 1666 году «по городамъ стольникамъ и воеводамъ», что «пошелъ по государеву указу новгородскій гость

Семенъ Гавриловъ, а съ нимъ плавильщикъ иноземецъ Денисъ Юрьицъ для сыску мѣдные руды въ Олонецкой уѣздъ, Толвуйской волости». По обыкновенію денегъ съ Москвы не дали, а написали только распоряженіе о томъ, чтобы «что ему Семену къ тому рудокопному дѣлу на покупки и на всякіе расходы денегъ и иныхъ запасовъ, и подвозъ подъ всякіе запасы и цѣловальниковъ и иныхъ какихъ мастеровыхъ людей и толмачей понадобитца, и то велѣно ему давать въ Великомъ Новгородѣ и на Олонцѣ». Конечно, предписывалось вмѣстѣ съ тѣмъ, въ случаѣ какихъ либо требованій со стороны Гаврилова, чтобы воеводы исполняли эти требованія «безъ всякаго мотчанія, чтобъ у него тому рудокопному дѣлу мѣшкоты и помѣшки ни за чѣмъ не было». Легко было это изъ Москвы предписать, да не легко было добиться, чтобы начальные лыди выполнили московское предписаніе. Цѣлыхъ семъ лѣтъ отыскивалъ Гавриловъ руду и только въ 1673 году встрѣчаемся мы съ новымъ указомъ, вызваннымъ его донесеніемъ. Оказалось, что русскіе мало способны къ рудному дѣлу и потому Гавриловъ просилъ дозволить ему послать въ Швецію за знающими людьми; царь сочувственно относится къ дѣлу и разрѣшаеть все то, о чемъ просилъ его Гавриловъ; «надобны де рудокопному дѣлу мастеровые люди изъ за рубежа, и для тѣхъ мастеровыхъ людей ѣздить въ Свею за рубежъ тайнымъ обычаемъ олончанину посадскому человѣку Дмитрію Артемьеву, да цѣловальники самые добрые надобны Антонъ Калининъ сынъ Поповъ, Иванъ Филимоновъ сынъ Меньшой, да надобно дорога вычистить отъ горы до плавильни версты съ полторы», говоритъ указъ, и противу всего все выполнить повелѣли «не описываясь къ намъ великому государю ничѣмъ; а дорогу у рудокопнаго дѣла отъ горы до плавильни велѣть вычистить сошными людьми тотчасъ». Ясно,

что ни воеводѣ, ни другимъ начальствующимъ лицамъ не могло нравиться, что какой то Гавриловъ прямо спосится съ царемъ и какъ бы имъ самимъ пишетъ указы; дѣлать однако было нечего—царь слишкомъ близко къ сердцу принялъ рудокопное дѣло на Олонцѣ и придраться къ самому Гаврилову не было никакой возможности. Но вотъ Гавриловъ долженъ былъ по указу государя отлучиться въ Москву и въ 1673 году увѣдомилъ «думнаго дворянина и воеводу Богдана Ивановича Ордина-Нащокина и дьяка Андрея Карповича Богданова», что онъ оставляетъ «въ свое мѣсто» цѣловальника «Мартемьянку Григорьева Падорина съ товарищи». Въ томъ же году цѣловальнику Падорину встрѣтилась надобность въ деньгахъ и пришлось обратиться къ Нащокину въ силу царскаго указа за деньгами; какъ и слѣдуетъ онъ начинаетъ свою «отписку» челобитьемъ, но далѣе начинаетъ уже просто излагать дѣло безъ низкопоклонничества — и вотъ воевода не выдержалъ и разсвирѣпѣлъ. Падоринъ писалъ слѣдующее: «что было государевой казны у меня денежной оставленой, и та казна работникамъ изошла; а велѣно намъ цѣловальникамъ имать государева казна изъ Олонца, въ государевой же казнѣ. И нынѣ намъ надо сто рублевъ на раздачу работникамъ и на покупки, и для тѣхъ денегъ ста рублевъ посланъ къ вамъ цѣловальникъ Павелъ Пантелѣевъ, а для обереганья тѣхъ денегъ посланъ съ нимъ стрѣлецъ Моська Кондратьевъ. И вамъ бы то сто рублевъ», прибавляетъ Падоринъ,—«отчесть ему цѣловальнику, а объ отчетѣ учинить бы вамъ по указу, чтобъ затѣмъ государево рудокопное дѣло не стало и мотчанья и порухи не было бъ». Не понравилась послѣдняя приставка воеводѣ и онъ разразился руганью, хотя и не могъ не исполнить указа: «Лѣта 7181 (1673) февраля въ 26 день по государеву цареву и великаго князя Алексѣя Ми-

83

хайловича указу, память посадскому человѣку Мартемьянку Падорину. Въ нынѣшнемъ 181 году февраля въ 17 день писалъ ты еси на Олонецъ къ Думному Дворянину и воеводѣ къ Богдану Ивановичу Ордину-Нащокину, да къ дьяку Андрею Богданову, а въ отпискѣ твоей написано: оставленъ ты еси у гостя у Семена Гаврилова къ мѣдному рудокопному дѣлу, съ цѣловальникомъ съ Пашкомъ Пантелѣевымъ и работникамъ въ наемъ денегъ сто рублевъ послать. По указу великаго государя къ тому рудокопному сыску велѣно тебѣ сдать поручику Семену Шарову изъ толвуйскихъ денежныхъ доходовъ сто рублевъ, и о томъ къ нему память послана. А ты мужикъ, блядинъ сынъ, Мартемьянко, пишешь къ думнымъ людемъ непригоже съ указомъ, и за то тебѣ, по указу великаго государя, учинено будетъ наказанье, будешь битъ кнутомъ нещадно». Не извѣстно получилъ ли Падоринъ обѣщанное ему наказаніе за то, что писалъ прямо о дѣлѣ, безъ челобитій и унижeній. Въ 1702 году Петръ былъ уже на рѣкѣ Лососинкѣ, по совершеніи замѣчательнаго похода своего изъ Нюхотской пристани черезъ Повѣнецъ въ Онегу, и рѣшилъ, что здѣсь должны быть основаны заводы; быстро закипѣла работа, царь частенько посылалъ приказанія торопиться — онъ не любилъ русской мѣшкотности и неповоротливости. Въ 1703 году Петръ пріѣхалъ уже снова на Петровскіе заводы, чтобы посмотрѣть ихъ производство; Данилычъ превзошелъ всѣ ожиданія Петра и онъ могъ въ тотъ же пріѣздъ самъ работать на заводѣ и отправить при себѣ съ завода пушки, которыя затѣмъ съ такою пользою послужили ему. Послѣ Петра и особенно въ послѣднее время заводы дѣйствовали отлично, но въ то время, когда все совершенствовалось, Петровскіе заводы такъ и остались въ томъ районѣ дѣятельности, которой держались они при Великомъ Петрѣ.

Богатство топлива, удобство мѣстоположенія заводовъ—ничто не могло вывести ихъ изъ той присущей русскому духу косности въ дѣдовскихъ преданіяхъ, которую такъ ненавидѣлъ основатель Петрозаводска и Россіи. Петръ узналъ, что есть желѣзная руда,—и черезъ годъ заводы были уже въ полномъ ходу; Петръ открылъ мѣдь,—и мѣдный заводъ въ «Повѣнецкомъ рядкѣ» быстро устроился и началъ ея обработку. Съ тѣхъ поръ рудное дѣло ушло далеко впередъ, Бессемерово открытіе давно оцѣнено всѣми и никто не подумалъ о томъ, что въ Петрозаводскѣ, да и вообще въ сѣверныхъ уѣздахъ Олонецкой губерніи, удобнѣе всего открыть сталелитейное производство; порѣшили опять добрые люди, что въ Повѣнецкихъ мѣстонахожденіяхъ мѣди слишкомъ мало и потому не стоитъ труда и добывать ее, а между тѣмъ извѣстно всякому пятилѣтнему ребенку на сѣверѣ, что въ томъ же Повѣнецкомъ уѣздѣ въ громадномъ количествѣ выдѣлывались мѣдные складни и иконы, которые расходились чуть ли не по всей Россіи. Корела съ давнихъ временъ славилась производствомъ оружія; а теперь начинаютъ уже раздаваться голоса, что и желѣзныя-то руды весьма малосодержательны и потому не могутъ представлять особенной доходности. Открыли въ одномъ изъ уѣздовъ превосходный магнитный желѣзнякъ, въ которомъ чистаго желѣза было до 70%; заявилъ нашедшій о своей находкѣ и сталъ подъискивать покупателя на свою заявку, такъ какъ самъ не могъ заняться разработкой по неимѣнію средствъ. Нашелся наконецъ подходящій человѣкъ, который думалъ обогатиться, если только одно судебное дѣло приметъ для него счастливый оборотъ; дѣло надѣлало страшнаго шума, но было къ отчаянію покупщика проиграно въ Петербургѣ и въ Москвѣ и предприниматель, дававшій заочно за заявленный рудникъ 280 тысячъ руб-

лей, въ одинъ прекрасный день очутился въ невозможности сдѣлать такую покупку; такъ дѣло и разстроилось. Рудникъ не разработывается и до сегодня: «да и не стоитъ— это блажь одна! на жилѣ лежитъ такой огромный слой діорита, что обработка обойдется слишкомъ дорого,—овчинка не стоитъ выдѣлки»! утѣшаются мѣстные спеціалисты. Такъ порѣшили многомудрые блюстители казеннаго интереса отчасти и дѣдовской лѣни и обломовщины въ особенности, и поневолѣ вспомнишь о пресловутой Петровской дубинкѣ, которой, право, не худо бы было снова явиться на свѣтъ Божій или вѣрнѣе на спящую Русь; и Данилычъ вѣкъ бы откладывалъ и «сумлѣвался» безъ чудесной дубинки Петровой, благодаря которой на болотахъ выростали заводы, на рѣкахъ—верфи и города, и прокладывались дороги тамъ, гдѣ и до сихъ поръ дорогъ нѣтъ никакихъ. А между тѣмъ намъ извѣстно изъ вѣрныхъ источниковъ, что тѣ развѣдчики, которые тамъ испугались діоритоваго покрова, ошиблись лишь въ выборѣ мѣстности, напали на неудобную точку мѣстонахожденія и достаточно бы было имъ пошарить въ иномъ мѣстѣ вправо, чтобы найти магнитный желѣзнякъ, лежащій почти на поверхности земли. Видно русскій человѣкъ почти одинъ и тотъ же — вынь да положь, да разжуй, проглотить то уже и самъ онъ съумѣетъ. Народъ отлично понялъ эту способность русскаго человѣка глотать только лишь вполнѣ разжеванное и неумѣнье воспользоваться тѣмъ, что предлагаетъ ему природа, и въ слѣдующемъ разсказѣ, записанномъ мною въ г. Повѣнцѣ, отлично охарактеризовалъ самъ себя.

«Въ прежніе годы много было въ нашихъ мѣстахъ и золота и серебра, да теперь то уже не знаютъ, гдѣ они лежатъ и попрятаны. Шла разъ по губѣ, мимо наволока лодка съ народомъ; а по берегу на встрѣчу ей старичекъ

идетъ; на кіёкъ то такъ и гнется отъ тяготы—очень ужъ старикъ тяжелъ, да грузенъ. «Возьмите меня въ лодку люди добрые» проситъ старикъ, а ему въ отвѣтъ изъ лодки: «намъ и такъ трудно справляться, а тутъ тебя еще стараго взять съ собою». — «Понудитесь малость, возьмите меня въ лодку—большую корысть наживете!» опять взмолился старикъ, а рыбаки его все не берутъ. Долго просилъ старикъ взять его въ лодку, такъ и не допросился. «Ну, хоть батажокъ мой возьмите—очень ужъ онъ тяжелъ, не по мнѣ». «Станемъ мы изъ за твоего батога дряннаго къ берегу приставать», отвѣчаютъ съ лодки. Бросилъ тутъ старикъ батожокъ свой — онъ и разсыпался весь на арапчики-голландчики, а самъ старикъ ушелъ въ щелье отъ грузности и щельё за нимъ затворилось. Ахнули тутъ лодочники — да поздно за умъ схватились». Думается, что намъ придется ахать, какъ лодочникамъ, и притомъ точно также, какъ ахнули мы, продавши колонію Росъ на Калифорнскомъ берегу, гдѣ немедленно открыты были золотыя розсыпи, точно также, какъ ахнули мы, уступивши Швеціи часть нашего берега, гдѣ тотчасъ же явились города съ мостовыми, газовымъ освѣщеніемъ и т. п. признаками цивилизаціи, точно также какъ ахнули мы, продавши наши Американскія колоніи, гдѣ уже (на Ситхѣ), какъ слышно, найдены богатѣйшія розсыпи,—хорошо еще, что въ Олонецкой губерніи врядъ ли придется ахать такъ безнадежно, какъ ахали мы въ вышеприведенныхъ трехъ случаяхъ.

XLIII.

Только въ самое послѣднее время обратили наконецъ нѣкоторое вниманіе на изслѣдованіе территоріи, занимаемой Олонецкою губерніею, и вотъ, между прочимъ, вкратцѣ тѣ

результаты, которыхъ достигли въ одной лишь части губерніи, а именно въ Повѣнецкомъ уѣздѣ. Вся площадь уѣзда покрыта грядами холмовъ, извѣстныхъ подъ именемъ Олонецкихъ или Масельги и идущихъ въ главномъ направленіи отъ сѣверо-запада къ юго-востоку. Горный хребетъ между Повѣнцомъ и Выгозеромъ составляетъ главную возвышенность и служитъ водораздѣльною чертою между системами рѣкъ Бѣлаго и Балтійскаго морей. Онего, которое связуетъ рѣки Повѣнецкаго уѣзда съ Балтійскимъ моремъ, по произведенной въ 1870 году тригонометрической съемкѣ и нивеллировка, лежитъ выше уровня Бѣлаго моря на 276 футовъ и выше Балтійскаго моря на 240 футовъ. На Масельгѣ существуетъ однако нѣсколько болѣе возвышенныхъ пунктовъ; самый перевалъ чрезъ этотъ водораздѣлъ въ самомъ высокомъ мѣстѣ подымается въ 659 ф. надъ уровнемъ Бѣлаго моря. Рѣшительно всѣ эти горныя возвышенности, состоя главнымъ образомъ изъ гранита, представляютъ необыкновенно дикій и красивый видъ, напоминающій, ни дать ни взять, Финляндію. Обнаженія въ уѣздѣ состоятъ преимущественно изъ кристаллическихъ сланцевъ, а за ними слѣдуетъ гранитъ и отдѣльныя партіи діорита. Кристаллическія сланцевыя породы встрѣчаются здѣсь слѣдующія: известковотальковый, хлористый, слюдистый и желѣзо-слюдистый, кварцеватый песчаникъ и нѣсколько породъ эпидотовыхъ. Породы, содержащія въ себѣ эпидотъ, здѣсь такъ обыкновенны и распространены до такой степени повсемѣстно, что ихъ можно считать породами господствующими. Онѣ проявляются здѣсь то въ видѣ кварца и эпидота (эпидозитъ), то въ видѣ смѣси лучистаго камня, роговой обманки, эпидота и альбеста. Главнѣйшее развитіе хлористаго сланца въ уѣздѣ находится между дер. Лумбошею и Паданскимъ погостомъ; на востокъ же границею его

слѣдуетъ признать такъ называемый Вороновскій боръ, близъ дер. Пергубы, гдѣ порода эта перемежается съ пластами кварцеваго песчаника; на западѣ онъ распространяетя до самыхъ границъ Финляндіи. Тальковый и слюдяный сланцы существуютъ въ небольшихъ залежахъ; первый попадается въ Гирвасъ — порогѣ на р. Сунѣ, выше деревни Койкоры, и по дорогѣ отъ Паданскаго погоста въ Янгозерскій, гдѣ постепенно переходитъ въ песчаникъ; обнаженіе втораго можно видѣть по дорогѣ изъ Паданскаго погоста въ Селецкій, изъ дер. Солдозера въ Семчезеро, гдѣ онъ переходитъ въ гранитъ, на Корельскомъ островѣ на Выгозерѣ и по порогамъ рѣки Сегежи, гдѣ онъ выступаетъ въ частыхъ сележныхъ щельяхъ. Сланцы эти перемежаются между собою, часто прорѣзываются кварцевымъ песчаникомъ; такъ, около дер. Масельги у Сегозера можно видѣть, что хлоритовый сланецъ перемежается весь послѣдовательно съ эпидотовой породой; то же самое явленіе можно наблюдать около Паданскаго погоста у того же озера между кварцевымъ песчаникомъ и эпидотовой породой. Эти двѣ породы на сѣверномъ берегу Паданской губы покрыты діоритомъ и образуютъ высокій горный гребень; однако такіе діоритовыя кровли встрѣчаются довольно рѣдко, болѣе же всего у Янгозера, гдѣ онѣ покрываютъ породы кристаллическія. Гораздо чаще и на большомъ пространствѣ, чѣмъ діоритъ, встрѣчается здѣсь гранитъ, который или самъ по себѣ, или въ смѣси съ гнейсовымя породами (точно также, какъ и въ сосѣдней Финляндіи) образуетъ значительные горные кряжи, какъ напр., отъ Семчезера до Святнаволока и около дер. Евгоры на южномъ берегу Сегозера. Наибольшее развитіе гранита находится въ восточной части уѣзда, гдѣ онъ тянется перерывною и широкою полосою отъ сѣвернаго берега Онежскаго озера, по обоимъ берегамъ рѣки Телекиной и

до Выгозера; кромѣ того онъ занимаетъ небольшія площади близъ деревень: Чобиной, Острѣчья, Масельги Корельской, по дорогѣ отъ Паданскаго погоста въ Селецкій, близъ Выгозера и въ западной части на границахъ Финляндіи. Гранитъ, встрѣчающійся въ Повѣнецкомъ уѣздѣ, большею частію крупнозернистъ, бѣлесоватъ, мясокраснаго цвѣта и изрѣдка лишь сѣроватаго. Весьма замѣчательное видоизмѣненіе гранита представляетъ сѣрая святнаволоцкая гранитная брекчія, по своей рѣдкости заслуживающая вниманія. Изъ него состоитъ весь горный хребетъ, на которомъ расположены двѣ деревни одного наименованія — Святнаволокъ. Однакоже у подошвы этой горы, близъ озера Пальозера, снова выступаетъ наружу діоритъ. Песчаникъ перемежается большею частію съ пластами хлоритоваго сланца, содержитъ въ себѣ нерѣдко тальки и переходитъ въ тальковый сланецъ. Наибольшее развитіе его представляется въ Березовой горѣ, лежащей къ сѣверовостоку отъ деревни Масельги Корельской. Наконецъ, известняковыя породы покрываютъ небольшія площади въ окрестностяхъ погостовъ Паданскаго и Выгозерскаго и у дер. Пергубы.

XLIV.

Такое строеніе уѣзда дѣлаетъ рѣшительно невозможнымъ развитіе хлѣбопашества и потому легко понять, что мѣстные жители должны были искать иныхъ путей заработковъ и добыванія хлѣба насущнаго. Тѣмъ не менѣе Корелы, древніе обители обонежскаго края до колонизаціи послѣдняго новгородцами, долго не обращали никакого вниманія на естественныя богатства земли, въ нѣдрахъ которой еще во времена новгородской республики извѣстны были нѣкоторые металлы и минералы. Въ то время, какъ сосѣдніе финны

изготовляли уже изъ своего желѣза стрѣлы, копья и мечи, которыми и производили торговлю, приписывая въ своихъ сагахъ изобрѣтеніе желѣза богамъ, — между Корелами Лопскихъ погостовъ (полагаютъ, что воспоминаніе о населявшихъ эти мѣста лопаряхъ сохранилось еще въ названіяхъ двухъ деревень и нѣсколькихъ озеръ Лопскими, но врядъ-ли это такъ, что объяснено нами выше) начало развиваться приготовленіе желѣзныхъ укладовъ прямо изъ необработанной руды. Скоро образовались небольшіе «лопскіе заводы», на которыхъ въ сыродушныхъ печахъ обработывались желѣзныя крицы. Вѣроятнѣе всего, что искусство это перешло къ лопскимъ Кореламъ отъ сосѣдей ихъ финновъ. Черезъ нѣсколько времени Корелы стали уже поставлять винтовки и снаряды для поморовъ и вообще для жителей Архангельской губерніи. Во многихъ приходахъ, напр., въ Ребольскомъ, Семчезерскомъ, Янгозерскомъ и Онежанскомъ, и до сей поры можно еще видѣть ямы и насыпи отъ рудныхъ разработокъ, предпринимавшихся лопскими Корелами. Въ Семчезерѣ почти въ каждой деревни находилось по нѣсколько кузницъ, выдѣлываемые на которыхъ укладъ и желѣзо съ пользою замѣняли сталь и продавались на мѣстныхъ ярмаркахъ по 2 и даже по 3 р. за пудъ. Въ Ребольской волости, въ 4 верстахъ отъ дер. Муезера, близъ озера Гидозера, видны еще и до сихъ поръ развалины бывшаго здѣсь завода, который принадлежалъ крестьянину той же волости Тергуеву. По словамъ внука Тергуева, отецъ его былъ на заводѣ прикащикомъ, имѣя 20 лѣтъ отъ-роду, такъ что можно разсчитать, что заводъ этотъ существовалъ около 1780 г. Но скоро, какъ и все въ этомъ Богомъ покинутомъ краѣ, заводъ пришелъ въ упадокъ и наконецъ уничтожился, просуществовавъ, повидимому, безъ всякаго разрѣшенія со стороны Бергъ-Коллегіи, и притомъ

дѣйствуя, благодаря наплыву рабочихъ бѣглыхъ, довольно долгое время. На южномъ концѣ Семчезера, при истокѣ ручья Орихъ изъ озера того же имени, еще въ 1850 году находился плавильный и желѣзоковательный заводецъ крестьянина деревни Мянсельги Титова; руда добывалась здѣсь изъ болотъ Семчезерской дачи, въ которыхъ она залегаетъ небольшими площадками отъ 5, 10 и не болѣе 20 саженъ въ длину и ширину. Изъ руды выдѣлывалось желѣзо или укладъ, изъ котораго ковали топоры, косы, горбуши, ножи и проч. Заводъ этотъ существовалъ съ весьма давняго времени; сначала производство было значительно, но потомъ стало мало по малу уменьшаться и теперь окончательно прекратилось въ силу, кажется, незаконности самаго существованія своего. Въ началѣ прошлаго столѣтія горнозаводское дѣло Обонежья обратило было на себя вниманіе человѣка, у котораго все въ рукахъ спорилось. Дѣло въ томъ что послѣ пораженія подъ Нарвой Петръ остался вовсе безъ артиллеріи; онъ не любилъ долго тужить, «сумлѣваться» и задумываться: повелѣно было взять со всѣхъ соборовъ и монастырей на Москвѣ и по другимъ городамъ колокола и перелить ихъ немедленно на пушки и гаубицы. Виніусъ, которому дѣло это было поручено, жаловался между прочимъ на то, что вовсе нѣтъ красной мѣди для отливки пушекъ; нѣтъ?—надо найти; и вотъ партія иноземцевъ подъ руководствомъ Блюэра послана 19 февраля 1702 года «безъ проволочки отыскать» требуемую руду. Мѣстное преданіе разсказываетъ, что Петръ самъ осмотрѣлъ руды, открытыя Блюэровскою партіею, и указалъ лично мѣста для закладки трехъ заводовъ. Заводы эти были: Алексѣевскій—при озерѣ Телекинскомъ, Повѣнецкій—при р. Повѣнчанкѣ, гдѣ въ тѣ времена стояла слободка «Повѣнцы», и наконецъ Вичковскій—при оз. Онего. Устройство заводовъ было

окончено очень скоро, такъ что въ слѣдующемъ 1703 году началась уже отправка плавленой и самородной мѣди въ Москву; дѣятельность ихъ продолжалась до 1708 года, хотя и разсказываютъ старики, что царскій дозорщикъ Патрушевъ съ прочими «рудознатцами» (по мѣстному—золотари) находился въ повѣнецкихъ странахъ еще года четыре, когда всѣхъ отправили по царскому указу въ Сибирь «по добычу рудную». Въ 1707 году новые мѣдные заводы были устроены близъ Петрозаводска на Кончезерѣ, а потому за дальностью разстоянія Повѣнецкіе заводы и были оставлены и дальнѣйшее развитіе ихъ предоставлено вполнѣ частной предпріимчивости, которая однако ни на грошъ не удовлетворила надеждамъ, и только развалины доменной печи остались въ Повѣнцѣ, какъ бы живымъ укоромъ потомству въ его апатіи и недостаткѣ инпціативы. Гдѣ человѣкъ съ волей и энергіей добывалъ изъ земли богатую руду, тамъ теперь пасутся коровы и, прообразуя своихъ хозяевъ, съ тупымъ видомъ глядятъ на разрушающуюся печь Петра. Говорятъ, что и печь то даже предполагали въ нынѣшнемъ году разрушить и употребить на тротуаръ, но настоящій начальникъ губерніи, который, надо отдать ему полную справедливость, всячески старается сохранить всѣ памятники временъ Петровскихъ, сдѣлалъ уже распоряженіе о томъ, чтобы огородить печь заборомъ и помѣшать повѣнецкимъ коровамъ и жителямъ профанировать дѣло рукъ великаго человѣка. Въ первой же половинѣ прошлаго столѣтія открыто было въ Повѣнецкомъ уѣздѣ и мѣстонахожденіе золота при истокѣ Сѣвернаго или Нижняго Выга изъ Выгозера, но скоро золото стало попадаться въ породахъ значительной твердости, казна не сочла для себя выгоднымъ производить дальнѣйшую разработку и стала вызывать желающихъ взять рудникъ въ собственное содержаніе. Какъ и слѣдовало ожидать,

никто не явился и въ 1772 году казна снова принялась за разработку; опять наткнулись на хорошее содержаніе и снова потеряли черезъ нѣсколько времени направленіе залеганія. Такъ дѣло съ повѣнецкимъ золотомъ и кануло въ Лету, хотя, какъ видно, при началѣ каждой разработки Воицкаго золотаго рудника золото попадалось въ большомъ количествѣ и хотя донесенія о совершенной убогости жилы не были провѣряемы точнымъ изслѣдованіемъ знающихъ людей. Казна надѣялась на частную предпріимчивость, а частная предпріимчивость только и существовала здѣсь, да и вообще на Руси, благодаря плодотворному вліянію классической дубинки. О нахожденіи и разработкѣ въ Олонецкой губерніи серебряныхъ рудъ въ прошедшемъ столѣтіи сохранилось не мало разсказовъ между мѣстными старожилами. Къ сѣверо-востоку отъ Повѣнца въ старинномъ поморскомъ монастырѣ, извѣстномъ подъ названіемъ Даниловскаго скита (по имени одного изъ большаковъ-основателей толка Данилы Филиповича), говорятъ, въ царствованіе Императрицы Екатерины II, гдѣ-то въ тундрѣ, много къ сѣверу, добывали серебряную руду и дѣлали изъ нея серебряные рубли по образцу екатерининскихъ вообще. Даниловскіе рубли были извѣстны по всему сѣверу и ходили тамъ нѣсколько дороже даже казенныхъ, такъ какъ производились изъ чистѣйшаго серебра; даже норвежцы охотно принимали рубли Даниловскаго издѣлія въ плату за товары, а то такъ и просто покупали ихъ изъ барышей. Кромѣ того въ той же мѣстности въ большомъ количествѣ выдѣлывались изъ серебра и разныя другія издѣлія: кресты, створы (литыя небольшія иконы съ дверцами) или складни, пуговицы къ сарафанамъ и кафтанамъ скитницъ и скитниковъ и т. п. Подобнымъ ремесломъ занимались не только жители Даниловскаго скита, но и двухъ-трехъ окрестныхъ деревень

(Тихвинъ боръ, На Пяльмѣ и иныя). Впослѣдствіи, когда эта тайная выдѣлка серебряныхъ рублей и вещей (всѣ серебряныя вещи даниловской подѣлки носятъ до сихъ поръ въ народѣ названіе «темныхъ») сдѣлалась извѣстна высшему правительству, такъ какъ низшее отнюдь не брезгало даяніями, состоящими хотя бы и изъ темнаго серебреца, приказано было всѣхъ жителей, какъ монастырей (Даниловскаго на р. Выгѣ и Лексинскаго на р. Лексѣ), такъ и сосѣднихъ деревень съ чадами и домочадцами выселить въ отдаленныя мѣстности Сибири для «удобнѣйшаго, будто-бы, имъ пути къ разработкѣ столь цѣннаго металла и въ мѣстахъ, гдѣ оный въ изобиліи находится». Эта милая оффиціальная шуточка всеконечно была тотчасъ же исполнена, но съ этимъ выселеніемъ, однако, (объ этомъ-то и не подумали въ попыхахъ къ искорененію зла и въ рвеніи къ соблюденію казеннаго интереса) пропали безслѣдно и свѣдѣнія о той мѣстности, гдѣ добывали серебро. Говорятъ, что и теперь еще иногда, изъ окрестныхъ Даниловскому монастырю деревень нѣтъ-нѣтъ да и появится вдругъ какое нибудь серебряное издѣльице; но трудно предположить, чтобы мѣстнымъ жителямъ извѣстно было коренное мѣсторожденіе этого серебра, потому что производимыя здѣсь нынѣ серебряныя издѣлія до крайности рѣдки, хотя при этомъ въ тоже время и малоцѣнны, такъ какъ заключаютъ въ себѣ значительную подмѣсь мѣди. Болѣе всего вѣроятно, что нынѣшнія издѣлія вокругъ Данилова приготовляются изъ находимыхъ тамъ старыхъ серебряныхъ вещей, что предполагаетъ также и проф. Иностранцевъ, который пропроизводилъ въ послѣдніе годы геологическія изысканія въ мѣстности между озеромъ Онегомъ и Бѣлымъ моремъ. Намъ самимъ пришлось видѣть у одного изъ Даниловскихъ выходцевъ серебряный рубль Даниловской чеканки, который

рѣшительно ничѣмъ не отличался отъ казенныхъ; старинныя издѣлія изъ даниловскаго серебра весьма высокопробны и сдѣланы зачастую крайне искусно и отчетливо. Крайне интересенъ тотъ способъ, который употребляется для отливки какъ рублей, такъ и иныхъ вещей; брали березовые наросты или такъ называемый березовый трутъ, разрѣзали его попаламъ, размачивали въ горячей водѣ, затѣмъ между половинками клали оригиналъ, рубль или вещь, складывали половинки, накрѣпко перевязывали ихъ бечевкой и затѣмъ высушивали всю штуку въ печи; по вынутіи модели изъ половинокъ, снова перевязывали форму бечевкой, просверливали сбоку дырочку и вливали въ послѣднюю расплавленный металлъ. Точно также поступали и для выдѣлки мѣдныхъ вещей. Слѣдуетъ замѣтить, что есть складни превосходной работы и притомъ даже съ ажурными серебряными украшеніями. Весь Повѣнецкій уѣздъ или, вѣрнѣе, всякое крестьянское хозяйство обладаетъ прекрасною мѣдною посудою (тазы, котлы, поливальники, тарелки, дымила и т. п. издѣлія изъ красной мѣди), которая вся происхожденія Даниловскаго, а мы все горюемъ, что мѣдные рудники Олонецкой губерніи слишкомъ бѣдны, что разработывать ихъ не стоитъ. Вся суть лишь въ томъ, что до сихъ поръ неизвѣстно еще, гдѣ добывались Даниловскія серебро и мѣдь, а если бы только удалось узнать ихъ мѣстонахожденіе, то, конечно, не пришлось бы болѣе плакаться на бѣдность нашего горькаго сѣвера въ рудномъ отношеніи. Намъ говорили Даниловскіе старожилы, что они слышали отъ отцовъ своихъ, будто изъ Данилова, Лексы и другихъ смежныхъ селеній прежде выходило въ годъ пудовъ до 300 различныхъ мѣдныхъ издѣлій, а кромѣ того извѣстно, что Даниловъ былъ долгое время чуть ли не единственнымъ поставщикомъ иконъ для всѣхъ безпоповцевъ въ Россіи.

Знаютъ ли оставшіеся въ живыхъ Даниловцы о мѣстонахожденіяхъ этихъ рудъ? Врядъ ли; если бы знали, то не приходилось бы имъ вести такую стѣсненную въ матеріальномъ отношеніи жизнь, какую они ведутъ въ настоящее время. Благодаря ли не совершенству изысканій, или просто случайности, пришли теперь къ убѣжденію, что золота искать нечего, что серебра въ Олонецкой губерніи очень мало и добывать его не стоитъ, а одинъ ученый такъ на чистоту объявилъ, что золота и быть даже не можетъ въ Заонежьѣ; мѣдь добывать, по мнѣнію развѣдчиковъ, можно, но не стоитъ—нельзя безъ большихъ хлопотъ нажить въ одинъ годъ милльонное состояніе, а по скудному содержанію магнитнаго желѣзняка и желѣзнаго блеска въ діоритахъ и глинистыхъ сланцахъ порѣшили, что и всѣ доселѣ изслѣдованныя коренныя горныя мѣсторожденія желѣзныхъ рудъ должны быть признаны нестоющими разработки.

XLV.

Для того, чтобы показать, насколько справедливо мнѣніе о бѣдности сѣвера и въ особенности Повѣнецкаго именно уѣзда въ рудномъ отношеніи, я позволю себѣ здѣсь ознакомить читающую публику съ тѣми результатами, которые добыли частные развѣдчики въ каждой изъ волостей уѣзда. Въ Мяндусельской волости, на земляхъ дер. Острѣчья, въ одной верстѣ отъ деревни Острѣчья и въ такомъ же разстояніи отъ дер. Шайдомы въ 1869 году довѣреннымъ Фридрихсгамскаго купца Шрейбера заявлены были мѣдныя руды; большая часть этихъ рудъ, по испытаніи въ лабораторіи горнаго департамента, представляютъ діоритовую породу съ вкрапленнымъ въ нее сѣрнымъ колчеданомъ; одинъ образецъ представляетъ роговой камень съ кварцемъ и сѣрнымъ колчеданомъ.

На землѣ д. Острѣчья найденъ мѣдный колчеданъ въ кварцевой породѣ, съ содержаніемъ $17^1/_2$% чистой мѣди. Въ прочихъ образцахъ, содержащихъ сѣрный колчеданъ, мѣди не оказалось, и только два образца, представляющіе роговообманковую породу, заключали небольшія примѣси мѣднаго блеска. Какимъ же образомъ могло ошибиться до такой степени довѣренное лицо г. Шрейбера, что сѣрный приняло за мѣдный колчеданъ? Вѣдь горное дѣло знакомо же ему? Вѣдь онъ спеціалистъ по горной части? спроситъ тотъ, кто въ жизнь свою не видалъ, какъ дѣлаются заявки на сѣверѣ. Въ томъ-то и дѣло, что довѣренный вовсе и не думалъ быть спеціалистомъ, а онъ любой Корелякъ, которому вздумалось послужить г-ну Шрейберу, т. е. послоняться по лѣсамъ и болотинамъ, покопаться, обтесать столбикъ и отмѣтить имъ то мѣсто, которое, по его крайнему разумѣнію, всенепремѣнно должно содержать мѣдь, желѣзо и т. п. Вся суть тутъ въ 5 р. за каждую заявку, которые выплачиваются симъ славнымъ фридрихсгамскимъ негоціантомъ — авось либо найдутъ здѣсь потомъ что нибудь, анъ и нельзя будетъ разрабатывать, не купивши у него заявку [1]). Ни рожна не понимаетъ ни самъ г. Шрейберъ, ни его доверенные (т. е. всѣ крестьяне Повѣнецкаго уѣзда), а столбики все-таки стоятъ, и какъ покопаютъ на этомъ мѣстѣ, такъ ужь что нибудь всенепремѣнно найдутъ. Въ той же волости, въ $2^1/_2$ верстахъ къ сѣверу отъ дер. Койкоры, на горѣ Попова Китовина и въ

[1]) Намъ пишутъ въ настоящее время изъ Петрозаводска, что рабочихъ теперь достать крайне трудно; всѣ они ушли на горныя развѣдки къ разнымъ авантюристамъ, которые платятъ отъ 1 р. до 2 р. поденщины. Хорошо и это! хоть поживится русскій человѣкъ маленько и годъ по крайней мѣрѣ не станетъ ѣсть затхлый хлѣбъ, пополамъ съ сосновою корою!

$^1/_2$ верстѣ къ югу отъ Каменнаго озера, въ 1870 году, довѣреннымъ тайнаго совѣтника барона Унгернъ-Штернберга, горнымъ инженеромъ Аубель заявлена мѣдная же руда; въ діоритовой породѣ отыскана кварцевая жила, проникнутая известковымъ шпатомъ и хлоритомъ, содержащая мѣдный колчеданъ, мѣдную зелень и частію мѣдный блескъ; жила эта тянется отъ сѣвера къ югу, при паденіи 45° къ востоку; на поверхности жила обнаруживается на протяженіи 4 саженъ. Тотъ же горный инженеръ заявилъ о желѣзной рудѣ въ тальковомъ сланцѣ, залегающей жилою желѣзнаго блеска, которая падаетъ почти отвѣсно по полуденной линіи. Руда эта находится въ 3 верстахъ отъ южнаго конца Пальезера къ ю. з. и въ $^1/_2$ верстѣ отъ горы Зарулье по юговосточному направленію, въ болотистой мѣстности; кромѣ того сдѣлана имъ же заявка на жилу желѣзнаго блеска, залегающую въ кристаллической сланцовой породѣ (тальковомъ сланцѣ) и тянущуюся на югъ съ довольно крутымъ паденіемъ на западъ, въ 8 верстахъ отъ д. Святнаволока на сев., въ 100 саженяхъ отъ Зимней горы. Г. Шрейберу вообще принадлежитъ огромное большинство заявокъ; такъ, въ 2 верстахъ къ вост. отъ Святнаволока — мѣдная руда въ кварцевой породѣ съ блескомъ мѣднаго колчедана, въ двухъ верстахъ на вост. отъ Койкоры — желѣзная руда, у порога Гирвасъ на р. Сунѣ — желѣзный блескъ въ кварцевой породѣ, въ 4 верст. на сѣв. отъ Койкоры — желѣзная болотная руда, въ 1 верстѣ къ ю. отъ Койкоры — бурый желѣзнякъ, въ 400 саж. къ югу отъ Рутова Наволока въ урочищѣ Мельничная гора — желѣзная магнитная руда въ кварцевой породѣ (1871 г.), въ 1 верстѣ къ сѣв. отъ дер. Острѣчья въ урочищѣ Мухко-гора — мѣдная руда, въ 3 в. къ сѣв. отъ д. Сѣверный конецъ Святноволоцкаго погоста — магнитный желѣзнякъ съ мѣдною зеленью и съ известко-

вымъ камнемъ, въ 20 верст. къ зап. отъ д. Торос-озера въ урочищѣ Серебряный мысъ—желѣзная болотная руда въ пластѣ толщиною отъ 1 до 6 четверт. на пространствѣ 3 кв. верстъ, въ 12 в. отъ Торос-озера въ урочищѣ Пахба-ручей—желѣзная болотная руда въ пластѣ отъ 1 до 6 четв. на пространствѣ 4 кв. верстъ, въ 8 в. отъ Торос-озера и въ 100 саж. къ вост. отъ озера Пайдозера по обоимъ берегамъ ручья въ уроч. Пайдозерѣ — желѣзная болотная руда въ пластѣ отъ 1 до 6 четв. на пространствѣ 5 кв. верстъ, въ 4 в. отъ Койкары въ урочище Іокили—желѣзная руда, въ 10 в. отъ дер. Юстозера въ урочищахъ Вичписуо и Арволамбина—желѣзная руда, въ 3 в. къ с. з. отъ Койкары близъ р. Суны въ урочищѣ Ругопонсельгѣ — желѣзный блескъ въ эпидотовой породѣ, близъ д. Сегежигоры на казенной землѣ въ 11 мѣстахъ—желѣзная болотная руда, въ Семчезерской, Кійской и Линдозерской дачахъ въ разныхъ направленіяхъ—магнитный желѣзнякъ между сѣрымъ гранитомъ въ кварцевой породѣ, желѣзный колчеданъ въ той же породѣ, и нѣсколько озерныхъ и болотныхъ рудъ. Въ 1872 г. въ іюнѣ, іюлѣ, августѣ и сентябрѣ сдѣлано еще много заявокъ на желѣзную руду довѣреннымъ купчихи Красильниковой Лихачевымъ, который нашелъ руду къ сѣв. отъ Святнаволока въ урочищѣ Лампіусъ, въ 3 верстахъ отъ Святнаволока въ урочищѣ Шитоламбина, на озерѣ Пальезерѣ на остр. Букей близъ Святнаволока на полуостровѣ Пальезера въ урочищѣ Бейновщинѣ, въ 1 вер. отъ Святнаволока въ урочищѣ Изосимовъ Наволокъ, въ 1$^1/_2$ в. отъ Святнаволока въ уроч. Капелькаліусъ, по направленію отъ дер. Святнаволока къ Изосимову наволоку въ уроч. Капелькаліусъ, по направленію отъ дер. Святнаволока къ Изосимову наволоку въ уроч. Тихановщинѣ, въ 450 с. отъ Святнаволока между покиями вверхъ, по р. Сунѣ въ уроч.

Большая сельга, въ $2^{1}/_{2}$ в. отъ Койкары по мельничной дорогѣ на крестьянскихъ пожняхъ, въ $3^{1}/_{2}$ в. отъ Семчегоры въ уроч. Кедроніеми, въ 5 в. отъ Семчегоры въ уроч. Вожонготковѣ, въ 9 в. къ сѣв. въ ур. Арволамба, въ 9 вер. къ сѣв. зап. въ урочищѣ Гейняламба, въ $3^{1}/_{2}$ в. въ урочищѣ Нурмакоткова и въ 4 в. въ уроч. Ионгакоткова. Въ Поросозерской волости сдѣлано до сихъ поръ немного заявокъ. Еще въ 1869 году мѣстный становой приставъ г. Крапивинъ поставилъ заявочный столбъ на казенной землѣ въ 1 вер. отъ дер. Янгозера на желѣзную руду; при испытаніи образцовъ этой руды въ лабораторіи горнаго департамента они оказались съ содержаніемъ 33,3$^{0}/_{0}$ металлическаго желѣза и представляютъ хлоритовый сланецъ, проникнутый кремнистою породою и магнитнымъ желѣзнякомъ; лаборанты сочли долгомъ прибавить къ произведенному ими изслѣдованію, что, такъ какъ содержаніе кремнезема въ этой рудѣ простирается до 27,25$^{0}/_{0}$, то она можетъ быть отнесена къ рудамъ, бѣднымъ по содержанію желѣзомъ. Въ сентябрѣ мѣсяцѣ 1872 г. довѣреннымъ Красильниковой Лихачевымъ заявлены были желѣзныя руды въ недалекомъ разстояніи отъ Поросозерскаго погоста въ уроч. Гумнонаволокъ, въ урочищѣ Гизенаволокъ, въ урочищахъ Педроѣ и Войской ссорѣ, въ уроч. Кохтыссорѣ и въ уроч. Мудадерви. Въ Ребольской волости сдѣланы всего лишь двѣ заявки на мѣдь, но такое небольшое количество заявокъ отнюдь не слѣдуетъ приписывать отсутствію въ этой волости рудныхъ богатствъ, а лишь тому обстоятельству, что въ Реболу никакихъ путей до послѣдняго времени не было; точно также, какъ и въ Ругозеро, да и вообще, волости эти слишкомъ удалены отъ Повѣнца, центра развѣдочныхъ посылокъ. Неизмѣнный г. Шрейберъ и здѣсь заявилъ однако старый мѣдный рудникъ, находящійся въ 7 верстахъ отъ дер. Муе-

зера, въ урочищѣ Ямы; по испытаніи въ лабораторіи горнаго департамента, руда изъ этого рудника имѣетъ среднее содержаніе 51% мѣди; она представляетъ смѣсь пестрой мѣдной руды съ мѣднымъ колчеданомъ, изъ которыхъ первая преобладаетъ; пустой кварцевой породы здѣсь оказалось весьма мало. На такую же пеструю руду сдѣлана имъ же, Шрейберомъ, заявка въ 3-хъ верстахъ отъ дер. Муезера на казенной землѣ. Въ Ругозерской волости по той же вышеупомянутой причинѣ сдѣлана всего одна заявка Шрейберомъ на мѣдную руду, залегающую въ кварцевой породѣ съ блескомъ мѣднаго колчедана, въ 15 вер. къ сѣв.-вост. отъ дер. Кузнаволока, на Юриной горѣ. Богоявленская Паданская волость, какъ самая ближняя изъ корельскихъ волостей къ Повѣнцу и притомъ какъ обладающая дорогами, богата заявками; Г. Шрейберъ и здѣсь постарался прихватить малую толику рудныхъ мѣстонахожденій, съ цѣлью никогда, конечно, не разработывать ихъ, но чтобы при случаѣ сбыть ихъ за хорошія деньги. Мѣдная руда, залегающая въ сѣромъ гранитѣ, съ признаками мѣднаго колчедана, заявлена имъ въ 1/2 в. отъ Паданскаго погоста, въ 12 в. къ ю.-в. отъ Паданскаго погоста, близъ Сегозера, въ 4 1/2 в. отъ Масельги Корельской (въ отличіе отъ Масельги Поморской, находящейся на пути изъ Повѣнца къ Выгозеру); на южн. берегу Сегозера, въ 15 в. отъ дер. Сондалъ, на юго-вост. берегу Сегозера въ урочищѣ Пертнаволокъ, въ 5 в. къ югу отъ Каличьяго острова въ уроч. Васильевъ-островъ, и на 5 и 10 вер. отъ дер. Барановой горы; затѣмъ, кромѣ того, имъ же заявлена свинцовая руда въ кварцевой породѣ между сѣрнымъ колчеданомъ, близъ Паданъ, въ 3 вер. отъ Сегозера и на 9 вер. отъ дер. Сондалы близъ большаго Нокозера. Въ 2 1/2 вер. отъ Сегозера и въ 14 вер. отъ Паданъ къ ю. в. въ старомъ рудникѣ заявлена мѣдная руда съ блес-

комъ мѣднаго колчедана Шрейберомъ, а крестьяниномъ дер. Лахты заявлена подобная же руда на 8 вер. отъ Калпчьяго острова и на 2 вер. къ сѣв. отъ Сегозера. Всѣ эти заявки сдѣланы были въ 1869 году; въ 1870 г. Шрейберъ заявилъ мѣдную руду, залегающую въ сѣромъ же гранитѣ съ блескомъ мѣднаго колчедана, въ 3 вер. къ ю. в. отъ Юккогубы на Кичьгорѣ, въ 3 в. къ с. в. отъ д. Листегубы на Родькиномъ наволокѣ, въ 6 в. къ сѣв. зап. отъ д. Тухковары, въ 50 саж. отъ р. Тумасозерской, въ 15 в. къ сѣв. вост. отъ д. Листегубы, въ 15 в. отъ Калпчьихъ острововъ на Кехминаволокѣ на вост. берегу Сегозера и въ 3 в. отъ д. Калпчьи острова на юж. берегу Салострова. Желѣзная руда заявлена довѣренными Шрейбера въ концѣ большаго Кальева озера и на сѣв. берегу малаго Кальева озера; здѣсь она залегаетъ между сѣрымъ гранитомъ съ примѣсью мѣднаго колчедана. Въ томъ же году въ 12 вер. къ ю. в. отъ д. Барановой горы на Корговаракѣ заявленъ былъ Шрейберомъ и свинцовый блескъ въ кварцевой породѣ между сѣрымъ гранитомъ. Наконецъ, близъ устья Селецкой рѣчки, въ 10 в. отъ деревни Барановой горы, и въ 5 вер. къ ю. з. отъ Сегозера въ уроч. Пѣтунова гора, и въ 5 вер. отъ Барановой горы къ ю. между большимъ и малымъ Липозерами сдѣланы Шрейберомъ заявки на мѣдную же руду, залегающую въ сѣромъ гранитѣ съ блескомъ мѣднаго колчедана. Еще одно мѣстонахожденіе свинцовой руды въ кварцевой породѣ между сѣрыми гранитами нашлось въ 20 в. къ сѣв. отъ оз. Сондалъ на Лебяжьей горѣ. Въ 3 в. къ сѣв. вост. отъ дер. Листегубы на берегу Сегозера заявлена мѣдная руда съ блескомъ мѣднаго колчедана въ кварцевой породѣ между сѣрымъ гранитомъ и наконецъ пестрая мѣдная руда въ кварцевой породѣ заявлена Шрейберомъ въ 150 с отъ с. Корельской Масельги и въ

300 с. отъ Сегозера въ уроч. Овечья гора.—Въ волостяхъ населенныхъ русскими, заявокъ сдѣлано не такъ много, но это происходитъ отнюдь не потому, что имъ не на что дѣлать, а простолишь по невниманію гг. развѣдчиковъ. Такъ напр., г. Шрейберомъ въ Шуйской волости сдѣланы всего 2 заявки на мѣдную руду, залегающую въ кварцевой породѣ между сѣрымъ гранитомъ съ блескомъ мѣднаго колчедана, а именно, въ 3 вер. къ с. в. отъ д. Пергубы, на уроч. Вороновомъ бору и близъ д. Усовъ наволокъ въ 4 старыхъ рудникахъ; имъ же заявлены и мѣстонахожденія желѣзнаго блеска, залегающаго въ кварцевой породѣ между сѣрымъ гранитомъ, а именно: въ 1 в. отъ Усова наволока въ уроч. Желѣзномъ Шерковскомъ, въ 1 в. отъ Пергубы и въ $1^1/_2$ в. отъ д. Лавасгубы. Много потрачено и денегъ и времени на отысканіе самаго легкаго средства наживы—золота, но слѣдуетъ признаться, что видно не въ Повѣнецкомъ уѣздѣ слѣдуетъ искать его, или же не съ тою поспѣшностью, которою отличаются всѣ наши развѣдчики. Въ Даниловской волости, на р. Пажѣ, впадающей въ р. Немину, отъ истока Немины вверхъ по теченію Пажи выбиты были въ іюнѣ 1872 года г. Грановскимъ 10 развѣдочныхъ шурфовъ, въ разстояніи одинъ отъ другаго въ 220—250 саженъ. Изъ двухъ первыхъ шурфовъ промыто было песковъ 20 пудовъ и получено было 10 долей золота; слѣдовательно, среднее содержаніе золота въ 100 п. песку составляетъ 50 долей. Въ остальныхъ шурфахъ оказались только невѣсомые признаки золота. Долина р. Пажи на протяженіи сдѣланныхъ развѣдокъ имѣетъ ширины отъ 50 — 70 саженъ; вся мѣстность по обоимъ берегамъ рѣки покрыта густымъ, сосновымъ, еловымъ и березовымъ лѣсомъ; вверхъ по теченію тянутся крутыя горы, покрытыя темно-сѣрымъ гранитомъ, мѣстами попадаются обломки бѣ-

лаго и желтовато-розоваго кварца; во всѣхъ шурфахъ верхній пластъ земли на $1^1/_2$ ар. черный, второй—глина темнозеленаго цвѣта, на 1 арш. крупный щебень изъ обломковъ чернаго камня аспиднаго свойства, а подъ нимъ уже находится крупный песокъ, перемѣшанный съ черною глиною; въ немъ то и находится золото. Пробовалъ г. Грановскій и еще разъ поискать счастья на Пажѣ въ 5 верстахъ отъ впаденія ея въ Немину, опять пробилъ онъ 10 шурфовъ въ разстояніи одинъ отъ другаго на 160—200 саж. и въ нѣкоторыхъ шурфахъ нашелъ невѣсомые признаки золота. Но тутъ же сдѣлано было имъ и другое открытіе, которое почти одинаково выгодно, еслибы только на это дѣло да хорошаго бы хозяина—вѣдь у добраго хозяина и кляча—конь! Шурфуя пластъ, г. Грановскій открылъ признаки свинцово серебряной руды въ тѣхъ горахъ, которыя состоятъ изъ чернаго аспида, весьма тонкослойнаго, мягкаго и гладкаго излома. Двѣ горы лежатъ при впаденіи р. Нюгомки въ р. Пажу, по обѣимъ сторонамъ ея теченья, а третья на лѣвомъ берегу Пажи. Долина Пажи въ этихъ мѣстахъ имѣетъ ширины отъ 10 до 70 саж. и составляетъ луговину; въ концѣ площади, на пространствѣ около версты, русло рѣки сжато съ обѣихъ сторонъ крупными скалистыми берегами (щелье). Вся мѣстность по обоимъ берегамъ покрыта лѣсомъ. Мѣстами на поверхности гористыхъ береговъ находится камень темносѣраго и чернаго цвѣта, попадаются обломки бѣлаго и желто-розоваго кварца. Во всѣхъ шурфахъ верхній слой земли черный, толщ. въ 1 арш.; второй слой—темнобуро-зеленоватая глина; ниже, крупный щебень изъ гранита и аспида, а подъ нимъ крупный песокъ съ примѣсью черной глины. На лѣвомъ берегу р. Кочкожи, въ 7 верстахъ отъ впаденія ея въ р. Пажу, въ слоѣ наносной черной земли съ глиною найдены въ 1872 г. царско-

сельскимъ купцомъ Поповымъ признаки наноснаго серебра въ соединеніи съ свинцомъ, имъ же найденъ въ этихъ мѣстахъ: 1) на лѣвомъ же берегу Кочкожи, въ скалѣ, возвышающейся на 6 саженъ, слой свинцово-серебряной руды, толщиною отъ $1^1/_2$ до 4 миллиметровъ, 2) между скалистыми берегами при порогѣ, во впадинахъ камней, свинцово-серебряная руда въ мелкихъ блесткахъ, 3) на правомъ берегу оказались старыя развѣдки, но серебра не обнаружено, 4) на срединѣ рѣки признаки серебряной руды гнѣздами толщиною отъ 4 до 15 миллиметровъ, 5) на правомъ берегу мелкіе блестки серебряно-свинцовой руды и гнѣзда толщиной до 20 миллиметровъ. Вся мѣстность здѣсь покрыта лѣсомъ, ширина рѣки Кочкожи простирается отъ $1^1/_2$ до 3 саженъ. Кочкожа течетъ по ложу, состоящему преимущественно изъ глинистаго сланца и въ верховьѣ теченіе ея то между сельгами, то по равнинѣ, тогда какъ отъ водопада на ней до самаго впаденія ея въ р. Пажу берега скалисты и нависаютъ надъ водою. Близъ самаго Даниловскаго монастыря, всего въ 5 вер. отъ него, вверхъ по р. Выгу господиномъ же Грановскимъ найдены признаки золота. При пробитіи шурфовъ верхній пластъ оказался наноснымъ черноземомъ толщиною въ одну четверть; подъ нимъ лежитъ мелкій щебень и валуны кварца и другихъ породъ вмѣстѣ съ крупнымъ гравіемъ. Въ нѣкоторыхъ же шурфахъ верхній пластъ состоялъ изъ песку, а за нимъ пластовалась на 6 аршинъ въ толщину свѣтло-бурая глина, подъ которою оказались признаки золота. Наконецъ, въ Авдѣевской волости въ 1871 году заявленъ былъ повѣреннымъ барона Унгернъ-Штернберга г. Аубелемъ магнитный желѣзнякъ, вкрапленный въ діоритовую породу, въ 4 мѣстахъ, а именно: около деревень Пудожгорскаго погоста, въ $2^1/_2$ в. отъ оз. Онего въ Дивгорскомъ кряжѣ, затѣмъ въ

$3^1/_2$ в. отъ Онего въ Мурминскомъ кряжѣ и наконецъ въ 1 и 2 верстахъ въ Падозерскомъ кряжѣ. Только въ самое послѣднее время обратили, повидимому, вниманіе на то обстоятельство, что всѣ озера, или по крайней мѣрѣ большинство ихъ (а озеръ въ Повѣнецкомъ уѣздѣ 1,900), также какъ и рѣки покрыты желѣзною ржавчиною чуть не сплошь; и вотъ въ 1873 году сдѣланы уже 21 заявка на такъ-называемое болотное желѣзо; нашелся таки человѣкъ, думали мы, возрадовавшись за мѣстное крестьянство, который рѣшается рискнуть и поискать наживы тамъ, гдѣ остальные лишь находятъ одно убожество, и слѣдуетъ, думать, фантазировали мы, что рискъ его вознаградится скоро и въ такой степени, что и самъ онъ не ожидаетъ. Полагалъ этотъ человѣкъ (капиталистъ С. Б.) между прочимъ завести обширный заводъ на берегу Сегозера въ Корельской Масельгѣ, съ пароходомъ на Сегозерѣ и съ каналомъ на цѣлыхъ 20 в. изъ Сегозера по направленію къ Онего... но, видно, уже суждено этому злочастному краю горевать— г. Б. отъ завода отказался и порѣшилъ: дай, дескать, лучше подожду съ заявками—то; авось либо кто другой сунется заводы заводить—я и посмотрю, да и продамъ ему заявки то, которыя мнѣ гроша мѣднаго не стоютъ! и капиталъ наживу, дескать, и невинность соблюду. А между тѣмъ какое огромное значеніе для народнаго благостоянія имѣла бы частная предпріимчивость въ этихъ мѣстахъ! какъ обогатился бы край! Жителямъ Обонежской пятины выпали на долю самыя крайнія пустыни сѣвера; главные враги обонежанина —суровый климатъ, безплодная почва и полное отсутствіе сколько-нибудь удобныхъ путей сообщенія и какихъ-либо стороннихъ заработковъ, кромѣ охоты и рыболовства, падающаго съ года на годъ. Обонежанинъ все еще не вышелъ изъ періода рыболовнаго-охотничьяго, да и

врядъ-ли и выйдетъ, если не измѣнятся условія его жизни. Скудное хлѣбопашество и въ самые благопріятные годы едва обезпечиваетъ продовольствіемъ крестьянина на полгода. Есть семьи, которыя покупаютъ до 50 кулей хлѣба въ годъ и слѣдовательно на одну муку издерживаютъ до 400 р. въ годъ. Значительная часть населенія, напр. корелы дальнихъ волостей, чуть не круглый годъ питается хлѣбомъ изъ сосновой коры и ячменной соломы, съ прибавкою къ этимъ прелестямъ одной четвертой части затхлой низовой муки. Одна рыба служитъ къ такому хлѣбу дополнительнымъ, сколько-нибудь питательнымъ кушаньемъ. Овощей никакихъ, и даже лукъ слишкомъ нѣженъ для мѣстностей на с. отъ Сегозера и р. Сегежи. Небольшой излишекъ рыбы, отъ продажи на хлѣбъ и на подати, зачастую народъ принужденъ варить въ берестяныхъ котлахъ, за неимѣніемъ средствъ для покупки мѣдныхъ. Охота и рыболовство не даютъ отъ продажи значительнаго излишка; иной разъ бываетъ и такъ, что и радъ бы вести и есть что, да некуда—хоть три дня скачи, ни въ какое мѣсто не пріѣдешь; къ тому же, народъ, какъ и вездѣ, находится въ рукахъ у кулаковъ и скупщиковъ, какъ изъ заѣзжихъ людей, такъ и изъ доморощенныхъ міроѣдовъ; лѣсныя гонки, куда нанимается народъ, оплачиваютъ трудъ плохо, да тутъ еще есть и опасность и вовсе домой не вернуться и покончить свою горемычную жизнь въ какомъ-нибудь Поповомъ порогѣ, куда затѣмъ Богъ вѣсть зачѣмъ всенепремѣнно будутъ заходить запоздавшіе сюда гонщики лѣса, постоятъ, постоятъ и уйдутъ,—словно за дѣломъ приходили. Понятно поэтому, что населеніе въ высшей степени интересуется развитіемъ въ краѣ разныхъ отраслей горной промышленности, могущей служить ему путями къ заработкамъ. Молотокъ въ рукахъ путешественника пріобрѣтаетъ ему пол-

ное сочувствіе крестьянъ и вызываетъ съ ихъ стороны самый радушный пріемъ.

XLVI.

Но положимъ наконецъ, что судьба и сжалится надъ повѣнецкимъ крестьяниномъ и пошлетъ ему людей, которые, конечно, не забывая главнымъ образомъ своего кармана, покрошатъ имъ малость съ своего роскошнаго стола: кушай, дескать, курочка, да никогда не наѣдайся въ досыть, а то, не равёнъ часъ, ко мнѣ и работать не пойдешь, — положимъ что изведаютъ наконецъ богатства уѣзда и не дурикомъ, а на строгонаучныхъ основаніяхъ — опять бѣда! никуда нельзя доставить продукты! Въ настоящее время въ Повѣнецкомъ уѣздѣ существуетъ дорога отъ Петрозаводска, да усиліями мѣстныхъ властей, исподволь, отнюдь не изнуряя крестьянина, а слѣдовательно и не зля его, проведены еще дороги отъ Лумбоши на Падаиы и на Ругозеро, и отъ Повѣнца на Даниловъ. Въ остальныхъ мѣстахъ путнику предоставляется, гдѣ можно, тамъ ѣхать верхомъ, по сельгѣ идти въ сапогахъ пѣшкомъ, по рѣкѣ плыть до первыхъ пороговъ на лодкѣ и наконецъ по болоту поддѣвать ходовыя лыжи, или идти, если не хватаетъ умѣнія, или же бѣжать, если путникъ понаторѣлъ въ этомъ дѣлѣ. А между тѣмъ природа щедро распорядилась здѣсь на потребу человѣческую: есть здѣсь и сележныя мѣста, гдѣ можно провести прекрасную ѣздовую дорогу, есть 1900 озеръ, да рѣчекъ гибель—плавай человѣкъ! вези свой добытокъ. Вся бѣда опять въ томъ, что нѣтъ человѣка съ капиталомъ, который хотѣлъ бы рискнуть въ этомъ дѣлѣ; Бѣлое море можно соединить и чрезъ Выгозеро и Телекину съ Онегой, и чрезъ Сегежу, Сегозеро, Остерскую рѣку съ Кумсой и Онегой, да извольте ли ви-

дѣть, шлюзовъ много надо, а капиталовъ то не хватаетъ, больше все наровятъ такъ, что выпала тебѣ, напр., Волга—ну и прій ею безданно, безпошлинно 3000, а не то такъ и больше, верстъ.—Находились однако добрые люди, которые думали и затѣвать кое что для здѣшняго края, но деньги, деньги и деньги—всегда всему помѣхой, да и здѣсь тоже не отыскались на благо повѣнецкому и дальному сѣверному труженнику крестьянину. Впрочемъ, толкуютъ, что нѣтъ денегъ—врутъ, деньги есть, да никто не знаетъ, куда ихъ дѣвать съ пользою и притомъ, какъ устроить такъ, чтобы ихъ не убить зря, на пустое дѣло. Нашлись бы деньги, кабы нашлись люди, понимающіе дѣло, а не жаждующіе нажить въ одинъ часъ тысячи. Нѣсколько разъ толковали уже о томъ, чтобы соединить Бѣлое море съ Онегой каналомъ, но громадность суммы, требовавшейся на устройство канала (13 милл. р.) останавливала дѣло въ самомъ началѣ. И въ послѣднее время составилась было компанія; сняли планъ мѣстности и продольную профиль магистральной линіи канала, который долженъ былъ начинаться у впаденія рѣчки Габрика въ Повѣнецкую губу, ѣздилъ производить всѣ эти изысканія пр. Иностранцевъ, все извѣдалъ, разъяснилъ, но какъ заикнулся о количествѣ шлюзовъ на Масельгскомъ перевалѣ и о суммѣ, такъ компаньоновъ даже въ жаръ бросило и оставили они свою затѣю втунѣ,—авось либо кто другой разъищется. А между тѣмъ поморы, благодаря нашей трусости и апатія, принуждены до поры до времени тащиться гужомъ съ своимъ товаромъ на Архангельскъ и дѣлать такимъ образомъ отъ 200 до 450 верстъ крюку, что конечно должно лечь на цѣнность ихъ товара, а потому поморскіе товары и не достигаютъ той дешевизны, которая была бы возможна при другихъ обстоятельствахъ; этотъ объѣздъ ложится на товаръ излишкомъ отъ 6 до 10 к.

съ пуда, причемъ личный трудъ, какъ и повсюду на Руси, въ разсчетъ нейдетъ, точно также какъ и вовсе ненужная потеря времени. Путь на Архангельскъ крайне неудобенъ, какъ своимъ протяженіемъ, такъ и тѣмъ, что пользованіе имъ возможно преимущественно зимою; несчастные поморы чувствуютъ это очень хорошо, такъ какъ значительное число ихъ по средствамъ своимъ не можетъ двинуться въ Петербургъ и продать свой добытокъ въ первыя руки, въ силу чего и закабалены не хуже блаженной памяти крѣпостнаго права у норвежцевъ, да у тѣхъ не многихъ русскихъ фирмъ, которыя покупаютъ у нихъ за ничто весь ихъ товаръ и отправляютъ его моремъ «вогибъ», какъ здѣсь выражаются, т. е. огибая Скандинавскій полуостровъ; такое путешествіе поморскихъ товаровъ продолжается отъ 30 до 60 дней (3500 миль), а потому треска, стоющая на мѣстѣ около 1 р. за пудъ негнилой и вкусной, приходится въ Петербургѣ за 5, 6 и болѣе рублей вонючею. Послѣдній ловъ поморовъ всегда, искони вѣковъ направляется на Шунгу, гдѣ его ждутъ петербургскіе и другіе купцы, которые выкупаютъ всю ярмарку, чтобы не вздумалось грѣхомъ кому нибудь изъ поморовъ рискнуть протащиться до Питера. Слѣдуетъ сознаться, что, еслибы даже каналъ и былъ проведенъ для соединенія Бѣлаго моря съ Онего, все таки для поморовъ это было бы слишкомъ небольшимъ подспорьемъ, такъ какъ судоходство по немъ продолжалось бы всего $4^1/_2$—5 мѣсяцевъ и притомъ лѣтнихъ, а треска и другіе поморскіе товары готовы бываютъ къ отправкѣ именно позднею осенью, въ концѣ октября и даже зимою. т. е. тогда, когда каналъ не можетъ имъ служить.

XLVII.

А между тѣмъ намъ самимъ пришлось извѣдать одинъ путь, который крайне удобенъ и не представляетъ почти никакихъ техническихъ трудностей для проложенія рельсоваго пути; нѣкоторую часть этого пути мы изслѣдовали и прошли сами, остальная же часть извѣдана мѣстными силами. Путь этотъ идетъ съ Повѣнца на с. Масельгу Поморскую (32 в.), оставляя, на 17 верстѣ отъ города, Волозеро въ 3 верстахъ; грунтъ здѣсь песчано-каменистый, мѣстность чрезвычайно ровная; на всемъ протяженіи этой станціи встрѣчаются лишь 2 болотца, 2 по заручья (2 арш.), рѣка Вола на (12 в.), вытекающая изъ Даниловскаго Волозера и впадающая въ Нижнее-Волозеро, которая представляетъ ширину 7 саж. при глубинѣ до $1^1/_2$ саж., да на 16 вер. р. Самозерка (изъ Самозера въ Коткозеро)—шириною 20 с. и глубиною 2 сажени. Отъ Морской Масельги путь сворачиваетъ влѣво къ д. Телекиной, которая отстоитъ отъ Масельги на 10 верстъ; грунтъ опять таки не представляетъ никакихъ затрудненій, такъ какъ онъ песчано-каменистъ и удобенъ для землекопныхъ работъ; только на половинѣ дороги встрѣчается рѣка Чаренъ (ширины 10 с. глуб. 2 с.), которая вытекаетъ изъ лѣсныхъ болотъ и изливается въ Маткозеро.

Отъ деревни Телекиной путь идетъ между Маткозеромъ и озеромъ Телекинскимъ, большею частью по «Осударевому пути», къ Ямамъ, отстоящимъ отъ Телекиной на 25 верстъ; грунтъ песчаный, съ незначительными болотцами и ручьями; такъ напр., на 3 верстѣ приходится переходить Мянгорскій ручей (шир. 5), на 10 в.—Бѣлый ручей (3 ар.), на 14 в.—рѣку Муромъ (2 с.), на 18 в.—Черный ручей (4 с.),

на 21 в.—Ладыгу ручей (4 с.) и только при самыхъ Ямахъ встрѣчается р. Выгъ Южный или Верхній, достигающая 150 саж. ширины при трехсаженной глубинѣ; оба берега возвышены и бряжисты, а потому и представляютъ не мало удобствъ для укрѣпы моста. Отъ Ямъ путь идетъ по правому берегу р. Выга до дер. Вожмосальмы на 20 верстъ; грунтъ вездѣ или твердый черноземъ, или же песокъ и лишь изрѣдка встрѣчаются боровыя мѣста съ небольшими болотцами; никакихъ особенныхъ возвышенностей не встрѣчается и мѣстность почти вездѣ одинаково ровна, если не считать незначительныхъ песчаныхъ кургановъ и холмиковъ, разбросанныхъ кое гдѣ по пути; на 14 верстѣ всего въ 4 верстахъ отъ дороги останется влѣвѣ Выгозерскій погостъ, куда добраться возможно лишь на лодкѣ; при концѣ 20 версты встрѣчается заливъ озера Выгозера (шир. 60 с. при гл. въ 5 с.), черезъ который построенъ былъ знаменитый мостъ Петромъ Великимъ. Затѣмъ отъ Вожмосальмы путь идетъ къ Коросъ-озеру (30 в.), причемъ 17 верстъ направляется по «Осударевому пути» и 13 верстъ по проселочной лѣтней тропѣ; грунтъ здѣсь песчано-глинистый съ нѣсколькими земляными возвышенностями почвы; встрѣчается нѣсколько мелкихъ болотъ да два ручья: Плоскій ручей на 11 в, ($1^1/_2$ ар.) и Шайручей—на 22 в. ($2^1/_2$ с.). Съ Коросозера онъ тянется до самой Воренжи (20 в.) отчасти по песчано-каменистому, а отчасти и по глинисто-болотистому грунту, представляющему нѣкоторыя неровности; на 1 в. приходится переходить р. Негозерку (7 с. и $1^1/_2$ ар.), соединяющую Негозеро съ Коросозеромъ, на 2 в.—Проручей (1 с.). на 4 в.—Маленькій ручей (1 с.), на 7 в.—Коросъ-рѣку (10 с. и 2 ар.), которая соединяетъ Коросъ-озеро съ Нулозеромъ, на 14 в.—Тилирѣку (5 с. и 2 ар.) и на 15 в.—Кадкину рѣку (5 с. и 2 ар.); при этомъ на 10 в.

остается въ сторонѣ всего въ 2 верстахъ деревня Мишина. Съ Воренжи путь проходитъ 5 верстъ въ предѣлахъ Повѣнецкаго уѣзда и 12 верстъ въ предѣлахъ уже Кемскаго уѣзда Архангельской губерніи; эта часть пути опять пролегаетъ по твердопесчаному грунту съ нѣсколькими небольшими песчаными возвышенностями и встрѣчается лишь 3 препятствія, а именно: на 4 в. — рѣка Пенега (5 с. и $2^1/_2$ ар.), соединяющая Пенозеро съ Сумозеромъ, на 7 в.— Грязный ручей ($1^1/_2$ с.) и на 8 в.—Лебежа рѣка, вытекающая изъ лѣсныхъ болотъ и впадающая въ Сумозеро (3 с. и 1 с.); на 17 верстѣ отъ Воренжи находится богатый погостъ Сумостровскій. Отъ Сумострова до дер. Лапиной всего 15 в. и тропа пролегаетъ частью по песчаному, частью же по песчано-каменистому грунту съ небольшими болотцами; на этомъ разстояніи приходится переходить 6 ручьевъ, а именно: на 2 в.—Загалдыжный ручей (2 с.), на 3 в.—Святугинъ ($1^1/_2$ с.), на 5 в.—Лебежинскій (2 с.), на 7 в — Мостовой (5 с.), на 12 в.—Полуручный (4 с.) и наконецъ на 15 в.—Каменный ручей (3 с.). Послѣдній перегонъ отъ Лапиной къ Сумѣ (20 в.) тянется на разстояніи 15 в. по песчано-каменистому грунту и только послѣднія 5 в. приходится шлепать по болоту, которое со всѣхъ сторонъ облегаетъ Суму; на 12 в. приходится переходить Карзанъ-ручей (2 с.), на 18 в.—Яжъ-ручей ($2^1/_2$ с.), да на 14 верстѣ возвышается небольшая горка, сажени на 3 надъ мѣстностью. Такимъ образомъ изъ этого описанія пути отъ Повѣнца до Сумы (да проститъ насъ читатель за этотъ скучный перечень деревень, ручьевъ, верстъ и саженъ) видно, что разстояніе здѣсь всего 189 верстъ и что по всему этому пути никакихъ естественныхъ препятствій не имѣется, какъ для проведенія тележной дороги, такъ и для устройства дороги желѣзной, которая, несомнѣнно, обойдется гораздо де-

шевле канала, а грузы перевозить будетъ въ теченіе круглаго года. Стараніями мѣстнаго губернатора, между прочимъ, уже приступлено къ сооруженію въ этомъ направленіи тележной дороги, которая строится исподволь, не спѣша, на мѣстныя средства; даже за эту дорогу поморы благодарили, какъ Богъ вѣсть за что, — что же бы они сказали, когда здѣсь прошла бы чугунка? Постройка тележной дороги производится хозяйственнымъ образомъ; лѣсъ на мосты и помосты чрезъ рѣчки и болота дается изъ казенныхъ и общественныхъ дачъ безплатно, вырубка и вывозка производятся натуральною повинностью, да кромѣ того на производство работъ собираются пожертвованія на ярмаркахъ.

XLVIII.

Въ недавнее время стали потолковывать и о желѣзной дорогѣ на нашъ крайній сѣверъ, но, не зная дѣла, взяли такое направленіе, которое не приведетъ ни къ чему путному, загубитъ лишь капиталъ и еще болѣе испугаетъ капиталистовъ, которые и то боятся сѣвера, какъ дѣти боятся буки, хотя у нихъ и нѣтъ нянекъ, занимающихся стращаніемъ. Въ 1860 г. вздумали было направить изысканія на Нюхчу, которая хорошимъ портомъ могла быть при Петрѣ, но теперь, кромѣ неудобствъ ничего ровно не представляетъ; многое множество денегъ было загублено на эти изысканія и ни къ чему путному опять таки не повели. Порѣшили наши петербургскіе рѣшители судебъ, что вотъ Онега тоже и городъ, и приморскій даже городъ—не худо бы, дескать, его соединить желѣзнымъ путемъ съ нашимъ Питеромъ; тутъ еще добрые люди стали науськивать и совсѣмъ было порѣшили вести дорогу на Онегу, да никому первому къ счастью взяться то за это дѣло не хотѣлось, ну и отло-

жили проектъ подъ сукно—пусть полежитъ! не шерсть—моль не съѣстъ! А того то и не знали мудрые рѣшители, что на Онегу то поморамъ придется дѣлать цѣлыхъ 200 в. лишнихъ, да къ тому же еще и то, что Онежскій портъ только на картахъ пригоденъ и удобенъ, а на самомъ то дѣлѣ къ нему ни за что и не подойдешь близко, такъ что иностранные корабли бросаютъ якорь въ 20—22 верстахъ отъ Онеги. Наконецъ, весьма недавно явился новый предпріимчивый человѣкъ, который узналъ дѣло на мѣстѣ и предложилъ такой проектъ, который и для поморовъ выгоденъ, и для повѣнецкихъ крестьянъ, и для земства, и для городовъ и чуть не для всего міра, если вѣрить выкладкамъ антрепренера. Постараемся разсказать сущность его проекта, выкинувъ всѣ увлеченія и сведя все дѣло къ minimum'у доходности и выгодности. Предполагается направленіе дороги нѣсколько иное, а именно: антрепренеръ избралъ Кемь конечнымъ пунктомъ линіи, такъ какъ кемскій портъ дѣйствительно удобенъ также, какъ и сумскій, но затѣмъ вьюношъ начинаетъ уже пускать въ ходъ широкую русскую натуру свою и рельсы свои прокладываетъ до Кильдинъ, до Петербурга и наконецъ или черезъ Вытегру до Вологды, или же чрезъ Череповецъ до Рыбинска. Все это благополучіе совершится на средства повѣнецко-кемской желѣзной дороги, которая, по мнѣнію, антрепренера должна облагодѣтельствовать чуть-ли не всю Россію, если не всю Европу; на самомъ дѣлѣ повѣнецко-кемская дорога никакихъ иныхъ дорогъ не устроитъ, а что облагодѣтельствуетъ она весь Поморскій и Обонежскій край, то это вѣрно. Полотно дороги первоначально (до облагодѣтельствованія) проложится на 230 верстъ и притомъ отнюдь не на условіи узкоколейномъ, а по общему положенію въ 5 ф. ширины, т. е. такъ, чтобы вагоны повѣнецко-кемской

дороги могли впослѣдствіи ходить по всѣмъ дорогамъ Россіи безпрепятственно. Для дешевизны антрепренеръ хочетъ двигать и грузы и пассажировъ при посредствѣ конской силы, такъ какъ паровой двигатель обойдется слишкомъ дорого; современемъ (по облагодѣтельствованіи) можно будетъ замѣнить клячу паромъ, а питаніе для локомотивовъ обезпечено здѣсь на многіе десятки лѣтъ и недостатка въ дровахъ здѣсь не будетъ, чуть не до той поры, когда Повѣнецъ соединится мостомъ съ Нью-Іоркомъ. Ѣзда по дорогѣ предполагается такая скорая, что даже не успѣешь и полюбоваться на виды, да кстати и вагоны то здѣсь будутъ закрытые, а не такіе, каковы на финляндской дорогѣ; пассажиры будутъ дѣлать около 15 верстъ въ часъ и все разстояніе будутъ проѣзжать всего въ 16 часовъ, а грузы предполагается влачить цѣлыхъ 45 ч., да еще и 20 минутъ прихватилъ, черезчуръ уже точный въ этомъ случаѣ, антрепренеръ. Станцій будетъ 18 и пассажирскихъ поѣздовъ будетъ ходить до трехъ въ сутки, а на товарные поѣзда такъ до того не поскупились, что довели число ихъ до 9 въ сутки. Кабы устами антрепренера да медъ пить! Заносовъ антрепренеръ не боится никакихъ, такъ какъ предполагается на заносныхъ мѣстахъ устроить такія галереи, какія устроены на тихоокеанской желѣзной дорогѣ въ американскихъ штатахъ, благо лѣсъ то не покупать стать, какъ мы увидимъ дальше. Антрепренеръ видимо шутку шутить не любитъ, а задумалъ дѣйствовать по петровски (если геніальности хватитъ); весь путь долженъ быть оконченъ черезъ $1^{1}/_{2}$ года. Антрепренеръ такой человѣкъ, что даже страхъ беретъ, когда его проектъ прочтешь; и откуда это только берутся у насъ на Руси такіе люди, да съ такими широкими размахами; напр., онъ за все самъ берется; ни правительство, ни земство, ни города не затратятъ на про-

веденіе дороги ни копѣйки, но за номинальное только содѣйствіе свое получатъ мзду великую, а какова эта мзда, да разсудитъ всякій по своему. Стоимость версты опредѣлена въ 11,400 р. (видимо аккуратность отложена въ сторону и принята цифра круглая), такъ что вся дорога обойдется въ 2 м. и 622 т. р. Антрепренеръ съ своей стороны тотчасъ же предлагаетъ внести въ видѣ залога 39,330 р., которыя составляютъ $^1/_3$ шести процентовъ на $^3/_4$ всего затраченнаго капитала; вотъ эту то сумму онъ и проситъ ему гарантировать, но чтобы земство не испугалось такой гарантіи, онъ немедленно приступаетъ къ выкладкамъ, сыплетъ цифрами и доказываетъ, какъ дважды два, что не только земство никогда не приплотитъ гарантированной суммы, но еще и само неминуемо попользуется отъ дороги. Ежегодныхъ расходовъ онъ предполагаетъ 262,300 р., а чистаго дохода ожидаетъ не менѣе 400,600 р., причемъ разсчитываетъ на проходъ $4^1/_2$ м. пудовъ груза и на проѣздъ 60 т. душъ пассажировъ. Изъ чистой прибыли $7^0/_0$ на нарицательный капиталъ онъ откладываетъ про запасъ дороги, а затѣмъ $^1/_3$ часть остатка отдаетъ гарантирующимъ земствамъ и городамъ. Положимъ, что такой благодати ни земства, ни города конечно никогда не дождутся, но тѣмъ не менѣе можно быть вполнѣ увѣреннымъ, что и гарантированной ими суммы имъ приплачивать никогда не придется; хоть и смѣло можно сократить и количество грузовъ и число пассажировъ, однако и того и другаго навѣрное хватитъ, чтобы дорога давала изрядненькій барышокъ. Conditio sine qua non для постройки дороги — уступка лѣснаго матеріала безмездно.

XLIX.

А пока дорога еще не проведена, и земство, хотя и одобряетъ проектъ, но дѣло еще не подвигается, приходится не на шутку задуматься всякому, кто вздумаетъ отправиться за Повѣнецъ въ настоящее время. Такъ и я было задумался, да благодаря помощи мѣстныхъ сильныхъ міра сего оказалось, что и задумываться было не о чемъ, такъ какъ все было рѣшительно сдѣлано для того, чтобы мнѣ было и удобно, и хорошо. Посмотрѣвши на карту, я рѣшилъ, какъ думалъ еще въ Петербургѣ, пробраться сухимъ путемъ въ Даниловъ, затѣмъ спуститься по Выгу и вернуться черезъ Теликину обратно въ Повѣнецъ. Закупилъ я въ достодолжной пропорціи консервовъ Данилевскаго и опять же на почтовыхъ полетѣлъ по превосходной дорогѣ въ Даниловъ. Тутъ уже начинаются бывшія владѣнія Даниловскаго монастыря; всѣ деревни, существующія здѣсь нынѣ, прежде были, такъ сказать, монастырскими выселками, скитами, которые мало по малу обратились въ богатые погосты. Первая станція «обывательская» конечно (такъ какъ за Повѣнцомъ нѣтъ уже почтоваго сообщенія и Пудожъ пересылается съ нимъ письмами чрезъ Вытегру и Петрозаводскъ) въ Габсельгѣ, которая ничего особеннаго не представляетъ, кромѣ развѣ того, что она на всѣхъ картахъ отмѣчена рѣшительно невѣрно и должна быть отнесена версты на двѣ на востокъ. Лобская тоже интересна лишь полнымъ отсутствіемъ чего либо выдающагося изъ ряда, но за то третью станцію Тихвинъ-боръ никогда я не забуду, по тому грустному впечатлѣнію, которое произвело на меня это бывшее когда то богатымъ, а теперь раззоренное поселеніе человѣческое; развѣ только, что Тихвинъ-боръ былъ первымъ на моемъ

пути явнымъ слѣдомъ нашей негодности и нашего непониманія дѣла? Даниловъ и Лекса еще поразительнѣе ошеломляютъ человѣка, но ихъ я увидалъ послѣ и впечатлѣніе нѣсколько умалилось. Запертая и заколоченная часовня производитъ тяжелое впечатлѣніе, а какъ увидишь недовѣрчивость жителей къ вамъ, какъ къ никоніанцу и слѣдовательно, какъ къ непремѣнному преслѣдователю, какъ услышишь разговоры о томъ, что вотъ, дескать, и ламаиты, и мусульмане имѣютъ храмы и молятся по своему, а насъ христіанъ словно нехристей гонятъ, часовни разрушаютъ,— до такой степени неловко станетъ хлопать глазами передъ этими людьми, что радъ бы сквозь землю провалиться.

L.

Какой то великій проповѣдникъ слова Христова, при помощи становыхъ и разныхъ атрибутовъ власти, въ родѣ нѣсколькихъ возовъ розогъ и просто усугубленныхъ заушеній, сказалъ разъ, что часовня — врагъ церкви. Строго разбирая это слово его, нельзя не согласиться, что онъ вѣрно понялъ суть дѣла, но ошибся лишь въ тѣхъ средствахъ, которыми онъ думалъ свести силу часовенниковъ къ нулю; запечатали часовни, перепороли, переколотили массу народа, но цѣли не достигли отнюдь; уничтожили часовню, стали являться кресты на перекресткахъ съ такимъ обличіемъ, какого не одинъ перекресточный крестъ не имѣетъ; перестали собираться по часовнямъ — стали собираться по избамъ; изгнали расколъ, не скрывавшійся и бывшій, у всѣхъ на виду,—пошелъ расколъ прятаться по заизбьямъ, по закутамъ и, чтобы уничтожить его по рецептамъ нашихъ проповѣдниковъ и ревнителей придется срыть всѣ избы и запороть всѣхъ раскольниковъ. Кое гдѣ, какъ напр., вь Да-

ниловѣ, придумали устроить въ бывшей монастырской часовнѣ православную церковь, но эта фантазія, такъ фантазіей и осталась, и ни одинъ то человѣкъ не посѣщаетъ несчастную церковь, которая кромѣ смѣха ничего въ мѣстныхъ жителяхъ не возбуждаетъ. Какъ то живя въ Даниловѣ, мы зашли въ православную церковь, какъ разъ въ день Ильи пророка, 20 іюля, т. е. именно въ тотъ день, который наиболѣе уважается народомъ и въ который церкви рѣшительно ломятся отъ толпы народа; священникъ въ рваныхъ ризахъ, какая то темненькая личность, замѣняющая дьячка, да волостной старшина—вотъ и вся компанія, бывшая въ церкви. И до того жалко стало мнѣ этого священника, вопіющаго въ пустыни,—да онъ впрочемъ даже и не вопилъ, а зная, что его никто не слушаетъ, читалъ какъ то про себя, словно стыдно ему было возглашать ектеніи «за здѣ стоящихъ и молящихся...» трехъ людей, сошедшихся въ церкви отнюдь не «во имя Его», а просто ex officio. Преслѣдованіе имѣло правда огромный результатъ, но отнюдь не тотъ, котораго ожидали ревнители; единственно чего добились и становые, и духовенство—это появленіе безвѣрія, невѣжества и стремленія къ таинственнымъ противообщественнымъ сектамъ. Преслѣдующіе не правы, не понимая словъ Христа; преслѣдуемые также не правы, стоя вмѣстѣ съ дѣломъ и за бездѣлье; отсюда не правы и тѣ и другіе—значитъ ни къ тѣмъ, ни къ другимъ льнуть не стоитъ—отсюда безвѣріе, которое въ этомъ случаѣ и въ этихъ мѣстахъ есть начало апатіи, сложеручничества и перехода на общее положеніе нашихъ центральныхъ крестьянъ.

Монастырь, часовня всегда служили центрами распространенія грамотности; грамотность была сильна, пока существовалъ Даниловъ, т. е., пока въ Даниловѣ подготовлялись учителя, и учетельницы; но погибъ Даниловъ, грамотницъ

разогнали, и теперь раскольникамъ и раскольницамъ наистрожайше запрещено учить ребятъ грамотѣ, такъ какъ это приравнено къ умышленному распространенію раскола, т. е. къ уголовному преступленію, предусмотрѣнному такою-то статьею свода и влекущему за собой при случаѣ даже и Сибирь. Конечно, какъ ни стараются добрые люди, тѣмъ не менѣе отцы и матери учатъ своихъ дѣтей грамотѣ, но все это совершается уже въ значительно меньшихъ размѣрахъ, грамотность падаетъ видимо, а со смертію стараго поколѣнія пожалуй число грамотныхъ развѣ лишь немногимъ будетъ превышать тоже число въ центрѣ Россіи. Правда, есть школы при церквахъ, о которыхъ несказанно печется православіе, но, конечно, никто изъ раскольниковъ и не подумаетъ послать своихъ дѣтей въ эти школы, такъ какъ учителя имъ ненавистны, да они и не могутъ имъ вѣрить. Народъ видимо дичаетъ; одинъ культъ не исполняется изъ страха, другаго исполнять не хотятъ, такъ какъ онъ чуждъ для большинства и, кромѣ горя, ничего не приносилъ для ихъ отцовъ и дѣдовъ. Апатія къ религіи, а по мѣстнымъ условіямъ слѣдовательно и къ дѣлу, наиболѣе замѣчается въ молодежи; уже нѣтъ того трудолюбія, является вмѣстѣ съ табачкомъ и водочка, а за нею и всѣ прелести, въ родѣ сифилиса и иныхъ; старики все терпятъ и молчатъ, но едва достигнутъ извѣстнаго возраста, какъ въ нихъ начинаетъ говорить уже чисторелигіозный фанатизмъ, и часто люди весьма разсудительные вдругъ бросаются въ странничество, въ аристовщину и иную непуть, которая убиваетъ всякій смыслъ, губитъ силы, вѣчно фрондируетъ и никогда ничего путнаго не достигаетъ своимъ непотребнымъ фрондерствомъ. Кому то вздумалось однажды ввести миссіонерство въ раскольничьи мѣстности и вышло невѣсть что такое, чего никакъ и разобрать невозможно.

Бюрократія, еженедѣльные доносы—вотъ чѣмъ разразилось миссіонерство въ Обонежьѣ. Въ недѣлю разъ миссіонеры обязаны были сообщать о настроеніи и дѣйствіяхъ паствы, а также и мѣстныхъ священниковъ; насмотрѣвшись на дѣянія великихъ міра сего, и миссіонеры отнюдь не брезгали заушеніемъ и плещеваніемъ и во всякой поѣздкѣ миссіонера сопровождала земская полиція. Такая система не могла повліять благотворно на расколъ; онъ не только не ослабѣлъ, но какъ то ожесточился и послѣдователи его мало по малу деморализуются и грубѣютъ. Понятно становится, что вы рѣдко встрѣтите явнаго раскольника, который безъ запинки объявляетъ себя даниловцемъ, непримиримымъ; все остальное населеніе, кромѣ приписныхъ даниловскихъ «старожилъ», считается православнымъ, но только лишь по приходскимъ спискамъ, въ которыхъ аккуратнѣйшимъ образомъ противъ каждаго прихожанина обозначается: «не былъ у исповѣди и святаго причастія по нерадѣнію, по болѣзни», или же и просто на просто «не былъ». На самомъ дѣлѣ во всемъ Повѣнецкомъ уѣздѣ едва ли наберется и 500 человѣкъ православныхъ или, вѣрнѣе, вполнѣ равнодушныхъ.

LI.

Къ самому Данилову подъѣдешь и тогда только распознаешь его, а то такъ и не примѣтишь его за лѣсомъ. Полуразвалившіяся избы поражаютъ путника своимъ нищенскимъ видомъ; вы справляетесь, кто хозяева этихъ сѣверненькихъ избенокъ, и видите, что вы не ошиблись, что хозяева ихъ сюда затесались изъ Руси православной, голодной, грязной и безпорядочной. Когда раззорили Даниловъ, то осталось много превосходно обработанныхъ полей которыя должны были современемъ залобиться, т. е. зарости

мелкимъ лѣсочкомъ и слѣдовательно пропасть для культуры. А тутъ кстати подвернулось одно обстоятельство, которое показалось администраціи чуть ли не съ неба свалившимся, и даниловскія пожни перешли къ новымъ хозяевамъ. Какой то псковской помѣщикъ въ одинъ прекрасный день смутился духомъ въ виду страшнаго для извѣстной части помѣщиковъ «*антагонизма*» и напрямикъ отказался отъ своихъ крестьянъ, бросивъ ихъ какъ какую негодь. Куда дѣвать эту негодь? И порѣшили переселить ихъ въ Даниловъ на готовенькія пожни и на готовый матеріалъ для домовъ. Всѣ строенія монастырскія отдали псковичамъ даромъ: *живите, дескать, на доброе здоровье!* Но не прошло и полгода, какъ половину псковичей ошеломленное начальство принуждено было отправить въ Сибирь; полиція сильно вздыхаетъ по прежнимъ обитателямъ Данилова, такъ какъ псковичи окончательно спились съ круга, развратились и испортились; пожни вспаханы и вообще обработаны скверно; псковичи голодаютъ, шлендаютъ шлепды, просятъ милостыню, воруютъ по малости и по великому, буянятъ и и даютъ изрядную работу земской полиціи, а даниловцы увѣряютъ, что это Господь наказуетъ за неправды, да за пользованіе тѣмъ, что сдѣлано чужимъ горбомъ. Вотъ вы у какого то забора или, вѣрнѣе, у остатковъ его, телѣга круто заворачиваетъ налѣво и останавливается передъ большой *избой, бывшею монастырскою страннопріимницею*. Не успѣлъ я пріѣхать, какъ меня предупредили о посѣщеніи большака; черезъ нѣсколько минутъ явился и онъ, видимо ожидая встрѣтить внушительное начальственное лицо, если не съ баками, то уже всенепремѣнно съ усами; и вдругъ увидалъ онъ меня, безбородаго и безусаго,—и опалѣлъ. Мало по малу мы разговорились и послѣ часовой бесѣды были уже друзьями; онъ пересталъ смотрѣть на меня, какъ на

подосланнаго, и развернулся, и разговорился. Большакъ уже старикъ, съ умнымъ и добрымъ лицомъ, грамотный и знающій прекрасно всю исторію Даниловскаго монастыря въ частности и поморскаго согласія вообще. Его разсказы, а также и личныя наблюденія, дали мнѣ возможность хорошо познакомиться съ нынѣшнимъ Даниловымъ, который видимо доживаетъ послѣдніе свои годы, и, Богъ вѣсть, найдется ли даже преемникъ почтенному большаку, когда ему придется закрыть глаза и успокоиться послѣ долгой и полной горя жизни. Кругомъ Данилова былъ выкопанъ большой ровъ, отъ котораго въ настоящее время остались лишь слѣды, а самый монастырь съ кельями былъ обнесенъ деревянною оградой, отъ которой остались лишь въѣздныя ворота. Постройки въ Даниловѣ всѣ деревянныя, 2 и 3 этажныя и могли бы съ успѣхомъ украшать нетолько Повѣнецъ, но и Петрозаводскъ даже; окна продѣланы въ нихъ небольшія, словно бойницы какія, да оно и понятно, такъ какъ Даниловъ всегда жилъ подъ Дамоклесовымъ мечемъ, въ видѣ исправника и иныхъ любителей даниловскихъ серебряныхъ и иныхъ издѣлій. Теперь уже нечего скрываться, по крайней мѣрѣ даниловцамъ: всѣ они переписаны, находятся подъ надзоромъ полиціи, да къ тому же послѣдняя пришла, наконецъ, къ сознанію великой истины, которой никакъ до сихъ поръ не могли понять, что 16 несчастныхъ старухъ врядъ ли могутъ представлять особенную опасность для государства; тѣмъ не менѣе и старухи даниловскія и старики стѣснены таки надзоромъ изрядно. Посреди бывшаго монастырскаго двора находится зданіе главной часовни, а немного въ сторону отъ нея, возвышается большая колокольня, которая когда то имѣла видъ весьма величественный, а теперь близка къ совершенному разрушенію, если только какому нибудь псковичу не вздумается изъ ея

матеріала починить какую нибудь амбарушку свою. На одной изъ сторонъ колокольни виденъ еще циферблатъ отъ огромныхъ часовъ, которые возвѣщали жителямъ монастырскимъ часъ молитвы; на циферблатѣ написаны 17 цифирныхъ славянскихъ знаковъ, а дѣлались эти часы въ Москвѣ; били они всякія пять минутъ и, по словамъ одного изъ старожилъ, выводили куранты. Вечеркомъ отправился я на кладбище, составляющее для всѣхъ поморовъ святыню, какъ вообще потому, что они русскіе люди, которые всегда почитаютъ мѣста упокоенія родственниковъ, такъ и въ особенности потому, что здѣсь погребены основатели поморскаго согласія. При «раззореніи Мамаевомъ» увлеклись административнымъ рвеніемъ и въ виду всѣхъ дѣлали здѣсь такія дѣла, что даже гадко теперь вспомнить. По приказанію высшаго начальства могилы главныхъ лицъ поморства были сровнены съ землею, затѣмъ запаханы и засѣяны травою. Съ трудомъ отыскалъ я мѣсто, гдѣ покоятся основатели и дальнѣйшіе главы поморщины и какъ то совѣстно мнѣ сдѣлалось, такъ что поглядѣлъ я кое что въ часовнѣ кладбищенской, да и поспѣшилъ оставить поскорѣе кладбище. На возвратномъ пути удалось, однако, мнѣ отыскать могилы почти всѣхъ большаковъ и полюбоваться на дѣла рукъ раззорителей и псковичей; серебряныя иконки и кресты съ крестовъ сняты были, говорятъ, въ самое раззореніе, а псковичи и мѣдными теперь не брезгаютъ и рѣдко на какомъ крѣстѣ встрѣтишь задушбинный складень. Кладбище запечатано и входъ туда большаку и всѣмъ даниловцамъ наистрожайше воспрещенъ: охотно бы отправился туда большакъ покадить «успнувшимъ», но находится вполнѣ въ рукахъ православнаго священника; если священникъ мягкій человѣкъ, то, конечно, сквозь пальцы смотритъ на то, что въ кладбищенской часовнѣ иногда вдругъ запахъ ладона слы-

шится, если же священникъ попадется изъ ревностныхъ то конечно большаку уже кладбища не увидать ни за какія коврижки и деньги. Въ настоящее время въ Даниловѣ живуть 16 старухъ, большакъ и нарядникъ. Все въ Даниловѣ было переписано, да еще и какъ переписано! напр., попадалась въ руки чиновникамъ икона въ золотой ризѣ, усыпанной аметистами и жемчугомъ — въ описи значилось: «икона неизвѣстнаго святаго (это видно, чтобы нельзя было потомъ отыскать ее) въ металлической ризѣ съ цвѣтными каменьями»; зачастую чиновники нападали и на такую диковинку: «икона безъ ризы, которая когда то была посняте кѣмъ то», или «икона въ мѣдной ризѣ съ мѣстами для каменьевъ, а послѣдніе изъ своихъ мѣстъ кѣмъ то вынуты!» Горы цѣлыя иконъ, крестовъ, книгъ и складней были навалены на возы и увезены, но куда?—неизвѣстно. Чиновники нарочно въ виду поморовъ садились на воза и съ усиліемъ оказывали нѣкоторымъ образомъ свое презрѣніе къ тому, на чемъ они сидѣли. Библіотека Даниловская такъ и сгинула куда то, а образа разошлись по разнымъ церквамъ Пріонежья. Говорятъ, что даниловскія рукописи опять вернулись къ тѣмъ, кому онѣ были дороги, но конечно не всѣ и распропало ихъ много, благодаря варварскому отношенію и чиновничества и духовенства; даже остатки этого богатства, помѣщающіеся въ настоящее время въ чуланѣ архіерейскаго дома, гніютъ, покрыты плесенью и гибнутъ для науки, такъ какъ они никому не нужны, а разстаться съ ними не хочется.

LII.

Лучше всего можно познакомиться съ внутреннимъ бытомъ Данилово-Лексинскихъ монастырей изъ того «Уложе-

нія», которое братья Андрей и Семеонъ Денисовичи Мышецкіе оставили монастырямъ «ради непреклоннаго ихъ стоянія»; уложеніе это прямо переноситъ насъ въ дѣйствительную среду монастырскихъ жителей, вводитъ насъ во внутренній укладокъ и распорядокъ ихъ жизни и знакомитъ насъ необлыжно какъ съ нравами и обязанностями монастырскихъ главарей, такъ и съ кодексомъ тѣхъ нравственныхъ понятій и началъ, которому обязательно должны были слѣдовать въ своемъ «ангельскомъ житіи» Выголексинскіе братья и сестры.

Для того, чтобы удобнѣе было наблюдать за настроеніемъ монашествующихъ и бѣлицъ, Мышецкіе постановили, чтобы всѣ братья и сестры избрали себѣ духовныхъ отцовъ и непремѣнно исповѣдывали имъ «вся сокровенная своя» четыре раза въ годъ; исповѣдь всегда и вездѣ совершалась при открытыхъ дверяхъ и на виду у всѣхъ, съ тѣмъ лишь условіемъ, чтобы рѣчей духовника и напр. исповѣдующейся постницы не было слышно. Духовнымъ отцамъ вмѣнялось въ обязанность научать всѣхъ жить «опасно и цѣломудренно, приступать къ святынямъ по часту и въ чистой совѣсти приближаться къ евангелію и причащаться хлѣба Пресвятыя Богородицы». Тѣмъ не менѣе Денисовы чувствовали, что духовники могутъ не всегда лишь для исповѣди являться къ постницамъ и потому они постановили, чтобы духовные отцы навѣщали постницъ всего 4 раза въ годъ, а кто чаще будетъ бесѣдовать на единѣ съ постницами, «кромѣ смертныя вины, повиненъ будетъ соборному запрещенію». Случалось вѣроятно, что духовники и крестные отцы то платьицемъ, то обновочкой какой веселили и отблагодарствовали своихъ дщерей за какія-то послуги, а потому мы и видимъ въ уложеніи правило, въ силу котораго отцы эти не должны были слишкомъ усердно

заботиться о постницахъ, о потребахъ ихъ не промышлять, крашенинъ, суконъ и прочихъ какъ одежныхъ, такъ и съѣстныхъ потребъ имъ не доставлять, (а видно и здѣсь были лакомки), такъ какъ тотъ, кто станетъ нарушать «это соборное заповѣданіе, весьма будетъ повиненъ эпитейному запрещенію». Никто не имѣлъ право въ «предѣлахъ постницъ пищи приимати и нощь провести, кромѣ лишь соборныхъ братій, да и этимъ послѣднимъ давался совѣтъ «безвременныхъ и долгихъ бесѣдъ съ постницами особливо на единѣ весьма ошаяти (избѣгать) изъ опасенія претыканія и соблазна слабыхъ и благоразумнаго стыда церковныхъ и соборныхъ запрещеній. Имѣть, что либо свое собственное, не заявленное казначею и не записанное послѣднимъ въ общую инвентарную книгу, воспрещалось строжайшимъ образомъ; еще строже преслѣдовалась мѣна и купля-продажа между монашествующими и постницами или бѣлицами. Послѣднія вѣроятно сильно заботили учредителей монастырей и мы находимъ въ уложеніи цѣлый рядъ мѣръ, предписанныхъ ради того, чтобы «соблюсти ихъ дѣвическій чинъ», да отчасти и старцевъ не ввести въ соблазнъ. Такъ напр. мы видимъ, что Денисовыхъ заботитъ, чтобы «одежды постницъ были простыя, изъ простаго чернаго сукна или крашенины, а китайчатыя, киндачныя, бомбарековыя и иныя однорядочныя и яренковыя и прочія подобныя одежды» въ предѣлахъ постницъ никогда не должны появляться; головной уборъ долженъ состоять изъ китайчатаго чернаго треушка. «Пуха бобровые, выдряные и иные» строго воспрещались и рекомендовались напротивъ «шубы овчиныя, сшитыя, приличныя пустынному житію и общежительному благочинію». «У дѣвическаго чина» перевязки должны быть черныя, смиреннаго обычая, покрывала не шелковыя, но простыя, гойтаны у одежды черныя или темно-вишневыя,

а не красныя, зеленыя и желтыя, непристойныя пустынным обрядамъ. Кружевъ и «плетеній вязбенныхъ и прочихъ непотребныхъ украшеній предписывалось никому не покупать и не дѣлать самимъ постницамъ подъ великимъ запрещеніемъ. — Во избѣжаніе соблазна предписывалось постницъ для гостьбы или свиданія съ родными никуда безъ призора старой монахини не отпускать, свиданія допускать лишь въ келіи привратницы, а самихъ постницъ однѣхъ «не отпускать ни зачѣмъ на 5 ступеней отъ вратъ монастырскихъ».

Земледѣліе, плотничество, ковачество, рыболовство, возачество, мельницы, скотные сборы и вся домовая работа и «работные люди» подчинены были вѣдѣнію нарядника, который долженъ былъ на всякую особую потребу избирать съ совѣтомъ соборныхъ старцевъ старостъ изъ «людей добрыхъ и спасающихся и пекущихся о домостроительствѣ, да всякой изъ нихъ благотщательнѣ радѣетъ о своей службѣ и о недостаточныхъ трудникахъ доноситъ нарядчику». Нарядникъ не имѣлъ права предпринимать чего либо безъ совѣта старцевъ; весною онъ со старостами, Лексинскимъ нарядникомъ и съ Пурнозерскими пахарями долженъ разверстать трудниковъ на сѣнокосъ, орку, прятку и прочія пашни, причемъ на прятку отправлять такихъ рабочихъ, которыхъ благословятъ духовные отцы, такъ какъ здѣсь не долго было и до грѣха, ибо на прятку ходили и постницы. На немъ же лежала обязанность вести всѣ приходорасходныя по земледѣлію книги и дѣлать въ концѣ года разсчетъ, сколько чего потребуется на братство въ будущемъ году. По отношенію къ плотничьему дѣлу и возачьему на нарядникѣ лежала обязанность вести инвентарь всей утвари; возаковъ онъ долженъ былъ посылать не юныхъ съ юными, но юныхъ со старѣйшими и искусными и надъ ними всегда

бы былъ высшій надзиратель, пресѣкающій лишнія молвы между ними и научающій ихъ страху Божію; чтобы это соблюдалось строже, не мѣшаетъ возаковъ распредѣлить по пяткамъ и надъ всякимъ пяткомъ учинить вящшаго, да и въ работу и на пѣніе и на покой своимъ пяткомъ управляется. Раздавая разныя орудія работникамъ, нарядникъ обязанъ былъ записывать кому и что онъ даетъ.

Городничій обязанъ былъ наблюдать, чтобы постоянно у монастыря былъ кто нибудь на стражѣ изъ сторожей, а въ мірской гостинницѣ онъ долженъ былъ смотрѣть, чтобы въ ней все было тихо и смирно, чтобы ночующіе не имѣли между собою сваровъ и мятежей, чтобы въ ней никогда не слышно было смѣха, кощунства, особенно сквернословія и мірской брани. Приходящихъ людей онъ долженъ былъ разспрашивать кто они такіе и если оказывалось, что гость человѣкъ бѣглый или т. п., то городничій долженъ былъ не отказывать имъ вовсе, но «братолюбне по обычаю препокоить и напитать, яко же и прочихъ, и, тако упокоивъ, ихъ съ любовію да отпуститъ». Ясно, что «питателей братскихъ и милостивцевъ», городничему предписывалось принимать во внутреннюю, верхнюю гостинницу и «покоить ихъ сколь можно и съ честію отпустить». Онъ же долженъ былъ наблюдать за благочиніемъ во время службы, а также и за тѣмъ, чтобы вся братія посѣщала часовню и не уклонялась отъ богослуженія. Ему должно было быть извѣстно кто въ какой келіи обитаетъ и онъ долженъ былъ слѣдить за тѣмъ, чтобы въ келіяхъ не было шума и безобразія, а для этого воспрещалось жить «юнымъ съ юными» и принимались разныя карательныя мѣры противъ ослушниковъ, въ родѣ поклоновъ, неяденія и т. п

Казначей долженъ былъ тщательно беречь все Выговское имущество, не какъ простыя вещи, но какъ вещи принад-

лежащія «яко бы самому Богу», — долженъ наблюдать, чтобы что нибудь не затерялось, или чего нибудь не украли, смотрѣть, чтобы при выдачѣ на руки братьямъ не дать чего нибудь лишняго или безъ нужды, или дважды за одно, предусматривать братскія нужды и потребное братіи выдавать съ кротостью и любовію. Выдавать онъ долженъ былъ все самъ, не допуская братію въ чуланъ казенный, причемъ ему вмѣнялось въ обязанность записывать въ книгу подробно, что и въ какое число мѣсяца кому изъ братіи дано; братья, когда придутъ къ казначею чего нибудь просить, — «да просятъ не крикомъ и шумомъ, яко готфи и мірстіи, ниже съ роптаніемъ, но яко рабы кроткаго Владыки Христа. съ кротостью да просятъ кому что нужно». Въ вѣдѣніи казначея должны состоять кожевня, швальня портная, швальня чеботная и мѣдница; по отношенію ко всѣмъ этимъ службамъ должность казначея требовала неусыпной заботы о томъ, чтобы въ припасахъ никогда не было недостатка.

Келарь долженъ былъ по уложенію наблюдать за трапезной, хлѣбенной, поваренной и больничной горницами. Питались Выговцы вдосталь и такъ какъ росписаніе пищи сохранилось, то мы и приведемъ его здѣсь цѣликомъ: «въ недѣлю къ обѣду три пищи: рыбники, шти и каша съ масломъ по обычаю Аще ли когда случится о сѣнокосѣ млеко подовольнѣе, да поставляютъ въ недѣлю къ обѣду въ прибавокъ млека. Къ ужинѣ двѣ пищи: шти и млеко. Аще гдѣ ловится рыба довольно, да предлагаютъ рыбы по малу. Въ понедѣльникъ къ обѣду три пищи: рыбники, шти и каша съ масломъ постнымъ или съ саломъ рыбьимъ, тако и въ среду и пятокъ въ недѣльницы (не рабочее время). Егда трезвонъ бываетъ: къ ужинѣ двѣ пищи — шти и капуста, или ино что капусты въ мѣсто; во вторникъ, чет-

вертокъ и субботу къ обѣду три пищи — рыбники, шти и каша молочна безъ масла. Къ ужинѣ шти и млеко, аще нѣсть млека — каша масляная. Въ четвертокъ на ужинахъ каша мучная съ масломъ и млеко и щи въ среду и пятокъ. Егда нѣсть трезвона къ обѣду, пищи—безъ рыбы тѣсто, шти и каша безъ масла, въ вечеру на ужинѣ рыбники и каши по обычаю. Въ храмовые праздники и Господскіе къ обѣду четыре пищи, а къ ужинѣ три. Масла же, егда полагаютъ въ каши въ братствѣ, полагаютъ въ четыре чаши по единому фунту; на службахъ же за труды въ три чаши по единому фунту полагати. Пристроекъ же стряпчихъ, какъ пирожныхъ, такъ и налитушныхъ и прочихъ таковыхъ на службахъ отнюдь не стряпать, подъ опасеніемъ жестокаго запрещенія; ужасающимся своевольства грѣха, по отеческому писанію, все безъ благословенія творимое грѣхъ есть. И масла въ каши на верхъ, кромѣ воображенныхъ дней, не полагати, а наипаче того смотрѣть должно, дабы никто не имѣлъ особыхъ какихъ пищей, какъ прежде бывало, что всякая въ своемъ сосудѣ свое масло или смѣтану и ягоды принося, одна безстудно ястъ другимъ смотрящимъ».

Чтобы дать нѣкоторое понятіе о богатствѣ построекъ въ Выгорѣцкихъ мужскомъ и женскомъ монастырахъ, мы опишемъ ихъ здѣсь по тому плану, который приложенъ къ Исторіи Филипова и укажемъ на тѣ постройки, которыя сохранились до сихъ поръ. Прямо изъ внѣоградной гостинницы (двухъ этажной) черезъ «возачьи ворота» можно войти въ мужскую ограду; здѣсь на право находится и до сихъ поръ двухэтажная возачья изба, а подлѣ нея стояла одноэтажная «нижняя возачья», которая сгорѣла уже послѣ запечатанія монастыря и погрома. За возачьими по оградѣ помѣщались 4 конныхъ двора, изъ которыхъ уцѣлѣли только три, но и тѣ пришли въ совершенное разрушеніе, благо-

даря Псковскимъ переселенцамъ и инымъ, которые преспокойно ломаютъ древнія постройки и устраиваютъ себѣ жилища. Подлѣ конныхъ дворовъ были еще «возачейны ворота», а напротивъ ихъ помѣщается огромная двухэтажная изба, занимаемая прежде швальнями портною и чеботною; тутъ же у воротъ стоитъ «казначейская», а подальше огромное трехэтажное строеніе, носившее названіе «большой избы»; начиная отъ большой избы шла небольшая оградка, которая заключала въ себѣ двухэтажную «приказщицкую», «старцеву» и «большакову» избу съ часовенкой; отсюда оградка сворачивала къ р. Выгу и соединялась у «рѣчныхъ» воротъ съ общею оградою. На право отъ большаковой избы помѣщались раззоренные нынѣ «кузнецкая», «мѣдняя», «горнева» и «кожевня»—все двухэтажныя избы; затѣмъ, «амбаръ келаревъ», «бронная», «изба Өедора», «поварня» и «погребъ», двухэтажная огромная и свѣтлая «больница» съ часовнею, находящаяся теперь лишь въ воспоминаніи и наконецъ, трехэтажная «грамотная» и «превратничья». Посрединѣ ограды помѣщается высокая колокольня стоящая отдѣльно, двухэтажная часовня, обращенная въ православный храмъ и соединенная прежде съ часовнею крытымъ переходомъ «столовая». За оградою помѣщались: напротивъ «амбара келаря» — гостинница, которая почему-то стоитъ запечатанною, затѣмъ на берегу р. Выга у моста «кузница» тутъ же крытый крестъ и подлѣ него запруженный и обращенный въ озерко родникъ, ископанный по преданію самимъ Андреемъ Денисовичемъ княземъ Мышецкимъ, а за прудомъ напротивъ «возачейныхъ воротъ» снова крытый крестъ, амбары, хлѣвы и наконецъ кладбище, обруженное оградой, съ запечатанными воротами и съ часовнею посрединѣ на томъ именно мѣстѣ, гдѣ погребены братья Мышецкіе, Данило Викуличъ и другіе дѣя-

тели безпоповства, могилы которыхъ осквернены и сравнены съ землею ревнителями православія въ эпоху закрытія монастыря.

Гораздо большему раззоренію подвергся женскій монастырь. Онъ также расположенъ былъ на берегу р. Выга въ 300 шагахъ отъ мужскаго и въ немъ построекъ было еще больше, такъ какъ съ теченіемъ времени разные «христолюбцы» устраивали себѣ въ оградѣ дома, гдѣ или жили постоянно сами, или же бывали лишь наѣздомъ, пріѣзжали навѣстить своихъ дочерей, находящихся или въ бѣлицахъ или на обученіи въ грамотной. Входныя ворота были со стороны мужскаго монастыря и на право отъ нихъ стояла нынѣ уничтоженная двухэтажная изба привратницы, гдѣ была горница для свиданій бѣлицъ съ родственниками; далѣе по оградѣ помѣщалась трехэтажная изба «питерскихъ», двухэтажная «Юдина», пять избъ для помѣщенія сестеръ, «Архипова», «Опалиныхъ», «Каргопольская» и «Олонецкая» съ «Вятскою»; изъ этихъ строеній разрушены одна изба для сестеръ и одна изба «Опалиныхъ», а прочія готовы рухнуть, благодаря тому, что ихъ некому поддерживать. Далѣе по оградѣ шли: четырехэтажная «благодѣтельская». двѣ «десяточныхъ», гдѣ жили по десяти сестеръ вмѣстѣ, «келарская» съ 5 амбарами, изба «уставницы», «коровій дворъ» на 60 штукъ дойныхъ коровъ съ теплымъ телятникомъ, двухэтажная «челядная», изба «Романовскихъ», двухэтажная изба «нарядницы» съ 10 амбарами и сараями для разныхъ орудій, «десяточная» въ 9 оконъ, двухэтажная «псалтирня» въ 14 оконъ, гдѣ производилась подъ надзоромъ уставницы переписка священныхъ книгъ, двухэтажная «грамотная», гдѣ бѣлицы и дочери купцовъ Петербургскихъ, Московскихъ, Поволжскихъ и Обонежскихъ обучались чтенію, письму, пѣнію и шитью, избы «Пяти-

ной», «Романовыхъ», «сторублевая», «Олонецкихъ», «Дубровиныхъ», «бучея», двѣ «благодѣтельскихъ», «Тихвинская» (въ 2 этажа), «Зарайская» (въ 2 этажа), «погребъ», «поварня», «хлѣбня», «Березовская» и наконецъ огромная двухэтажная съ 15 окнами и часовней «больница». Посрединѣ ограды стояли отдѣльно высокая колокольня съ часами и двухэтажная часовня и соединенная съ нею крытымъ переходомъ двухэтажная «столовая». Въ настоящее время срыты до основанія: одна десяточная, келарская, уставщицкая, нарядничная, Романовскихъ, псалтырня, Пятиной, сторублевая, Романовыхъ, Олонецкая, Дубровиныхъ, больница, часовня, колокольня и столовая.

Изъ этого краткаго перечня построекъ уже видно, что монастыри основались въ дебряхъ Повѣнецкихъ хозяйственно и прочно; достаточно осмотрѣть амбарныя помѣщенія, чтобы видѣть, что они располагали большими запасами; довольно взглянуть на ихъ былыя поля, чтобы видѣть, что стояли они здѣсь не безъ матеріальной пользы для края; довольно побывать въ Повѣнецкомъ уѣздѣ, чтобы узнать, что грамотныя избы дѣлали свое дѣло; довольно прочесть исторію Филиппова, да послушать разсказы стариковъ о поѣздкахъ на Грумантъ, въ Америку, о гавани Пигматкѣ, о рудномъ монастырскомъ дѣлѣ, чтобы видѣть вліяніе монастырей на народное богатство — и все это разрушено, все это уничтожено за то, что Выгорѣцкіе монастыри не хотѣли принять православнаго священства; цѣлый край убитъ во имя Бога, который по ученію православной церкви есть Богъ любви и всепрощенія. Сколько слезъ пролито, сколько гнуснѣйшихъ поступковъ совершено! дѣти наши не повѣрятъ нашимъ разсказамъ о «Мамаевомъ нашествіи на Выгорѣцкія пустынножительства!»

LIII.

Прежде, во времена блаженныя, когда «арапчикъ» всѣ дѣла кончалъ, Даниловъ долженъ былъ дѣйствительно казаться городомъ. Населеніе его простиралось до 1000 человѣкъ; жители занимались хлѣбнымъ дѣломъ, а также Даниловъ спабжалъ чуть ли не всю поморщину, да и другіе безпоповскіе толки книгами, иконами и вещами. Существуетъ свидѣтельство, что даниловцы зачастую бывали на Грумантѣ для промысловъ, а разъ добрались даже до Америки. Въ Даниловъ сходилось весьма много капиталовъ, такъ какъ многіе клали въ его кассу задушбины, да и добывали жители много отъ промысловъ и торговли; всякій поморъ обязанъ былъ хоть разъ въ жизни побывать въ Даниловѣ, да и до сихъ поръ повидимому эти посѣщенія не прекратились. Большакъ монастырскій, по уставу Денисова и по обычаю, былъ и игумномъ, и атаманомъ, въ хорошемъ смылѣ этого слова; въ помощь ему существовалъ всегда нарядникъ, такъ сказать, управляющій дѣлами болѣе мелкими и надсмотрщикъ за работами. Эти два лица остались еще и теперь, остальные же, въ родѣ уставщика и иныхъ, теперь уже не существуютъ. Въ оградѣ какъ было сказано выше помѣщалось большинство жилыхъ строеній; у монастыря было 100 лошадей, 150 коровъ и 60 телятъ; женская половина была отдѣлена отъ мужской стѣною въ 560 саженъ длины; Данилову принадлежали 27 скитовъ и 12 пашенныхъ дворовъ или приказовъ, которые отняты были въ 1838 году въ казну, причемъ всѣ работники были разогнаны. На онежскомъ озерѣ Даниловъ имѣлъ нѣсколько пристаней, изъ которыхъ главною считалась Пигматка, куда привозилось ежегодно до 10 т. кулей одного хлѣба; Дани-

лову принадлежали 2 лѣсопильные завода, нѣсколько мельницъ, 6 судовъ морскихъ даниловскихъ ходили по Бѣлому морю и доставляли въ Сороку добытки промышленниковъ; въ Архангельскѣ монастырь имѣлъ соловарню и салотопню, наконецъ въ самомъ Петербургѣ—подворье. Торговля крестами, книгами и иконами доходила до весьма значительныхъ размѣровъ; зачастую заходили въ Даниловъ соловецкіе богомольцы, не видѣли особенной разницы отъ православія и легко присоединялись къ согласію. Самое большее стеченіе народа бывало обыкновенно на Пасху, Богоявленіе и 8 и 14 сентября; тутъ и совершались во множествѣ переходы православныхъ, которымъ нравилась строгая жизнь иноковъ и жителей даниловскихъ и которые не питали особеннаго уваженія къ своимъ православнымъ пастырямъ и домамъ. Въ особенности привлекалъ Даниловъ много народа изъ безпоповцевъ своимъ кладбищемъ и тѣмъ, что тамъ соблюли такъ называемое Корниліево причастіе. Корнилію удалось унести съ собою причастіе до Никоновскаго освященія; онъ высушилъ его, истолокъ, и пекъ хлѣбы, въ которые помѣщалъ частицы до-Никоновскаго причастія; Корниліево причастіе долго велось въ Даниловѣ, и еще въ 1855 году найдено оно было у одной Ѳедосьи Богдановой въ рѣзномъ крестѣ, который былъ сберегаемъ ею пуще глаза.

LIV.

Пришли наконецъ ревнители и воители — и Даниловъ палъ «на пользу православія и государства, а также и въ вящшее восхваленіе имени Господня». Цѣлыхъ 150 лѣтъ существовалъ этотъ своеобразный міръ съ его полурелигіозною, полуобщественною организаціею; ни разу не нару-

шалъ онъ общественнаго порядка, никогда не представлялъ онъ никакой преграды распоряженіямъ гражданской власти; всегда онъ былъ тихъ и послушенъ и весь идеалъ его состоялъ въ достиженіи тѣхъ несчастныхъ общественныхъ правъ, которыми надѣлены были въ то время другія жители государства. Дѣйствительно, мирнымъ существованіемъ своимъ онъ уничтожалъ тѣ нелѣпыя подозрѣнія, которыя и тогда отъ времени до времени распространялись духовными кумушками о какихъ то якобы политическихъ тенденціяхъ раскола Ясно, что политическія тенденціи могутъ быть только у тѣхъ людей, которые подготовлены къ политической дѣятельности правильнымъ научнымъ воспитаніемъ, если же нѣтъ послѣдняго, то люди будутъ брехать такую политическую ерунду, какая, напр., создана скорбными мозгами скопечества. Только политическое образованіе и политическая энергія могутъ возбудить политическія тенденціи, а этого рѣшительно не могло быть въ безпоповщинѣ, какъ и въ большей части другихъ буквенныхъ сектъ, потому вопервыхъ, что онѣ по принципу всегда исключали цивилизацію, а вовторыхъ и потому, что основная идея ихъ—совершившееся воцареніе антихриста въ мірѣ,—направляетъ всю имъ умственную и духовную дѣятельность не къ развитію, а единственно къ пассивному соблюденію догмы отъ антихристова вѣянія. Господство антихриста предопредѣлено — противъ него eo ipso не можетъ быть борьбы. Да и какія же это политическія тенденціи у тѣхъ, кто и до сихъ поръ еще споритъ о томъ, что значитъ надпись на крестѣ: «ω о и»? Одни увѣряютъ, что буквы эти означаютъ; «отецъ онъ нашъ»; другіе спорятъ до слезъ о томъ, что слѣдуетъ читать: «оцтомъ онъ напоенъ» и третьи наконецъ увѣряютъ, что надпись эта означаетъ, что «онъ оскверненъ нашими» и далѣе у подножія креста простав-

лены два глаголя (гг), т. е. грѣхами сугубо. И вдругъ эти то господа могутъ угрожать безопасности государства? эти то дѣтски наивные спорщики могутъ вершить дѣла Марата, Робеспьера и иныхъ? Ну кто же не засмѣется надъ этой шуткой духовныхъ и гражданскихъ кумушекъ, шуткой, которая имѣла такія гнусныя и тяжелыя послѣдствія? И смѣшно, и горько за то, что приходится носить одну кличку съ этими грязными сплетницами и краснѣть за эту кличку предъ неповинными и гонимыми людьми, которые кромѣ добра для края ничего ровно не сдѣлали, которые раззорены, а съ тѣмъ вмѣстѣ раззоренъ и край, который жилъ ими, кормился отъ ихъ предпріимчивости. Въ даниловцахъ жило по крайней мѣрѣ убѣжденіе, — а мы то ревнители богаты ли имъ? Убѣжденіе давало силу нравственную и, благодаря непониманію дѣла, вся сила эта пропала даромъ для Россіи. Правда, даниловцы разогнаны, не соберутся они никогда воедино, но уничтожено ли безпоповство? Нѣтъ, весь сѣверъ нашъ отъ поповъ сторонится. Прошли года и время сдѣлало свое дѣло: молодежь уже тянетъ преисправно тютюнокъ и водочку (хотя послѣднюю и по малости), мало по малу начинаютъ скрадываться странности безпоповства; такъ напр., та же молодежь уже не станетъ спорить о сугубости или троечности и т. п. вопросахъ. Время, развитіе грамотности (не церковнославянской) сдѣлаютъ свое дѣло всенепремѣнно и отъ безпоповства въ концѣ концовъ останется лишь то, отъ чего оно конечно не отчурается никогда, а именно: отсутствіе священнической касты и свободный гражданскій бракъ. Этихъ двухъ вещей не выбьетъ изъ народа ни духовенство, ни полиція, такъ какъ народъ додумался до этого послѣдовательно — это выработано всею его жизнію.

LV.

Нѣсколько разъ бывалъ я у большака; сначала онъ какъ будто скрытничалъ, но затѣмъ я былъ допускаемъ уже въ всѣ комнаты его дома; вездѣ образа, вездѣ лампадки, запахъ ладана — все это дѣлаетъ домъ большака скорѣе домомъ молитвы, а отнюдь не жилымъ помѣщеніемъ. По пословицѣ: на ловца и звѣрь бѣжитъ—мнѣ въ первый же разъ бросился въ глаза большой портретъ, состоящій изъ 5 медальоновъ; я тотчасъ же узналъ, кто изображенъ на портретѣ и узналъ объ этомъ портретѣ слѣдующее: портретъ былъ писанъ Симеономъ Денисовымъ, а затѣмъ былъ подновляемъ; оказывается, что это единственный вѣрный портретъ Андрея Денисова и Симеона Денисова Мышецкихъ, Даніила Викулича, Петра Прокофьевича и инока Корнелія, съ котораго списки находимы были на Иргизѣ и въ Чернораменскихъ скитахъ. По моей просьбѣ большакъ далъ мнѣ этотъ портретъ для снятія съ него фотографическихъ снимковъ, но конечно, съ условіемъ возвратить оригиналъ по минованіи надобности. Остались еще у большака кое какія интересныя по своей древности иконы, но и онѣ почти всѣ переписаны въ 1854 году. Есть у него и рукописи, которыя тщательно охраняются отъ ненасытныхъ переписчиковъ и которыя Богъ вѣсть куда дѣнутся послѣ его смерти. Говорятъ, что у бывшаго большака Степана Ивановича было весьма много и рукописей и книгъ, которыя послѣ смерти его достались его дочери; дочь попала въ бѣдную семью, скоро овдовѣла и пораспродала эти драгоцѣнности за безцѣнокъ; я самъ купилъ у нея риторику, составленную и писанную самимъ Андреемъ Денисовичемъ Мышецкимъ. Хорошо еще если драгоцѣнныя боль-

шаковы рукописи (напр., Апостолъ XV вѣка) попадутъ въ добрыя руки, а то пропадутъ они зря или у какого нибудь новаго въ запечьи, или въ архіерейской библіотекѣ подъ слоемъ пыли и смрадной плесени.

LVI.

Рано утромъ отправился я въ дальнѣйшій путь; съ горки, на которой расположенъ Даниловъ, спустились мы къ широкому, величественному Выгу и у берега нашли большую лодку съ тяговою лошадью и гребцами. Путь отъ Данилова до Лексы уже не такъ удобенъ, какъ до Данилова, и здѣсь путнику представляется, такъ сказать, въ первый разъ случай пріобыкнуть къ способу передвиженій нашего сѣвера. На что кажется, широкъ Выгъ и глубокъ,—только бы плыть, но на грѣхъ непутевые сельги то и дѣло врѣзываются въ ложе рѣки, а отсюда неминуемыя стремнины и пороги. Иной разъ щелье къ самой рѣкѣ подойдетъ—вотъ, вотъ порогъ выйдетъ, да рѣка покорится и пойдетъ помимо сельги искать себѣ выхода, и долго ѣдешь обокъ со щельистой сельгой, которая возвышается надъ головами въ видѣ безпорядочно нагроможденныхъ скалъ; но вотъ рѣка нашла болотинку, низинку,—двинулась по тому направленію, благо мокрина ей теченіе облегчила; отошла такимъ образомъ отъ сельги и потекла тихо и мирно среди пологихъ, поросшихъ огромною осокою береговъ, а сельга все таки своего направленія не измѣнила и всегда тянется съ сѣверо-запада на юго-востокъ. Бойко гребутъ Даниловскіе работники (Песовичамъ не дали они везти насъ, да они и плохи въ дѣлѣ), а когда подойдетъ бережокъ пологенькой, то весла въ сторону, лодку быстро направляютъ къ берегу, сдадутъ на берегъ потяжень (веревку пропущенную чрезъ отверстіе въ мачтѣ

и привязанную къ кормѣ), а мальченка верхомъ на тяговой то и дѣло пошелъ покрикивать: «гоцъ! гоцъ! ну!» причемъ ни разу не изругаетъ животину, подобно нашимъ православнымъ возчикамъ, которые не только лошадь, а и мать родную изругаютъ какъ нельзя хуже. Вообще кстати будетъ здѣсь замѣтить, что во всю поѣздку свою я ни разу не слышалъ той милой для русскаго сердца ругани, про которую одинъ поэтъ объявилъ, что она для русскаго человѣка «какъ соль ко щамъ, какъ масло къ кашѣ». Скоро добрались мы до перваго Выговскаго порога, бросили лодку и, обойдя порогъ, случившійся какъ разъ у Даниловской мельницы, въ которой кромѣ старика мельника никто не живетъ, — за порогомъ взяли новую лодку и снова потянула насъ сытенькая Даниловская лошадка въ перемѣшку съ горбами Даниловскихъ работниковъ. На счетъ человѣческаго горба положеніе въ сихъ мѣстахъ злачныхъ существуетъ такое: на казенную надобность оный горбъ обязанъ работать безвозмездно, а на частную надобность съ платой; положимъ, подорожная у меня на пару, положеніе за лошадь съ версты $2^1/_2$ к., а верстъ всего 20 — значитъ 2, 4 и 6 гребцовъ получатъ за 20 верстъ гребли всего одинъ рубль, т. е. либо по полтинѣ, либо по четвертаку, либо по $16^2/_3$ к. на брата. Ясно, что отъ путника зависитъ не стѣсняться такимъ положеніемъ для человѣческаго горба, что конечно не мало веселитъ гребцовъ, да и путнику выгодно, такъ какъ гребцы, зная о такомъ невниманіи къ положенію отъ прежнихъ гребцовъ, тотчасъ дѣлаются и предупредительны, и разговорчивы и все такое,—а нашему брату, бытописателю, оно и на руку.—Часу во второмъ причалили мы наконецъ къ Сергіевской, расположенной на правомъ берегу Выга и прежде, до Мамаева раззоренія, бывшей какъ бы одною изъ вассальныхъ деревень Данилова. Жители не

бѣдны, если судить по наружности; но по правдѣ сказать, въ здѣшнихъ мѣстахъ трудно узнать по внѣшнему виду избы, кто бѣденъ и кто богатъ. такъ здѣшній житель живетъ чистенько и хозяйственно, постройка у него по большей части прекрасная, двухъ-этажная, комнаты большія, образовъ вездѣ много, у всѣхъ надъ дверями и окнами та же надпись, красиво выведенная тушью и сурикомъ: «Христосъ съ нами уставися, всегда и днесь тѣмъ же и во вѣки. Аминь.» У всѣхъ найдется что поѣсть, хоть и не ахти свѣтъ что, а на голодный желудокъ такъ то сходитъ, что и на поди! Солдатикъ одинъ «бистрочный» такъ въ три этажа въ Сергіевской выстроился, на самомъ бережку, да кабы его домъ—да на югъ, такъ у любаго помѣщика такого логова не отыщешь; двери и окна были росписныя и все Лексинскаго мастерства, на стѣнахъ картинки висятъ душеспасительныя и чистота рѣшительно необыкновенная, Въ Сергіевской можно было нанять телѣжку и отправиться въ Лексу, такъ сказать, на почтовыхъ: но и проклялъ же я этихъ почтовыхъ! дорога убійственная, идетъ она все время по болотинѣ, устланной вѣтвинами, вѣроятно съ тайнымъ намѣреніемъ сдѣлать пути болѣе удобнымъ, но на самомъ дѣлѣ эти 12 верстъ солонѣе пришлись мнѣ даже, чѣмъ путь по Сегежѣ, гдѣ и намека нѣтъ на какую либо дорогу. Верстъ за 5 отъ Лексинскаго монастыря лѣсъ начинаетъ рѣдѣть и телѣга съ трудомъ взбирается на гранитную голую сельгу, которая тутъ же у самой дороги красивымъ щельемъ вдается въ прелестнѣйшую рѣчку Лексу, наполняя ее лудою и образуя порогъ за порогомъ; остановленная въ своемъ теченіи Лекса не поддается, бушуетъ, пѣнится и такъ и прыгаетъ чрезъ валуны футовъ въ 10 вышиною. Но вотъ живописная Лекса отошла куда то въ сторону и передъ нами холмикъ, а на немъ старинная со-

сна и древній, древній крестъ—это и есть то мѣсто, уединеніемъ котораго прельстился инокъ Корнилій и на которомъ построилъ впервые свою «хижу». Проѣхали холмикъ—чьи-то дрянненькія избы на дорогѣ; не надо и спрашивать, кто живетъ здѣсь—ясно, что это Псковичи—переселенцы; отвернемся отъ этихъ позорныхъ избенокъ; ямщикъ словно пойметъ мысль, васъ волнующую, да такъ пріударитъ по всей по парѣ, что и не замѣтишь, какъ уже телѣга подлетаетъ къ какой то чистенькой избушкѣ и старичекъ какой то уже суется за вещами — это Лексинская страннопріимница, когда то доставлявшая Лексинскому монастырю тысячи, а теперь служащая лишь притономъ для чиновниковъ, да для нашего брата гулящаго человѣка.

LVII.

Весьма сожалѣлъ я, что у меня не было съ собою фотографическихъ аппаратовъ, потому что Лекса до того красива, что могла бы занимать не послѣднее мѣсто въ средѣ прелестныхъ видовъ Россіи. Даже и теперь, когда все здѣсь разрушено, гніетъ и доставляетъ лишь небольшую возможность заключать о минувшемъ, и теперь даже есть еще на что полюбоваться. Когда то это было полно народа, кипѣла здѣсь жизнь, шла работа — теперь въ Лексѣ пустыня: изрѣдка лишь пробредетъ куда нибудь большуха или какая либо изъ ея старухъ, да пьяненькій псковитянинъ залѣзетъ не въ свой поселокъ съ площаднымъ ругательствомъ своимъ. Заручившись своею дружбою съ даниловскимъ большакомъ, я уже не боялся неразговорчивости большухи, и дѣйствительно, по первому же разу узналъ отъ нея все, что она сама знала. Какъ женщина, да къ тому же и женщина старая и болѣзненная, она всякое слово свое сопро-

вождала слезами и, когда бывало расплачется, то дѣла уже отъ нея не жди, а давай ей слезу пустить вволю и тогда опять начинай подходцы. Да она мало и вообще дѣла знаетъ—видимо она ошеломлена событіемъ 1855 года до того, что и память то у нея отшиблена. Прежде въ Лексѣ было до 700 женщинъ; тутъ же была и грамотная, въ которой воспитывались дочери мѣстныхъ жителей и иногородныхъ. Много толковали про Лексинскую безнравственность, увѣряли даже, что прудокъ лексинскій, кромѣ рыбы, еще изобилуетъ и трупами младенцевъ. Но странное дѣло! Ужъ кажется искали къ чему нибудь придраться ревнители православія и общественной нравственности, отчего же ни разу не было открыто подобнаго преступленія? Все это одна чепуха, одни наговоры старыхъ салопницъ на Лексу. Быть можетъ и не особенно чуждались лексинскія жилицы мужскаго общества, быть можетъ и увлекались кой-кѣмъ, но ненормальность монастырской жизни, конечно, всегда будетъ порождать охотку къ запретному плоду, а тутъ еще прелестные виды, лѣсъ, мѣсяцъ сіяетъ, соловей свищетъ—поневолѣ иную дѣвицу весною станетъ позывать на любовь. А тутъ еще и такое слово будто бы умными людьми было когда то выговорено: «не согрѣшивши — возмечтаешь, не согрѣшивши—не покаешься, не согрѣшивши — спасенъ не будешь». Опять тоже и бросать то младенцевъ въ пруды не зачѣмъ было, когда совершенно свободно можно было воспитывать ихъ при монастырѣ Въ настоящее время въ Лексѣ живутъ всего 20 старухъ, которыя доживаютъ свой вѣкъ и потому признаны начальствомъ для государства не опасными. Прежде въ часовнѣ служили женщины и строемъ монастырскимъ завѣдывала избираемая всѣмъ обществомъ уставщица, которая однако была обязана повиноваться большухѣ—игуменьѣ. Утреня тянулась обыкновенно 6 часовъ,

такъ какъ тутъ читали и то, и сё, и Богъ вѣсть чего только не читали, затѣмъ часы продолжались 2 часа и наконецъ тоже 2 часа читалась вечерня; дѣвицы, жившія въ Лексѣ, отнюдь не были обязаны дежурить всѣ 10 часовъ стоянія въ часовнѣ, а посѣщали службу въ охотку,—иная такъ и вовсе не ходила. Была въ Лексѣ чудотворная икона, которая, по словамъ большухи, много народа привлекала, но и ее забрали, какъ то разъ ночью и увезли, а куда?—неизвѣстно. Большуха живетъ теперь въ отличномъ домѣ; квартирка ея состоитъ изъ двухъ комнатъ и молельни, которой однако съ намѣреніемъ приданъ внѣшній видъ спальни; все у нея чисто и мило, да очень ужъ старушка, Богъ съ ней, слезлива—ничего просто и разсказать не можетъ. Она совершенная противоположность большаку: оба они, видно, были красивы собой, но большакъ большаго роста, а большуха низенькаго; большакъ бойкаго ума человѣкъ, онъ быстро пойметъ, схватитъ значеніе фразы на полусловѣ, говоритъ складно, умно, видимо старается не вспоминать о быломъ, а если и вспомянетъ, то скрываетъ накипѣвшее чувство; на оборотъ большуха ума не бойкаго, слегка безтолковенька, на пониманіе туговата, а ужъ слезлива—бѣда! Заговоришь о рѣпѣ, а она ужъ и плачетъ: «а у насъ то рѣпка была какая прежде-то»—и пошла, и пошла; впрочемъ старуха она милая, добрая, но видимо ничѣмъ не верховодитъ, а все дѣлается съ совѣта большака. Какъ большаково, такъ и большухино званіе было преемственно отъ Мышецкихъ; списокъ всѣхъ большаковъ, за исключеніемъ послѣдняго, помѣщенъ уже въ исторіи Выговской пустыни, но большухи еще не перечислены нигдѣ, почему я и полагаю нелишнимъ перечислить ихъ здѣсь. При Мышецкихъ большухою назначена была дочь Данилы Викулича—Софья Даниловна, а послѣ нея избираемы были:

Ирина Степановна, Елена Григорьевна, Өедосья Герасимовна, Өедосья Ифонтьевна, Наталья Макарьевна, Матрена Филиппьевна (1853—1870) и Өедосья Анисимовна. Главнымъ образомъ печалуется старушка о томъ, что негдѣ помолиться: «хоть одну бы часовеньку открыли», говорятъ и большакъ и большуха. — «Неужто же мы не христіане и хуже татаръ и евреевъ?» Да, тяжкое дѣло сдѣлано въ 1854—1855 годахъ съ точки зрѣнія гражданской, позорное—съ христіанской, варварское дѣло — съ научной! Познакомился я со священникомъ Лексинскимъ—не страшный ревнитель, но по посту своему не можетъ не дѣлать разныхъ закорючекъ; толку знаетъ, видимо, не много; повелъ онъ меня подъ колокольню и то, что я увидѣлъ здѣсь, могло бы убить на мѣстѣ библіофиловъ; книги, рукописи, утварь—все свалено въ кучу и гніетъ преспокойнѣйшимъ образомъ. «Нельзя-ли, говорю, попользоваться». «Сдѣлайте милость,—говоритъ,—куда намъ эта негодь!» Много интереснаго понабралъ я грѣшный, по крайней мѣрѣ не сгніетъ подъ лексинской колокольней! — Всѣ разсказы большухи вертѣлись все больше вокругъ обстоятельствъ самаго разоренія. Интереснѣе всего то, что запечатывалъ часовни жандармскій штабъ-офицеръ, князь Мышецкій; двухъ старухъ, которыя валялись въ ногахъ у власть имѣющаго чиновника, послѣдній огрѣлъ каблукомъ въ високъ и одна, по странному стеченію обстоятельствъ, скоропостижно скончалась; гнали и мужчинъ, и женщинъ, и дѣтей палками и кнутами безъ разбора, сдѣлали мерзость среди часовни въ Лексѣ; всѣхъ, даже и тѣхъ, которые имѣли паспорта, прогнали изъ монастырей и выслали на родину. При разгромѣ же приключилось и чудо: часовню запечатали прежде разгрома, но когда ее при разгромѣ распечатали снова, то на аналоѣ нашли іюльскія минеи! Наконецъ, въ довершеніе спектакля,

тогдашняго даниловскаго большака пинками и батожьемъ вытолкали на встрѣчу ревнителямъ, съ ключами на подносѣ—ни дать ни взять, какъ крѣпость сдаетъ комендантъ; сколько я ни добивался, но ни въ одномъ соборѣ я ключей отъ Даниловской крѣпости не нашелъ. Фортель этотъ, т. е. выходъ большака съ ключами, долженъ былъ обозначать, что вмѣстѣ съ нимъ и главнѣйшіе раскольники добровольно подчиняются начальству и желаютъ удостоиться возсоединенія. Пали и Даниловъ и Лекса, раскольники разогнаны, нѣсколько новыхъ приходовъ открылось Олонецкимъ семинаристамъ—вотъ и все, чего добилось духовное начальство.

LVIII.

Только черезъ два дня вернулся я въ Даниловъ, а утромъ на другой день тронулся уже въ дальнѣйшій путь. Тутъ же въ Даниловѣ я измѣнилъ маршрутъ, такъ какъ захотѣлъ побывать и въ корельскихъ волостяхъ Повѣнецкаго уѣзда, или по народному въ «Корелѣ». При взглядѣ на карту Шуберта (которую впрочемъ можно и вовсе не брать съ собою, по ея безобразной невѣрности), я замѣтилъ, что изъ Выгозера всего ближе попасть въ Корелу, направясь по р. Сегежѣ и сухопутью (котораго однако не оказалось на дѣлѣ, такъ какъ Сегежа, вытекая изъ Сегозера, прямо, словно по шнуру, течетъ въ Выгозеро) въ Сегозеро и въ Паданскій погостъ, бывшую столицу Кореліи. На вопросы мои никто не могъ отвѣчать мнѣ, есть ли проѣздъ въ Сегозеро; но я рѣшился поискать пути и пробраться Сегежею во что бы то ни стало. Вслѣдствіе такого рѣшенія я уже не могъ возвратиться по р. Телекиной, а, добравшись до Падановъ, долженъ былъ перевалить сухопутьемъ чрезъ Масельгскій

хребетъ и возвратиться въ Повѣнецъ чрезъ Острѣчье и Лумбошу. Быстро проѣхали мы 15 верстъ, которыя считаются до Березовки, хотя и слѣдуетъ отдать полную справедливость здѣшнимъ верстамъ, что въ нихъ отнюдь не 500 саженъ; дѣло въ томъ, что версты здѣсь считаются пятками и каждый пятокъ обозначается крестомъ; но вѣдь считаны то версты эти никогда иначе не были, какъ «на глазокъ», да «на усталь» (какъ гребсти усталъ, такъ значитъ, и пятокъ, проѣхали), да притомъ и этимъ то путемъ считались они тогда, когда въ верстѣ было 700 саженъ, когда пшеница на югѣ мѣрилась веретьями, когда усталь была отнюдь не та, что теперь, когда горбъ русскаго человѣка почти и не вѣдалъ устали. Отъ Березовки уже ѣхать въ лодкѣ невозможно, такъ какъ порогъ сидитъ на порогѣ и даже мѣстные жители не рискуютъ сунуться по нимъ въ лодкѣ. Начинается путешествіе въ родѣ африканскаго, т. е. съ носильщиками для грузовъ, съ проводниками и т. п. Сначала я ужасно удивлялся, что здѣшній проводникъ все что то похаживаетъ вокругъ деревьевъ, словно у него по соснамъ замѣтки положены; наконецъ спросилъ я о причинѣ этой ходьбы вокругъ сосенъ и изумился простотѣ тѣхъ примѣтъ, по которымъ мѣстные жители узнаютъ дорогу; дѣло въ томъ, что съ сѣверной стороны на деревьяхъ всегда сучьевъ меньше, стволъ сосны всегда покрытъ съ сѣверной же стороны мохомъ, мохъ стелется по землѣ всегда отъ сѣвера къ югу — вотъ и все, что стараются выглядѣть всѣ проводники прежде, нежели сдѣлать поворотъ въ какую либо сторону. То лазяя по сельгамъ, то шлепая по болотинѣ, добрались мы наконецъ до Шолтопорога (4 в.), небольшой деревнюшки на правомъ берегу Выга, гдѣ порѣшилъ я ночевать, такъ какъ до слѣдующей перемѣны считалось 20 верстъ, а время уже бли-

зилось къ вечеру, да къ тому же по всѣмъ признакамъ хозяинъ той избы, гдѣ я расположился, былъ человѣкъ разумный, видавшій виды, а потому и могшій дать мнѣ интересныя указанія по части мѣстныхъ промысловъ. Часа черезъ два мы сидѣли уже съ хозяиномъ въ его «келіи», которая устраивается въ нѣкоторыхъ домахъ тѣми, кто хочетъ и можетъ отдѣлить отъ дома особую горницу для молитвы, чтенія и удаленія отъ мірской суеты. Тутъ между прочимъ узналъ я интересный фактъ, характеризующій тѣ мѣры, которыя принимали противъ раскола въ этихъ мѣстахъ; сестра хозяина воспитывалась въ Лексинской грамотной и жила въ Лексѣ чуть не со дня рожденія; но вотъ пришло Мамаево раззореніе и стали лексинскихъ академистовъ разгонять куда попало; приписалась эта женщина въ г. Кемь и стала себѣ поживать тихохонько съ племянницею своею въ семъ богоспасаемомъ градѣ. Все шло прекрасно, но вдругъ Повѣнецкіе хранители государственной безопасности вспомнили, что выпускать старуху изъ Повѣнецкаго уѣзда они не имѣли права; тотчасъ же списались съ кѣмъ слѣдуетъ, а старухѣ Кемскіе охранители объявили, что ее по этапу поведутъ въ Шелтопорогъ, т. е. въ мѣсто приписки ея семьи. Проситъ старуха, чтобы ей дозволили на свой счетъ (съ обязательствомъ и полицейскаго везти съ собою и кормить) проѣхать въ Шелтопорогъ чрезъ Сумскій посадъ и Выгозерскій погостъ: «нельзя, говорятъ, закона того нѣтъ». И протащили теперь старуху изъ Кеми пѣшкомъ чрезъ Архангельскъ, Вытегру, Петрозаводскъ и Повѣнецъ, т. е. заставили ее отмаршировать цѣлыхъ 2000 верстъ. Старуха ревмя реветъ, подаетъ прошеніе за прошеніемъ, что я, дескать, домъ бросила въ Кеми, и племянницу: нельзя, говорятъ, да и кончено. Чуть мнѣ не подала сія опасная для государства старуха прошенія, но, благо-

даря толковости ея брата, чаша сія миновала меня. По истинѣ диву даешься, какъ это только людямъ хватаетъ времени заниматься какою-нибудь Матреною Ефремовой, которая только того и алкаетъ, чтобы ей позволили жить при племянницѣ? чего же ждутъ ревнители и охранители отъ своихъ дѣяній? а между тѣмъ доведенные до высшей степени отчаянія «опасные» люди ворочаютъ мозгами вкривь и вкось и толпами уходятъ изъ безобиднаго поморскаго согласія въ такія секты, гдѣ слышется такая пѣсня:

«Нѣсть спасенья въ мірѣ! нѣсть! Лесть одна лишь правитъ, лесть! Смерть одна спасти насъ можетъ, смерть! Нѣсть и Бога (въ томъ смыслѣ, что онъ не принимаетъ никакого участія въ дѣлахъ міра) въ мірѣ! нѣсть! Счесть нельзя безумства, счесть! Смерть... Нѣсть и жизни въ мірѣ, нѣсть! Месть одна лишь братьямъ, месть! Смерть одна спасти насъ можетъ, смерть!» А то вотъ и такую штуку сложилъ запуганный, загнанный и приведенный въ полную безъисходность человѣкъ, чтобы показать, что все великое въ мірѣ совершилось благодаря только смерти, крови и гоненію: «Христосъ родися—отроцы убіени быша. Христосъ крестися—Иванъ главы лишися. Христось постися—діаволъ удавися. Христосъ въ Офсимани молися — кровію персть оросися. Христосъ предадеся — Іуда умертвися. Христосъ пострада—Пилатъ помре посрамленъ. Христосъ распнеся—воинъ помре пораженъ. Христосъ мертвъ бысть — смертію жизнь оживися. Христосъ вознесеся — смертію со Отцемъ совокупися».

Рано утромъ, верхомъ отправился я далѣе по Выгу, который и за Шолтопорогомъ полонъ пороговъ; дорога идетъ все время правымъ берегомъ Выга довольно щельистою сельгою, которая то и дѣло подступаетъ къ рѣкѣ и вдается въ нее то порогомъ, то подводною лудою. Выгъ то съужи-

вается, то разстилается сажень на 150, что случается обыкновенно тотчасъ вслѣдъ за порогомъ. Съ трудомъ взбираясь на сельги по узкой дорожкѣ, рѣдко гдѣ давая волю привыкшимъ лошадямъ, добрались мы до крайней избы Шолтопорога—Лисицы (10 в.). Дѣло въ томъ, что тотъ, кто привыкъ къ нашимъ центральнымъ и южнымъ поселеніямъ и воображаетъ встрѣтить то же и на сѣверѣ, сильно разочаруется. Вотъ хотя бы Шолтопорогъ: онъ раскинулся на 10 верстъ; на ночевкѣ нашей стоитъ 2 избы, затѣмъ въ двухъ верстахъ оттуда живетъ Касьянъ, еще въ 2 верстахъ Ѳеклины дѣти, въ 4 верстахъ—Кузьма и наконецъ еще въ 2 верстахъ отставной солдатъ, старикъ, по прозвищу Лисица, который собственно говоря, даже и избы не имѣетъ, а живетъ въ землянкѣ и ведетъ постоянную войну съ хозяиномъ здѣшнихъ лѣсовъ, Михайлой Ивановичемъ Топтыгинымъ. Это нашъ помѣщикъ,—остритъ народъ,—только одинъ и остался, видно вовсе безъ этого добра жить народу не придется. Отношенія крестьянина къ Михаилу Ивановичу по истинѣ до нельзя интересны; право, медвѣдь здѣшнему крестьянину чуть развѣ по страшнѣе собаки. «Пошелъ этто разъ я на рябцовъ и винтовочка то припасена у меня такая, что для нихъ поспособнѣе,—малопульная. Однако рогатину захватилъ. Иду этто я такъ ввечеру, домой ужъ завернулъ,—а онъ вотъ онъ. (Народъ здѣсь никогда въ разсказѣ не скажетъ «медвѣдь», а всегда говоритъ или «онъ», или инымъ путемъ старается не назвать звѣря его именемъ: «не равенъ случай», толкуютъ они, и невольно приходитъ на умъ общность этихъ ухватокъ первичныхъ народовъ, начиная отъ Зулусовъ и Кондовъ, которые всячески обходятъ говорить о тигрѣ или крокодилѣ; вспомнить грековъ, которые такъ относились къ Гарпіямъ, Эринніямъ, такъ какъ во очію услышишь, какъ нашъ ту-

земный зулусъ скажетъ: «а онъ вотъ онъ?» да кто онъ? пристанешь къ нему. — «Ну извѣстно...» Лѣшій что ли?» сбиваешь его.—«Да нѣтъ: ну хозяинъ то здѣшній»... Такъ и не добьешься, чтобы сказалъ: «медвѣдь»). Что тутъ дѣлать? взялъ этто я рогатину половчѣе, да пхнулъ ему въ въ подгрудье. Такъ ишь она шельма не угодила! прямо таки ему въ кость—ни впередъ, ни назадъ. Онъ лапами то ухватилъ ее, нажимаетъ, а она съ кости то никакъ не сойдетъ. Такъ полтора сутокъ мы съ нимъ сцѣпившись вокругъ березки ходили—полянку ишь какую вытоптали! Сорвалась таки съ кости». Человѣкъ съ медвѣдемъ 36 часовъ гуляетъ вокругъ березки и еще подсмѣивается, словно онъ съ козломъ провозился! А то разъ шелъ охотникъ (полѣсовщикъ), а къ поясу то у него привѣшены коппалы (тетерева). «Только слышу я, кто этто у меня толконетъ, да какъ коппалу то потянетъ. Думалъ все, что за сучья цѣпляюсь, анъ глядь—онъ. Я ему: эй оставь! не твое вѣдь полѣсованье! а онъ опять! Я ему: эй! брось лучше! не то зарублю! Нѣтъ, братецъ ты мой, такъ и тягнетъ! Я его этто маленько винтовкой то опоясалъ; опять присталъ!» Ну что же? спрашиваю. «Что жъ? зарубилъ, только и толку было. Я нарочно не комментирую этихъ разсказовъ, пусть читатель самъ ихъ комментируетъ. Всѣ ухватки медвѣжьи Повѣнчанину извѣстны чуть ли не лучше, нежели самому медвѣдю; куда пойдетъ медвѣдь подстрѣленный, какъ ляжетъ, какъ встанетъ—все впередъ знаетъ полѣсовщикъ и любитъ похвастаться своими знаніями. Часто и мнѣ задавали они вопросы одинъ другаго мудренѣе, да вотъ хоть бы напр.: какой лошади повациѣе уйти отъ его — лежачей или стоячей? Ну конечно отвѣтишь, что стоячей повадиѣе. Анъ нѣтъ, — потѣшается полѣсовщикъ, — лежачей; потому стоячая со страху на всѣ четыре ноги падетъ и ей опять

вставать надо, а лежачая отъ страху вскочитъ да и поминай какъ звали, и, какъ оказалось, эта примѣта совершенно вѣрна. Также и Лисицу выживаютъ рѣшительно медвѣди изъ его жилища, таскаютъ его полѣсованье и надоѣдаютъ ему, но Лисица не потерялъ еще терпѣнья и врядъ-ли онъ уступитъ повѣнецкому помѣщику. Бьютъ ихъ только зимою, а лѣтомъ къ нимъ относятся съ пренебреженіемъ, такъ какъ шкура никуда не годится — ихъ отгоняютъ и безъ особенной нужды не бьютъ: «куда его дѣвать — одна вонь отъ его!» — Тутъ, на Лисицыномъ житьѣ, сѣлъ я опять въ лодку и отправился далѣе на Тайгиницы (10 в.), гдѣ взялъ 4 гребцовъ, такъ какъ предстояло ѣхать на этой же лодкѣ по Выгозеру. Не останавливаясь, такъ какъ гребцы попались люди бывалые и сами полѣсовщики, догреблись мы до Тайболы, гдѣ опять начинаются пороги. Тутъ приходится обыкновенно испытывать путнику способъ передвиженія, который такъ знакомъ былъ древнимъ Славянамъ, способъ, безъ котораго на сѣверѣ у насъ не двинешься никуда, такъ какъ министерству путей сообщенія едва времени хватаетъ, чтобы собирать только на существующихъ путяхъ судоходный сборъ, а не то что возводить новыя искусственныя сооруженія. Вокругъ или вѣрнѣе въ обходъ, порожистаго мѣста, въ лѣсу по болотинѣ проложенъ бревенчатый мостъ, всегда скользкій, черезъ который лодки и переволакиваютъ на разстояніи цѣлыхъ 3 верстъ, т. е. до того мѣста, гдѣ опять можно садиться и грести вполнѣ безопасно до новыхъ пороговъ, расположенныхъ уже по ту сторону Выгозера, на Сѣверномъ Выгу. Отъ Тайболы до Выгозера считается 4 пятка, которые проходятся чрезвычайно быстро, при постоянно смѣняющихся прекрасныхъ видахъ. Выгъ уже не выходитъ здѣсь изъ 150 саженной ширины, стада утокъ и лебедей плескаются вокругъ лодки

и послѣдніе до сихъ поръ избѣгали мѣткихъ пулекъ здѣшнихъ полѣсовщиковъ, которые считаютъ грѣхомъ убить лебедя; да къ тому же кто лебедя убьетъ, тому плохо будетъ — сгоритъ. Часа въ 3 пополудни мы подъѣзжали къ такъ называемому Яму, гдѣ я вышелъ на берегъ, чтобы отдать дань уваженія этому остатку дѣлъ великаго человѣка.

LIX.

Широкая рѣка, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ загроможденная валунами, каменистыя сельги, выходящія по обоимъ берегамъ ея изъ чащи сосноваго и еловаго лѣса, этотъ самый лѣсъ — могучій, но не приглядный, кругомъ мшистыя или топкія болота, ни жилья, ни души человѣческой кругомъ, какая то просѣка среди лѣса, на берегу врубленъ въ огромную сосну восьмиконечный крестъ—вотъ картина мѣстности, о которой я хочу сказать нѣсколько словъ. Внѣшняя непривлекательность, но внутренняя, такъ сказать, могучесть — вотъ и все, что бросается въ глаза путнику, попавшему въ этотъ уголокъ нашего сѣвера. А между тѣмъ неприглядная мѣстность эта была свидѣтельницею великаго дѣла великаго русскаго генія, о которомъ весь сѣверъ говоритъ съ уваженіемъ, о которомъ знаетъ всякій крестьянинъ, имя котораго онъ произноситъ не иначе, какъ снявши шапку, плодами великихъ начинаній котораго живетъ въ настоящее время вся Русь. Исторія можетъ подвергать строгому разбору дѣятельность великаго Петра, но если прислушаться къ говору народному тамъ, гдѣ дѣйствовалъ этотъ вѣнценосный трудолюбецъ, и преимущественно на любезномъ ему сѣверѣ, то могучая личность царя очертится гораздо рельефнѣе нежели изъ иныхъ ученыхъ изслѣдованій. Весь путь

Петра отъ Архангельска до Петербурга является какимъ-то тріумфальнымъ шествіемъ богатыря народнаго, которому, какъ древнимъ Ильѣ Муромцу и Егорію Храброму, предстояло «устроить Русь», прорубать лѣса, мостить мосты, прокладывать дороги, — однимъ словомъ сдѣлать изъ Руси страну «проѣзжую и прохожую», сдѣлать ее доступною для другихъ людей.

Было время, когда шведы, руководимые королемъ своимъ Карломъ XII,—который при своей энергіи никогда не могъ направить свои силы на что либо по истинѣ великое—думали усиленнымъ натискомъ на сѣверныя части Россіи сломить нарождавшійся въ то время въ Архангельскѣ русскій флотъ, а слѣдовательно и уничтожить въ самомъ зародышѣ мечту Петра вывести Русь къ морю, иными словами — къ свѣту. Однако, внутреннее неустройство и необходимость не отдалять своего флота отъ береговъ Балтійскаго моря, гдѣ сгруппированы были главные, и при томъ довольно сильные враги Карла XII, помѣшали нападенію шведовъ на наши сѣверныя окраины. Случись только это нападеніе на берега Бѣлаго моря—ясно, что надежды Петра если бы не вовсе рушились, то по крайней мѣрѣ могли были бы осуществиться лишь гораздо позднѣе. Великій геній Петра понялъ всю пользу, которую могла извлечь Россія изъ того обстоятельства, что Карлъ не въ состояніи былъ напасть на Россію со стороны Бѣлаго моря, и порѣшилъ воспользоваться имъ для своихъ цѣлей. Карлъ понималъ также, что между нимъ и Петромъ дѣло шло на жизнь или смерть, и потому дѣятельно готовился къ отпору въ тѣхъ мѣстностяхъ, которыя такъ сильно желалъ отнять у него Петръ. Ингерманландія и весь южный берегъ Финскаго залива были приведены Карломъ XII въ такое состояніе, что въ случаѣ единственно возможнаго, по мнѣнію шведовъ, нападенія

120

русскихъ войскъ съ юга и юго-востока, могли бы устоять не только противъ малоустроенныхъ полковъ Петра, но даже и противъ хорошо устроенной арміи. Но Петръ задумалъ такое дѣло, предвидѣть которое не могли ни Карлъ, не его совѣтники.

По обыкновенію своему, съ которымъ не могли примириться даже «птенцы Петровы», Петръ не сталъ откладывать задуманное дѣло въ долгій ящикъ, тѣмъ болѣе, что медлить было даже опасно; Карлъ могъ какъ нибудь провѣдать о замыслахъ русскаго царя и тогда постарался бы противопоставить хитрости силу, противъ которой бороться въ то время для Петра было еще трудно. Надо однако полагать, что еслибы шведы и узнали преждевременно о Петровыхъ замыслахъ, то никогда не повѣрили бы въ справедливость слуха, такъ какъ считали рѣшительно невозможнымъ то, что задумалъ и исполнилъ Петръ, благодаря своей геніальности, энергіи и безпримѣрной выносливости русскаго человѣка.

Кто бывалъ въ повѣнецкомъ уѣздѣ олонецкой губерніи и въ кемскомъ уѣздѣ архангельской губерніи, тому хорошо извѣстно, что и до сихъ поръ «дорога» такъ, какъ понимается это слово въ цивилизованныхъ странахъ, тамъ немыслима; лодка и ноги людскія — вотъ два единственныя средства передвиженія въ этихъ болотистыхъ мѣстахъ; жидкая топь, озеро, рѣка и непроходимый лѣсъ — вотъ въ нѣсколькихъ словахъ описаніе этой до сей поры забытой мѣстности. Петръ рѣшилъ пройти съ войскомъ и судами тамъ, гдѣ лишь бѣгалъ олень, да продирался сѣверябъ-медвѣдь. Петръ зналъ русскаго человѣка и былъ увѣренъ, что энергія и трудъ наравнѣ съ другими сдѣлаютъ чудеса и потому могъ не опасаться за успѣхъ.

На тринадцати корабляхъ пустился Петръ изъ Архан-

гельска въ море — не гостепріимное и мало знакомое въ той мѣстности, которую царь избралъ исходною точкою похода. Съ Петромъ была значительная свита: почти всѣхъ птенцовъ забралъ онъ съ собою, словно хотѣлъ онъ показать имъ, что можетъ сдѣлать энергическій и геніальный человѣкъ. Царевичъ Алексѣй Петровичъ также сопутствовалъ отцу, хотя въ душѣ ему и не особенно нравилась затѣя отца. На суда посажены были въ Архангельскѣ четыре тысячи войска, а запасовъ было заготовлено столько, чтобы хватило ихъ на долгую безкормщину; Петръ зналъ, что идти придется по мѣстамъ малонаселеннымъ и трудно будетъ запасаться провіантомъ отъ окрестныхъ жителей. 10 августа, 1702 г. флотъ бросилъ якорь у Соловковъ и Петръ рѣшилъ по видимому переждать здѣсь нѣсколько дней ради того, что онъ самъ еще не былъ увѣренъ въ совершенной безопасности высадки на материкъ. Соловецкій лѣтописецъ утверждаетъ, что каждый день Петръ съѣзжалъ на берегъ, но когда его спрашивали о томъ, долго ли онъ намѣревается пробыть въ владѣніяхъ Зосимы и Савватія, постоянно отвѣчалъ, что самъ еще не знаетъ, долго ли придется ему сидѣть безъ дѣла. Видно, не по своей волѣ медлилъ Петръ; медлителемъ онъ никогда вообще не былъ, а тѣмъ болѣе долженъ былъ нетерпѣливо желать отъѣзда изъ Соловковъ тогда, когда съ каждымъ днемъ увеличивалась для Карла возможность развѣдать объ этихъ замыслахъ. Причина замедленія, по нашему мнѣнію, заключалась въ томъ, что Петру пришлось изъ Соловковъ выслать развѣдчика въ море съ тою цѣлію, чтобы высмотрѣть, нѣтъ ли гдѣ по близости шведской эскадры, а съ другой стороны еще въ томъ, что развѣдчику, вѣроятно, поручено было узнать, окончены ли приготовленія въ Нюхчѣ, собрался ли заказанный Петромъ народъ, и т. п. Первое

предположеніе оправдывается тѣмъ, что Соловецкій лѣтописецъ заноситъ въ свою лѣтопись извѣстіе о томъ, что 15 августа «пріиде къ великому государю посланный съ вѣдомостью съ моря, что на корабляхъ идти возможно»; что касается втораго нашего предположенія, то доказательство его вѣрности мы находимъ въ томъ обстоятельствѣ, что иначе флотъ не направился бы прямо къ Нюхчѣ и Петръ не могъ бы двинуться уже на слѣдующій день съ войскомъ въ знаменитый походъ по кемскому и повѣнецкому уѣздамъ. Какъ бы то ни было, но Петръ поспѣшилъ воспользоваться попутнымъ вѣтромъ и въ самый день прибытія «посланнаго» отплылъ отъ Соловковъ къ монастырской деревнѣ Нюхчѣ. 16 августа, десантъ уже высадился, суда были отправлены назадъ, въ Архангельскъ, а при войскѣ остались всего лишь два фрегата. На берегу встрѣтили царя около 5,000 народа, согнаннаго съ разныхъ ближнихъ мѣстъ для подмоги войску; народъ этотъ сгоняли изъ крестьянъ баргопольскихъ, онежскихъ и бѣлозерскихъ, и самъ народъ не зналъ еще, на какую работу его вывели съ родимыхъ мѣстъ. Петръ и тутъ не терялъ времени; тотчасъ же часть крестьянъ и солдатъ были посланы впередъ рубить просѣку, застилать срубленными деревьями топи и строить мосты на рѣкахъ и ручьяхъ, а остальнымъ приказано было вытащить изъ воды фрегаты и тащить ихъ то на каткахъ, то волокомъ. Не охотно пришелъ народъ, но не могъ не увлечься работой, когда видѣлъ, что Петръ самъ рубитъ, подставляетъ катки, учитъ какъ строить мосты, успѣваетъ всюду, не знаетъ устали, выпьетъ своей анисовки и снова за работу берется. Какъ долженъ былъ дѣйствовать на народъ примѣръ этого геніальнаго труженика, мы можемъ видѣть изъ того уже обстоятельства, что въ памяти народной сохранилось преда-

ніе, рисующее именно эту сторону вліянія Петра на массы. «Тутъ подъ Пулозеромъ выдалась рѣчка, да такая ли бурливая, да такая ли бѣдовая, что не выгораетъ дѣло—никакъ не возможно по середкѣ свайку вбить. Кто ни сунется съ лодкой—Богъ вѣсть куда унесетъ его и съ лодкой-то! Долго приглядывался Осударь, а тамъ сѣлъ въ лодку, да прямо на середку то и держитъ, бояре было за нимъ въ его лодку суются, такъ: «не надо мнѣ васъ и безъ васъ Богъ дастъ спорандаю». Только онъ на середку то выплылъ, да принялся было первую свайку налаживать — гляди — къ нему народу съ сотню ужъ собралось, кто въ лодкѣ, а кто и вплавь, барахтаются чуть-чуть противъ воды держатся. Поглядѣлъ на народъ-отъ Осударь поглядѣлъ, покачалъ головою, да тряхнулъ кудрями своими (а кудри-то были добро чистое): «эхъ вы, проговорилъ, народъ хрисьянскій, дѣтки вы мои родные! лиха бѣда первому оленю въ гарь (лѣсной пожаръ) кинуться, остатніи всѣ тамъ же будутъ». Сталъ онъ тутъ народъ поить, тотъ народъ, что за нимъ въ рѣку кинулся». Не давалъ Петръ забываться своимъ «птенцамъ» и вообще боярамъ, сопровождавшимъ его въ этомъ походѣ; терпѣть онъ не могъ, чтобы барились люди, когда на глазахъ есть дѣло. «У Нюхчи, а потомъ и вездѣ по ямамъ первую мостовину, благословясь, клалъ самъ Осударь»,—разсказывали намъ въ въ Выгозерской волости на Корельскомъ островѣ,—«а вторую давалъ класть своему сыну возлюбленному, а тамъ и бояръ на это дѣло потреблялъ. Нѣмчинъ одинъ не захотѣлъ мостовины класть, такъ разсерчалъ на него Осударь—приказалъ ему позади послѣдняго солдата стать и на ямахъ солдатамъ за стряпуху рыбницу варить; натерпѣлся нѣмчинъ сраму—сталъ и мостовины класть и другую всякую работу дѣлать не хуже самого Осударя». Въ другомъ мѣ-

стѣ, въ Тайгинцахъ, привелось намъ слышать еще и иное преданіе: бояринъ у Осударя заортачился, сѣлъ подъ елочку да сладкіе пироги убираетъ. Увидалъ Осударь его лѣность и приказалъ ему обрядиться пирожникомъ, да на ямахъ пироги-рыбники разносить. Отъ такого сраму сталъ бояринъ куда какъ издѣленъ». По всѣмъ вѣроятіямъ, послѣднее преданіе есть только пересказъ предъидущаго, но пересказъ крайне интересный, такъ какъ указываетъ на воспоминаніе народа о связи какого-то близкаго боярина съ пирогами; легко можетъ быть, что до народа дошли слухи о происхожденіи Меншикова и слѣдствіемъ этого явилось только что приведенное нами преданіе. Съ другой стороны понятно и то, что народъ съ особенною охотою запомнилъ изъ всѣхъ ближнихъ бояръ Петровыхъ именно того, про котораго ходили слухи, что онъ вышелъ изъ народа.

Въ 20 верстахъ отъ Нюхчи войско остановилось и здѣсь учрежденъ былъ, по приказанію Петра, ямъ, гдѣ были сложены разные припасы и открыта продажа разныхъ необходимыхъ вещей. «Для Осударя и для бояръ ставили зимушки (промысловая избушка съ земляною крышею), а народъ съ солдатами кто какъ могъ изловчался; кто по зимушкамъ, кто на лавасы взбирался, а кто и на землѣ отдыхъ имѣлъ. Изъ окрестныхъ мѣстъ везли рыбу, оленину, а отъ Нюхчи привозили муку ржаную и другой припасъ, что на мѣстѣ достать было не можно. Не любилъ Осударь въ зимушкѣ быть—все больше на вольномъ воздухѣ; иной часъ и бояръ оттуда повыгонитъ, чтобы не долго засыпались». . . . .

Слѣдующій ямъ былъ въ 5-ти верстахъ отъ деревни Пулозера и въ 40 верстахъ отъ Нюхчи. Постоянная связь съ берегомъ не прерывалась и быстро подвигался Петръ къ цѣли. Отъ Пулозера путь становился еще труднѣе, такъ

какъ мѣстность принимала все болѣе и болѣе болотистый характеръ; въ особенности за третьимъ ямомъ народъ дошелъ до изнеможенія, начались болѣзни и смертность отъ истощенія и работы въ болотахъ; явилось уныніе; не унывалъ лишь Петръ, являлся всюду съ одобрительнымъ словомъ, съ совѣтомъ, съ прибауткою — и шелъ народъ на новые труды, на новую тяготу. Въ 80-ти верстахъ отъ Нюхчи, былъ устроенъ ямъ близъ деревни Вожмосальмы, гдѣ войско было задержано: предстояло или идти въ обходъ Выгозера, гдѣ верстъ 30 пришлось бы продираться чрезъ топкія болота, или же двинуться прямо черезъ заливъ Выгозера, устроивши въ этомъ мѣстѣ на скорую руку мостъ. Петръ видѣлъ, что излишне было бы еще болѣе изнурять и безъ того уже изнуренныхъ солдатъ и рабочихъ, и потому приказалъ собрать со всего Выгозера лодки и ладьи; скоро добыли ихъ въ достаточномъ количествѣ и приступили къ постройкѣ плавучаго моста. Къ Вожмосальмѣ Петръ прибылъ накапунѣ дня праздничнаго и старшины Выгозерской волости явились къ нему съ поклономъ и съ зовомъ къ себѣ на праздникъ; народъ очень хорошо помнитъ, что «Осударь» никогда не чуждался посѣщать крестьянскія хаты, бесѣдовать съ крестьянами и пожалуй изъ ихъ безхитростныхъ словъ узнавать правду, и высказалъ воспоминаніе объ этомъ въ цѣломъ рядѣ преданій. «Привелось Осударю и въ нашихъ мѣстахъ побывать,—разсказываютъ напр. въ Вожмосальмѣ,—«о ту пору онъ у маего падѣда (предокъ) дитя крестилъ. Былъ мой падетъ человѣкъ куда бѣдный: ни мучицы—поѣсть, ни винца—выпить, нѣту. Родился у него сынъ и сталъ падѣдъ обивать пороги, да клапяться, чтобы кума розыскать — никто къ нему въ кумовья идти не зарится. О ту пору и пришелъ Осударь въ наше село.— Ты что, старикъ, бродишь? иль что потерялъ? — Такъ и

такъ, говоритъ дѣдъ. — Возьми меня, старикъ, кумомъ! любъ ли я тебѣ? Спрашиваетъ. Только вотъ что: не бери ты куму богатую, зачѣмъ онѣ къ тебѣ добромъ не шли, а найди ты мнѣ такъ ледящую бабенку и я съ нею у тебя крестить буду. И та и другая богачки просятъ дѣда ихъ въ кумы взять, а дѣдъ розъискалъ самую что ни есть ледащую бабенку и привелъ ее къ Осударю. Справили крестины истово. — Ну чѣмъ-же ты, старикъ, угощать насъ будешь? Сунулся было падѣдъ — да нѣтъ въ домѣ ничего ровно.—Видно, говоритъ Осударь, моя анисовка нынѣ отдуваться будетъ. Взялъ свою фляжечку, что у него на ремнѣ на боку всегда висѣла, налилъ себѣ, выкушалъ, а тамъ поподчивалъ и куму, и падѣда. и роженицу и новокрещенному младенцу въ ротъ капельку влилъ, — пусть пріучается, молвилъ, отъ людей много горше ему будетъ. Стаканчикъ отдалъ падѣду—ишь подъ божницей-то стоитъ». Все это такъ похоже на Петра, что невольно слѣдуетъ предполагать у этого преданія фактическую основу. Не такъ относился Петръ къ тогдашнему чиновничеству, къ тѣмъ, кого не жаловалъ и самъ народъ. И опять этотъ взглядъ Петра на чиновничество оцѣнилъ народъ и до сихъ поръ разсказываетъ о томъ, что когда Петръ въѣзжалъ въ село, то ярыжки всѣ по подпольямъ прятались. «Далеко ли до села»? спросилъ разъ Петръ у Балакиря (котораго народъ заставляетъ сопровождать царя въ его Нюхоцкомъ походѣ). «Нѣтъ, не далеко! ишь ярыжки-то по подпольямъ прячутся — видно сейчасъ пріѣдемъ». Ясно, что отъ такого человѣка, который зналъ русскій народъ какъ никто, ярыжки должны были прятаться по подпольямъ.

Старшины выгозерскіе пришли къ Петру съ поклономъ и съ хлѣбомъ-солью; «Осударь!—говорили они—Илья пророкъ завтра велѣлъ звать тебя къ себѣ въ гости». Петръ

принялъ приглашеніе и обѣщался быть въ погостѣ выгозерскомъ на утро. Исполнить свое обѣщаніе ему однако не удалось, такъ какъ въ ночь пошелъ проливной дождь и ѣхать не было никакой возможности. Утромъ снова явились въ Вожмосальму старшины и снова просили Петра посѣтить ихъ погостъ. «Нѣтъ, старички,—отвѣчалъ Петръ на вторичную ихъ просьбу, — видно Илья пророкъ не хочетъ, чтобѣ я у него побывалъ, — послалъ дождь; снесите же ему отъ меня гостинецъ». Такъ дѣло и кончилось тѣмъ, что Петръ пожертвовалъ на церковь червонцевъ.

Весь день шелъ проливень и бушевалъ вѣтеръ; рисковать переправлять войска по плавучему мосту было опасно. Такимъ образомъ цѣлый день и былъ потерянъ безъ толку. Лишь на слѣдующее утро войска стали переходить по мосту на другой берегъ залива и потянулись лѣсами и болотами по направленію къ рѣкѣ Выгу. — Верстахъ въ 7-ми отъ устья Выга, на правомъ его берегу и въ 15-ти верстахъ прямикомъ отъ Вожмосальмы, учрежденъ былъ снова ямъ. Пока войска прорубались и пробирались чрезъ лѣса и болота, лодки и ладьи изъ подъ Вожмосальминскаго моста сняли, провели чрезъ первые выгорѣцкіе пороги и поставили на Выгу подъ ямомъ. Быстро настланъ былъ мостъ и войска къ вечеру 22-го августа перешли на лѣвый берегъ Выга. Теперь самая трудная часть пути была пройдена, чаще должны были попадаться сележныя мѣста— великое дѣло близилось къ концу. Тамъ, гдѣ теперь стоитъ сосна съ врубленнымъ въ нее восьми конечнымъ крестомъ, по преданію, стояла зимушка Петра.

Прослыша о проходѣ чрезъ ихъ мѣста Петра, выгорѣцкіе раскольники выслали на выгорѣцкій ямъ своихъ старшинъ съ хлѣбомъ-солью. Зная, что они будутъ являться тому, кого они считали антихристомъ, кто былъ для нихъ

124

звѣремъ апокалипсиса и чей титулъ представлялъ собою апокалипсическое число звѣриное, старшины выгорѣцкіе порядкомъ струсили. Они ждали увидѣть грознаго судью своего отщепенства и знали напередъ, что Петру наговорили про нихъ невѣсть что. «Что за люди? — спросилъ царь, по словамъ мѣстнаго преданія. «Это раскольщики,— поторопился объяснить какой-то бояринъ, а можетъ быть и генералъ,—властей не признаютъ духовныхъ, за здравіе вашего царскаго величества не молятся».—«Ну, а подати платятъ исправно»? — справился прежде всего практическій Петръ. — «Народъ трудолюбивый» — не могъ не сказать правды тотъ же ближній человѣкъ,—«и недоимки за ними никогда не бываетъ». — «Живите же, братцы, на доброе здоровье, о царѣ — Петрѣ пожалуй хоть не молитесь, а раба Божія Петра во святыхъ молитвахъ иногда поминайте—тутъ грѣха нѣтъ». Развѣ это, столь живо характеризующее Петра, преданіе не дышетъ правдою? Удивительно ли послѣ этого, что тѣ самые поморы, для которыхъ Петръ является антихристомъ, въ тоже самое время иначе не называютъ его, какъ «Осударь», словно этимъ все уже сказано, словно другихъ „осударей“ они и не знаютъ; удивительно ли, что тѣ же поморы снимаютъ всегда шапку, когда говорятъ о Петрѣ, и съ почтеніемъ цѣлуютъ какъ святыню тотъ стаканчикъ, изъ котораго когда то пилъ онъ на крестинахъ свою историческую анисовку? Достаточно этихъ простыхъ, но въ то же время великихъ словъ, чтобы навсегда завоевать любовь народную.

Я подъѣхалъ къ Выгозерскому яму на 8-ми весельной лодкѣ; невольно пришлось разговориться съ гребцами о Петрѣ и мнѣ захотѣлось испробовать, какъ отнесутся они къ нему, ради провода войска загубившему здѣсь тысячи людей. «Много тутъ народу сгибло по его волѣ»,—сказалъ

я.—«Много! ну да и то сказать, кабы они не сгибли, такъ и дѣло такое никогда бы не сдѣлалось! чего имъ—все бы равно померли, а тутъ по крайности у дѣла». Пожалуй, гребцы то разсудили лучше многихъ цѣнителей геніальности по обыденной мѣркѣ!

Точно и природа не хочетъ дать заглохнуть остаткамъ великаго труда Петрова; въ иныхъ мѣстахъ достаточно 80—100 лѣтъ, чтобы всякая зарось обратилась въ строевой лѣсъ, а тутъ, не смотря на то, что со времени Нюхоцкаго похода прошло цѣлыхъ 175 лѣтъ, Петрова просѣка видна и до сихъ поръ и гигантскій слѣдъ великаго царя не заростаетъ и до нынѣ. Гребцы мои сами захотѣли чѣмъ нибудь ознаменовать великій слѣдъ великаго человѣка и черезъ $^1/_2$ часа готовъ былъ тотъ крестъ, который видѣнъ издалека, врубленномъ въ сосну. Теперь, судя по послѣднимъ извѣстіямъ, на мѣстѣ Петровой стоянки красуется прекрасный крестъ съ навѣсомъ и съ горкою изъ валуновъ; крестъ не выкрашенъ, да росписные цвѣта и не подходятъ какъ-то къ тому памятнику, который долженъ напоминать собою великаго человѣка.

Съ берега рѣки Выга путь, какъ я сказалъ, пошелъ мѣстами болѣе крѣпкими, болотъ стало меньше и вся задача состояла лишь въ прорубкѣ просѣки и въ постройкѣ мостовъ. Слѣдующій ямъ былъ учрежденъ близъ деревни Телекиной, въ 25-ти верстахъ отъ выгорѣцкаго яма; чрезъ рѣчки Машозерку и Мурому были построены мосты, остатки которыхъ можно видѣть и до сихъ поръ; народъ въ этихъ мѣстахъ увѣряетъ, что это «Осударь изготовилъ сваи подъ желѣзную дорогу, да шведъ ему помѣшалъ, а то бы давно здѣсь желѣзная дорога ходила». Видно все доброе народъ приписываетъ въ этомъ краѣ Петру. Отъ телекинскаго яма Петръ пошелъ уже почти безпрепятственно къ Повѣнцу и

125

на пути имѣлъ только одинъ привалъ въ особомъ ямѣ, который учрежденъ былъ какъ разъ на полпути. 26-го августа, подъ вечеръ, войско вступило въ Повѣнецъ и фрегаты были спущены въ воды широкаго и просторнаго Онеги,— какъ же долженъ былъ радоваться Петръ, когда увидалъ русскій флагъ на этомъ огромномъ внутреннемъ морѣ; главное дѣло было сдѣлано — оставалось только разбить оплошавшихъ шведовъ.

Исходъ этого похода извѣстенъ; со взятіемъ Шлиссельбурга участь р. Невы и ея устья были рѣшены. Петръ достигъ своей цѣли и могъ приняться за постройку своего «парадиза». Россія выглянула въ Европу благодаря великому генію Петра.

Уже изъ Повѣнца писалъ Петръ королю польскому: «Мы нынѣ въ походѣ близъ непріятельской границы обрѣтаемся и при помощи Божіей не чаемъ праздны быть».

Празднымъ онъ и не былъ дѣйствительно!

LX.

Но вотъ Выгъ становится все шире и шире, вдали виднѣется водная ширь, берега какъ-то словно расползаются въ глазахъ путника и наконецъ лодка выѣзжаетъ въ Выгозеро. Еще приналегли на весла гребцы и часу въ восьмомъ вечера лодка наша причалила къ мосточку въ Выгозерскомъ погостѣ. Путешествіе ночью здѣсь рѣшительно не возможно, какъ потому, что за туманомъ рѣшительно ничего не видно, такъ еще и потому, что въ день-то деньской и ходомъ идешь, и верхомъ ѣдешь, и гребешь и такъ-то къ вечеру умаешься, что радъ добраться до оленьей шкуры, постланной на солому; а на утро часовъ въ 5 уже самоваришься,

балагуришь съ хозяиномъ или хозяйкой и норовишь какъ бы скорѣе уѣхать; а хозяева то и дѣло: «да ты бы морошечки! а то вотъ рыбничка!» разузнали, что я охотникъ до мамуры, такъ обкормили до боли желудка. Побывалъ утромъ у священника мѣстнаго; ревнитель оказался куда строгій и доходитъ, говорятъ, до такого увлеченія, что самъ ходитъ съ топоромъ по окрестностямъ и срубаетъ придорожные пяточные осьмиконечные кресты. Дѣлать нечего, пришлось доложить ему о томъ, чтобы онъ не взъярился на только что срубленный моими гребцами на яму крестъ и не подрубилъ его въ пылу православнаго своего экстаза.— Типъ женщины въ этихъ мѣстахъ чрезвычайно хорошъ: правильное овальное лицо, великолѣпные, по большей части, каштановые волосы, большіе то синіе, то каріе глаза формы правильно-миндалевидной, средней величины ротъ съ довольно большими алыми губами, рѣдко курносый, по большей же части греческой формы носъ—все это дѣлаютъ то, что красавицъ слѣдуетъ искать нигдѣ иначе, какъ на Выгозерѣ; но оспа, страшная оспа, и здѣсь надѣлала много зла и зачастую настоящая красавица издали—вблизи оказывается вся «конопатная». Мнѣ надо было заѣхать на Корельскій островъ, чтобы повидаться съ дочерью бывшаго даниловскаго большака, у которой сохранилось, по слухамъ, кое-что изъ рукописей и книгъ. Часовъ въ 12 я уже сидѣлъ въ большой восьмивесельной лодкѣ, съ четырьмя гребчихами, которыя считали долгомъ всю дорогу пѣть пѣсни, правда, весьма хорошія, но отнюдь не представлявшія ничего новаго; мнѣ, признаться, гораздо интереснѣе былъ бы разговоръ, какъ да что, но мѣшать не хотѣлось—обидѣлись бы. Площадь, занимаемая Выгозеромъ, сравнительно довольно велика (927 кв. верстъ) и зачастую бываютъ здѣсь такія бури, что, еслибы не безчисленное множество остро-

вовъ, такъ и ко дну пойдешь даже и въ 8-веселкѣ. На картахъ Выгозеро рисуется совершенно невѣрно; народъ увѣряетъ, что на немъ столько же острововъ, сколько дней въ году, въ дѣйствительности же ихъ вмѣстѣ съ малыми островками навѣрное около 200 наберется; не на одной картѣ острововъ этихъ не значится и даже Корельскій островъ, довольно большой съ значительнымъ селомъ, почему-то не проставляется. Быстро проѣхали мы 30 верстъ и высадились на Корельскомъ островѣ. Старуха, дочь большакова, оказалась отличнымъ знатокомъ лексинскихъ порядковъ, существовавшихъ до раззоренія, много разсказывала интереснаго и въ концѣ концовъ, когда увѣрилась, что я не сыщикъ, притащила мнѣ цѣлую охабку книгъ и рукописей. Но дѣло въ томъ, что, принужденная обстоятельствами, она торгуетъ ими уже давно и изъ всего вороха я отобралъ только риторику, собственноручно писанную Андреемъ Денисовымъ, да полную азбуку крюковаго древняго пѣнія. Много пѣла она, по моей просьбѣ, и тутъ только я увидѣлъ, откуда взялись наши грустные народные напѣвы какъ былинные, такъ и духовностиховые и пѣсенные — все это изъ древняго церковнаго напѣва. Часа въ 4 оставилъ я Корельскій островъ, нанявъ гребцовъ до Ловища, откуда начиналась уже terra incognita и за которымъ никто изъ корельскоостровитянъ не бывалъ никогда. Долго боролись мы съ противнымъ вѣтромъ и волнами, которыя расходились па Выгозерѣ, и только въ сумерки уже подъѣхали къ Ловищу. Глядя на карту, я держалъ руль такъ, чтобы идти на сѣверъ отъ устья Сегежи, и удивлялся все, что гребцы посмѣиваются. «Да ты куда же держишь?» не вытерпѣли они наконецъ «Да на Ловище». — Да, вѣдь ты по картѣ норовишь то. Ну это мы знаемъ. На картѣ-то Ловище на сѣверъ отъ Сегежи обозначено, а на дѣлѣ-то оно 10 верстъ

на теплынь». Вотъ тѣ и карты! Да какъ же такъ? говорю. Да вѣдь здѣсь мѣстовъ-то никто не сънималъ, а такъ больше по сказу, а мало ли иной что набрешетъ! Интересно, что дѣйствительно весь сѣверъ, начиная отъ Выгозера, нанесенъ на карту совершенно невѣрно; ошибки на 20 верстъ встрѣчаются то и дѣло — видно, что карта составлена по сказу. На ночлегъ расположился я у крестьянина—отставнаго матроса, который ходилъ въ Японію, а теперь занимается починкой и выдѣлкой мебели и утвари въ Ловищѣ на Выгозерѣ. Японія и Выгозеро! какъ это клеится!

LXI.

Рано утромъ я позвалъ хозяина. «Можно ли, говорю, другъ милый, пробраться отъ васъ въ Паданы».—«Отчего же. Сейчасъ въ Повѣнецъ, а тамъ почтовая дорога». «Нѣтъ, говорю, по Сегежѣ». — «Ну такъ-то не ѣзжали». — «Да вѣдь Сегежа-то изъ Сегозера вышла?»—«А то откуда же?»—«Ну, значитъ, можно?»—«Да вотъ гонки идутъ оттуда».—«Какъ? гонки ходятъ?» обрадовался я и сталъ распрашивать какъ ѣхать и какія деревни на Сегежѣ стоятъ. «Да вотъ первая деревня будетъ Линдозеро». Посмотрѣлъ на карту—никакого Линдозера не значится, а значится только дер. Сегежа, но, повидимому, это отнюдь не одно и то же. «Ну, а Сегежа — это что такое?» — Какъ расхохочется хозяинъ мой: «да это говоритъ на картахъ такъ его обозначаютъ!» — «Кого его?» — «Да Данилу Воцему — онъ одинъ тамъ и живетъ, гдѣ Воцема рѣка въ Сегежу пала». Вотъ тебѣ и деревня Сегежа! Ну, а Линдозеро, думаю, это что за штука. «Да вотъ теперь хоть бы Линдозеро: живетъ значитъ Павелъ на одломъ берегу, а на другомъ — Никифоръ,—вотъ тебѣ и вся деревня, а озеро верстъ на 5 въ

ширину далось. Справляюсь съ картой—опять чепуха страшная: Сегежа какъ-то сливается съ какими-то рѣками, изъ Ондозера впадаетъ въ нее и въ Сегозеро какая-то Ондозерка, но озеръ на Сегежѣ ни одного не показано. По повѣркѣ съ разсказами мѣстныхъ жителей и съ моими собственными наблюденіями оказалось, что никакого соединенія съ Ондозеромъ Сегежа не имѣетъ; на 20 верстѣ отъ устья Сегежа образуетъ обширное (верстъ 12 квадр.) озеро Линдозеро; затѣмъ на 35 верст. находятся пороги: Койкеницкій, Кривой, Сиговецъ, Щучій, Сюрейне и Нереукса (2 с. паденія на $^1/_2$ в. теченія); передъ порогами впадаетъ въ нее небольшая рѣченка Западный ручей, а за порогами р. Войванцы — обѣ съ лѣвой стороны; на 50 верстѣ съ правой стороны впадаетъ въ Сегежу р. Кягма, гдѣ и живетъ Данило; на 53 верстѣ снова идутъ большіе пороги: нижній, средній верхній и Поповъ порогъ ($2^1/_2$ с. паденія на 200 с. теченія); эти пороги тянутся на 4 версты, т. е. до небольшаго озера Воцема-Ламба (лужа Воцемы), въ которое впадаетъ съ юга р. Воцема. Всего теченіе Сегежа имѣетъ 65 верстъ тамошнаго счета, или 91 версту. Теченіе ея чрезвычайно извилисто, а отнюдь не идетъ такимъ хлыстомъ, какимъ Сегежа изображается на картахъ. Ондозеро соединяется не съ Сегозеромъ, а съ Выгозеромъ, выпуская изъ себя Ондозерку, впадающую въ Кирасъ-озеро при Кирасовскомъ жилищѣ; Кирасъ-озеро выпускаетъ изъ себя въ свою очередь р. Тамбогу, которая почему-то на картахъ обозначается Ондогой. Часу въ 8-мъ утра я выѣхалъ наконецъ изъ Ловища, подрядилъ гребцовъ до Линдозера, съ условіемъ протащить лодку черезъ первые пороги, находящіеся въ самомъ устьѣ Сегежи. Верстахъ въ 10 отъ Ловища, пролавировавъ все время среди безчисленнаго количества острововъ на Выгозерѣ, и слѣдовательно въ пол-

номъ затишьѣ, я увидалъ на берегу какую-то постройку и народъ, который что то рубилъ и надъ чѣмъ-то плотничалъ. Оказалось, что строятъ «головни» для тѣхъ «кошелей», которые будутъ здѣсь собираться для отправки въ Надвоицу (на истокѣ Сѣвернаго Выга и Выгозера) изъ бревенъ, идущихъ уже по Сегежѣ. Изъ разспросовъ оказалось, что бревна въ настоящее время уже въ «порогахъ бьются», и я возрадовался духомъ—будетъ отъ кого разузнать и что посмотрѣть. Вотъ, наконецъ, лодка наша вошла и въ устье Сегежи, которая оказалась тутъ шириною въ 3/4 версты; съ трудомъ идетъ лодка противъ теченія; слышенъ шумъ какой-то — это первые пороги. Ловко работаютъ гребцы, которые въ порогахъ дѣйствуютъ гдѣ багромъ, гдѣ весломъ, а гдѣ и горбомъ, и первая опасность скоро остается за нами; далеко за кормою виднѣются уже головни, съ народомъ, который любопытствуетъ, куда это люди по своей охотѣ забираются. Тутъ-то на Сегежѣ не мало удивлялся я той честности, которая царитъ на нашемъ сѣверѣ; все время пути постоянно приходится выходить изъ лодки, идти берегомъ, а лодку тащить; шелъ я такимъ образомъ— вдругъ вижу на берегу топоръ, снасти рыболовныя лежатъ. «Чье это?» спрашиваю. «Да такъ чье-нибудь», преспокойно отвѣчаетъ мой проводникъ.—«Видно, говорю, забылъ кто-нибудь?»—«Начто забывать! это нарочно оставлено.» — «А ну какъ кто-нибудь возьметъ?» — «Снасть-то? топоръ? да кто же возьметъ? Нѣтъ, этого никогда никто не сдѣлаетъ!» Какъ послѣ оказалось, зачастую оставляются на берегу вещи, и ни одна душа не возьметъ чужаго; лодкой, топоромъ, снастью пользоваться можно сколько угодно, но доставь на свое мѣсто. Что это за чудеса! постоянно дивился я, оставь-кась такъ у насъ на Руси что нибудь—врядъ-ли кто поцеремонится взять чужое добро. Тутъ взять чужое

128

и въ особенности чужой припасъ, снарядъ—страшный грѣхъ, да оно и понятно, такъ какъ здѣсь украсть лодку значитъ лишить возможности питаться, т е. фактъ пользованія чужою собственностью будетъ уже не наше великорусское «стибреніе», а просто грабежъ, чуть не убійство.—Берега Сегежи до Линдозера совершенно ровные и заросли огромною травою изъ рода осоковыхъ; часто наѣзжаютъ сюда и изъ Ловища и даже изъ Койкеницъ покоситься, да половиться, и потому между жителями установленъ всегда порядокъ, какой деревнѣ гдѣ косить траву по рѣкѣ и ловить рыбу; въ силу этого обычнаго раздѣла зачастую видишь по берегамъ «зимушки», т. е. хатки съ земляною крышей, которыя построены пріѣзжими косарями, рыболовами и пользовщиками на случай непогоды; зимушки эти представляются великимъ благомъ для пришельца, когда его въ дорогѣ застанетъ ненастье, но мнѣ пользоваться зимушкою не пришлось даже и для ночевки, какъ видно будетъ изъ послѣдующаго. Часу во второмъ мы въѣхали въ Линдозеро, пристали къ жилищу Павла и захватили его съ собою, чтобы свезти его на ту сторону Линдозера къ Никифору и сговориться тамъ о дальнѣйшемъ путешествіи. У Никифора мы застали цѣлое общество — у него учреждена главная квартира, пекарня и кабачишко для гоночныхъ рабочихъ. Въ горницѣ сидѣли два главныхъ гоночныхъ прикащика, которые разъяснили мнѣ, что гонки ихъ стоятъ въ порогахъ, что намъ тянуться черезъ пороги придется не иначе, какъ ночью, а потому и предложили съ необыкновенною любезностью дать мнѣ записку на «харчевую» къ своимъ соприкащикамъ, чтобы они пріютили меня на ночь на харчевой, а на утро дали бы хорошаго рулеваго для прохода черезъ пороги. «А можетъ на харчевой и Данилу встрѣтите», закончилъ любезный прикащикъ. «Да какъ же, спра-

шиваю, онъ одинъ черезъ пороги проѣзжаетъ?» — «Да больше на веслахъ». Ну, думаю я, хорошъ же должно быть этотъ Данило, если одинъ дѣлаетъ то, при чемъ дай Богъ 5 — 6 управиться. Такъ и сдѣлали: переложили въ новую лодку вещи и порѣшилъ я воспользоваться крайнею любезностью прикащика и переночевать на «харчевой» — кстати и потолковать можно будетъ. Въ Линдозерѣ впервые видѣлъ я лодку, сшитую новыми прутьями, такъ какъ хозяинъ самъ шьетъ лодки. Такая лодка отнюдь не менѣе прочна, нежели всякая иная, а пожалуй даже и прочнѣе будетъ. Лодки здѣсь крайне неуклюжи и замѣтно, что всѣ дѣлаются по образцу чуть-ли не Ноева ковчега; кабы сюда (т. е. конечно не въ Линдозеро на Сегежу, а хоть бы въ Повѣнецъ) да школу кораблестроенія и управленія! Много бы пользы было, да видно Повѣнцу вмѣстѣ съ Онежскимъ озеромъ суждено отъ Аллаха ждать, ждать — и ничего не дождаться.

LXII.

Прежде чѣмъ разсказывать о тѣхъ впечатлѣніяхъ, которыя я вынесъ изъ пребыванія моего на «харчевой», я полагаю здѣсь будетъ вполнѣ умѣстно дать хоть малѣйшее понятіе объ огромномъ лѣсномъ богатствѣ описываемыхъ мною мѣстъ, о томъ, какъ эксплуатируются эти богатства и какъ могли бы эксплуатироваться при болѣе порядочномъ хозяйствѣ и при отсутствіи варварски разбойничьяго отношенія къ лѣсу промышленниковъ и тѣхъ, кому сіе вѣдать надлежитъ. Лѣса въ Олонецкой губерніи занимаютъ огромнѣйшую площадь въ $10^1/_2$ милліоновъ десятинъ—это одно изъ весьма немногихъ богатствъ губерніи, такъ какъ нахатныя земли составляютъ такую малую долю общей пло-

щади губерніи, что объ нихъ и говорить не стоитъ. Только страшно выносливый горбъ русскаго человѣка, поставленнаго въ самыя отвратительныя экономическія условія и климатомъ, и людьми, которые и думать забыли объ этомъ краѣ, можетъ кое-гдѣ сдѣлать изъ болотины пашню и рѣшительно изъ любви къ искусству сѣять рожь и овесъ, которые то не взойдутъ вовсе, то не успѣютъ дозрѣть, а то и взойдутъ и даже дозрѣютъ, но въ количествѣ самъ-другъ посѣва. Если бы къ лѣсу олонецкому да приложить руку, если бы его не разграбляли, какъ res nullius, если бы правильно расходовать его, если бы весь онъ пошелъ въ дѣло такъ, какъ дѣлается это за границей—сильно разбогатѣлъ бы олонецкій крестьянинъ, такъ какъ, быть можетъ, къ той порѣ онъ распростился бы навѣки съ своею охотою быть вѣчно у кого нибудь въ кабалѣ и питаться крошками со стола господъ, когда могъ бы самъ быть господиномъ и питаться яствами, которыми обильно уставлены столы. Самыя обширныя лѣсныя пространства находятся въ Пудожскомъ, Повѣнецкомъ и Петрозаводскомъ уѣздахъ, т. е. въ тѣхъ именно, гдѣ народонаселеніе не такъ густо, гдѣ подсѣчное хозяйство не успѣло еще распространиться до такой степени, какъ напр. въ уѣздахъ болѣе густо населенныхъ, въ каргопольскомъ, вытегорскомъ, лодейнопольскомъ и олонецкомъ. Гдѣ народонаселеніе особенно густо, тамъ въ настоящее время начинается уже ощущаться недостатокъ въ лѣсѣ; лѣса истощены здѣсь губительнымъ подсѣчнымъ хозяйствомъ и представляютъ до крайности жалкій видъ; кустарникъ, да обгорѣлыя кривыя деревья свидѣтельствуютъ о томъ, что цивилизація проникла сюда, но цивилизація лишь папуанская, отнюдь не бо́льшая, такъ какъ право захвата, минута—вотъ на чемъ она основывается, нѣтъ думы о будущемъ, о томъ, что будетъ дѣлать, чѣмъ будетъ кормится

сынъ, внукъ. Мнѣ надо быть сытымъ—руби, жги, пащи, сѣй, а тамъ что Богъ дастъ! Но конечно надежда на Бога обманываетъ: черезъ четыре, много, года палъ, огнище бросается за негодностью и только ползучій кустарникъ свидѣтельствуетъ по прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ, что цивилизаторъ папуанецъ приложилъ къ этому мѣсту свою ручку и сдѣлалъ вопіющее дѣло, даже преступленіе, сгубивши на вѣки богатую растительность и бросивши какъ негодь черезъ три-четыре года загубленное мѣсто. Только сохранившіеся чудомъ пеньки свидѣтельствують путнику о тѣхъ строевыхъ лѣсахъ, среди которыхъ селился здѣсь русскій человѣкъ, и грустно станетъ за то, что все еще не вышелъ онъ изъ своего папуанскаго момента развитія. Чѣмъ дальше уѣзжаешь отъ селъ, тѣмъ лѣсъ становится и гуще и лучше; въ особенности онъ хорошъ тамъ, гдѣ слой производительной почвы достаточенъ для произрастанія его. Но присущая русскому человѣку охотка хоть кое-какъ поковырять землю да посѣяться часто увлекаетъ крестьянина и не вѣсть куда отъ его логова; ищетъ онъ сележныхъ мѣстъ во время своихъ полѣсовныхъ странствованій, и лишь только выдастся такое мѣстечко гдѣ-нибудь, тотчасъ попалитъ онъ и его, начнетъ работать почти впустую, чтобы года черезъ три посѣять рожь или ячмень, которые уродятся самъ-другъ и едва хватятъ ему на мѣсяцъ, ну на два въ смѣси съ такою дрянью, которую переварить можетъ только такое толоконное брюхо, какимъ несомнѣнно обладаетъ русскій человѣкъ, да вотъ еще корелякъ, который, право, мало въ чемъ отличается здѣсь отъ русскаго: тоже мнетъ, такъ же подголодываетъ, такъ же вѣчно работаетъ другому на пользу и живетъ въ кабалѣ, въ которую попадаетъ всенепремѣнно, словно иначе и быть не можетъ. И русскіе, и кореляки здѣсь зачастую ѣдятъ такой хлѣбецъ: ячменная солома

предварительно просушивается и толчется въ деревянной ступѣ; по столченіи въ мягкія волокна, мелется на ручныхъ жерновахъ (зачастую по недостатку на покупку каменныхъ — на деревянныхъ) вмѣстѣ съ рожью или ржаною мукою, которой обыкновенно примѣшивается только $^1/_4$ часть противъ соломы. Потомъ «хлѣбушко» растворяется и печется обыкновеннымъ образомъ. Изрѣдка, и то развѣ въ семействахъ позажиточнѣе въ ячменно-соломенный хлѣбушко на половину входитъ ржаной муки. Но и ячменная солома не увсѣхъ бываетъ и тогда употребляютъ ржаную, которая «не въ примѣръ грубѣе будетъ для нутря».Хлѣбъ изъ нея выходитъ жестче и непріятнѣе на вкусъ ячменнаго. Къ ячменно-соломенному хлѣбу трудно привыкнуть безъ боли, а къ ржано соломенному нашъ барскій желудокъ — бѣлоручка и ввѣкъ привыкнетъ; я было попробовалъ, такъ и не радъ былъ жизни: животъ пухнетъ и бурчитъ, какъ кипитъ что въ немъ. Но все это только цвѣточки, а есть еще и третій разрядъ хлѣба — унеси мое ты горе! Ѣлъ я и этотъ и долго потомъ каялся. Весною, послѣ перваго грома непремѣнно сдираютъ съ сосенъ кору, отдѣляютъ нижнюю бѣловатую оболочку отъ верхнихъ толстыхъ слоевъ коры, сушатъ и потомъ кладутъ на горячія уголья, чтобы «духъ смоляной выгорѣлъ.» Какъ только эта бѣлая оболочка отъ жара приметъ красноватый цвѣтъ, ее толкутъ въступѣ и мелятъ на ручномъ жерновѣ. Потомъ къ сосновой мукѣ прибавляютъ отъ $^1/_4$ до $^1/_2$ пропорціи ржаной муки и изъ этой смѣси необыкновеннымъ образомъ приготовляютъ хлѣбъ, растворяя съ вечера, а то «не убухнетъ древесина». Для экономіи ржаной муки, хлѣбъ дѣлаютъ обыкновенно прѣснымъ. Но въ иныхъ семействахъ иногда (нерѣдко) и до того нужда доходитъ, что и вовсе ржаной то муки не останется; вся она продана на уплату податей и земскихъ сборовъ. И на этотъ случай есть под-

вога, и тутъ вѣрящій въ мощь желудка своего повѣнчанинъ, русскій ли онъ, корелякъ ли (а чаще по бѣдности и удаленности своей—послѣдній) находить средства не доставить «Правительственному Вѣстнику» великой горести, сознаться въ существованіи голода; тогда, изволите ли видѣть, сосновую то муку всыпаютъ въ молоко и этою, съ сѣромъ видѣ, какою то молочно сосновою кашею питаются люди вмѣсто хлѣба; даже словцо особое придумалъ туземецъ для этого блюда—«корява», остроумно! и дѣлается изъ коры и, какъ говорять ѣвшіе, «для нутря очень ужъ корява». Съ этою сосновою кашею только уже очень крѣпкія натуры могутъ свыкнуться; обыкновенно же она производитъ непремѣнную опухоль, при которой рѣдко туземецъ освобождается отъ хлопотъ посылки въ погостъ за попомъ для отпѣванія. И такой то хлѣбецъ, такое положеніе отнюдь не временное явленіе, а вполнѣ постоянное; такъ идетъ здѣсь питаніе уже нѣсколько вѣковъ и только разъ завопилъ здѣшній туземецъ о голодѣ, когда даже соломы не было вовсе и корява одна царствовала вездѣ и губила народъ десятками. Но и эта постоянная безхлѣбица не можетъ удержать земледѣльческаго зуда, и просто диву дашься иной разъ, когда верстъ за 20 отъ селенія, вдругъ вынырнетъ изъ-за лѣса огнище съ посѣвомъ, а слѣдовательно и подсѣчка «государственнаго имущества». Порѣшили однако, что надо положить конецъ подсѣчкамъ и задумали кабинетные рѣшители судебъ «внушить крестьянамъ, что лѣсъ не весь принадлежитъ имъ и надѣлить ихъ землею въ достаточномъ количествѣ». Что изъ этого вышло, мы укажемъ нѣсколько ниже, точно также какъ сообщимъ и отношеніе народа къ этимъ ухищреніямъ отцовъ благодѣтелей.—Главныя породы, представители которыхъ чаще всего встрѣчаются въ лѣсахъ Повѣнецкаго уѣзда, суть: сосна, ель и лиственница; весьма много въ нихъ

березы, ольхи, осины, рябины, ивы, липы и клена. Сосна господствуетъ. Береза и ольха идутъ сполна на дрова, и рѣдко рѣдко можно увидать, что туземецъ не побрезгалъ ими для постройки; вотъ рябину, липу и кленъ такъ пустилъ повѣнчанинъ въ дѣло на всякую хозяйственную мелкую подѣлку, а иву облюбилъ за ея кору на лапти, корзины и иную плетеную надобность. Смотрѣть жалко, какъ попорчены березовые лѣса сдираніемъ бересты, которая идетъ здѣсь на всякую подѣлку, которая въ центрѣ Руси и на югѣ дѣлается изъ волоконъ льна и конопли. А какъ посмотришь вообще на эту прорву лѣса, да сообразишь, пользуются ли этимъ богатствомъ такъ, какъ нужно — обидно станетъ за русскаго человѣка, что не умѣетъ онъ вовсе пользоваться тѣмъ, что даетъ ему природа. Энергія и капиталъ—вотъ что требуется для этого заброшеннаго края; съ ними воскресло бы это сонное болото, маленько нагулялъ бы жиру крестьянинъ, а лѣсная промышленность получила бы правильное и широкое развитіе. Много конечно теперь условій, которыя мѣшаютъ дѣлу, но вышеупомянутыми двумя двигателями они были бы легко устранены. Главнымъ образомъ страдаетъ здѣсь лѣсопромышленность отъ того, что водяные пути имѣютъ различное направленіе, отъ обширности и неизвѣданности огромныхъ озеръ и отъ отдаленности лѣсныхъ дачъ отъ мѣстъ сбыта; кромѣ того, до самаго послѣдняго времени, запрещено было отпускать строевые деревья изъ такъ-называемыхъ корабельныхъ рощъ и изъ «усвоенныхъ флоту дачъ», а этихъ привиллегированныхъ пространствъ считается около 1 м. десятинъ; ясно, что въ этихъ рощахъ и дачахъ вѣками копился и гнилъ сухостой, никуда негодный, и знаменитыя рощи и дачи существовали только на бумагѣ, а на самомъ дѣлѣ ничѣмъ ровно не отличались отъ остальныхъ лѣсовъ, развѣ только гру-

дами валежника и гніющаго сухоподстоя. Но врядъ-ли безъ внѣшняго толчка можно ожидать великихъ результатовъ въ Повѣнецкомъ уѣздѣ и, только возвысивши заводскую и фабричную дѣятельность, можно будетъ ожидать проку. Лѣсъ, какъ средство обработки продуктовъ заводско-фабричной дѣятельности, дешевъ и если только суждено когда-нибудь Повѣнцу увидать развитіе обработки металловъ и технической обработки лѣсныхъ матеріаловъ, то и для лѣсныхъ повѣнецкихъ богатствъ наступитъ лучшая пора. А пока сколько мы не ѣздили, сколько ни ходили—вездѣ видѣли все одно и тоже: подгниваетъ лѣсъ, дачи завалены валежникомъ и лѣсъ служитъ лишь удобреніемъ для бѣдной почвы. Такъ какъ мало извѣстно о томъ, гдѣ расположены олонецкія лѣсныя богатства и каковъ къ нимъ доступъ, то я полагаю что будетъ здѣсь не излишне подробнѣе и толкомъ описать по крайней мѣрѣ тѣ лѣса, что расположены въ мѣстностяхъ, чрезъ которыя мнѣ пришлось проѣзжать, т. е. тянутъ, такъ сказать, къ бѣломорскому, финскому и онежскому бассейнамъ. Для болѣе опредѣлительнаго указанія мѣстностей, въ которыхъ лѣсопромышленность достигла большей или меньшей степени развитія и тѣхъ причинъ, что останавливаютъ дальнѣйшее движеніе впередъ этой промышленности, удобнѣе всего будетъ сдѣлать здѣсь краткій обзоръ тѣхъ водяныхъ путей, по которымъ лѣсные матеріалы могутъ быть доставляемы къ пунктамъ сбыта. Къ бѣломорскому бассейну относятся Сума и озера Хижезеро, Пулосозеро и Сумозеро, которые особенно значительныхъ притоковъ не принимаютъ и потому представляютъ одну длинную питательную жилу для лѣсной торговли Сумскаго посада, въ которой начинаютъ чаще и чаще заходить иностранные корабли за досками и другимъ лѣснымъ матеріаломъ. Кромѣ этой жилы есть еще и другая, гораздо болѣе пита-

тельная. Издалека несетъ свои волны быстрый, величественный Выгъ, который пробѣжавъ около 90 верстъ, впадаетъ наконецъ въ обширное Выгозеро, имѣющее 927 кв. верстъ протяженія; въ Выгъ впали быстрыя полноводныя рѣчки Лекса и Кумбакса съ Вожмою, а тамъ гдѣ Выгъ снова черезъ Надвоицкій проходъ вырывается изъ Выгозера, чтобы, пробѣжавъ еще 90 верстъ, впасть наконецъ въ Бѣлое море, широкая Онда вноситъ опять-таки въ него обильныя воды Ондозера и цѣлой системы мелкихъ озеръ, расположенныхъ вокругъ него по Архангельской границѣ. Не одинъ Выгъ питаетъ Выгозеро, такъ какъ съ юга впала въ него широкая Телекина (80—120 с.), а съ запада Сегежа. Рѣка эта, какимъ то образомъ обойденная прежде на картахъ, на самомъ дѣлѣ отнюдь не притокъ, а составляетъ, такъ сказать, главную жизненную жилу системы уже по одному протяженію своему на цѣлую 91 версту. Подъ названіемъ Сондалы она вытекаетъ изъ самаго центра корельскихъ волостей повѣнецкаго уѣзда, образуетъ по пути Машозеро и Саргозеро и впадаетъ наконецъ въ Сегозеро, представляющее площадь 1033 кв. версты, т. е. по величинѣ своей уступающее только Онего; не одна впрочемъ Сондала питаетъ Сегозеро—сюда же изливаютъ свои воды Селецкая и Остерская рѣки, изъ которыхъ послѣдняя беретъ начало на Масельгскомъ перевалѣ изъ Остерскаго озерка. Къ тому же бѣломорскому бассейну относится и неизвѣданная красавица Кемь съ притоками Чиркакемью и Муею, которая беретъ начало на финляндской границѣ и, переливаясь изъ одного озера въ другое, образуетъ на своемъ теченіи Боярское, Ругозеро, Текшезеро и Нюккозеро. Всѣ перечисленныя здѣсь рѣки могутъ превосходно служить для сплава лѣсныхъ матеріаловъ; озера Выгъ и Сегъ представляли до послѣдняго времени значительное затрудненіе для прохода

гонокъ, какъ по своей обширности, такъ и по бурности, но теперь открыть способъ такъ связывать бревна, что размыкать ихъ по озеру можетъ только самая ужасная буря, что здѣсь впрочемъ все-таки рѣдкость; единственно, что затрудняетъ нѣсколько, или вѣрнѣе, замедляетъ доставку бревенъ въ торговые пункты—это Сегежскіе, Кемскіе, Сумскіе и Выговскіе пороги, на которыхъ желающій можетъ слѣзть съ лодки на берегъ и вдоволь налюбоваться на могилы тѣхъ, кого нужда загнала на купеческую прибыль, на раззоренье для семьи, на гонку бревенную. Къ этому бассейну прилегаютъ $2^1/_2$ мил. десятинъ лѣса, но заготовка идетъ довольно дѣятельно лишь на $^1/_5$ всего пространства (на Сондалѣ и Селецкой), въ остальныхъ же $^4/_5$ только гонятъ на мѣстную потребу смолу, да гадятъ лѣсъ изъ за бересты. Вся Кемь не только не эксплуатируется, но даже сколько мнѣ извѣстно, никто не далъ себѣ труда побывать на ней и изведать эту превосходную рѣку, по которой чуть-ли не отъ самой Каяны вплоть до Бѣлаго моря можно проѣхать. Конечно при настоящемъ жалкомъ положеніи фабричной и заводской дѣятельности нельзя ожидать сбыта всѣхъ тѣхъ заготовокъ, которыя возможно сдѣлать въ бѣломорскомъ бассейнѣ, но можно смѣло рубить по бассейнамъ Кеми, Сумы и Выга—сбытъ будетъ, такъ какъ иностранцы все чаще и чаще заглядываютъ въ наши бѣломорскія пристани и навѣдываются за лѣсомъ, такъ что распиловка не поспѣваетъ совершаться по мѣрѣ требованія. По одному выговскому бассейну можно смѣло вырубать ежегодно отъ 50—60 т. строевыхъ деревъ, а Кемь и побольше того можетъ доставить, если прекратится когда-нибудь наше варварское отношеніе къ лѣснымъ богатствамъ. Въ рабочихъ уже конечно недостатка не окажется, такъ какъ русскому человѣку покажи лишь хомутину—самъ въ нее полезетъ; конечно плату-то

немного возвысить придется такъ какъ существующая въ настоящее время заработная плата куда какъ незначительна—чего добраго корелякъ и не пойдетъ работать хоть бы на Кемь; про русачка толковать нечего! Этотъ полезетъ все-непремѣнно, такъ какъ вездѣ и всюду онъ за мѣдный грошъ тянетъ лямку. Побаиваются дороговизны сплава за-границу, и боязнь эта вполнѣ справедлива; дѣло въ томъ, что вслѣдствіе бо̀льшаго вывоза, нежели ввоза морскія суда берутъ кучу фрахтовыхъ денегъ, такъ какъ должны идти въ Бѣлое море съ балластомъ, т. е. впустую, и дѣлать огромный переходъ безъ всякаго толку; все это вѣрно, но почему же существуетъ компанія бѣломорскаго торга? почему не завести наконецъ свои морскія суда и не рискнуть изобидѣть голланцевъ, норвежцевъ и англичанъ, которые, по правдѣ сказать довольно, таки покормились отъ нашей неумѣлости. Наконецъ, такъ какъ въ этихъ мѣстахъ вовсе не было до сихъ поръ сбыта, то бревно въ доставкѣ на берегъ моря обойдется несравненно дешевле, нежели въ иныхъ мѣстахъ, а слѣдовательно и будетъ изъ чего заплатить за прогульный фрахтъ! Нѣтъ! вся бѣда въ томъ, что косны мы, что нѣтъ у насъ энергіи, нѣтъ предпріимчивости, а кто въ этихъ качествахъ и гораздъ, такъ капиталомъ не осилитъ — и радъ бы въ рай, да грѣхи не пускаютъ. Составится общество—опять дѣло дрянь! сидятъ себѣ люди въ Петербургѣ и распоряжаются всѣми дѣлами изъ своихъ кабинетовъ на Морской; здѣсь нуженъ человѣкъ дѣла, а не жалкій аферистъ или собраніе аферистовъ, которые у насъ вѣчно аршинничаютъ, объегориваютъ на мелочахъ, а действительные барыши упускаютъ, благо есть добрые люди иностранцы, которые и до сихъ поръ нашею глупостью не брезгали, да врядъ-ли когда и побрезгаютъ,—дуракъ не повсякъ день родится!

Финскій бассейнъ куда меньше бѣломорскаго, но финны не намъ чета, и потому надо надѣяться, что они распорядятся съ этой стороной повѣнецкихъ лѣсовъ поумнѣе нашего. Путемъ для сплава здѣсь служитъ р. Лендера съ притоками Сѣверкою и Тулосъ въ западной части Повѣнецкаго уѣзда. Сюда прилегаютъ до 500 т. десятинъ еще едва тронутаго лѣса, который стали рубить лишь въ 1859 году и который направляется главнымъ образомъ на финляндскіе лѣсопильные заводы. Повторяемъ, что теперь уже эксплуатація значительно увеличилась и есть надежда на то, что здѣсь по крайней мѣрѣ лѣсопромышленности предстоитъ еще развитіе въ близкомъ будущемъ. Думали между прочимъ, что на Лендерѣ начнется скоро отпускъ дровъ, но это одна фикція, такъ какъ не скоро еще Финляндія будетъ нуждаться въ нашемъ топливѣ, и именно ради того, чтобы не переплачивать за топливо финскихъ денегъ русскому государству, сенатъ финляндскій еще заблаговременно, сдѣлалъ распоряженіе о запрещеніи вывоза дровъ изъ Финляндіи въ Петербургъ.

Къ бассейну Онежскаго озера относится большая часть посѣщенныхъ нами уѣздовъ, и если бы лѣсопромышленность здѣсь получила правильное развитіе, то цѣлыхъ $4^1/_2$ м. десятинъ лѣснаго богатства пошли бы въ дѣло. Повѣнчанка въ притоками Волозеркою и Киндасомъ, Кумса съ притокомъ Остерью (всего 700 саж. отъ Остерскаго озера, изъ котораго вытекаетъ Остерская, впадающая въ Сегозеро), Уница, Суна съ притоками Сѣнною и Пичею, Шуя съ притокомъ Пртою, Мегра, Вытегра, Андома съ притокомъ Соминой, Нигижма, Водла съ притоками Истомою, Колодозеркою и Шалою и наконецъ Пальма съ Тамбицею—всѣ онѣ изливаютъ свои воды въ Онежское озеро и представляютъ полную возможность для сплава; только Суна нѣсколько

затрудняетъ сплавъ своими большими порогами, или вѣрнѣе, водопадами Гирвасъ, Поръ и Кивачъ (послѣдній даже иногда расщемляетъ и раскалываетъ цѣлыя бревна), но и по ней сплавъ тѣмъ неменѣе идетъ уже много лѣтъ, и видно хороши барыши, если торговцы не пугаются и убытковъ отъ расщемленныхъ бревенъ. Неравномѣрное развитіе лѣсопромышленности дѣлаетъ и самые сплавы не одинаково важными. Сѣверныя рѣки по большой части питаютъ лѣсопилки, Андома и Сомина готовятъ бревна въ неотесанномъ видѣ для Петербурга, но заготовки дровъ еще нѣтъ, да когда то еще и будетъ? А между тѣмъ на берегахъ Онего можно бы было совершенно легко заготовить до 100 т. кубиковъ дровъ, еслибы только представилось въ онежскихъ дровахъ надобность. Да и теперь не безвыгодно бы было заняться заготовкою дровъ на Онего, еслибы только можно было возить ихъ на рѣчныхъ судахъ, а не приходилось бы запасаться морскими судами или постройкою, или наймомъ—и и то и другое слишкомъ дорого; огромные площади Онего и Ладоги открыты для всѣхъ вѣтровъ, а потому бури и часты до такой степени на этихъ озерахъ; но, видно, русское «авось» наровитъ и бурю побѣдить и, несмотря на худую славу озеръ, все-таки лѣзетъ на своихъ скорлупкахъ въ ихъ ширь и гибнетъ, этихъ скорлупокъ видимо-не видимо и раззоряется бѣднаго народу тоже видимо не-видимо, такъ какъ богачъ на авоську не полѣзетъ, а выѣзжаетъ на скорлупкѣ бѣднякъ, который наровитъ соблюсти въ карманѣ расходы «канальскіе». Стали помаленьку и мѣстные крестьяне строить морскія суда на мѣстную потребу, но грузовъ слишкомъ еще мало, а потому и самая потребность въ морскихъ судахъ за недостаткомъ спроса со стороны капиталистовъ не велика. Строевой лѣсъ изъ пріонежскаго бассейна или потребляется на мѣстѣ, или же отправляется за-гра-

ницу; но мѣстное требованіе слишкомъ незначительно, такъ какъ всякій мѣстный житель можетъ получить лѣсъ изъ казны по отпуску, а при этомъ условіи покупать уже изъ вторыхъ рукъ вовсе не приходится. Лѣса, расположенные по обонежскому краю, питаютъ 6 лѣсопильныхъ заводовъ: Повѣнецкій, Кумсинскій, Уницкій, Шуйскій, Лижемскій. Олонецкій и Видлицкій; къ этимъ заводамъ доставляетса около 200 т. бревенъ, на сумму отъ 75 — 80 т. рублей въ годъ. По распиловкѣ на доски, лѣсной матеріалъ направляется на морскихъ судахъ частію въ Петербургъ, а частію и прямикомъ въ Кронштадтъ, и ясно, что еслибы только возможенъ былъ ходъ по озерамъ простымъ рѣчнымъ судамъ, то сбытъ легко удвоился, такъ какъ заграничное требованіе съ каждымъ годомъ становится все больше и больше. Теперь и кошели даже (про гонки и говорить нечего) разбиваются то и дѣло бурями; опасность и рискъ слишкомъ велики, такъ какъ приходится идти цѣлыхъ 200 верстъ (около 10 сутокъ пути) на буксирѣ у парохода, который и самъ-то едва справляется въ волнами разбушевавшагося озера; но спросъ есть и поэтому все-таки идутъ кошели къ устью Свири; прежде бревно то обходилось въ 15 к. всего, а теперь дошла цѣна до 40—45 к. за каждое бревно.

Что касается до дачъ, усвоенныхъ флоту, то онѣ должны бы по настоящему представлять все лѣсъ корабельный, но на самомъ дѣлѣ онѣ рѣшительно ничѣмъ не отличаютя отъ остальныхъ казенныхъ дачъ, развѣ только огромнымъ количествомъ валежника и сухоподстоя, для образованія котораго послужили великолѣпнѣйшія строевыя деревья. Прежде, когда еще варварскій способъ лѣсопромышленности не развился въ олонецкихъ лѣсахъ, можно было сквозь пальцы глядѣть на гніеніе превосходнаго строеваго лѣса, но теперь,

135

когда лѣсъ безпорядочно рубится эксплуататорами, безполезная пропажа флотскихъ дачъ должна бы, повидимому, обратить на себя вниманіе тѣхъ, кому вѣдать сіе надлежитъ. Уже теперь рѣдко встрѣчаются деревья, имѣющія аршинъ въ верхнемъ отрубѣ; трехсаженное бревно — диковинка!

Во всякомъ случаѣ, простое сопоставленіе цифръ дохода казны уже показываетъ, что лѣсопромышленность развивается въ Олонецкой губерніи съ году на годъ; цифры эти могли бы удесятериться, еслибы попенныя и иныя деньги по мудрости своей не ошибались сундуками и попадали прямо въ губернское казначейство, куда до сей поры ихъ весьма тщательно не допускали. Да, хлѣбная штука быть лѣсничимъ въ этомъ Богомъ и людьми заброшенномъ краѣ, и навѣрное Александръ Македонскій пожелалъ бы сдѣлаться олонецкимъ лѣсничимъ, еслибы не былъ Александромъ Македонскимъ. Спосылали недавно туда одного человѣка, и Богъ вѣсть какія дѣла пооткрылъ онъ тамъ, но что изъ этой поѣздки выйдетъ? — неизвѣстно. — Весь отпускъ Олонецкой губерніи простирается до 400 т. бревенъ и до 55 т. саж. дровъ ежегодно. Въ 1859 году было получено дохода — 95 т , въ 1855—97, въ 1856—103, въ 1857—109, въ 1858—189, въ 1859—196, въ 1860—279, въ 1861—316, въ 1862—317, въ 1866—323. въ 1867—309 и въ 1868—325 т. р. Отъ корабельныхъ дачъ въ 1860, 1861, 1862 годахъ получено казною дохода—15, 35 и 46 т. рублей. А что бы получила казна кабы да дѣло то велось на чистоту! Требуется, напр., лѣсопромышленнику вырубить лишненькихъ тысяченокъ 10 бревенъ—вотъ и отправляется онъ къ частному ближнему владѣльцу. «Что за билетикъ возьмете?»—«Давайте тысячу!» Идетъ торгъ—рѣшаютъ на чемъ нибудь. Затѣмъ пи-

шется такой билетикъ: «продалъ я изъ своей дачи на срубъ столько то деревъ»; деревa рубятся конечно не у владѣльца, а у казны, лѣсничій за недостаткомъ времени или за бездорожьемъ не замѣчаетъ порубки и бревна спокойно отправляются въ Петербургъ. А то вотъ еще какъ ухищряются: большемѣрныя деревья рубить воспрещено, а къ намъ въ Петербургъ приходятъ почти одни большемѣрныя; поглядите на клеймо — хоть лопните, не разберете клейма. «Да это изъ такой то частной дачи», говоритъ лѣсопромышленникъ. Дѣлаютъ и ещё проще: самъ лѣсопромышленникъ прирѣзываетъ себѣ лишнихъ тысченку десятинъ и опять-таки почему то не замѣчаетъ никто злоупотребленія; продаетъ казна на 15 лѣтъ сруба — а участокъ то, глядишь, въ первый же годъ попадетъ въ кошели и отправится куда-нибудь. А то купилъ одинъ богатый человѣкъ рудникъ, ну и прирѣзали ему по его же собственному разсчету на топку завода лѣсу; пріѣзжаетъ туда петербургскій ревизоръ: «къ чему вамъ такая гибель лѣса?» «Помилуйте, да мы 15 т. кубиковъ продаемъ ежегодно, да бревнами гонимъ». Глядь въ контрактъ, а въ немъ такая закорюка подведена, что вовсе правъ заводовладѣлецъ и на закорюку съ нѣсколькими, говорятъ, тысяченками простился. Ѣхалъ и шелъ я, ѣхалъ и шелъ петербургскій ревизоръ — общій выводъ: гдѣ же строевой лѣсъ? Лѣсовъ нѣтъ строевыхъ (конечно условно). Одинъ лѣсничій такъ, говорятъ, въ оффиціальномъ отвѣтѣ ревизору написалъ: хватитъ лѣсовъ еще лѣтъ на пятнадцать — вотъ тѣ олонецкіе лѣса. И поистинѣ, если только не измѣнится система эксплуатаціи, то врядъ-ли хватитъ ихъ даже на 15 лѣтъ. Урвать — вотъ въ чемъ девизъ нынѣшнихъ лѣсопромышленниковъ и лѣсохранителей, и если только не похерится девизъ этотъ, то горе краю.

Вечеромъ уже, часу въ девятомъ, подошли мы наконецъ къ порогамъ—пришлось выйти изъ лодки и идти берегомъ. Шагъ за шагомъ двигались мы гуськомъ по болотистому берегу, а лодка тащилась по порогу вверхъ на бечевѣ; лѣсъ, тьма отъ набѣжавшаго тумана, образуемаго брызгами пороговъ,—все это крайне затрудняло путь. Наконецъ понесло откуда-то дымомъ, собака наткнулась на лежавшую въ повалку кучку людей, и черезъ нѣсколько времени впереди завиднѣлся и огонекъ. Огонекъ оказался отъ костра, вокругъ котораго спала сотня-другая рабочихъ. Внизу, у берега, стоялъ сбитый изъ бревенъ плотъ, а на плоту возвышалась огромная досчатая изба — это то и была харчевая. Какъ оказалось, харчевая раздѣлена на 2 части, въ одной сложенъ провiантъ, а въ другой помѣщаются прикащики и иногда главные водовые гонщики. Дѣлать нечего, пришлось разбудить прикащиковъ и дать имъ привезенную изъ Линдозера записку отъ ихъ набольшаго; прочли и радушно приняли насъ; притащили откуда-то горшокъ съ угольями отъ комаровъ, которыхъ здѣсь гибель страшная, такъ что безъ кукеля ходить нельзя, скоро закипѣлъ поставленный батюшка-самоварчикъ, заговорили по душѣ, согрѣвшись чайкомъ, и много курьезнаго поразузналъ я, благодаря охоткѣ русскаго человѣка къ китайскому благодатному напитку. Бревна эти шли съ Сондала. Вся путина отъ Сондалы проходится бревнами въ 2 года съ зимовкою въ Надвоицѣ при истокѣ С. Выга изъ Выгозера. Рубятъ лѣсъ мѣстные жители и нанимаются съ вывозкою бревна на берегъ; вывозка происходитъ зимою, а иногда весною; бревна спихиваются на ледъ и вмѣстѣ съ нимъ идутъ до Сегозера, гдѣ собираются въ кошели. Прежде связывали бревна въ гонки, но это и долго дѣлать, да и невыгодно, потому что гонка все-таки разбоиста; только весьма не-

давно одинъ мѣстный крестьянинъ придумалъ гнать бревна по озерамъ въ кошеляхъ. Прежде всего связываютъ конецъ съ концомъ до 200 бревенъ и дѣлаютъ изъ нихъ кругъ; въ этотъ кругъ впихиваютъ остальныя бревна, которыя въ кругу плаваютъ совершенно свободно; именно это то свободное плаваніе бревенъ въ кошелѣ и не допускаетъ разбоя отъ бури. Выгода кошельной доставки огромная и одинъ Сороцкій лѣсопромышленникъ въ годъ сберегъ, благодаря кошелямъ, до 5,000 руб. Впереди кошеля привязывается плотъ особый—головня, и на ней ставится досчатая харчевая. Но вотъ кошели подошли къ истоку Сегежи; самый бревенчатый кошель и развязывать не стоитъ — только головню съ харчевою отцѣпятъ, а пороги и сами мастера на развязку. Быстро несутся бревна къ порогамъ, а 100 — 200 рабочихъ съ баграми отталкиваютъ ими отъ береговъ причалившія бревна; все идетъ благополучно. Но вотъ и пороги; съ шумомъ и плескомъ перелетаютъ бревна, словно игрушечки, черезъ камни; но вотъ одно бревнушко зацѣпилось за камень, къ нему пристало другое, третье, сотня и двѣ даже. Закопошился народъ на берегу, готовятъ лодку — надо разломать «заторъ». Лодка отчаливаетъ, ребятушки крестятся. Бойко вскакиваютъ они на заторъ и баграми начинаютъ разламывать его; бревно за бревномъ отколупываютъ рабочіе отъ затора, послѣдній все уменьшается,—наконецъ остается съ десятокъ бревенъ всего. Тогда лодка отчаливаетъ и съ трудомъ догребаетъ до берега — на заторѣ остается одинъ, много двое самыхъ молодцовъ. На берегу снова крестятся. Вотъ заторщикъ колупнулъ, напослѣдокъ, бревно, на которомъ онъ стоитъ, отрывается и съ быстротою молніи несется внизъ. Молодчина крѣпко втыкаетъ въ него багоръ свой, устанавливается и, стоя, проносится по порогу. Крикъ одобренія вырывается

137

у зрителей, да и есть, признаться, чему! картина дивная! Ловкость необычайная! «И всегда такъ счастливо проходите?» спрашиваете вы. «Много нашего брата тутъ по Сегожѣ разбросано», спокойно отвѣчаютъ вамъ, и то, чѣмъ вы сейчасъ любовались, опротивѣетъ вамъ, когда вы вспомните, что могли бы быть свидѣтелемъ смерти человѣческой изъ-за 4 р. 20 к. въ 7 рабочихъ дней! а прикащики чаекъ попиваютъ, или покрикиваютъ только съ берега за десятки рублей въ мѣсяцъ! Матушка спинушка русская! кто только на тебѣ за грошъ мѣдный не ѣздитъ, кто только за денежки жизнью русскаго человѣка не мыкаетъ? Разломали заторъ — и выпить надо, и закусить. Выпивка отъ хозяина, все больше въ зачетъ заработка, а закуска не въ зачетъ отъ него идетъ хлѣбомъ и приваркомъ. Какъ разрѣзали при мнѣ хлѣбецъ рабочій—даже диву я дался, какимъ это образомъ малахитъ сибирскій въ корку хлѣбную попалъ? зеленый, заплѣсневѣлый—дотронуться гадко, а работники такъ-то уписываютъ, что на—поди! Охъ, ужъ эти мнѣ пролазни изъ народа! какъ ренегаты — они то его и допекаютъ больше всего. Иной лѣсопромышленникъ явится на мѣсто и вообразятъ всѣ, что благодаря его энергіи поднимется благосостояніе края, начнутъ толковать досужіе люди, что будто задумалъ нашъ русскій предприниматель начать борьбу съ иностранною эксплуатаціею нашихъ лѣсныхъ богатствъ, повысить заработную плату и поднять благосостояніе народное въ той мѣстности, гдѣ судьба заставила его рубить и сплавлять лѣсъ. Но пройдутъ года, и все-таки крестьянинъ стонетъ отъ тягости работъ и незначительности заработка; штрафы допекли вовсе гонщиковъ и къ тому же мнимый благодѣтель, который на повѣрку всегда окажется просто человѣкомъ желающимъ урвать, рѣшительно обездолилъ и всѣхъ и вся лѣсопро-

мышленниковъ. Самъ статистическій мѣстный комитетъ заявляетъ, что цѣлыя селенія, лежащія вверхъ по рѣкамъ, по которымъ сплавляютъ лѣсные плоты хотя бы для Сорокскаго завода, лишаются своихъ очень цѣнныхъ промысловъ. Таковы всѣ верхнія селенія Сороцкой волости, которыя положительно лишились своей семги, вслѣдствіе запоровъ устья рѣки плотами. Прежде выручкой отъ этой семги крестьяне уплачивали свои подати, а теперь принуждены уже искать для этого иного источника, т. е. идти въ кабалу къ благодѣтелю заводчику. Тоже можно сказать и про сегожанъ. А что за барышъ крестьянину отъ лѣсогонщика, то вотъ и самые факты. Рабочимъ платится съ бревна въ 10 в. по 30 к., а потолще—побольше. Въ день такимъ образомъ рабочему можно заработать отъ 60 до 70 к., съ обязанностью вывезти лѣсъ на своей лошади на мѣсто сгона. При этомъ лошадь и хозяинъ ея не продовольствуются на хозяйскій коштъ. Съ открытіемъ судоходства лѣсъ сплавляется къ заводамъ. Рабочій получаетъ въ это время отъ 12 до 15 р. на своихъ харчахъ съ хозяйскимъ приваркомъ. Доставивъ плоты (гдѣ они еще дѣлаются) къ заводу, рабочій обязанъ самъ же разобрать ихъ и потомъ уже приступить къ распиловкѣ, во время которой рабочій на своихъ харчахъ получаетъ отъ 15—18 руб. въ мѣсяцъ. Работы преимущественно сдѣльныя и означенную плату можно получить, работая мѣсяцъ сплошь, безотходно. Распиленныя доски относятся на другой приводъ, гдѣ обрѣзываются бока ихъ; затѣмъ ихъ подвигаютъ на передкахъ къ биржѣ, гдѣ доски складываются въ штабеля въ сараяхъ или же подъ навѣсомъ. Тутъ готовый матеріалъ ждетъ своей очереди для браковки. Браковщикъ дѣлитъ обыкновенно доски на три сорта и отмѣчиваетъ для обрѣзки концы досокъ (21 — 22 ф. длины). Обракованныя

138

доски вновь переносятся на иное мѣсто, но на этотъ разъ больше на спинѣ рабочаго для отрѣзки лишнихъ концовъ. Трудъ переноски досокъ весьма тяжелъ. Доску въ $2^1/_2$—3 дюйма толщины, 5 дюймовъ ширины и 3 сажени длины рабочій долженъ пронести одинъ, на одномъ плечѣ, шаговъ 10—15 и ловко сбросить ее на ряды другихъ. Тяжесть доски доходитъ до 7 пудовъ и только русскій горбъ можетъ вынести такой грузъ. Такой рабочій можетъ заработать въ день 70 к., но обыкновенно этой работы никто долго выносить не можетъ — почему-то или закашляетъ и кровью захаркаетъ, или же отъ грыжи замучается. Отрѣзываютъ концы досокъ обыкновенно ручною пилою двое поденщиковъ, съ платою по 30 к. въ день. Для обезпеченія будто бы продовольствія рабочихъ, заводъ имѣетъ обыкновенно свои магазины съ съѣстными продуктами, откуда и производится продажа по жидовскимъ непомѣрнымъ цѣнамъ. Рабочій и на заводахъ и на сплавѣ болѣе 40 р. не заработаетъ (при цѣнѣ на муку въ 1 р. 20 и 1 р. 30 к.), а заводчики продаютъ сотню стандарную досокъ по 15 фунтовъ въ Англіи, т. е. около 115 рублей на наши деньги. Цифры эти говорятъ сами за себя и комментировать ихъ я считаю излишнимъ, а прибавлю лишь, что милосердіе заводчиковъ доходитъ до того, что за погибель работника они семьѣ его выдаютъ нерѣдко цѣлый куль муки! А кормить этакую прорву народа собственнымъ малахитовымъ хлѣбомъ, развѣ это не накладисто? Такимъ то вотъ побытомъ, лишенный милостью Бога помѣщиковъ, народъ въ силу обстоятельствъ все таки обрѣтается въ кабалѣ чуть ли не худшей; а тутъ еще грѣшнымъ дѣломъ и свой братъ подможетъ — подрядчикъ: порядитъ по полтинѣ, съ лѣсопромышленника возьметъ по шести гривенъ — стонетъ народъ и ждетъ какого-нибудь Мессію, но Мессія до сихъ

поръ все не является, да врядъ ли и явится когда въ эти заброшенныя мѣста, гдѣ даже свинья ужиться не можетъ— нѣжна слишкомъ для тамошняго климата, изволите ли видѣть, и гдѣ можетъ ужиться только крестьянинъ, куда выносливѣе свиньи и не брезгаетъ ни климатомъ, ни болотиной, ни тычкомъ, да скалкой. Побывши съ лѣсогонщиками, двинулись мы наконецъ дальше. Данило—онъ же деревня Сегежа нашихъ картъ, по словамъ прикащиковъ, только передъ нашимъ приходомъ отправился съ харчевой домой и потому можно было быть увѣренными, что мы западемъ его дома. Любезные прикащики дали намъ проводника, такъ какъ линдозеры никогда не бывали за порогами, и двинулись мы въ путь по берегу любуясь величественнымъ видомъ пороговъ. Пройдя нѣсколько верстъ глухимъ боромъ и часто сбиваясь съ тропы, протоптанной лѣсовщиками, мы вышли однако часа черезъ полтора опять на берегъ, саженяхъ во ста вверхъ отъ пороговъ. Лодку взяли гоночную, огромную, чуть не съ Ноевъ ковчегъ, и поплыли дальше. Но вотъ на правомъ берегу Сегежи, на горкѣ показалсь «хижа» Данилы. Данило былъ дома, но какъ на грѣхъ семья его находилась верстахъ въ 4—5 отъ хижи «на дачѣ», какъ острилъ сопровождавшій меня гоночный проводникъ. — Дача Данилы оказалась избушкою безъ крыши, построенною имъ на покосномъ мѣстѣ; здѣсь нашли мы наконецъ М-me Воцема съ сыномъ и дочерью, и Данило, переговоривши съ семьею, согласился доставить меня на Сегозеро, на Калинчьи острова, гдѣ, по его словамъ, можно будетъ нанять лодку до Падановъ. Данило— личность чрезвычайно типичная; съ его хижи начинается уже Корела; самъ онъ корелякъ, но прекрасно говоритъ порусски и лицомъ даже, если бы не историческая «бѣлоглазость», совершенно костромичъ или ярославецъ; высокій

ростомъ, въ плечахъ косая сажень, рыжеволосый, кудреватый — онъ, полагать надо, не только съ порогомъ, но и съ самимъ чертомъ сладитъ одинъ на одинъ; часто случается ему подниматься и спускаться по порогамъ «на веслахъ». «Какъ же это ты, Данило, справляешься?» Вынулъ мой Данило бумаженку и подаетъ мнѣ. Боже праведный! это какъ сюда попало? «....gegeben.... freiherr.... dorf.... Danilo Wocema.... dass ich wurde durch die Wasserfälle von Segescha durchge.... Schelm.... Kerl» и затѣмъ какая то подпись. «Откуда это у тебя Данило?» «Прусскаго посланника я тутъ возилъ въ Линдозеро, такъ онъ мнѣ выдалъ». Куда только прусскій посланникъ не заглянетъ? Ну что ему, кажется, дѣлать на Сегожѣ? а былъ и удостовѣреніе Данилѣ выдалъ — только вотъ Schelm-то что значитъ. А можетъ и нѣмчикъ какой-нибудь надсмѣялся надъ простакомъ Данилой? Но вотъ опять пороги; заработала вся семья Данилина и такъ заработала, что потъ градомъ катится съ нихъ. На одномъ порогѣ я было испугался даже, но скоро увидалъ, что Данило свое дѣло знаетъ и вѣрнѣе всего будетъ положиться на его знаніе дѣла. Лодка наша прямехонько направлялась на огромный камень, залегшій на самой серединѣ рѣки; семья Данилина дѣйствовала чуть не въ 10 лошадиныхъ силъ и вотъ-вотъ, казалось, налетимъ мы на камень. Хрустнуло что то въ носу — это лодка въ камень ударилась — и быстро понесло нашу лодку внизъ по теченію; опять ударилась лодка объ берегъ и затѣмъ тихо и спокойно двинулась подлѣ берега вверхъ по порогу. Оказалось, что попасть прямо къ берегу невозможно и единственная возможность взобраться на порогъ — это продѣлать такой кунштюкъ, какой и продѣлалъ Данило. Патфайндеръ, да и только, подумалъ я. А тутъ же на берегу, куда возилъ меня Данило, какіе то холмики нары-

ты. «Что это?» говорю. «Порогъ этотъ Поповъ — порогъ называется, потому попъ, да съ нимъ 20 крещеныхъ, на ёмъ потонули—вотъ это самое мѣсто могилы ихъ. Видишь 21 штука—такъ тутъ всѣ и зарыты». Утѣшительно, подумалъ я, для дальнѣйшихъ путниковъ знать, почему этотъ порогъ прозвался Поповымъ; нѣтъ, видно безъ Данилы тутъ и не суйся. Долго пробивались мы на порогахъ, такъ что только часу въ 7-мъ вечера (въ 10 ч. мы вступили въ пороги) лодка наша въѣхала въ прекрасный плесъ или озеро Воцема-Ламба, которое почему то не изображено ни на одной картѣ, хотя и имѣетъ длиннику цѣлыхъ 2 версты, при такой же ширинѣ. Съ полверсты за Воцема-Ламбой ѣхали мы еще по Сегежѣ, которая въ этомъ мѣстѣ съуживается до 40 саж. ширины, а затѣмъ совершенно неожиданно очутились на озерѣ въ проливѣ между его восточнымъ берегомъ и островами. Сегозеро изображается на картахъ почти лишеннымъ острововъ, но слѣдуетъ сознаться, что это отнюдь не рекомендуетъ нашихъ картографовъ и топографовъ, такъ какъ вся сѣверо-восточная и восточная части Сегозера переполнены островами, которые въ сѣверо-восточномъ углу озера достигаютъ значительныхъ размѣровъ (Каличьи острова) и затѣмъ тянутся длинною цѣпью до самыхъ Падановъ (Овечій, Бабій, Лѣсной и Шанда). Южный и западный берега дѣйствительно лишены острововъ.

LXIII.

Отъ устья Сегежи до Каличьихъ острововъ считается лодкой 10 верстъ пути; лодка идетъ все время среди острововъ, покрытыхъ лѣсомъ. Только около полуночи причалили мы наконецъ къ сходнямъ у берега. Пошолъ я будить кого

140

нибудь въ избѣ, такъ какъ все въ деревнѣ спало уже мертвымъ сномъ. Вхожу въ горницу — старуха корелячка встрѣчаетъ меня. «Какъ бы, говорю, матушка, сюда въ уголокъ соломки постлать!» Сказалъ я это довольно громко. «Сейчасъ родной, только ты не громко говори — ишь у меня тутъ двое въ оспицѣ!» Какъ ножемъ меня въ бокъ хватила старуха? Каково ночь то ночевать въ одной горницѣ съ оспенными! Оспа здѣсь царствуетъ полновластно, какъ благодаря тому обстоятельству, что лечить ее некому, такъ и благодаря особому къ ней отношенію народа. Вотъ уже 2 года, какъ печатаетъ Повѣнецкое земство приглашеніе доктора, но до сихъ поръ никто не хочетъ рискнуть принять на себя это дѣло; 2300 р. давало земство, но и то тщетно; обѣщался было какой то, но такъ на обѣщаніи дѣло и покончилось — добро денегъ-то ему на дорогу не выслали. Народъ оспу не прививаетъ, да еслибы и прививалъ, такъ пожалуй при своемъ отноженіи къ оспѣ все таки не освободился бы отъ заражанія. Оспа является здѣсь какимъ то миѳическимъ лицемъ; народъ иначе не называетъ ее, какъ «Марья Ивановна желанная», «Оспица матушка»: когда является у кого изъ дѣтей оспа, то вся деревня отъ мала до велика собираетъ дары и отправляется въ зараженную избу. «Здраствуй матушка Марья Ивановна!» говорятъ пришедшіе,—«здраствуй на многіе лѣта! Благодарствуй, что посѣтила насъ, рабовъ твоихъ покорныхъ, не будь ты намъ злою мачихой, будь родною матерью! Ты лики порти да въ гробы не складывай! Не побрезгуй дарами нашими!» Все это сопровождается учащенными поклонами и дары подносятся больному, который долженъ всенепремѣнно отвѣдать всего: и рыбничка, и водочки, и всего такого. Затѣмъ дары съѣдаются присутствующими, а больнаго ведутъ въ до безобразія натопленную баню, гдѣ «вы-

нарпвають желанную гостью», — «а то матушка по Руси бродивши овшивѣла». Иной отъ такого леченья выздоровѣетъ, а иной (чаще) помретъ. Въ прошломъ году на Каличьихъ островахъ изъ 32 жителей вымерло 19 душъ—не угодили, знать, Марьѣ Ивановнѣ.

Рано утромъ двинулся я въ путь на перерѣзъ озера къ Паданамъ, до которыхъ отъ Каличьихъ островов считаютъ 40 верстъ. Сегозеро (1033 кв. версты), какъ нарочно, было совершенно спокойно, и быстро шла наша лодка мимо вышеупомянутыхъ островов, расположенныхъ по діагонали отъ сѣверо-востока къ юго-западу. Около 4 ч. мы подходили уже къ Паданскому берегу, красивѣйшему изъ всѣхъ, видѣнныхъ мною на внутреннихъ озерахъ Повѣнецкаго уѣзда.

LXIV.

«Гдѣ русскій сапоги съѣлъ—тамъ кореляк руки нагрѣлъ», «Кореляку то не жизнь?» «Корелякъ, что свѣтлякъ въ лѣсу живетъ»—вотъ какъ русскій человѣкъ взглянулъ на встрѣченнаго имъ въ его колонизаторскомъ движеніи инородца. И правда: русскій ухитряется на ловъ рыбы и на иное какое подспорье къ тому, чтобы пропитать себя и свою семьюшку, тогда какъ корелякъ или устроился на хорошихъ сележныхъ мѣстахъ, или же съ винтовкою за плечами кормится охотой и живетъ хорошо, при всей бѣдности окружающей его природы, при всемъ томъ, что природа эта не мать тамъ человѣку, а злая непривѣтная мачиха. Логово свое онъ выстроилъ такъ, что изба образуетъ полный квадратъ—видно полюбилось ему равенство стѣнъ между собою; вышины въ логовѣ отъ $2^1/_2$ до 3 саженъ, такъ какъ запасливому кореляку потребовалось и подполье

и родъ клѣти устроить, гдѣ можно бы было безнаказанно отъ лѣтней жары хранить корельское лакомство — рѣпный квасокъ, а также хоть не мудрые, а все же таки, какъ ни на есть, продукты. Избу онъ свою раздѣлилъ на два отдѣленія: въ одномъ помѣщается его спальня и горница (пріемная, гостиная), а другое посвятилъ онъ на домашній обиходъ; тамъ онъ съ семьею работаетъ, тамъ стряпается его пища — это горница обыденная, навидавшаяся тяжелыхъ трудовъ всей семьи, наслыхавшаяся великаго горя семейнаго. Иной, побѣднѣе не справился и съ такою роскотью, какова изба о двухъ горницахъ и живетъ себѣ въ одной, которая и служитъ ему для семейнаго обихода, равно какъ и для торжественныхъ случаевъ. При входѣ въ избу, на право помѣщается печь, а вокругъ всей горницы лавки и полки; въ какомъ нибудь изъ угловъ примастила хозяйка свой нероскошный посудникъ, въ переднемъ углу повѣшенъ кіотъ, а посреди горницы стоитъ столъ съ ящикомъ для ножей и ложекъ. Сѣни всегда холодныя и придѣлано къ нимъ боковое крыльцо; сѣни эти носятъ названіе связи. Хоть не больно богатый, но тѣмъ не менѣе все таки домовитый кореляк помѣстилъ всякую хозяйственную пристройку у себя подъ рукою; тутъ же за связью у него сѣновалъ, а подъ бревенчатымъ поломъ сѣновала, въ которомъ подѣланы прорѣзи, помѣщается скотный дворъ и притомъ съ такимъ ухищреніемъ, чтобы прорѣзи сѣновала какъ разъ приходились надъ яслями—было бы споро сѣно скотинѣ давать. Въ сѣняхъ отведена клѣтушка для храненія разнаго скарба—это уже женское царство, а мужикъ иной разъ даже и не знаетъ, что лежитъ въ клѣти. Во внутренней жизни своей корелякъ вовсе не отличается особенно чистоплотностью, да, признаться, трудно и соблюдать-то ее, когда привыкъ человѣкъ рыбешку чистить въ

избѣ на полу, когда всѣ помыслы его направлены лишь на то, какъ бы такъ умудриться, чтобы не проѣсться въ конецъ на покупной мукѣ, которую на его потребу привезли за тридевять земель и продаютъ по такимъ цѣнамъ, что рыбникъ, изъ нея сдѣланный коломъ въ горлѣ станетъ; тѣмъ не менѣе, видно наболѣлись корельскіе глаза, видно напудились вдоволь корельскія легкія и мы видимъ уже повсемѣстно, что на курныя, черныя избы идетъ гоненіе великое; только нашъ русскій человѣкъ видно никакъ не дойдетъ до такой роскоши, какова не курная изба — видно его легкія, его глаза не по одной трафареткѣ дѣланы, такъ какъ и самъ онъ, на замѣчаніе, что у другихъ людей не такъ, какъ у него, не то на смѣхъ, не то съ великаго горя отшучивается: «да вѣдь другіе люди другому Богу молятся». Двора у кореляка не полагается, да и не къ чему, такъ какъ зимушка студёная научила уже его грѣть свою скотину въ застрояхъ, а не въ тѣхъ зулусскихъ корраляхъ, которые пригодны въ Африкѣ, но никакъ не въ Россіи; русскій человѣкъ, взлѣзая отъ холода на печку все еще не возьметъ въ домекъ, что корова вовсе бы не прочь отъ того же, настоявшись подъ всероссійскимъ навѣсомъ или варкомъ, да вотъ на поди — сказать не можетъ! Корелякъ это дѣло понялъ, да и сталъ держать скотину въ застроѣ а отъ того и скотина его не нашей мужицкой чета, какъ и самъ кореякъ, хоть и называли его «чудью поганою и бѣлоглазою», хоть и «въ лѣсу онъ живетъ», а все какъ-то складнѣе нашего обторханнаго Савоськи; тотъ же Савоська: и ѣстъ онъ ни вѣсть что, и вѣритъ ни вѣсть во что, да еще и бѣлоглазый, а въ хатѣ его и остановиться можно, а съ нимъ самимъ иной разъ и поговорить не зазорно — что его ума дѣло, то онъ знаетъ. Стекло дорого кореляку приходится и потому никакъ онъ не наладитъ хо-

142 *

рошаго окошка—дыра какая то; а тутъ еще стужа зимняя, такъ въ окошко и ломится и вздумалъ корелякъ жить зимою кротомъ подземельникомъ—какой тутъ свѣтъ Божій, хоть бы отъ стыди то уберечься; какъ только стукнетъ первый морозъ, корелякъ тотчасъ же заколачиваетъ свои окна до верхнихъ стеколъ досками и сидитъ всю зиму въ темнотѣ—благо не ему суждено читать и писать. Всячески умудряется онъ въ борьбѣ своей съ морозомъ; избу свою онъ на зиму конопатитъ вновь мохомъ или куделью, смотря по достаткамъ, да кромѣ того еще по пазамъ смазываетъ глиной или толченымъ мраморомъ съ навозомъ; этотъ последній способъ случалось намъ видѣть не разъ въ корельскихъ волостяхъ и удивляться такому сочетанію, которое держитъ однако тепло отлично, а кореляку вѣдь дѣла нѣтъ до того, что изъ того же мрамора дѣлаетъ рѣзецъ вдохновеннаго ваятеля. Благо лѣсу много, хату свою корелякъ покрылъ тесомъ, хоть и горбыльнымъ, а все же таки по теплѣе ему живется, чѣмъ нашему степняку, развѣ только тѣмъ ему бѣлоглазому хуже, что не можетъ онъ въ гнѣвъ Господній, въ скотную и людскую безкормицу скормить свою крышу отощалымъ животнымъ — ну да на то онъ и бѣлоглазый, порядковъ не знаетъ! Корелякъ охотникъ помыться и по париться и всякій домохозяинъ саженяхъ въ тридцати отъ избы своей ставитъ особую баню; хоть и не казиста она на видъ, а все же попариться въ ней можно и не надо залѣзать въ печку, гдѣ того и гляди кирпичемъ убьетъ, а то задохнешся—правда, что вѣдь это, говорятъ, все печникъ (домовой) мастеритъ, куда зачѣмъ же и лѣзть прямо къ нему въ лапы.

Можетъ быть когда нибудь и чурался корелякъ отъ одежды русской и носилъ свою народную, да во всякомъ случаѣ не могла она особенно отличаться отъ одежды нашего рус-

скаго крестьянина, такъ какъ однѣ и тѣже причины обусловливали ея составъ и даже покрой; разница можетъ быть въ любимомъ цвѣтѣ, въ прикрасахъ, но какъ ни национальничай, а тулупъ и притомъ, какъ наиболѣе подходящій по стоимости своей и по теплотѣ, овчиный наденешь; у кореляка верхняя овчиная одежда скроена полушубкомъ, а подъ нею иной мерзлякъ еще и сѣрый суконный армякъ надѣнетъ, благо позналъ корелякъ мудрость россійскую и облюбилъ пословицу: «паръ костей не ломитъ, а вошь то и любитъ»; шапка на немъ опять таки баранья — небось! изъ бѣлокъ набирать не станетъ, такъ какъ перенялъ опять же нашу русскую ухватку: что получше продать, похуже— себѣ взять; рукавицы носитъ онъ съ варегами, которые вяжутъ для него на низу гдѣ то; коли придать къ этому костюму сапоги изъ бѣлой высмоленной кожи, которые, какъ увѣряютъ здѣсь, никогда не промокаютъ, суконныя онучи, да высокіе валенки, то во очію встанетъ передъ нами корелякъ въ его зимней, налаженной натепло одеждѣ. Баба корелячка, ужъ на что, говарятъ, бабы туже мужиковъ поддаются чужому вліянію, а и та развѣ только одну бѣлоглазость свою сохранила да юбку чухонскую—и не отличишь ее издали отъ нашей женщины изъ губерній по голоднѣе; только здѣсь бросается она въ глаза при сравненіи съ сытою дебѣлою, красивою раскольницею, но не по костюму своему а по малорослости, малосилію и болѣе бѣлясой окраскѣ и глазъ, и волосъ; носитъ корелячка сорочку холщевую съ длинными рукавами, что мы находимъ и у заонежскихъ русскихъ, а поверхъ юбки своей надѣваетъ нашъ русскій сарафанъ; дамы эти башмаками пренебрегаютъ и облюбили длинные, мужскіе сапоги съ бѣлыми голенищами — опять ради мокряти; голову корелячки не повязываютъ, а накрываютъ платкомъ. Другое дѣло лѣтомъ! На

143

мужикѣ тогда надѣта такъ называемая понитка или полукафтанъ, на головѣ его сидитъ низенькая поярковая шляпа, на ногахъ тѣже бѣлые сапоги, а лапти почти совсѣмъ изгнаны изъ употребленія, въ виду распространившейся всюду охоты къ роскоши; въ праздникъ корелякъ щеголяетъ въ красной рубахѣ и въ фабричной фуражкѣ, а корелячка надѣваетъ шерстяной сарафанъ, высокіе чулки и бѣлые сапоги. По костюму можно узнать испыталъ ли корелякъ прелести семейной жизни или же онъ находится еще въ періодѣ исканія подруги сердца, такъ какъ холостёжъ, по давно заведенному обычаю выставляетъ на показъ, понадъ голенищемъ пальца на 2 на 3 ободъ чулка, искусно связанный изъ разныхъ шерстей то шашечками, то клѣточками, а то такъ и птицами, что и на орла и на пѣтуха смахиваютъ.

Ѣстъ корелякъ хоть и не ладно, а все же лучше нашего центральнаго и южнаго крестьянина, благо природа дала ему и рыбки, и птицу, и звѣря; только вся бѣда въ томъ, что и изъ этихъ даровъ природы корелякъ наровитъ наѣсться негоди, а что по лучше продать сборщику. Хлѣбъ у него почти весь покупной и сѣетъ корелякъ такъ только для развлеченія или въ силу разъ установившагося обычая, такъ какъ ему и на мѣсяцъ съ семьею своею хлѣба не хватитъ; хоть большесемейности у нихъ и не замѣтно и семьи все больше однотягольныя, все же ртовъ набирается много и муки припасать приходится не малую толику. Хлѣбъ пекутъ корелячки пополамъ изъ ржаной и овсяной муки и хоть онъ и не сравняется вкусомъ съ нашимъ чернымъ хлѣбомъ, но много лучше того лебядника, которымъ питаются наши крестьяне на югѣ, когда въ пшеницѣ заведется лебеда; такой хлѣбъ называется кокой или овсяникъ; наваритъ иногда хозяйка щей изъ сухой мелкой рыбы, да подастъ пареной

или печеной рѣпки, покрошитъ картофеля, коли запасла его вдоволь, да на праздникъ прибавитъ еще къ этой снѣди соленыхъ окуней или плотвы — вотъ и обѣдъ корельскій; осенью бываетъ за столомъ и мясо, что либо отецъ набьетъ, либо шустрый сынишка подкараулитъ на озерѣ. Больше однако кореликъ расположенъ къ мучной пищѣ—она для него услада, лакомство, такъ какъ дичины—бей не хочу, а тестомъ да мучиной хозяйка передъ хозяйкой колдырятся—«у насъ-де нынче 4 мучнины было, т. е. 4 мучныхъ блюда; захочетъ угостить васъ кореликъ, такъ наставитъ 8—10 блюдъ съ разной мучниной: «ишь де я какой богатый, какъ я тебя подчую на славу». Первымъ дѣломъ приведу я здѣсь щипанники или калитки, штуку превкусную, которая какимъ то непонятнымъ образомъ попала сюда изъ подъ Хорола и Пирятина, гдѣ ее называютъ щипанці и рванці, смотря потому какъ и гдѣ привыкли; пирой или рыбникъ печется изъ ржаной муки пополамъ съ овсянкой и начиняется смотря потому, что имѣется въ наличности: то палтусиной, то лещемъ соленымъ, а то и рыбешкою; иная хозяйка угоститъ васъ и курникой или по нашему овсяными блинами съ житною кашей, а иная такъ и пирожное смастеритъ корельское любимое—это чупуку или овсяный кисель съ молокомъ. Рыбу привыкли ѣсть больше вареную прямо въ чешуѣ, безъ очистки, причемъ увѣряютъ, что она такъ то навaристѣе; рѣдко увидишь, что рыбу поджариваютъ. Любимою снѣдью кореляка слѣдуетъ признать вствороженное молоко и рѣпу, наиболѣе употребительною—окуневую малью и рыбешку, а пойломъ — рѣпный квасъ. Картофель сѣютъ рѣдко, да и то онъ рѣдко урожается, а горохъ такъ и вовсе не сѣютъ—не выдержитъ поздниковъ т. е. іюльскихъ морозовъ. Ѣстъ кореликъ и три и четыре раза въ день, смотря потому, что онъ дѣлаетъ; на полѣсованьи и разъ поѣстъ — ладно, а когда онъ подлѣ дома

144

вертится и послѣ четырехъ разъ все будто на ѣду позываетъ. Пьетъ онъ умѣренно, хоть и почдуютъ его добрые люди и росейскою сивухою и свои собратья изъ Финляндіи высылаютъ втихомолку свою картофельно-моховую дрянь; въ Приопежскихъ и Сегозерскихъ волостяхъ пьютъ меньше, нежели въ пограничныхъ, но на эту сдержанность причину слѣдуетъ искать въ томъ обстоятельствѣ, что здѣсь кореляκъ сплошь раскольникъ — безпоповецъ, а тамъ лютеранинъ и больше клонитъ и тянетъ къ ухваткамъ своихъ финляндскихъ однородцевъ, съ тою лишь разницею, что въ Финляндіи за пьянство насторъ на черную скамейку сажаетъ и всякую иную пакость сдѣлаетъ, а здѣсь за границей на счетъ водки свободно—отравляйся сколько твоей душенькѣ угодно.

Чтобы жить и горькую свою жизнь избыть кореляκъ долженъ сильно работать; рубить лѣсъ, разъ 8 перепахать сдѣланное имъ огнище, перебороннить землю до состоянія зубнаго порошка, ловить рыбу, косить сѣно, бить птицу и звѣря и въ концѣ концовъ выручить этимъ трудомъ ровно столько, сколько хватитъ лишь на годовой прожитокъ. Первымъ дѣломъ лѣтомъ наступаетъ время сѣнокоса; числа съ 24 іюня кореляκъ бросаетъ свой домъ и выселяется на свои покосы, которые находятся зачастую въ 10—15 и даже 20 верстахъ отъ его деревни; койкеницкіе крестьяне косятъ даже за 60 верстъ отъ дома по правому берегу р. Сегежи. Сѣнокосъ — время милое для всякаго, такъ какъ и солнышко пригрѣваетъ не по олонецки и воздухъ хорошій и снѣдь добрая; нѣтъ тутъ порядка какого либо, а просто на просто ѣдетъ Данило Воцема коситься то на Онду, то на Тумбогу, а то и на своей Сегежѣ намѣтитъ незанятое мѣстечко, накоситъ сколько ему надобно и къ 1, а, коли запоздаетъ, то къ 15 августу ѣдетъ домой, такъ какъ настаетъ пора налаживать винтовку и весь причендалъ полѣсовный и идти

до середины октября, а то и до ноября, коли станетъ охоты или велика нужда. Сталъ теперь корелякъ ухитряться, такъ что и русскому никогда еще такой хитрости не втемяшивалось; видитъ онъ, что болотина жирная и рожала бы хлѣбъ, да вода мѣшаетъ, да ржавчина, и впало ему въ мозги, что вѣдь воду то можно и согнать, да только одному ему такого дѣла не осилить; вотъ и задумали кореляки невиданное дѣло: стали по три по четыре хозяина дѣло дѣлать сообща, высушили болотину, посѣяли на ней не матушку рѣпку, а прямо таки рожь и родилась у нихъ безъ навозу рожь самъ пятнадцать! диву тутъ дались кореляки, попробовали сдѣлать тоже, достигли тѣхъ же блестящихъ результатовъ и теперь дѣйствительно такая артельная осушка въ большомъ ходу. Сталъ къ этой мудреной штукѣ приглядываться и русскій человѣкъ безпоповецъ, перенялъ хитрую выдумку бѣлоглазыхъ и не нарадуется, увѣряя, что «се Господь умудряетъ младенцевъ». Кромѣ землепашества ходитъ корелякъ и въ отхожіе промыслы: на вывозку бревенъ изъ лѣса къ ручьямъ и рѣчкамъ зимою, а весною на выгонку ихъ либо къ заводамъ лѣсопильнымъ, либо въ озеро, гдѣ ихъ вяжутъ въ кошели и плоты и ведутъ пароходами. Живетъ корелякъ и рыболовствомъ, а такъ какъ ему одному невода не осилить купить и наладить, то и сходятся на эту подѣлку по большой части по 8 домохозяевъ, строятъ неводъ на общій коштъ, рыбачатъ общими силами и дѣлятъ выручку на 9 частей, изъ которыхъ 8 дѣлятся между участниками, а девятая идетъ на церковь и на поддержку снастей. Неводъ наладить вещь трудная; идетъ на него цѣлыхъ 350 саженей веревки на 5 р. 50 к., да льна чесаннаго на 32 р 50 к.—спасибо еще не дорогъ ленъ то псковской, да за прядку его заплатить надо 8 р. 40 к. по 3 к. съ каждаго аршина, да за плетенье съ сажени по 10 к.,

145

а за всѣ 120 саженъ—12 р.; матка—та дорогая подѣлка, за нее за одну заплатишь 6 р. и всего на всего неводъ станетъ 64 р. 50 к. Такимъ неводомъ наловитъ вся артель пудовъ до 60 въ годъ рыбы, а коли весна была добрая, то и больше. Не одну красную рыбу вылавливаетъ корелякъ, а потому и ловитъ онъ еще по озерамъ мережами и крючьями или переметомъ; на этотъ снарядъ ловится щука (гаука), что бываетъ отъ $^1/_2$ до 30 фунтовъ вѣсомъ и стоитъ за фунтъ гдѣ 4, а гдѣ и 6 коп.; окунь или по корельски агвень тотъ въ ростъ больше трехъ фунтовъ нейдеть и продается отъ 2 до 7 к. за фунтъ, смотря потому идеть въ продажу рыба крупная или же мальё; лещь (лигна) тянетъ и $^1/_2$ ф. и 10 ф., какъ нагуляется и цѣна ему по величинѣ рыбины разная, отъ 4 до 6. к. за фунтъ; въ язѣ (савиу) бываетъ отъ $^1/_2$ до 5 ф. и цѣна на него стоитъ отъ 4 до 6 к.; Ершь—-рыбка хоть и не важная, а все же таки въ продажу идетъ по 4 к. за фунтъ и кишкоевъ (ершей) покупаютъ охотно; рѣдко спрашиваютъ плотву (сярги), что вытягиваетъ иногда до $^1/_2$ ф., хотя цѣну и даютъ хорошую отъ 2 до 5 к. за фунтъ; салатти (салакушка) покупаютъ охотно—рыбка она сладкая и ходъ ей въ Питерѣ хорошій, а потому и цѣна ей доходитъ до 1 р. 20 к. за пудъ; изрѣдка ловится и минога — ею дорожать и когда поймають митикку (минога), то тотчась кладутъ въ сторону, такъ какъ скупщикъ даетъ за фунтъ ея до 6 к. увезетъ въ Питеръ и продаетъ за настоящую Рижскую или Ревельскую.

Хоть и населила природа лѣса корельскіе и птицею всякою и звѣрьемъ подходящимъ на потребу живущему тамъ человѣку, но все-таки человѣкъ этотъ не пользуется этими дарами природы]такъ, какъ могъ бы пользоваться, благодаря установившемуся и въ этихъ мѣстахъ обычаю жить и дѣйствовать

изъ подъ чужаго ума и хлѣбъ свой добывать изъ вторыхъ, такъ сказать, рукъ. Скупщикъ дичи и здѣсь даетъ кореляку отъ 50 до 70 рублей впередъ, зная навѣрное, что корелякъ вѣрнѣе всякаго банка соблюдетъ условія и дастъ случай нажить рубль на рубль, а не пустой банковый процентъ, а самъ питается лишь крохами, падающими со стола бражничающихъ. Когда полѣсовщикъ возвращается домой, то его уже поджидаетъ ловкій человѣкъ-скупщикъ, а то и прикащикъ его и тотчасъ назначаетъ цѣну его товару; тутъ парѣ рябчиковъ цѣна 15 и 18 к., а парѣ тетеревовъ отъ 25 до 35; полѣсовщикъ имѣетъ право попридержать дичь и прислушаться къ ходящимъ цѣнамъ; иной разъ случается, что къ нему же будто ненарокомъ наѣзжаетъ другой скупщикъ и даетъ двумя-тремя копѣйками дороже — тогда и завсегдаточный дѣлаетъ надбавку и покупатель и покупщикъ сходятся въ цѣнѣ. Случается, что скупщикъ набивается тутъ же и порохомъ и пульками; корелякъ потопорщится-потопорщится, да и возьметъ у своего давальца порошку по 1 р. 25 к. за фунтъ, т. е. ту цѣну, которую платитъ онъ и въ городѣ. Великое дѣло укладка дичи — и здѣсь нужно умѣнье и особая ухватка, пріобрѣтенная горькимъ опытомъ и передающаяся отъ дѣдовъ и прадѣдовъ; дичь кладутъ въ коробьи, да не просто валятъ, а на каждый рядокъ накладутъ соломы, а черезъ два три ряда продернутъ черезъ весь коробъ крестъ на крестъ палки, чтобы птица не мялась верхними рядами. На сто паръ надо считать особую подводу, а это дѣло меньше 10 р. въ цѣну не положишь, такъ что на каждую пару подвода ляжетъ десятью копѣйками, да себя прокормить на пути туда и обратно станетъ 4 р., да лошадка обойдется въ 3 цѣлковыхъ, да въ Питерѣ проживешь не меньше 4 р., такъ что сто — то паръ и станутъ въ одной доставкѣ 21 рубль и придется въ Питерѣ дичь

то продавать по 21 к. на пару дороже, а тутъ еще Петербургскіе купцы подтянуть—не суйся бѣлоглазый не въ свое дѣло, да искушеній опять много въ этомъ городѣ—ну и выходитъ, что лучше продавать птицу на мѣстѣ, благо можно оставаться у себя дома, не нудить свои косточки по ухабамъ и сугробамъ и уважить доброму человѣку скупщику, который товаръ и въ Питеръ доставитъ,, и самъ проведетъ Питерскихъ купцовъ мошенниковъ и на соблазны Питерскіе не посмотритъ. Такимъ то вотъ побытомъ по отсутствію иниціативы, по косности своей и по несмѣлости и питается корелякъ крохами отъ стола скупщиковъ.

Выгонка лѣса производится также не прямо и непосредственно, а опять-таки изъ подъ рядчика, который и изъ того малаго, что ему даетъ хозяинъ на наемку людей, утянетъ малую толику дѣтишкамъ на молочишко. Рядчикъ — обыкновенно свой же корелякъ, только посытнѣе остальныхъ, получаетъ отъ лѣсопромышленника рублей 50 и 100, причемъ онъ обязуется доставить ко вскрытію рѣкъ на мѣсто извѣстное число рабочихъ; за каждаго выставленнаго имъ рабочаго онъ получаетъ отъ 3 р. 50 к. до 4 руб въ недѣлю на хозяйскомъ содержаніи; рядчикъ на каждый десятокъ рослыхъ и возмужалыхъ рабочихъ имѣетъ право поставить одного мальчишку малолѣтка, хотя на его долю и получаетъ одинаковую со взрослыми плату. Уже зимой рядчикъ успѣлъ побывать у гонщиковъ и разсовать имъ задатки; какъ только приходитъ время гонки заподряженные рабочіе являются на мѣсто и притомъ на слѣдующихъ условіяхъ: всякій гонщикъ получаетъ на хозяйскихъ харчахъ отъ 2 р. 50 до 3 р. въ недѣлю смотря по опытности его въ работѣ; тутъ же при подрядѣ рядчикъ выдаетъ каждому закабаленному имъ рабочему по 1 р. на дорогу и выправляетъ въ волости мѣсячный билетъ, выправка кото-

раго лежитъ уже на его кошту и обязанности. Выгонка идетъ со вскрытія до 15—20 іюня и если путь дологъ, то плата недѣльная бываетъ поменьше. Также точно заподряжается кореликъ и на вывозку, причемъ беретъ кормъ изъ дому и на нѣсколькихъ лошадяхъ выѣзжаетъ въ лѣсъ на мѣсто рубки; самое время вывозки тянется съ новаго года до 1 марта, когда родинчки начинаютъ просачиваться чрезъ талый снѣгъ; плата за эту подѣлку бываетъ различная, смотря по тягости работы; такъ за трех-аршинное дерево въ 5 вершк. толщины платятъ 25 к., въ 10 вершк.—50 к. и въ одну недѣлю кореликъ съ двумя семейными можетъ заработать рублей десять; тутъ, проработавъ недѣли двѣ, онъ покупаетъ муки и возвращается домой. Эта работа куда лучше гоночной, но и тутъ умудряются кореляка обсчитать и урвать клочекъ изъ его трудоваго заработка.

Оно бы и ничего было жить кореляку, благо русскому его спина и руки понадобились, да всю его жизнь портитъ вѣчный, исконный недолюбникъ человѣческій—кегно, тотъ же чортъ, только маленько на корельскій ладъ скроенный. Всюду понапихалъ корелякъ пособниковъ хитраго кегно и всю жизнь хлопочетъ какъ бы ненарокомъ не обидѣть кого нибудь изъ его служителей; вотъ и простое дѣло въ дому жить, а тоже если не ладишь съ хозяиномъ дома (тоже изъ породы кегно), то не выживешь и дня одного—кегно душить станетъ, таскать ночью за бороду, да еще пожалуй и такую мерзость учинитъ надъ подобіемъ Божіимъ, лицомъ человѣческимъ, что три дня не отмоешь погани— все будетъ казаться, словно на лицѣ кошка сидѣла. Русскій скептикъ подумаетъ пожалуй, что это просто хворость лошади приключилась, а кореляка не надуешь—онъ отлично знаетъ, что это кегно ее ударилъ; русскіе то, особливо чиновники вонъ и про тѣхъ, съ кѣмъ падучая бываетъ,

147

говорятъ: «это болѣзнь такая», а того не видятъ, что это старый баловникъ кегно забрался въ человѣка, испугавшись гнѣва Божьяго — авось Господь пожалѣетъ свое созданіе и не убьетъ спрятавшагося кегно. Приключится съ человѣкомъ горячка—тащатъ его въ баню и жарятъ его тамъ до того, что всѣ кегны изъ него выйдутъ, и онъ либо выздоровѣетъ, либо помретъ, а чаще всего случается послѣднее. Вотъ тоже опять невѣрники смѣются, а уже на что вѣрная примѣта, чтобы когда корова отелится или посѣвы начнутъ, не отдавать ничего изъ дому -- неравно вмѣстѣ съ вещью отдашь и таланъ-счастье; опять тоже въ это время половъ мыть не годится — отмоешь съ грязью задачу. Молока дать ввечеру сосѣдкѣ взаймы, да особливо, если послѣ заката солнечнаго — бѣда! коровы доиться не будутъ; дать можно, только съ умомъ! дать можно днемъ, да и то слѣдуетъ приноровиться, чтобы въ кринку или хлѣбца крошечку бросить, или хоть муки. На все нуженъ разумъ — не даромъ же старые люди настановили правилъ разныхъ, а ужъ на что умные были люди! Иная хозяйка-недоумокъ и въ Пасху веретено на столъ на поглядъ выложитъ, — анъ это великій вредъ — змѣй коровъ выдоитъ; такъ и знаютъ кореляки, что на Пасху прятать слѣдуетъ веретена; иная сердобольная разщедрится, да и подастъ на Свѣтлый Праздникъ милостыню, а подастъ то она ее себѣ же на вредъ, такъ какъ отъ этого у нея въ домѣ ничему вода не будетъ. На Купалу бабамъ и дѣвкамъ забота; первымъ надо идти на рѣку мыть створцы и мѣдную посуду, а другимъ идти то туда же, да самимъ росою помыться; все это, умные старые люди говорятъ слѣдуетъ дѣлать для того, чтобы понесла рѣка по міру хорошую славу о хозяйкахъ и дѣвушкахъ — авось и привернется женишекъ, что на Купалу опять таки по совѣту стариковъ ходятъ прислу-

шиваться къ шуму рѣки о невѣстахъ! Велика мудрость старыхъ людей! не всякъ даже и знаетъ всѣ ихъ примѣты, а кабы знать то всѣ, такъ и на чтобы лучше? Вотъ хотя бы на дорогѣ свинью встрѣтить—счастье, барышъ, а вѣрнаго повидимому друга и свою подругу жизни, собаку и бабу—лучше домой вернись, повремени, помолись, да тогда уже опять выходи за своею нуждою. Кто первый ласточку увидитъ весною, тому подобаетъ умыться—и будетъ душа его также чиста, какъ ласточка. Рыбку перволовную слѣдуетъ продать, хоть грошъ взять за пылью, но даромъ и салатту не отдавать — лова не будетъ. Между Купалой и Петропавломъ купаться не слѣдъ — утопитъ водяной, такъ какъ въ это время онъ свою свадьбу справляетъ и отъ людей скрываетъ свои пиршества зеленымъ сукровомъ, а простъ человѣкъ, да баринъ невѣрный толкуетъ, что это вода цвѣтетъ — ишь ты нашелъ цвѣтокъ! Иное дѣло въ Егорьевъ день, да и то не въ рѣкѣ, а въ ручьѣ искупаться, да къ тому же еще такой подыскать, чтобы текъ съ юга на сѣверъ. Повѣсь сороку убитую надъ дверями—скотъ падать не будетъ, а кошку не мучай — велика бѣда приключится; она кегновъ другъ и когда мурлычитъ, то ему разсказываетъ, что люди дѣлаютъ; кегно на кошкахъ зимою катается; сколько разъ его видали добрые люди. Придешь въ баню, истопишь ее — положи новенькій вѣничекъ на лавочку, водицы горяченькой и холодной изготовь прежде всего, чтобы было гдѣ попариться, хозяину баеннику попариться. Умретъ кто нибудь въ домѣ — какъ выносить станутъ, надо набрать въ концы платка камешковъ, а вернувшись съ похоронъ бросать ихъ по сторонамъ въ избѣ; камень великое дѣло—онъ очиститъ избу отъ мертвецкаго духа; иной пожалуй похоронивши сейчасъ и за ѣду—грѣхъ великій! надо прежде ладонями къ печи прикоснуться,

148

а очистишь руки, тогда ѣшь хоть до отвала. Тоже вотъ и при рожденьи: какъ родится, такъ шабашъ дрова и воду вносить въ избу—зубовъ ребенокъ не сдѣлаетъ и водянка приключится, да тоже слѣдуетъ не забывать положить къ самому порогу камень—пусть его лежитъ тутъ, пока ребенокъ ходить не научится. Есть тоже вѣрное средство отъ всякой пропажи; пропадетъ вещь—возьми съ могилки земли, да и побрасывай передъ людьми—виноватый не выдержитъ, помутится; пропадетъ животина—возьми кусокъ забытаго въ печи хлѣба, помяни ту животину передъ образами, да и снеси хлѣбъ въ хлѣвъ—найдется. Ужъ на что трудное дѣло кровь-руду унять, а корелякъ и передъ этимъ не остановится; возьметъ только порѣзавшій ножъ, укуситъ лезвее три раза и поплюетъ на порѣзъ. Когда гробъ дѣлаютъ, по щепкамъ чтобы отнюдь никто не ходилъ—ноги будутъ зябнуть. Въ лѣсъ идти слѣдуетъ всегда поѣвши, а на голоднаго кукушка вшей напуститъ. Постройку начинать тоже слѣдуетъ не зря; первымъ дѣломъ туда слѣдуетъ подъ первое бревно болванчика положить изъ глины, или изъ дерева съ ногами и руками на подобіе человѣка, а потомъ замѣчай, какъ первая щепка ляжетъ; если корою кверху—рубить можно избу, а корою книзу—лучше и не ставь дома въ этомъ мѣстѣ, только горе одно наживешь. Ужь на что штука простая воротъ отъ рубахи, а коли съ толкомъ съ нимъ обойтись, такъ мудреную онъ загадку отгадать можетъ; какъ его кроятъ, то обрѣзки положи на дверь, да и гляди: мужчина войдетъ первый—родится въ домѣ мальчикъ, а баба—дѣвочку принесетъ молодуха. Также точно не хитрая штука и иголка, а сломитъ ее дѣвка, возьметъ ушко себѣ, а кончикъ броситъ на дорогѣ; подниметъ тотъ кончикъ парень—кончикъ по ушку болѣть будетъ, а парень по дѣвкѣ; опять тоже, если парень да гвоздемъ

при игрѣ въ свайку въ дѣвкино колечко тыркомъ попадетъ—быть свадьбѣ, вѣкъ имъ въ свайку играть вмѣстѣ. Много надумали старые люди и корелякъ все это болѣе или менѣе знаетъ, только въ послѣднее время стала молодежь смѣяться надъ стариковскою мудростью,—ну и жить стало хуже. «Прежде вся земля была корельская и корелы сильны были и богаты; сѣнокосы были по сажени, а палья была тоже по сажени и ловилась сачками. Жилъ тогда въ корельской землѣ старикъ Тулле въ большой пещерѣ, и всѣ Тулле уважали, и былъ корельскимъ княземъ. Вышелъ разъ Тулле на сельгу и увидалъ идущаго къ нему волосатаго человѣка, всего въ овчинной шерсти. Испугался Тулле, прибѣжалъ къ своимъ и сказалъ тутъ великое слово: «много лѣтъ жилъ я и не видалъ еще овечьей шерсти на человѣкѣ; прячьтесь скорѣе и спасайтесь—этотъ человѣкъ-овчина принесъ вамъ конецъ вашъ!» а самъ спрятался въ свою пещеру, которая за нимъ закрылась, а овчина выгнала оленя, испугала медвѣдя, скрылся боберъ, ушелъ лось, нѣтъ болѣе рыси — ну какъ же устоять кореляку противъ человѣка-овчины? Такъ объ Тулле ничего и не слышно; говорятъ, иногда онъ изъ сельги подаетъ кореляку руду, да самъ я его не видывалъ, а бывалые люди толкуютъ, что все спрашиваетъ Тулле: «Тутъ ли еще человѣкъ-овчина?»—А между тѣмъ, скажемъ мы, человѣкъ-овчина дѣйствительно сила несломимая! передъ нимъ всѣ звѣри ушли изъ земли корельской, самъ корелякъ бросилъ всѣ шкуры, и самъ облекшись въ овчину, того и гляди совсѣмъ утеряетъ свои характеристическіе признаки и не отличишь его тогда отъ волосатаго человѣка-овчины!

149

LXV.

Сегозеро образовало у Падановъ довольно обширную губу, съ чрезвычайно гористыми и живописными берегами, на которыхъ рсположенъ погостъ. На право, на самой вершинѣ горы виднѣются остатки какихъ то словно укрѣпленій — это, такъ называемые, редуты, которые построены были здѣсь во времена шведской войны. Паданы когда то были столицею Кореліи—теперь мѣстопребываніе становаго пристава: sic transit gloria mundi! Прежде сильные корелы всюду уступили колонизаторсому движенію великорусскаго племен и съ береговъ Онего отодвинуты къ Сегозеру; да и тутъ, собственно говоря, финскаго типа не найдешь, а видишь все знакомыя русскія лица. Только между собою говорятъ еще Корелы на корельскомъ языкѣ, который, по словамъ Гельсингфорскихъ изслѣдователей послѣдняго времени, находится въ такомъ же отношеніи къ финскому, въ какомъ древне-славянскій—къ русскому. Всѣ Корелы превосходно говорятъ по русски, и нѣтъ этого лишь въ самыхъ удаленныхъ отъ Онего мѣстностяхъ корельскихъ волостей. Благодѣтели рода человѣческаго не преминули однако озаботиться о судьбахъ корельскаго языка и тщательно обучали ему въ Петрозаводской семинаріи тѣхъ, кому приходилось отправляться въ корельскіе приходы на мѣста священниковъ; какому корельскому языку обучали этихъ проповѣдниковъ въ семинаріи— увидалъ я только въ Паданахъ. Пришелъ я разъ въ Паданское волостное правленіе; глядь—въ углу цѣлая куча какихъ то брошюръ валяется. «Что это?» спрашиваю у старшины. «А это», говоритъ, «намъ сюда наказы разные прислали».—Взялъ, поглядѣлъ—ничего ровно непонимаю. «На какомъ же, говорю, это языкѣ? на корельскомъ?»—«Какъ на корельскомъ, когда мы

сами корелы! въ томъ то дѣло: наказы прислали, да не беретъ ихъ никто—ничего понять не могутъ». Ну и въ самомъ дѣлѣ есть чему подивиться. Напримѣръ, корелъ не понимаетъ слова наказъ, да у него для официальныхъ наказовъ и вовсе слова нѣтъ, и вотъ досужій переводчикъ беретъ русское слово «приказъ», коверкаетъ его, какъ коверкаютъ русскіе слова напр. наши русаки на китайской границѣ, думая этимъ облегчить ихъ пониманіе, и дѣлаетъ въ силу этого изъ «приказъ» — «прикоазу»; ясно, что корелы, непонимающіе слово «приказъ», тѣмъ менѣе еще поймутъ нелѣпое «прикоазу», тогда какъ самъ же переводчикъ очень хорошо зналъ, что у кореловъ есть слово кяскенду, т. е. правоученье. Отвлеченностей ни одинъ корелякъ не разберетъ, а пришлось переводчику передать фразу «общія обязанности»; подумалъ, подумалъ ловкій человѣкъ, да и хватилъ: мида пидавъ роата гейло кайкись эшимяйзексэ, т. е что всякій день случается нужнымъ сдѣлать, или нѣчто въ родѣ этого. Можно бы было привести изъ этого наказа гибель ерунды, но мы ограничимся здѣсь немногими примѣрами: бродяги — бродягатъ (безпашпортнойтъ), бѣглые — біэглойтъ, вѣхи — віехатъ, дизертиръ — біеглой солдатъ, дороги — дорогатъ, маршевыя команды — командатъ билетнойнъ солдатойнъ, монеты фальшивыя — монетатъ фальшивойтъ, подати — подушной, рекруты — векрутатъ, сборы общественные—окладатъ общественнойтъ. Изъ этого списка ясно видно, что мудрый переводчикъ перековеркалъ русскія слова и полагаетъ, что тѣмъ самымъ онъ облегчилъ ихъ пониманіе кореламъ. Даже передъ словомъ «переправа» не остановился переводчикъ и передалъ его приблизительно такъ: черезъ рѣки чтобы перейти на лодкѣ, да и для этой фразы настановилъ еще цѣлый ворохъ словъ: «пойки ярвесъ либо іогесъ суврембасъ венегелъ ягятусъ». Для кого же

это, спрашивается, трудился и потѣлъ переводчикъ? ни для русскихъ, ни для кореляковъ — для себя лично. Ну что, подумалось мнѣ, если всѣ то переводы на мѣстные языки дѣлаются такимъ образомъ? «Получилъ за это награду...» сообщилъ мнѣ волостной старшина, и все мнѣ, благодаря этому, разъяснилось.

Если бѣдны крестьяне русскіе (не смотря на хорошее сравнительно съ другими великороссами житье-бытье) въ Повѣнецкомъ уѣздѣ, то про кореляковъ и толковать нечего; хлѣбъ доставать имъ гораздо труднѣе, а потому онъ у нихъ дороже и слѣдовательно разныхъ прелестей, въ родѣ сосновой коры, соломы и т. п. кладется въ печево у нихъ побольше; канаты и веревки вьютъ они изъ бересты, за невозможностью пріобрѣсти пеньку дешево; та же береста служитъ имъ и для производства котловъ, въ которыхъ они ухитряются варить ушицу изъ невычищенной рыбы. Чтобы разыскать себѣ мѣстечко для посѣва, корелякъ зачастую уѣзжаетъ верстъ за 20 отъ своего селенія, да и тамъ-то соберетъ развѣ самъ третей скудный свой посѣвецъ. Но воззрили на него и на его земляка русскаго отцы благодѣтели изъ Петербурга и порѣшили облагодѣтельствовать ихъ на славу. Порѣшено было безнадѣльныхъ Повѣнецкихъ крестьянъ надѣлить землею. Мы какъ разъ застали въ Паданахъ надѣльную партію землемѣровъ, которые благодѣтельствовали крестьянамъ, собирая ихъ со всѣхъ мѣстъ, часто верстъ за 20 и за 30 для носки инструментовъ, вѣхъ и кольевъ. Земля здѣсь, разсудило начальство, дешовая и никто за нею не гонится, а потому и слѣдуетъ дать по 30 десятинъ на душу. А того то и неразсудило начальство, что не только на 30 десятинахъ, а зачастую и на 30 верстахъ не найдешь здѣсь удобнаго для посѣва мѣстечка! Неужели же такъ трудно было сообразить, что крестьянинъ здѣшній отнюдь не осѣдлый

земледѣлецъ, а номадъ, звѣроловъ и рыболовъ, что на 30 десятинахъ своихъ онъ ни въ жизнь не разъищетъ и медвѣдя, и оленей, и бѣлокъ, и рябчиковъ, и иной дичи, и рыбу. Нѣтъ, все хочется повернуть, изволите ли видѣть, на осѣдлое земледѣліе, и воображаютъ легковѣрные люди, что достаточно раззорить и безъ того скудодостаточныхъ крестьянъ рабочими днями и провести межи, да разстановить кое гдѣ колышки, для того, чтобы номадъ въ силу обстоятельствъ сдѣлался вдругъ осѣдлымъ не на бумагѣ, а на дѣлѣ. То и дѣло встрѣчались мнѣ по дорогѣ выкопанные изъ земли столбы и я удивлялся силѣ той бури, которая уничтожила работу землемѣровъ-благодѣтелей. «Эка бурька то была у васъ здѣсь» сказалъ я разъ крестьянину — «столбы то повыворотила». А онъ усмѣхнулся, да и говоритъ: «да наши балуютъ — они же и выворотили. Пущай господа тѣшатся—все равно ни къ чему! какъ уѣдутъ, такъ и пойдетъ все по старому! ишь флаковъ понаставили, а наши поставятъ, да и выроютъ снова, когда господа отойдутъ отъ того мѣста маленько».— И воображенію моему представилась неотрадная картина отказа крестьянъ исполнить начальственную блажь, неизбѣжную репрессалію, въ видѣ сѣкуцій, заушеній и плюходѣйствія, и въ концѣ концовъ, еще большее раззореніе и безъ того бѣднаго крестьянина, который тѣмъ только и виноватъ, что сама природа сдѣлала изъ него звѣролова и рыболова, а не земледѣльца.

LXVI.

Думалъ я на другой же день отправиться изъ Падановъ въ Масельгу Корельскую, но Сегозеро разыгралось до такой степени, что лодку мою шестивесельную волны подбрасывали, какъ щепку, и я вернулся назадъ, не отъѣхавъ и

151

8 верстъ отъ погоста. На слѣдующее утро буря хоть не много стихла и я тронулся въ путь, не смотря на сильный вѣтеръ и волненіе, которое на Сегозерѣ чрезвычайно усиливается именно вслѣдствіе небольшаго простора. Послѣ долгой борьбы съ вѣтромъ и волнами, часовъ около 4 добрались мы наконецъ до Масельги, гдѣ я взялъ лошадей и опять полетѣлъ по превосходнѣйшей дорогѣ по 18 верстъ въ часъ. Мѣстность здѣсь чрезвычайно гористая и живописная; приходится пересѣкать горный перевалъ, отдѣляющій бассейнъ Бѣлаго моря отъ Балтійскаго, и такихъ прелестныхъ видовъ, какими здѣсь можно любоваться чуть не на каждомъ шагу, право, днемъ съ огнемъ поискать по Россіи. Самый близкій пунктъ схода двухъ бассейновъ лежитъ какъ разъ на половинѣ пути между ст. Острѣчьемъ (22 в. отъ Масельги) и ст. Чобиной (20 в. отъ Острѣчья); дорога стелется по вершинѣ гранитной скалы, на лѣво разливается красивое оз. Острѣчье (Остерское), а внизу, саженъ на 20 въ глубину долины, вьется словно змѣйка р. Кумса, которая впадаетъ въ Онего и принадлежитъ къ Балтійскому бассейну, тогда какъ Остерское озеро, при помощи р. Остерки то высыхающей, то текущей среди болотистой мѣстности, соединяется съ Сегозеромъ, а слѣдовательно съ Бѣлымъ моремъ. Опять пожалѣлъ я, что нѣтъ со мною фотографическаго аппарата; такъ то мы бѣдны видами, а тутъ на каждомъ шагу не оторвешься отъ дивнаго вида; но ни одного фотографа сюда и пряниками не заманишь и палками не загонишь! То и дѣло приходилось выходить изъ телѣги, чтобы вдосталь налюбоваться пейзажемъ; за Острѣчьемъ попался лѣсопильный заводъ, который отправляетъ доски въ Кронштадтъ — его осмотрѣть надо было, а тамъ и Лумбоша, опять угорѣлая скачка, каменный оптовой складъ Повѣнецкій, Онега и самъ Повѣнецъ богоспасаемый.

LXVII.

Снова пришлось просидѣть въ Повѣнцѣ не у дѣла нѣсколько дней; да и радъ же я былъ, когда наконецъ вдали на Онего показался дымокъ, потомъ подъ дымкомъ—черная точка... ближе, ближе и на полномъ ходу подлетѣлъ пароходъ «Повѣнецъ» къ деревянненькой Повѣнецкой пристани. Началось обычное пивопитіе въ пароходномъ буфетѣ, шлендраньe Повѣнецкаго бомонда на пароходъ, по пароходу и съ парохода — Повѣнецъ ожилъ на цѣлый день и на время отсталъ отъ стуколки и лѣниваго сна. Но вотъ раздался снова звонокъ, за нимъ другой, третій, на берегу стоящая публика запрощалась, пароходъ двинулся отъ пристани, шумя колесами и выпуская клубы чернаго дыма, а блаженные Повѣнчане тронулись до дому за свое обычное время препровожденіе. — «Повѣнецъ» прекрасный пароходъ съ быстрымъ ходомъ, но капитанъ его еще лучше, а въ силу этихъ двухъ обстоятельствъ, да пожалуй и благодаря красотѣ береговъ Онеги въ Повѣнецкой губѣ, никто и не замѣтилъ, какъ мы взошли въ какую то «Матку» и причалили къ пристани. Только недавно сталъ подходить сюда пароходъ; такъ какъ все боялись мелководья, но капитанъ «Повѣнца» благословился да и подошолъ къ Маткѣ, которая отъ знаменитой Шунги находится всего въ $1^1/_2$ верстахъ. Шунга — центръ поморской торговли, Шунгская ярмарка извѣстна и на берегахъ Бѣлаго моря, и въ Петербургѣ, и въ Москвѣ, и въ Варшавѣ; Шунга благополучно властвовала въ мѣховомъ, дичномъ и рыбномъ торгѣ и не думала, чтобы когда нибудь могла грозить ей опасность. Но недавно стряслась было бѣда надъ нею: кто то предложилъ перевести ея ярмарку въ Повѣнецъ. Въ Повѣнцѣ ничего не

152

готово для помѣщенія ярмарки, въ Шунгѣ же цѣлый гостинный дворъ и гибель амбаровъ для склада товаровъ, но видно ужь очень захотѣлось Повѣнчанамъ поднять свой городъ и стали они хлопотать; на счастье проектъ не состоялся, хотя говорятъ кто то даже благодарственный адресъ кому то преподнесъ по этому случаю—видно безъ адресовъ, что щи безъ соли, у насъ на Руси! Такъ какъ до сихъ поръ нигдѣ еще ярмарочная дѣятельность Шунги не описана, то я полагаю не лишнимъ, прежде чѣмъ вообще приступить къ описанію звѣриныхъ и птичьихъ промысловъ въ Повѣнецкомъ уѣздѣ, дать хотя слабое понятіе о томъ, чѣмъ и какъ торгуетъ Шунга. На бумагѣ Шунгской ярмаркѣ положено начинаться 6 января, но она, какъ и всѣ ярмарки на Руси, бумаги не слушается и торгуетъ себѣ до срока, такъ что ко дню открытія ярмарки главный торгъ оканчивается и наступаетъ время для Заонежанъ и Повѣнчанокъ пополнять свой туалетъ разными новинами. На ярмарку съѣзжается тысячъ около шести народа, такъ какъ здѣсь же закупается зачастую и мука и всякое питательное снадобье. Гостинный дворъ, состоящій изъ 65 №№, занимается по преимуществу краснымъ, панскимъ, суровскимъ, кожевеннымъ, бакалейныи и посуднымъ товаромъ; оленьи шкуры валяются зачастую на землѣ, а рыба и дичь складывается преимущественно на Путкозерѣ и на лѣсномъ дворѣ; но гдѣ же укрывается отъ взоровъ любопытныхъ изслѣдователей главная сила Шунги—товаръ пушной? Всякаго, кто не знаетъ дѣла и впервые заглянетъ въ Шунгу, поразитъ это обстоятельство, что, собственно говоря ярмарки онъ не увидитъ вовсе. Да гдѣ же ярмарка? спросили удивленные французы, пріѣхавшіе поторговать на ярмарку какъ то недавно. Дѣло въ томъ, что они прибыли въ Шунгу съ твердымъ намѣреніемъ набить цѣну и изъ первыхъ рукъ купить

пушнаго товара для отправки во Францію, но велико было ихъ разочарованіе и ошалѣли они не на шутку, когда имъ не пришлось купить ни одной бѣлки. А дѣло то объясняется весьма просто и горе — французы не знали съ кѣмъ они имѣютъ дѣло: они думали, что наши крестьяне свободные продавцы, а оказалось, что они находятся въ вѣчной неминуемой кабалѣ, изъ которой выбиться не хватаетъ у нихъ силъ. Еще лѣтомъ начинаютъ разъѣзжать по Повѣнецкому (да и по другимъ мѣстамъ) уѣзду прикащики крупныхъ торговцевъ; пріѣхалъ прикащикъ къ крестьянину—сейчасъ засамоварились, какъ слѣдуетъ быть, по положенію. «Да ты Кузьма деньжонокъ у меня взялъ бы?» предлагаетъ прикащикъ. «На кой ихъ мнѣ?» отговаривается крестьянинъ. «Да бери, коли даютъ — после сочтемся на промыслѣ». Всучитъ таки прикащикъ деньги, всенепремѣнно всучитъ, потому что въ томъ то его и вся служба хозяину заключается, чтобы всучить впередъ деньги. Такъ около октября мѣсяца снова ѣдутъ прикащики по поселкамъ. «Ну что, Кузьма? какъ дѣла? много ли наполѣсовалъ?» справляется прикащикъ у хозяина за неизмѣннымъ самоварчикомъ. Начинается затѣмъ разсчетъ, какъ угодно прикащику—мужикъ въ накладѣ, прикащикъ радуется, что дѣльце обработалъ, а въ барышахъ только скупщикъ одинъ, который возьметъ рубль на рубль за труды своего кабальнаго полѣсовщика. Сговариваются объ доставкѣ и вотъ къ новому году прибываетъ скупленный давнымъ давно товаръ въ Шунгу и размѣщается по подваламъ въ самой Шунгѣ и по разнымъ поселкамъ верстъ на 5 — 6 въ окружности. Товаръ давно уже скупленъ, а слѣдовательно и покупать на самой ярмаркѣ нечего. Погоревали, погоревали французы о томъ, что русскій человѣкъ, засѣвши въ петлю, не пойдетъ на надбавку и ни за что не надуетъ свего «хозяина», да и

оповѣстили, чтобы били для нихъ на слѣдующій годъ сорокъ побольше. Диву дались доморощенные наши негоціанты: на кой лядъ нехристямъ сорока понадобилась? На слѣдующій годъ пріѣхалъ изъ Варшавы агентъ и скупилъ запроданной сороки 20000 штукъ по 2 к. за штуку. Схватились за умъ негоціанты и поняли, для чего нехристямъ этакая прорва сороки понадобилась, когда пошла у дамъ мода на сорочьи перышки на шляпкахъ; понакупили и они этой сороки потомъ, да, знать, не у времени—перестали дамы на шляпки сорочьи перья надѣвать, словно на зло доморощеннымъ негоціантамъ.

Было время, когда Шунга торговала таки исправно; въ 1860 г. товару на ярмарку навезли на цѣлыхъ 800 т. р. а въ 1862 г. — такъ и на цѣлый милліонъ; но потомъ торговать стали хуже, благодаря морамъ на дичь и звѣря, и только въ 1869 валюта ярмарки простиралась до 342 т. р.; затѣмъ снова стала подниматься стоимость привоза и въ 1872 г. перешла за полумилліонъ. Пушнаго товара привезено было въ 1860 на 124 т. р., въ 1862—138 т. р.; въ 1864—72 т. р., въ 1865—23 т. р,, въ 1868—40 т. р., въ 1869—31 т. р. и только въ послѣднее время привозъ опять дошелъ до 60 т. р. Изъ шкурокъ всего больше идетъ бѣлка, которая зачастую мало отличается отъ сибирской; бѣлки вывезено было въ послѣднюю ярмарку на 45 т р., зайца—$1^1/_2$ т., лисицы 3 т. и оленя 3 т. Всѣ мѣха вообще не отличаются высокимъ качествомъ и менѣе цѣнны, нежели сибирскіе, которые гораздо темнѣе цвѣтомъ; да и вообще замѣчено, что съ удаленіемъ на востокъ мѣха темнѣютъ и въ продажѣ цѣнятся поэтому выше: такъ иркутская бѣлка вдвое дороже нашей европейской, а забайкальская вдвое дороже иркутской. Бѣлки въ 1860 г. привезено было 1 м., въ 1862 — 400 т., а въ 1868 г. —

450 т. штукъ. Причиною такого рѣзкаго уменьшенія привоза слѣдуетъ считать постоянные падежи и, между прочимъ, начало скупа бѣлки иностранцами на берегахъ Бѣлаго моря. На оборотъ число шкуръ лисьихъ и оленьихъ значитељьо увеличивается и напр. уже по С. Выгу мы видимъ, что крестьяне начинаютъ заводить у себя оленя въ качествѣ домашняго животнаго. Цѣны стоятъ обыкновенно на пушной товаръ весьма низкія, такъ какъ скупъ производится съ предварительной выдачею денегъ; такъ лисицу можно купить за 4—5 р., бѣлку—отъ 11 к. до 14 к. за пару, зайца — за 10 к., медвѣдя — отъ 4 до 5 р. и оленя — за 1 р. 50 к. Иногда пушной товаръ доставляется въ Шунгу самими звѣроловами, а то и по найму отъ скупщиковъ; продается онъ всегда большими партіями и идетъ въ Ростовъ (заяцъ), Каргополь (бѣлка), Вологду (бѣлка же), Петербургъ (лисица и медвѣдь) и Архангельскъ (олень). — Количество привозимой дичи также значительно уменьшается съ году на годъ и въ 1860 г. въ Шунгу одного рябчика привозилось въ 13 разъ больше, нежели теперь всей птицы. Наиболѣе славятся рябчики печорскіе, затѣмъ идутъ Архангельскіе кедровики, лѣтнобережскіе, а потомъ уже корельскіе и Повѣнецкіе. Скупъ дичи производится преимущественно торговыми компаніями, причемъ каждая компанія дѣйствуетъ въ своемъ районѣ и купить изъ первыхъ рукъ въ чужомъ районѣ не имѣетъ права. Рябчикъ покупается и на чистыя деньги, и на товаръ, и на хлѣбъ; везетъ его самъ промышленникъ и счетъ рябчику ведется на возы, куда умѣщается 500 паръ.

Хотя количество привозимой рыбы и уменьшилось, но не такъ рѣзко; въ 1860 году привезено было на 158 т. р., въ 1869 г. — всего на 85 т. р. Одной сухой трески, которая идетъ затѣмъ въ Петербургъ, привозится ежегодно

154

около 35 т. пудовъ на сумму около 50 т. р. Сельдей, семги, сиговъ, наваги и камбалы больше 2000 п. не привозится; мелочь же скупается на мѣстѣ, а остальная направляется на Петербургъ, и семга напр., стоющая на мѣстѣ по 6—7 к за фунтъ, продается у насъ по 70—80 к. Для скупа рыбы существуютъ такія же точно компаніи, какъ и для скупа дичи; компаніи по первопутку нанимаютъ возчиковъ, разсылаютъ ихъ по мѣстамъ скупа и еще до ярмарки тысячи пудовъ отправляются въ Петербургъ, минуя даже Шунгу На самой ярмаркѣ идутъ лишь счеты, сдѣлки и учеты по покупкѣ и доставкѣ (преимущественно сухой трески), а рыба зачастую и не бываетъ въ Шунгѣ, хотя на бумагѣ и значится привезенною на ярмарку; чаще всего ее оставляютъ на рукахъ у крестьянъ, затѣмъ уже послѣ ярмарки везутъ въ Повѣнецъ, сваливаютъ въ тамошніе склады, а весною отправляютъ водою въ Петербургъ. Далеко не славится поморская солка, потому что никому еще не взбродило на умъ устроить это дѣло раціонально, научить мѣстныхъ жителей уму разуму, помочь имъ въ ихъ неумѣньи.

Остальныхъ товаровъ привозится на ярмарку сравнительно ничтожное количество. Краснымъ товаромъ торгуютъ всего 8 человѣкъ: изъ Петрозаводска (3) Ярославля (3), изъ Петербурга (1). Больше всего идутъ въ ходъ ситцы Московскихъ фабрикъ, но болѣе половины товара остается непроданною на рукахъ торговцевъ. Съ Бѣлаго озера везутъ въ Шунгу значительное количество самодѣльной деревянной посуды, которая и раскупается на расхватъ, такъ какъ до этого мастерства Обонежанинъ и Поморъ не дошелъ. Бакалейный товаръ покупается на гроши и копѣйки и лучше всего идутъ коробки съ мыльномучными пряниками, которые очень цѣнятся Обонежскими дѣвицами и дамами и по-

купаются для праздничныхъ «бесѣдъ»; идетъ также не дурно и чай, который покупается поморами и деревенскими торгашами, но въ незначительномъ количествѣ. Хорошо идетъ мука пшеничная (160 кул.), ржаная (до 1000 кул.), пшено (на 1000 р.) и наконецъ крендели, которые покупаются деревенскими мальчишками, опять-таки на дамскую утѣху и на погибель ихъ зубовъ. Наконецъ нельзя не упомянуть, что въ Шунгѣ вина виноградного продается на 600 р. и водокъ на 3700 р. Торговля вся производится въ кредитъ. Доходъ отъ ярмарки за помѣщеніе простирается до 900 р., но общество получаетъ изъ этихъ денегъ только 50 р., а остальная сумма идетъ въ пользу церкви—и здѣсь съумѣлъ русскій человѣкъ уступить свою доходную статью другому!

Въ 1869 г. между прочимъ привезено было: лисицы красной—2800 шт. (11200 р.), сиводушки—60 (480 р.), бѣлки русской—35 т. (3850 р.), бѣлки шведской—10 т. (1150 р.), выдры русской—300 (1800 р.), россомахи—50 (200 р.), зайца—15 т. (1500 р.), медвѣдя—50 (450 р.), оленя—3000 (4200 р.), горностая—1500 (900 р.), куницы русской—200 (1000 р.), куницы шведской—50 (300 р.), норки—250 (250 р.), песца—80 (240 р), рыси—40 (280 р.) и полушубковъ, дахъ и иныхъ мѣховъ — 500 (3000 р.). Весь этотъ товаръ былъ проданъ еще заблаговременно и даже бракъ брался за полцѣны.—Дичь тоже вся была продана еще до начала ярмарки, хотя и привезено было: рябчиковъ — 22 т. паръ (5500 р.), куропатки — 25 т. п. (5250 р.), глухаря—2600 п. (650 р.) и коппалъ—3000 п. (742 р.).—Рыбы доставлено было въ 1869 г.: сиговъ—2000 п. (8000 р.), семги свѣжей — 600 п. (5600 р.), семги соленой—1100 п. (11000 р.), лоховины—300 п. (450 р.), лабардана—300 п. (750 р.), трески сушеной—35000 п. (49000 р.), трески соленой—1000 п. (700 р.),

155

корюшки—100 п. (40 р.), сельди бѣломорской копченой—7000 п. (5280 р.), щуки—150 п. (225 р.), наваги и камбалы—2000 п. (2000 р.), сайды—400 п. (320 р.), палтусины—100 п. (200 р.), гольца—100 п. (500 р.), зубатки—100 п. (100 р.), икры—200 п. (800 р.) и наконецъ мелочи—300 п. (600 р.). Вся рыба была закуплена впередъ и направилась на Петербургъ.

На ярмарку пріѣзжаетъ всегда до 500 человѣкъ поморовъ, которые идутъ сюда съ товаромъ, и доставивши его, возвращаются домой изрѣдка съ деньгами, а чаще всего съ одною лишь чистою совѣстью передъ скупщикомъ. Всѣ приведенныя мною выше цифры ясно, какъ дважды два, доказываютъ, что Шунга служитъ мѣстному населенію центромъ для продажи, но отнюдь не для покупки; русскій человѣкъ изъ силъ выбивается, чтобы ему не купить что либо на базарѣ, въ лавкѣ или на ярмаркѣ, а потому мануфактурный товаръ и фигурируетъ въ Шунгѣ въ сотняхъ рублей, тогда какъ для сырья Шунга служитъ дѣйствительно хорошимъ мѣстомъ сбыта, если бы только доброму человѣку какому нибудь пришло на умъ быть Шунгскимъ Линкольномъ и освободить изъ когтей скупщиковъ этого вѣчнаго, выносливаго и безсловеснаго раба—нашего неразвитаго крестьянина.

LXVIII.

Какъ бы тамъ ни было, но и онъ грѣшный питается въ Шунгѣ отъ крохъ, падающихъ со стола скупщиковъ, а сытно ли онъ ѣстъ—это-то и разъяснятъ намъ нижеприведенныя мною цифры, которыя покажутъ, во что цѣнится дичина и звѣрина на мѣстѣ и какимъ процентомъ пользуются купчики-голубчики, благодаря крестьянской неумѣ-

лости. Много всякой птицы, много всякаго звѣрья повелось въ сѣверныхъ лѣсистыхъ мѣстностяхъ Обонежья и Корелы; куликъ, да большой куликъ-мореходъ, фунтовъ по 5 вѣсу, востроносенькая курочка, кроншнепфъ, гаршнепфъ, вальдшнепфъ, бекасъ-дупель заселили обширныя болота здѣшнія, а на рѣкахъ и озерахъ цѣлыми стаями утки, лебеди, гуси, кряквы, овсянки, сѣрухи, гоголи, чирки нырки, черныши, гагары и моряпки (послѣднія прилетаютъ на Онего и на большія обонежскія озера во время холоднаго сѣвернаго вѣтра съ Бѣлаго моря); лѣса также населены таки не мало и здѣсь проживаютъ косачи (тетерева), мошники, копалы, бѣлыя и сѣрыя куропатки и рябчики. Кроншнепфъ первымъ прилетаетъ весною, видно торопится угнѣздиться, такъ какъ дѣтей у него самка долгонько высиживаетъ; на открытыхъ болотинахъ то и дѣло попадаются кроншнепфы, которые живятся здѣсь всякою ягодою, а до ягодной поры не брезгаютъ и водомѣркою болотною, и червячкомъ какимъ ни на есть и иною ползучею и летучею болотною гадиной. Въ августѣ мѣсяцѣ потянетъ кроншнепфъ въ теплыя мѣста, садится зачастую на овсянникахъ закусить и отдохнуть и тутъ то онъ и попадается подъ мѣткую рябцовку (пулька) обонежанина. Пятначъ, а по книжному дупель, прячется раннею весною по осочнымъ мѣстамъ, да и лѣтомъ не выходитъ оттуда со своими дѣтенышами, а выноситъ ихъ на поля только осенью, подкормитъ ихъ матка на крестьянскихъ жалкихъ овсахъ, пообучитъ премудрости перелетной, да въ сентябрѣ и потянутъ пятначи сначала на вытегорскія мочежины или тундровыя мѣста, а тамъ и дальше на юго-западъ. Вальдшнепфъ водится больше въ березовыхъ молодикахъ, по грибнымъ мѣстамъ; прилётъ ему изъ Вирея (сказочная страна—нѣчто вродѣ рая) положенъ позднею весною, а съ холодами онъ и въ обратный путь улетаетъ.

156

Убить вальдшнепа (да и вообще красную дичь), или по мѣстному виклюка долгоносаго, случается обонежанину рѣдко—дѣвать некуда, на нихъ скупа нѣтъ, а самимъ ѣсть—претитъ, потому отцы и дѣды не ѣдали. Въ одно время съ виклюкомъ прилетаетъ и улетаетъ красавчикъ (гаршнепфъ), который водится въ моховыхъ болотахъ подлѣ водицы. Прибрежныя болота заселены бекасами, которыхъ народъ называетъ барашками по тому блеянью, которое они издаютъ, когда затокуютъ. Лебедямъ—прилетъ зимній, а водятся они по лѣснымъ озерамъ, да въ осочныхъ проливахъ между островами на большихъ рѣкахъ. Утки всѣхъ породъ летятъ съ половины апрѣля и до начала мая; по всѣмъ озерамъ и рѣкамъ плодится ихъ огромное количество, но бить ихъ не бьютъ въ промыселъ—никто не купитъ; развѣ про свою потребу вздумается иногда обонежанину побаловаться и убьетъ онъ крякву — благо помясистѣе иныхъ и на семью въ одинъ столъ хватитъ. Лѣсной дичи, которая такъ облюбила Обонежье, что и не покидаетъ его на зиму, всякому роду свое мѣсто для вóда назначено: тетеревъ и рябчикъ живетъ въ лѣсахъ лиственныхъ, то въ ельникѣ, то на соснѣ, что и подмѣчается народомъ для того, чтобы въ сосновый годъ не искать рябчика по еловымъ лѣсамъ и наоборотъ; мошникъ любитъ глухія мшистыя корбы, бѣлая куропать по низникамъ кормится клюквою, а сѣрая — на ржанищахъ, овсяньяхъ, да зачастую и еще поближе къ человѣку лѣпится около стоговъ и овиновъ, гдѣ и кормится чѣмъ попало.

Звѣрья также много и въ Обонежьѣ, и въ Корелѣ, въ особенности въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ народонаселенія мало и человѣкъ не слишкомъ обездоливаетъ звѣря своею ненасытностью. Медвѣдь, волкъ, лисица, олень, лось, выдра, куница-норка, россомаха, горностай, рысь, бѣлка и заяцъ во-

дятся здѣсь во множествѣ на потребу человѣка и только гибельные страшные падежи тому причиной, что все-таки вымираетъ мало по малу звѣрь на сѣверѣ. Медвѣдь извѣстенъ здѣсь бурый, т. е. тотъ, что окрестила наука арктическимъ; народъ съумѣлъ различить у него три разновидности, якобы по тому, чѣмъ онъ питается; то у него Михайло Ивановичъ является муравейникомъ, то овсянникомъ, а то и стервятникомъ; на самомъ же дѣлѣ всякій медвѣдь кушаетъ безразлично и муравьевъ и овесъ, а подъ старость, когда у него подразовьется вкусъ, онъ облюбовываетъ человѣчину, т. е. собственно мозги человѣческіе, и падаль, которою онъ также не брезгаетъ. Лисица здѣсь больше водится желтокрасная, а чернобурая за рѣдкость—ей во многихъ мѣстахъ и цѣны не знаютъ; любитъ лисица мѣста гористыя и лѣсистыя, гдѣ она копаетъ свои норки всегда входомъ на югъ — было бы ей чѣмъ погрѣться. Ельникъ мелкій облюбила куница; засядетъ она тамъ, зароется въ игольникъ, а то заберется въ дупло или въ бѣличье гнѣздышко, выложитъ его мохомъ и шерстью, да и прячется отъ лихаго человѣка; только по ночамъ выходитъ она кормиться—авось либо человѣкъ уснетъ и не станетъ подстерегать ее. По берегамъ глухихъ озеръ и лѣсныхъ рѣкъ то и дѣло встрѣчаются норки выдры; шкурка ея дорого цѣнится скупщиками, а потому и завистливы на нее полѣсовщики. Въ боровыхъ мѣстахъ не въ диковинку встрѣтить горностайку красивенькую, которая, насчетъ хлѣба крестьянина не обижаетъ и не только не брезгаетъ, но и смакуетъ очень мышью лѣсною и полевою. Куда ни пойдешь—всюду натькнешься на бѣлку, которая, какъ и рябчикъ, бываетъ то сосновая, то еловая; кабы не частые падежи на бѣлку, то расплодилось бы ея здѣсь видимо-невидимо, но съ году на годъ падежи бѣличьи случаются все чаще и чаще, такъ

157

что полѣсовщики и половины того не добываютъ, что добывали прежде. Сѣверный олень и лось часто встрѣчаются на мшистыхъ болотахъ по Сегежѣ и къ сѣверу и западу отъ нея въ корельскихъ волостяхъ, а также по рѣкѣ Выгу, преимущественно на западъ отъ него.

Орудій для добычи звѣря и птицы много напзмыслилъ обонежанинъ, но все это неудобно, первично и неумѣло—не кому научить его хоть бы той премудрости, которой достигли въ полѣсованьѣ канадскіе охотники и гудзонбайскіе промышленники. Чуть не у каждаго крестьянина найдется малопульная, или большепульная винтовка, а то такъ и обѣ вмѣстѣ; винтовки всѣ собственной подѣлки, покроя стариннаго, такъ что свѣжій человѣкъ поопасится и въ руки-то ее взять. Часто стволъ привязанъ къ ложу веревочкою, а то берестяною свивкой; капсюльный бой не признается и почти всѣ винтовки кремневыя. Изъ карабиновъ и двустволокъ обонежанинъ вовсе стрѣлять не умѣетъ, но изъ винтовки бьетъ напр. бѣлку непремѣнно въ ротъ, чтобы не испортить шкурку — «благо дырку Господь послалъ», рябчика—въ голову, медвѣдя—между глазъ и всенепремѣнно безъ промаха, такъ какъ иначе придется употребить въ дѣло рогатину, топоръ и слѣдовательно, не равенъ случай, упаси Богъ, испортишь шкуру. Рогатина всегда дѣлается изъ самаго твердаго дерева, конецъ ея обжигается и оттачивается, а иногда врѣзаютъ въ конецъ рогатины ножъ, но это случается рѣдко, такъ какъ ножъ можетъ подвернуться, а обжига всегда крѣпко держится. Для медвѣжьей охоты употребляетъ обонежанинъ и корелякъ «лáбазъ» (лавасъ); положитъ промышленникъ на сучьяхъ перекладники—вотъ и лáбазъ готовъ; подъ нимъ положитъ онъ падаль, а самъ съ винтовкою влѣзетъ на лáбазъ и выжидаетъ звѣря; одинъ изъ моихъ гребцовъ разъ промахнулся съ лабазы,

такъ трое сутокъ медвѣдь лѣзъ къ нему на сосну; чуть не всѣ пули прострѣлялъ опростоволосившійся стрѣлокъ и только 37 пуля видно ловко пришлась—всѣ 37 штукъ нашелъ онъ потомъ у медвѣдя въ тушѣ. Лисицъ и выдръ ловятъ на падаль въ капканы, которые выдѣлываются въ большомъ количествѣ въ Петрозаводскѣ. Для тетеревей измышленъ новый способъ лова—сакомъ, который дѣлается изъ рыболовныхъ сѣтей; берутъ обручъ аршина полтора въ діаметрѣ, да къ нему и прикрѣпятъ сѣть, а затѣмъ обручъ привязываютъ къ длинному шесту ($1^1/_2$ саж.)—вотъ и сакъ готовъ; хоть и не замысловато, а въ дѣло годится. На мелкую птицу употребляются «силья», которыя дѣлаются изъ конскаго волоса. На постановку сильевъ требуется особая ухватка, а безъ снаровки птица не попадется и трудъ пропадетъ даромъ. Съ осени еще примѣчаетъ промышленникъ, гдѣ птица садится и клюетъ; затѣмъ дернъ онъ разбираетъ до песку, дѣлаетъ на ободранномъ мѣстѣ загородку съ воротцами, кладетъ въ загородку ягоды и укрѣпляетъ силья такъ, чтобы концами они приходились къ воротамъ. Такая же огородка строится и для «пастей»; на огородку кладутъ 2—3 бревна (отъ $1^1/_2$ до 3 арш.), а посрединѣ ставится колышекъ съ рубчиками; на колышекъ надѣвается кольцо, въ которое черезъ перекладину продѣвается палочка ивовая (симка), вставляемая въ одинъ изъ рубчиковъ; подъ симку опять помѣщается тоненькая палочка, которая втыкается въ землю; затѣмъ весь снарядъ покрывается прутьями да такъ покрывается, чтобы хитрый звѣрь не разобралъ, что тутъ ему смерть приготовлена; безъ умѣнья пасть не поставишь, а если и поставишь, такъ и глупышъ въ нее не попадется, а обходить станетъ сторонкою. Для зайцевъ припасаютъ промышленники «кляпцы», которые дѣлаются изъ желѣзныхъ полосъ ($^3/_4$ арш. и 6 в. шир.), которыя обшиваются

холстомъ, чтобы не отличались они очень отъ снѣга; вѣсятъ кляпцы фунтовъ 5, а стоютъ они не дороже 70 к.; захватъ у нихъ не сильный и только косой одинъ изъ нихъ не вывернется, а лису ими ловить и не думай—и лису не увидишь, да и кляпцы занесетъ въ такую трущобу, что вѣкъ не разыщешь. Для звѣря побольше употребляется «колода», которая похожа устройствомъ на пасти и все зависитъ лишь отъ умѣнья ловко поставить симбу, да скрыть снарядъ отъ умнаго животнаго. Рябчиковъ и тетеревей бьютъ иногда на подкликъ, а потому и строгаютъ крестьяне такія дудочки, что издаютъ звуки, похожіе на крикъ этихъ птицъ. Плохо бы пришлось обонежанину на охотѣ, кабы не имѣлъ вѣрнаго пособника въ промыслѣ въ видѣ гаденькаго, обторханнаго пса—«лайки»; лайка когда выгонитъ дичину, а когда гона не нужно, то уставится на дичь да и лаетъ хоть цѣлые сутки, пока не подойдетъ хозяинъ съ безпромашною своей винтовкою. Родина лайки—Корела, и до сихъ поръ лучшія лайки бываютъ у кореляковъ. Цѣна обученной лайки доходитъ до 3 р., а щенокъ отъ хорошей суки цѣнится иногда въ 1 рубль.

Какъ я уже говорилъ, на болотную дичь здѣшній житель не ходитъ, потому что ей «и скупу нѣтъ». Водяную дичь бьютъ иногда для домашняго обихода; лучшимъ временемъ охоты на нее считаются іюль и августъ, а раньше бить ее грѣхъ; лебедя бить—опять-таки грѣхъ, да и наплачешься потомъ: либо самого убьетъ молоньей, либо хижу спалитъ она; одинъ полѣсовщикъ разъ побаловалъ такъ-то надъ лебедью, пришелъ домой—жена лежитъ на скамейкѣ и грудь у нея прострѣлена: пулька шальная, откуда ни возьмись, прямо въ грудь ея бѣлую. На тетеревей охота самая любезная для обонежанина; подмѣтитъ онъ, гдѣ они себѣ токъ облюбили (а по большей части собираются они токовать на

открытыхъ болотцахъ, на прогалинкахъ, а то и на сележныхъ мѣстахъ) и строитъ по-близости шалашъ изъ вѣтвей. Весною и осенью примѣчаютъ, гдѣ собираются тетерева клевать шишки, ставятъ въ такихъ мѣстахъ кожаныя или суконныя чучела и стрѣляютъ изъ шалаша. Лѣтомъ ходятъ съ лайками по «омшарамъ» и выгоняютъ изъ нихъ молодикъ, который по глупости своей разсаживается опять гдѣ-нибудь по-близости. Осенью еще охотятся на тетеревей и съ подкраду, но охота эта считается невыгодною—времени много, а толку мало. Весною и осенью ловятъ ихъ сильями и пастями, а зимою и сакомъ. Для лова сакомъ примѣчаютъ, гдѣ тетерева въ снѣгу выкапываютъ себѣ ночевки; затѣмъ приходятъ на эти мѣста вдвоемъ: одинъ несетъ пучекъ зажженной лучины, а другой идетъ съ сакомъ, которымъ и накрываетъ всю ночующую въ одномъ мѣстѣ компанію; стоитъ только прирѣзать да скласть въ берестяной кошель добычу—и дѣло съ концомъ. Такъ же варварски охотятся и на мошниковъ. Главное кормило свое — рябца добываетъ обонежанинъ во множествѣ и отъ рябца и бѣлки, можно сказать, зависитъ благосостояніе здѣшняго крестьянина. Весною и осенью полѣсовщикъ выходитъ на видное въ лѣсу мѣсто, на прогалинку, съ двумя свистками; свиснетъ онъ и въ тотъ и въ другой и затѣмъ избираетъ изъ свистковъ самечій или самцовый, смотря по тому, кто отзовется на первый посвистъ. Близко подберется къ полѣсовщику рябецъ, обманувшись самечьимъ свисткомъ, а самка-рябчиха — самцовымъ, да тутъ и положатъ они свои головы подъ мѣткой пулькой охотника. Силками ловятъ рябчиковъ и весною и осенью вплоть до зимы и даже до декабря мѣсяца. Зачастую рябчикъ выдергиваясь изъ силка выбивается изъ силъ и подыхаетъ отъ удушенія, а потому и мясо силковаго рябчика бываетъ чаще всего совершенно синее и въ

159

торговлѣ цѣнится гораздо ниже не только стрѣленнаго, но и пастянаго рябчика; попавшій въ пасть рябчикъ цѣпляется за симку, которая быстро развертывается и роняетъ на несчастную птичку бревно, убивающее моментально, безъ мученій, а слѣдовательно и безъ истеченія крови изъ содержащихъ ее сосудовъ и безъ порчи мяса. Бѣлая куропать отъ крестьянскихъ пулекъ застрахована, такъ какъ бить ее приходится почти всегда въ лётъ, а изъ винтовки на эту штуку не очень-то умудришься, да и не въ расчетѣ попасть можно—мясо прострѣломъ испортишь; сѣрую куропать, случается, бьютъ сидячую около овиновъ и ригъ, да рѣдко — не стоитъ, такъ какъ она малоцѣнна.

Медвѣдя бьютъ большею частью зимою въ берлогахъ; полѣсовщикъ идетъ по порошѣ и выслѣживаетъ звѣриный слѣдъ по слѣду и по «сгрызкамъ», т. е. по тѣмъ деревьямъ, на которыхъ медвѣдь кору глодалъ. Затѣмъ, когда слѣды прекращаются, «даютъ кругъ», чтобы отмѣтить мѣсто, занятое звѣремъ отъ завидущихъ глазъ другихъ охотниковъ. Берлога обыкновенно помѣщается подъ пнями и корягами и со всѣхъ сторонъ обкладывается вѣтвями, такъ что оставляется только маленькое отверстіе. Затѣмъ по первому насту полѣсовщикъ собирается на промыселъ, захвативъ съ собою большепульку, рогатину (обжига), нѣсколько кольевъ и топоръ повострѣе. Собака чуетъ, если находитъ отверстіе, вокругъ котораго всегда снѣгъ талый отъ «пыху» звѣринаго. Полѣсовщикъ загораживаетъ чѣмъ попало отверстіе, а самъ вставляетъ туда дуло винтовки и стрѣляетъ на обумъ. Товарищъ (а на медвѣдя ходятъ по большей части «вотоварищахъ»), расшевеливаетъ медвѣдя кольями, послѣдній лѣзетъ вонъ, и тутъ то и долженъ полѣсовщикъ ухитриться попасть ему пулькою между глазъ, иначе приходится уже колоть рогатиной, рубить топоромъ и

портить вообще шкуру. Съ лавасовъ медвѣдей лѣтомъ не бьютъ за «липою», да и вообще лавасъ употребляется только тогда, когда звѣрь «сроиитъ скотину».

Лисицу бьютъ больше ночью, когда она отправляется охотиться за рыбой, а зимою ловятъ въ капканы и большія пасти. Лось—звѣрь изъ рѣдкихъ и бьютъ его только изъ винтовокъ. Оленя выслѣживаетъ собака безъ лая, причемъ самъ охотникъ бѣжитъ зимою на лыжахъ; весною гоняютъ оленей собаками до изнеможенія и бьютъ по одиночкѣ. Случается зачастую настигнуть цѣлое стадо, и тогда полѣсовщикъ убиваетъ отъ 5 до 10 штукъ. Лѣтомъ ни одинъ обонежанинъ не согрѣшитъ и не убьетъ оленя, такъ какъ это сочлось бы ему за грѣхъ въ виду того, что лѣтомъ и шкурка никуда не годится. Выдру выслѣживаютъ съ лайкой по глубокому снѣгу на лыжахъ и загоняютъ ее въ дупло, которое тотчасъ же сверху затыкается, затѣмъ срубаютъ дерево и убиваютъ бѣднягу, полагавшую, что человѣкъ пожалѣетъ рубить для нея цѣлое огромное дерево. Норку ищутъ въ октябрѣ мѣсяцѣ или же застаютъ на деревѣ и бьютъ малопулькой. Такимъ же точно образомъ добываютъ осенью горностайку, которая не долго огрызается отъ мастерицы своего дѣла лайки и скоро попадаетъ подъ ея острые зубы. Бѣлку начинаютъ бить съ октября мѣсяца, когда шерстка ея теряетъ красноватый отливъ и дѣлается совершенно сѣрой; охота на нее продолжается до глубокаго снѣга и безъ лайки не добылъ бы полѣсовщикъ ни одной бѣлки; только благодаря лайкѣ находитъ охотникъ бѣлку и стрѣляетъ ее непремѣнно въ мордочку и даже въ ротъ. Зайцевъ наконецъ бьютъ по осени изъ засады; по порошѣ ходятъ за нимъ по слѣду и бьютъ съ подхода, а зимою ловятъ кляпцами и колодами, куда забирается онъ покушать свѣжихъ ивовыхъ прутиковъ и гдѣ не разбираючи

160

хватаетъ новую сшибку, которая развивается, роняетъ на него грузъ и давитъ косого такъ, что бѣдняга и капнуться не успѣетъ.

Всѣ въ Обонежьѣ и Корелѣ занимаются полѣсованьемъ; мальчуга малый и тотъ норовитъ утащить отцовскую винтовку и практиковаться на уткахъ и иной небоязливой дичинѣ. Въ дичи цѣнится мясо, и только въ послѣднее время бабы стали собирать пухъ, который потомъ подкрашивается немного и продается затѣмъ нашимъ барышнямъ въ Петербургѣ по 8 и болѣе рублей за фунтъ въ качествѣ чистаго гагачьяго пуха. Года съ два тому назадъ потребовали скупщики гагачьихъ шкурокъ, которыя теперь и собираются тщательно и продаются копѣйки по 4 за штуку — это на воротники и муфты идетъ опять-таки барышнямъ. Яйца берутъ на свой домашній обиходъ, а въ продажу не пускаютъ, да нѣтъ на этотъ товаръ и охотниковъ. Звѣриное мясо ѣдятъ сами, кромѣ зайца, котораго почитаютъ нечистымъ, да медвѣдя, про котораго увѣряютъ, что онъ оборотень и былъ когда-то человѣкомъ; шкурокъ не выдѣлываютъ потому, что на этотъ счетъ не мастера и заработокъ по отдѣлкѣ уступаютъ Каргополамъ и Вологжанамъ, которые на этомъ собаку съѣли. Какъ только наступятъ холода, такъ и появляются по поселкамъ «обиралы» или изъ мѣстныхъ богачей, или же изъ пріѣзжихъ прикащиковъ, которые собираютъ дичь и шкурки и подряжаютъ подводы или въ Шунгу или въ Петербургъ. Цѣна подводѣ не великая: за 10 верстъ полагается подводчику отъ 25 до 40 к. съ воза въ 25 пудовъ; за разстояніе отъ 20 верстъ до сотни—отъ 75 к. до 2 р. 50 к., смотря по дорогѣ и цѣнности товара, а за 200 верстъ берутъ до 5 р. Доставка въ Петербургъ обходится по 12—14 р. съ подводы и падаетъ на каждую пару рябчиковъ въ количествѣ $2^2/_5$—$2^4/_5$ к. Иногда подводы со

шкурами прямо заподряжаются въ Каргополь, но чаще всего туда пушной товаръ идетъ уже изъ Шунги съ Крещенской ярмарки послѣ подторжья.

Не безъинтересными считаю слѣдующія приблизительныя данныя о размѣрѣ звѣриныхъ и дичьихъ промысловъ за одинъ изъ послѣднихъ годовъ, собранныя мною изъ распросовъ какъ полѣсовщиковъ, такъ и обиралъ. Бѣлки бьютъ отъ 25 до 35 т. штукъ и цѣнится она отъ 5 до 6 к., куницъ—100 штукъ цѣною 2—4 р., норокъ—100 штукъ цѣною 1 р. 50 к.—2 р., горностаекъ—400 штукъ цѣною 6—20 к., выдръ 50—100 ш. цѣною 5 р., лосей 50—100 ш. цѣною 8—10 р., зайцевъ $1^1/_2$—2 т. шт. цѣною 5—10 к., оленей 150—300 шт. цѣною 75 к.—1 р. 25 к., лисицъ 100—250 шт. цѣною 2—4 р. (чернобурая лисица цѣнится въ 25 р.), медвѣдей 50—100 ш. цѣною 4—5 и даже 10 р., рябчиковъ 20—30 т. шт. цѣною 5—6 к., коппалъ 2—3 т. шт. цѣною 10—15 к., тетеревей 10—15 т. шт. цѣною 10—15 к., бѣлыхъ куропатокъ 1—2 т. шт. 3—5 к.—Тушу лосиную со шкурой вмѣстѣ намъ самимъ предлагали за 12 р., а оленья туша со шкурой цѣнится и еще менѣе, въ 2—3 р. Цифры эти довольно явно доказываютъ, что Шунгскіе торговцы берутъ 100% на 100 и вполнѣ заслуживаютъ свое прозвище «обиралъ» по отношенію къ крестьянству.

LXIX.

Часовъ въ 5 пароходъ далъ свистокъ для сбора пассажировъ своихъ, отправившихся къ Шунгѣ (отъ Матки до Шунги переѣздъ совершается лѣтомъ на саняхъ), а черезъ полчаса Шунгская гора со старинными крестомъ на вершинѣ ея едва виднѣлась въ вечернемъ туманѣ. Было уже

почти совершенно темно, когда мы пристали къ пристани Палеостровскаго монастыря; цѣлая толпа монаховъ встрѣтила, какъ и всегда здѣсь бываетъ, отъ нечего дѣлать пароходъ и алкала показать намъ новичкамъ свои диковинки. Пальинымъ островокъ этотъ прозванъ вслѣдствіе обилія вокругъ него рыбы «пальи»; иногда онъ просто называется «отокъ», напр. въ рукописной службѣ Корнилію Палеостровскому. Монастырь на Палеостровѣ основанъ былъ нѣкіимъ Корниліемъ, что можно видѣть изъ грамоты Іоанна и Петра Алексѣевича, 1691 г., гдѣ сказано между прочимъ, что «въ прошлыхъ-де годахъ, тому съ пять сотъ лѣтъ и болши, Новгородскіе посадники дали подъ строеніе того ихъ монастыря Палеостровскаго первоначальнику пр. Корнилію на Онегѣ озерѣ Палей, Рѣчной, и иные острова». Нѣсколько разъ подвергался монастырь нападенію со стороны «Литовскихъ и иныхъ воровскихъ людей» въ 1613 году, а одинъ разъ не выдержали своей мирной тактики и Выгорѣцкіе жители и взяли монастырь съ бою; скоро однако (1687 г.) пришлось имъ плохо отъ осадившихъ ихъ «московскихъ ратныхъ людей» и 200 человѣкъ положили лучше сгорѣть и спастись во пламени, нежели поддаться Москвѣ.—Палеостровскій монастырь зачастую посѣщаютъ соловецкіе богомольцы, направляющіеся на Повѣнецъ и Выгозеро въ Сороку, но это вполнѣ зависитъ отъ воли судовщиковъ, хозяевъ богомольскихъ судовъ, которые подвозятъ къ Палеострову богомольцевъ не иначе, какъ выговоривши себѣ съ монаховъ могарычи. Святые отцы очень довольны, когда богомольческая сомина захочетъ почествовать ихъ угодника; но усерднымъ поклонницамъ, какъ говоритъ скандальная хроника, больше рады, нежели богомольцамъ. Монастырь не особенно люденъ и сравнительно довольно богатъ; земля его довольно плодородна, онъ обладаетъ прекрасными покосами, хорошимъ

лѣсомъ и превосходными мѣстами для рыбной ловли. Земли его находятся: на Палеостровѣ пахатной, сѣнокосной и иной земли 196 дес., па островѣ Рѣчномъ—189 дес., въ Каньковой пустоши, въ 10 в. отъ монастыря—$91^1/_2$ дес., въ Пуданцовомъ бору, въ 8 в. отъ монастыря -- 92 дес., ва Борковѣ (19 в.) — $45^1/_2$ дес., въ Усть-Путкѣ — ($60^1/_2$ дес., на островѣ Пажи (26 в.) — $55^1/_2$ дес., въ Косухѣ 6 в.)—2 дес., на островѣ Заецкомъ въ половинѣ съ Чолмужскими вотчинниками—17 дес., Семеновщинѣ съ Антоновымъ наволокомъ (15 в.)—11 дес., да въ Тихвиномъ бору (25 в.)—2561 дес., а всего пахатной земли 215 дес., да покосу и лѣсу около 2472 десятинъ. Кромѣ того монастырь владѣетъ богатыми рыбными промыслами въ рѣкахъ Чолмужскаго погоста въ общемъ владѣніи съ казною и съ Чолмужскими вотчинниками, и наконецъ, обладаетъ капиталомъ въ 15700 р. с. При такихъ средствахъ конечно святые отцы живутъ себѣ въ свое удовольствіе и ждутъ себѣ лѣтомъ прихода парохода, а весною захода богомолокъ, которыя очень уважаютъ ихъ угодника и всѣмъ рады служить его служителямъ. «Соловецкимъ то хорошо», говорилъ мнѣ одинъ спасающійся въ Палеостровѣ, — «видимо не видимо къ нимъ валитъ! а каково намъ то смотрѣть, какъ экое добро мимо рта провозятъ»! Да, дѣйствительно положеніе ужасное и хорошо бы сдѣлали судовщики, еслибы положили себѣ за правило давать своимъ пассажиркамъ случай поклониться Палеостровскому угоднику. На островѣ есть пещера, гдѣ долгое время жилъ Корнилій, укрываясь отъ поисковъ туземцевъ, которые видѣли въ немъ богача и искали убить его и поживиться его богатствами; пещера имѣетъ въ объемѣ всего футовъ 100, такъ что въ ней едва можно стоять согнувшись, а когда сядешь, то колѣнями непремѣнно упрешься въ стѣну; въ пещерѣ стоитъ весьма древній крестъ, при-

162

надлежавшій по преданію самому Корнилію, а въ углу валяется изгрызенное бревно, которое, по слухамъ, очень «отъ зубной болѣсти пользительно». И вотъ въ этомъ то монастырѣ вдругъ появляется писатель изъ крестьянъ, который повѣствованіе свое о жизни Палеостровскихъ иноковъ начинаетъ словами: «уне ми въ Сибирь на каторгу идти, ниже поступити въ монастырь сей! О Содомъ и Гоморра, достойнаго преемника снискали есте себѣ»! и т. д. Къ сожалѣнію, досужій писака не съумѣлъ распорядиться со своею рукописью, отдалъ ее кому то по начальству, а послѣднее видно строго придерживается правила не выносить соръ изъ избы и творенію мѣстнаго обличителя суждено гнить въ старомъ хламѣ и сору гдѣ нибудь за печкой, пока не сжалится кто нибудь да не изведетъ обличенія на самодѣльныя цыгарки.

LXX.

Всю ночь стоитъ пароходъ на Палеостровской пристани за туманомъ и за неизвѣданностью дальнѣйшаго пути, а святые отцы тому и рады: посиживаютъ себѣ кто во 2-мъ, а кто въ первомъ классѣ и питаются, какъ духовною, такъ и тѣлесною пищею. По утру, когда туманъ разойдется, пароходъ отчаливаетъ и начинается капитанское мученье: все время пути до Петрозаводска онъ стоитъ на своей вышкѣ и чуть ли не всю дорогу самъ управляетъ рулемъ; малѣйшая ошибка руля—и пароходъ сядетъ на мель Часто деретъ пароходъ килемъ по лудѣ, то и дѣло оставляетъ онъ за собою желтоватый слѣдъ, зацѣпляя со дна песокъ, но все время идетъ полнымъ ходомъ и гордо проходитъ мимо ставшаго недавно не мель «Петрозаводска». Раздаются съ «Петрозаводска» какіе то крики, отчаливаетъ лодка, подъ-

ѣзжаетъ къ намъ; пріѣхавшій на ней шкиперъ, шепчется съ капитаномъ нашимъ, на «Петрозаводскъ» завозятъ два добрыхъ каната и раздается команда: «полный ходъ». Канаты лопаются, «Повѣнецъ» получаетъ за пробу плату и оставляетъ своего собрата стоять на мели и ожидать его новаго прохода для новой пробы и для новой безтолковой пробы. Только осенью уже «Петрозаводскъ» былъ снятъ опять таки же по способу, придуманному отважнымъ капитаномъ Повѣнца, безъ большихъ расходовъ, и общество расщедрилось и отблагодарило этого капитана, который сберегъ ему нѣсколько тысячъ рублей, цѣлыми пятью десятью рублями. Останавливается «Повѣнецъ» у пристани Кижей, но на берегъ я нейду, потому что тамъ, благодаря огромнымъ сборникамъ Рыбникова, Кирѣевскаго и Гильфердинга, дѣлать больше нечего, развѣ только въ пылу этнографическаго восторга расцѣловать сказителя Рябинина, да посмотрѣть на дѣйствительно интересную кижскую церковь съ 28 главами, которая впрочемъ видна издали, да съ парохода, пожалуй, и покрасивѣе еще, нежели вблизи. Но прошли мы Ивановскіе острова и полетѣли по Соломинской губѣ въ виду Петрозаводска. Въ 3 часа Повѣнецъ присталъ къ пристани и снова подскакиваетъ квартальный съ вопросомъ: «а позвольте узнать вашу фамилію», но я уже знаю, что это дѣлается ради моей же собственной пользы, и начинаю благодарить создателя за то, что живу въ такомъ государствѣ. гдѣ полиція до такой степени заботится о благѣ гражданъ; снова вскакиваютъ на пароходъ извощики съ предложеніями услугъ, но я остаюсь безчувственнымъ къ прелестямъ «Палермо» и прямо переселяюсь на «Царицу», которая въ 8 ч. вечера должна отчалить отъ Петрозаводской пристани и встрѣтиться съ «Царемъ» отнюдь не такъ враждебно, какъ

это случилось, да и не на Ладожскомъ озерѣ, а на Вознесенской пристани и притомъ совершенно дружелюбно.

Широка и велика ты Русь и бѣда до какой степени еще ты не извѣдана! Одинъ несчастный уголокъ удалось мнѣ увидать, а интереснаго пришлось насмотрѣться вдосталь. Благодаря необыкновенной любезности мѣстныхъ властей и помощи мѣстныхъ дѣятелей, напр. г. начальника губерніи, секретаря мѣстнаго статистическаго комитета, я конечно видѣлъ много такого, что другому пожалуй при иныхъ условіяхъ и не удастся и потому считаю долгомъ хотя слабо отблагодарить ихъ за помощь, которую они захотѣли оказать мнѣ. Отрадно, что есть таки люди, которые понимаютъ дѣло и облегчаютъ нашему брату развѣдку непочатыхъ угловъ россійскихъ, но тяжелое, страшно тяжелое чувство гнететъ и меня, и всякаго иного изслѣдователя, когда придется сдѣлать общій выводъ поѣздки, подвести, такъ сказать, итоги всему тому, что видѣлъ. Всюду-то русскій человѣкъ—кабальникъ, всюду кто нибудь да ѣздитъ на его выносливой шеѣ; всюду огромныя богатства лежатъ нетронутыми и словно забытыми и никому-то не въ охотку взяться за нихъ! Всюду царствуетъ спячка, апатія, а если и воспрянетъ русскій человѣкъ отъ этой апатіи, то непремѣнно подгадитъ дѣло какимъ нибудь фантастическимъ споромъ о значеніи буквъ на крестѣ или чѣмъ нибудь подобномъ. Все спитъ, все прозябаетъ, а не живетъ. Неужели же не придетъ никогда новый Петръ, въ видѣ царя въ головѣ у русскаго человѣка, не разбудитъ спящее царство и не призоветъ къ жизни прозябающій народъ?